

Модестъ Николаевичъ Богдановъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ
РУССКОЙ ПРИРОДЫ.

ИЗЪ ЖИЗНИ РУССКОЙ ПРИРОДЫ.

ЗООЛОГИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ
и
РАЗСКАЗЫ

М. Н. Богданова,

Профессора С.-Петербургскаго Университета.

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ.

Съ 9-ю рисунками и многими политипажами въ текстѣ, съ портретомъ, біографическимъ очеркомъ и предисловіемъ

Н. П. Вагнера.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева, Невскій просп., № 8.
1901.

Рисунки дозволены цензурою. С.-Петербургъ, 11 ноября 1900 г.

Предисловіе

къ первому изданію.

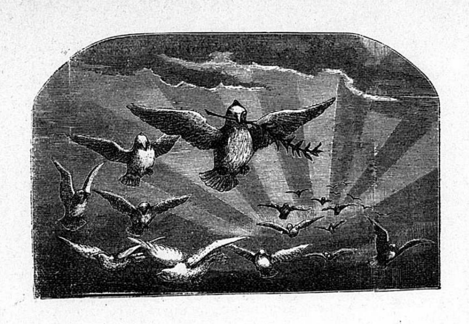
Издавая отдѣльной книгой очерки и разсказы Модеста Николаевича Богданова, мы тѣмъ исполняемъ, съ одной стороны, желаніе покойнаго, талантливаго товарища и друга, а съ другой — надѣемся доставить русской публикѣ и преимущественно русскимъ дѣтямъ — описаніе русской природы и ея обитателей, написанныя съ глубокой любовью и къ дѣтямъ, и къ этой природѣ. Почти въ каждомъ очеркѣ мы видимъ живую, прочувствованную картинку, пережитую авторомъ и переданную съ этимъ живымъ чувствомъ читателю. Въ нѣкоторыхъ очеркахъ (Скворушка, Соловей, въ Лѣсной глуши) онъ, очевидно, не могъ сдержать полноты своего чувства и рѣчь его изъ пѣвучей, восторженной прозы, легко и невольно переходила въ стихи.

Почти всѣ издаваемые разсказы были помѣщены въ журналѣ „Родникъ“ (съ 1872—1888) и только одинъ разсказъ: „Кикимора“ нигдѣ еще не былъ напечатанъ.

Въ заключенiи мы сочли возможнымъ помѣстить еще одно произведенiе М. Н. Богданова. Это отрывокъ изъ „Хивинскаго Дневника“,— помѣщенный въ 1874 г. въ дѣтскомъ сборникѣ „Муравей“. Кромѣ этого отрывка и очерковъ подъ названiемъ „Мiрскiе Захребетники“,— мы даемъ публикѣ все, что было напечатано покойнымъ, внѣ его научной дѣятельности.

Н. Вагнеръ.

Терiоки,
1888 г. Iюля 24-го.

Модестъ Николаевичъ Богдановъ.

(Бiографическiй очеркъ).

Это случилось давно, слишкомъ сорокъ лѣтъ тому назадъ. Въ сельцѣ Каменкѣ, Сызранскаго уѣзда, Симбирской губернiи, раннимъ весеннимъ утромъ маленькiй мальчикъ смотрѣлъ на небо, какъ вьется, летаетъ въ высокомъ, блестящемъ небѣ стайка голубей. Бѣлыя крылья ихъ сверкали серебромъ, свѣтлыми искорками на солнцѣ.—Мальчикъ не могъ оторвать глазъ отъ этого чуднаго фейерверка, отъ этихъ блестокъ, которыя постоянно пестрѣли, вертѣлись, кружились и пролетали, высоко, высоко надъ головой, въ темно-синемъ небѣ.

— Модя! позвалъ его отецъ.—Поди сюда! Я покажу тебѣ мохноногаго голубя-дутыша, какого ты еще не видывалъ.— И Модя скорехонько побѣжалъ на зовъ отца.

Онъ вбѣжалъ въ домъ и увидалъ, что отецъ держалъ красиваго голубя съ бѣлой маленькой головкой, съ большими

черными глазами на выкатѣ,—глазами, обведенными узенькими красными вѣками, и съ чернымъ ошейникомъ на длинной, стройной, бѣлой шейкѣ. Отецъ выпустилъ голубя на столъ. Онъ вытянулся, поднялъ голову кверху, громко закурлыкалъ, и его грудь высоко отдулась, а на ней выпятился, точно пузырь, громадный зобъ.—Модя смотрѣлъ и не вѣрилъ глазамъ, чтобы могли быть такіе красивые и такіе странные голуби!

Прошло нѣсколько лѣтъ. Настала опять весна. Модя въ саду Симбирска. Онъ уже учится въ симбирской гимназіи, но спитъ и видитъ однихъ только птицъ и звѣрковъ, что живутъ въ большихъ садахъ Симбирска. Эти фруктовые сады тянутся на нѣсколько верстъ, по крутому склону, спускающемуся прямо къ Волгѣ. «Это—цѣлые лѣса яблонь грушъ, сливъ, вишенъ, вперемежку съ кустами смородины, крыжовника, барбариса и малины». «Эти сады—настоящій рай для птицелова» *). Подъ осень ихъ сторожа, садовники и владѣльцы переселяются въ городъ, а на мѣсто ихъ являются, на праздникахъ, артели гимназистовъ и бурсаковъ. Между ними идутъ отчаянныя, безконечныя и стародавнія драки. Семинаристы являются въ заброшенные сады, чтобы набить голодное брюхо даровыми яблоками и грушами. Артели гимназистовъ шли въ эти сады для охоты за птицами. Они приносили съ собой капканы, сѣти, силки, понцы. Модя распоряжался охотой и самъ караулилъ птицъ, разставивъ понцы. Разъ въ одинъ день маленькіе охотники поймали почти 350 птицъ, между которыми были 3 черныхъ дрозда и 133 зяблика. И вотъ—неслышно, незамѣтно среди

*) *М. Н. Богдановъ.* Охота въ симбирскихъ садахъ. „Родникъ" 1884 г. Г. XII. 363—64.

этихъ забавъ юности, въ Модѣ развивался будущій охотникъ и натуралистъ. Онъ полюбилъ птицъ. Онъ еще гимназистомъ зналъ ихъ названія, замѣчалъ, какъ живетъ каждая изъ нихъ, зналъ ея нравъ, привычки, повадки. Охоты въ симбирскихъ садахъ укрѣпили его здоровье, сдѣлали его выносливымъ и привычнымъ къ грубой суровой жизни поздней осенью и зимой въ фруктовыхъ садахъ на берегу широкой Волги. Великая русская рѣка стала ему родной и положила первое начало его привязанности къ жизни птицъ и звѣрей широкаго Поволжья.

Быстро бѣгутъ года за годами, и не могутъ они догнать другъ друга—и всѣ уходятъ въ темную даль прошедшаго въ бездонную бездну вѣчности.

Модя превратился въ Модеста. Онъ уже кончилъ курсъ гимназіи и поступилъ въ казанскій университетъ. Онъ слушаетъ утомительно-скучныя лекціи. Онъ изучаетъ анатомію птицъ и звѣрей. Онъ разсматриваетъ ихъ чучела—много чучелъ, которыя стоятъ въ стеклянныхъ шкафахъ, въ зоологическомъ музеѣ университета. Но все это мертвая, не живая природа. А ему хочется жизни, движенія. Его тянетъ туда, гдѣ живетъ вольная птица, на просторъ луговъ, въ тѣнь дубравъ, на лоно прудовъ, рѣкъ и озеръ. Онъ уже много подмѣтилъ изъ этой жизни. Онъ уже знаетъ, какъ на зарѣ токуютъ тетерева-косачи. Онъ уже видѣлъ, какъ прилетаютъ къ нимъ пестрыя нарядныя тетерьки.—Онъ знаетъ, гдѣ онѣ ищутъ корма и зимой и лѣтомъ. Онъ даже знаетъ, какъ тетерьки выводятъ дѣтей и чѣмъ кормятся эти крохотныя, пушистыя дѣтки.

И все, что онъ видѣлъ, подмѣтилъ въ великой книгѣ живой природы, все онъ занесъ въ свою записную книжку—

и все это, послѣ многихъ лѣтъ, соединилъ, свелъ вмѣстѣ, сдѣлалъ выводы и представилъ въ физико-математическій факультетъ казанскаго университета,—представилъ какъ диссертацію на первую ученую степень, на степень кандидата наукъ естественныхъ. И ему дали эту ученую степень.

Быстро бѣгутъ года. Быстро зрѣютъ, складываются наклонности и стремленія человѣка.

Въ 1868 году, нашъ ученый кандидатъ Модестъ Николаевичъ прислалъ на первый съѣздъ русскихъ натуралистовъ свой первый ученый трудъ, который онъ считалъ достойнымъ печати. Это была живая картинка изъ жизни природы—это было наблюденіе надъ образомъ жизни полевого тетерева. Модестъ Николаевичъ изучилъ не только какъ онъ живетъ, но и почему онъ такъ живетъ. Въ темныхъ лѣсахъ и на лѣсныхъ лугахъ онъ не только подсмотрѣлъ жизнь тетерева въ его гнѣздѣ, въ его колыбели, но и прослѣдилъ, какъ онъ растетъ шагъ за шагомъ, съ каждымъ мѣсяцемъ, и чѣмъ онъ питается въ каждый мѣсяцъ круглаго года.

Природа ревниво бережетъ свои тайны. Дикій звѣрь и птица пугливо прячутся отъ глазъ человѣка. Не всѣмъ суждено подсмотрѣть и раскрыть людямъ тайны ихъ жизни. Это дано только тому, кто любитъ природу, кто любитъ и дикаго звѣря, и дикую пугливую птицу.

Съ малыхъ лѣтъ, въ пору юности, въ года молодости, Модестъ Николаевичъ страстно и неустанно слѣдилъ за жизнью природы, и вскорѣ его наблюденіямъ стало тѣсно въ кругу двухъ губерній: Казанской и Симбирской, гдѣ протекли его дѣтство, юность и гдѣ проходила его молодость. Его тянуло на просторъ луговъ и степей широкой русской рѣки, на просторъ волжскаго прибережья.—Онъ уже рискнулъ разъ съ своими товарищами прокатиться по Волгѣ. Онъ видѣлъ антоновскіе и жигулевскіе красивые, гористые берега Волги. Казанское общество натуралистовъ исполнило его завѣтную мечту. Оно послало его изучать страны Поволжья. Онъ ѣдетъ опять съ товарищами, съ друзьями, сперва въ лодкѣ, затѣмъ на пароходѣ. Онъ спускается въ низовья Волги, въ ея устья, въ ея безчисленные проливы, ерики, и здѣсь, на плоскихъ песчаныхъ отмеляхъ, на островкахъ Каспія, Модеста Николаевича, въ первый разъ, поражаетъ шумная, крикливая жизнь безчисленныхъ стай разнородныхъ водяныхъ птицъ. Тучи чаекъ летаютъ надъ нимъ, другія покрываютъ берега, сидятъ вплотную другъ подлѣ друга, на гнѣздахъ, въ вырытыхъ въ песку ямкахъ. Громадные бѣлые пеликаны вытянулись въ рядъ на песчаномъ берегу, какъ бѣлые австрійскіе солдаты, и дремлютъ, пригнувъ свои зубастые клювы-мѣшки къ выпуклой бѣлой груди. Множество черныхъ, длиннокрылыхъ баклановъ съ крикомъ носится въ воздухѣ, плаваетъ въ водѣ. А тамъ, ближе къ степи, стоитъ цѣлое войско красныхъ фламинговъ; стоятъ они на длинныхъ ногахъ, вытянувъ длинныя шеи; а тамъ высоко, въ темно-синемъ сіяющемъ небѣ, летаютъ они же, эти красные гуси, точно красные, распластанные платки.

Быстро летятъ годы и въ ихъ теченіи мужаетъ и крѣпнѣтъ мысль человѣка. Передъ его глазами раскрываются мало-по-малу, ступенька за ступенькою, новые болѣе широкіе горизонты. Отрывочныя наблюденія переходятъ въ обобщенія, въ теоріи и гипотезы, копится матеріалъ для болѣе общихъ выводовъ.

Много ужь этого матеріала набралось у Модеста Николаевича. Онъ изслѣдовалъ жизнь птицъ и звѣрей въ губер-

ніяхъ: Симбирской, Казанской, Саратовской и отчасти Пензенской. Онъ изслѣдовалъ Поволжье. Теперь изъ всего собраннаго онъ построилъ трудное и великое дѣло. Онъ указалъ, какъ расселены звѣри и птицы въ черноземной полосѣ Поволжья. Онъ указалъ, какія почвы и въ какой послѣдовательности залегаютъ въ этой громадной полосѣ. Онъ раздѣлилъ всѣ приволжскія страны на пять областей: на 1) древніе сосновые боры и лиственные лѣса; на 2) черноземныя ковыльныя степи Симбирской и Саратовской губерній, на 3) окраины чернозема, состоящія на сѣверѣ (Казанской губерніи) изъ дубовыхъ и липовыхъ лѣсовъ, а на югѣ (Саратовской губ.)—изъ глинистыхъ ковыльныхъ степей; на 4) еловые лѣса, которые выросли въ Казанской губерніи, на поднявшемся днѣ очень древняго Ледовитаго моря; и, наконецъ, на 5) песчаныя арало-каспійскія степи. Указавъ на эти области, Модестъ Николаевичъ указалъ, какіе птицы и звѣри заселяютъ ихъ, и почему они живутъ въ тѣхъ или другихъ мѣстахъ этихъ областей.

Это былъ первый основной камень въ трудной работѣ составленія зоологической карты Европейской Россіи. Положивъ этотъ первый трудовой камень, Модестъ Николаевичъ положилъ затѣмъ и послѣдній.

Начертивъ зоогеографическія области Поволжья, Модестъ Николаевичъ дѣлаетъ второй гигантскій шагъ на югъ,—туда, гдѣ заканчиваются нѣкоторыя изъ этихъ областей, и гдѣ также залегаютъ черноземныя полосы. Казанское общество натуралистовъ посылаетъ его на Кавказъ. И вотъ передъ Модестомъ Николаевичемъ, въ первый разъ въ его жизни, развернулась южная кавказская природа во всей ея дикой, величавой красотѣ. Онъ съ жадностью рыщетъ въ вѣковыхъ кавказскихъ нагорныхъ лѣсахъ, напоминающихъ—по богатству растительности—лѣса тропиковъ. Тамъ дикая лоза винограда, иногда толщиной въ ногу человѣка, обвиваетъ и душитъ тысячелѣтніе дубы. Плющи гирляндами переплетаются, вьются по деревьямъ и образуютъ непроходимую колючую чащу. Каштаны—перемежаются съ буками и чинарами. Масса дикихъ фруктовыхъ деревьевъ—яблонь, грушъ, сливъ растетъ въ этихъ лѣсахъ. Здѣсь рай для кабана и его недруга, медвѣдя. Въ этихъ лѣсахъ, по уступамъ скалъ и кавказскихъ горъ, Модестъ Николаевичъ ищетъ кавказскаго тетерева, рѣдкую птицу, образъ жизни которой до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ. Верхомъ онъ переѣзжаетъ два раза взадъ и впередъ Тубинскій Перевалъ. Жестокая кавказская лихорадка захватываетъ его въ горахъ; три казака, бывшихъ съ нимъ, везутъ его, еле живого, ослабѣвшаго, въ безпамятствѣ, черезъ горы, бережно поддерживая его на сѣдлѣ. Съ черноморскаго берега онъ переѣхалъ въ Грозную, поправился, но передъ возвращеніемъ въ Россію—страсть къ изслѣдованію природы и къ охотѣ снова вернула къ нему кавказскую лихорадку. Онъ хотѣлъ изслѣдовать дельту Терека и поохотиться на кабановъ. Ночью съ казаками-охотниками онъ засѣлъ на рисовомъ полѣ, и на другой день снова вернулись жестокіе пароксизмы лихорадки.

Изслѣдованіями кавказскихъ птицъ, вышедшими отдѣльной книгой, Модестъ Николаевичъ положилъ новый основной камень для полнаго изученія этихъ животныхъ.

Окрѣпнувъ въ постоянныхъ разъѣздахъ, путешествіяхъ, въ жизни на воздухѣ, среди лѣсовъ и луговъ, получивъ по наслѣдству здоровую, крѣпкую натуру, Модестъ Николаевичъ не боялся тяжестей и лишеній дальнихъ путешествій. Его теперь тянуло на окраины Россіи, туда, гдѣ кончались намѣченныя имъ области, туда, гдѣ онѣ граничили съ дру-

гими областями. Онъ мечталъ о восточныхъ русскихъ песчаныхъ равнинахъ, по которымъ текутъ степныя рѣки Аму-Дарья и Сыръ-Дарья. И мечта его осуществилась.

Въ 1873 г. русскія войска двинулись въ хивинское царство. Главнокомандующій войсками, генералъ Кауфманъ, вызывалъ натуралистовъ для обслѣдованія края, въ который предпринимался трудный походъ. Онъ обратился въ с.-петербургское общество натуралистовъ, и кому-же было отозваться на этотъ зовъ, какъ не Модесту Николаевичу. Что за дѣло, что онъ долженъ будетъ пройти безлюдныя, безводныя, ужасныя степи, что весь отрядъ, отправлявшійся въ походъ, можетъ быть, погибнетъ въ этихъ степяхъ.—Онъ не можетъ не ѣхать. Его влечетъ неудержимо его призванье, жажда знанія, жажда изслѣдованія новаго, таинственнаго. И онъ отправился.

Страшную, тяжелую путину пришлось совершить ему и всему отряду. Онъ прошолъ безводныя степи изъ сыпучихъ песковъ, степи Кизылъ-Кумъ и Джаманъ-Кумъ и, наконецъ, весь отрядъ пришолъ на мѣсто Халъ-Ата. Здѣсь былъ небольшой родникъ. Изъ него набрали воду. Жаръ палилъ днемъ, холодныя ночи смѣняли дневной жаръ. Каждый день, въ 10 часовъ, поднимался страшный вѣтеръ и несъ цѣлыя тучи песку. Сквозь песчаный ураганъ ничего нельзя было видѣть. Песокъ хлесталъ по лицу, по рукамъ, набивался въ ротъ, въ глаза. Войлочныя кибитки (палатки) не могли защитить отъ него бѣдныхъ путниковъ. Прошло нѣсколько дней. Отрядъ двинулся дальше, по степямъ еще болѣе сухимъ, безводнымъ. Проводники, которые вели войско, знали дорогу только до Хала-Ата. Отрядъ зналъ, что онъ идетъ къ Аму-Дарьѣ; но проводники наши не знали къ ней дороги. Сколько верстъ осталось до рѣки? Найдутъ-ли они воду на этомъ пути? Никто не могъ сказать. Одни говорили, что до рѣки только 8—10 верстъ, другіе увѣряли, что до нея осталось еще болѣе ста верстъ. Ближайшая стоянка впереди, на урочищѣ Адамъ-Кирылганъ, не обѣщала ничего добраго. Найдутъ-ли они воду въ этомъ мѣстѣ, или колодцы занесло пескомъ и они посохли? Самое названіе мѣста было зловѣщее—Адамъ-Кирылганъ, по-хивински значитъ «гибель человѣка».

Въ тяжелой неизвѣстности, съ мучительнымъ вопросомъ: «быть или не быть?» выступилъ въ путь передовой отрядъ вечеромъ 28-го апрѣля. На другой день долженъ былъ идти центръ отряда и аріергардъ. Но рано утромъ изъ передоваго отряда привезли четырехъ раненыхъ, офицера, двухъ казаковъ и киргиза,—отряду пришлось отбиваться отъ хивинцевъ. Къ прежнимъ бѣдамъ присоединилась новая!..

29-го апрѣля, въ 3 часа утра, когда было еще темно, заиграла музыка, забили бараны подъемъ, и началась суетня и толкотня въ лагерѣ. Вьючили верблюдовъ, солдаты кричали, бѣгали, бранились. Нѣсколько тысячъ верблюдовъ заглушали страшнымъ, отвратительнымъ ревомъ всѣ другіе крики и шумы, и музыку, и бой барабановъ.

Пройдя 20 верстъ по сыпучему песку, отрядъ остановился и, передохнувъ немного, отправился далѣе. Оказалось, что до Адамъ-Кирылгана оставалось еще 23 версты. Къ вечеру отрядъ снова остановился, и вдругъ среди ночи защелкали выстрѣлы, забили тревогу. Хивинцы сдѣлали ночное нападеніе. Но оно не удалось и было отбито выстрѣлами передовой цѣпи. Отрядъ опять двинулся въ путь и дошолъ до Кирылгана. На этомъ тяжеломъ переходѣ верблюды падали сотнями, а всего погибло ихъ въ этихъ ужасныхъ пескахъ 1,400 годовъ.

На Адамъ-Кирылганѣ нашли воду, хотя немного, но неизвѣстно было, найдутъ-ли ее дальше? Говорили, что неда-

леко должны быть колодцы Алты-Кудукъ. Послали развѣдочную партію. Она вернулась поздней ночью и привезла радостное извѣстіе, что колодцы найдены. Тотчасъ-же былъ поданъ сигналъ къ вьючкѣ и выступленію отряда на эти колодцы.

«Но, увы—говоритъ Модестъ Николаевичъ въ своемъ хивинскомъ дневникѣ,—вьючить многое было не на что—такая масса верблюдовъ погибла на переходѣ съ Адамъ-Кирылгана». Пришлось закопать въ песокъ даже нѣкоторую часть боевыхъ снарядовъ. Большая часть офицеровъ начала жечь свои вещи. Иные жгли даже платье, бѣлье, сапоги, оставаясь съ тѣмъ, что надѣто на себѣ; запылали палатки, кровати, книги и другія вещи; зловѣщая иллюминація освѣщала выступающій отрядъ; пронзительный ревъ и стонъ верблюдовъ, крики погонщиковъ, киргизовъ и солдатиковъ, въ которыхъ слышалась невольная злость и отчаяніе, дополняли грустную и тяжелую картину. До колодцевъ было всего восемь верстъ, но, чтобы пройти эти восемь верстъ, отряду потребовалось девять или десять часовъ времени. Верблюды ложились и падали на каждомъ шагу, оглашая воздухъ ужаснымъ, отчаяннымъ ревомъ, раздражавшимъ и безъ того возбужденные нервы. Наконецъ, перебравшись черезъ крутые бугры, спустились мы въ довольно глубокую глинистую котловину, гдѣ были колодцы. Но, добравшись до колодцевъ, отрядъ встрѣтилъ новую бѣду:—воды въ нихъ оказалось очень немного. Тогда часть отряда пришлось отправлять на Адамъ-Кирылганъ, чтобы запастись тамъ водой. Благодаря этому разумному распоряженію, недостатокъ въ водѣ на Алты-Кудукѣ миновался и «сухая бѣда» на этотъ разъ была устранена».

Еще немного бѣдственныхъ дней оставалось пережить отряду. Онъ подвигался по тѣмъ-же пескамъ неутомимо, впе-

редъ, къ великой степной рѣкѣ. Киргизъ, посланный на развѣдки, привезъ вечеромъ съ этой рѣки свѣжую тростинку зеленаго камыша, и эта тростинка, говоритъ Модестъ Николаевичъ, была для насъ такъ-же дорога, какъ Ною масличная вѣтвь, принесенная голубемъ. Отрядъ ожилъ, повеселѣлъ и бодро отправился дальше.

Снова на него начали нападать хивинскіе всадники; но не смѣли приближаться къ нему и только грозили издали.

Наконецъ, отрядъ дошолъ до холмовъ Учъ-Чучакъ, составлявшихъ какъ-бы порогъ, за которымъ скрывалась Аму-Дарья. На этихъ холмахъ собралось хивинское войско; но его быстро прогнали двумя выстрѣлами картечныхъ гранатъ. Когда-же взобрались на холмы Учъ-Чучакъ, то передъ путниками открылась чудная картина степной рѣки въ 300—400 саженъ ширины, окаймленной роскошной растительностью, своеобразными кустами и деревьями туземныхъ растеній. На поемномъ лугу рѣки путники нашли множество шалашей, сплетенныхъ изъ гибкихъ вѣтвей прирѣчныхъ кустарниковъ. Эти шалаши замѣняли палатки. Это былъ брошенный лагерь хивинцевъ, въ которомъ, вѣроятно, они жили нѣсколько дней, поджидая русское войско. Въ этомъ лагерѣ былъ страшный безпорядокъ. Вездѣ около шалашей валялись забытыя вещи, брошенныя туфли, одежда, халаты, головки луку, зерна сорго и риса; видно, что войско было еще здѣсь назадъ тому нѣсколько часовъ и все побросало и кинулось бѣжать безъ оглядки отъ страшныхъ «урусовъ».

Немного позднѣе Модесту Николаевичу пришлось завязать перестрѣлку съ одной изъ частей этого храбраго войска. Необходимо было перехватить нѣсколько большихъ лодокъ или каюковъ на берегу Аму-Дарьи въ виду лагеря хивинскаго войска. Модестъ Николаевичъ въ это время, вмѣстѣ съ своими спутниками, плылъ по рѣкѣ. Сзади ихъ стояли

наши войска. Модестъ Николаевичъ подплылъ къ хивинцамъ на ружейный выстрѣлъ и началъ перестрѣливаться съ ними. Изъ нашего войска выдвинули пушки, и картечныя гранаты полетѣли въ непріятеля. Онъ вскорѣ бросилъ лагерь и стремглавъ побѣжалъ прочь. Модестъ Николаевичъ и его спутники вышли на берегъ и забрали лодки. То тамъ, то здѣсь валялись трупы убитыхъ хивинцевъ. Нападеніе опять застало ихъ врасплохъ. На берегу стояли котлы, въ которыхъ варился пловъ. Спутники Модеста Николаевича, усталые и голодные, бросились на эту добычу. Подошолъ и Модестъ Николаевичъ къ одному котлу; но пловъ былъ окрашенъ кровью и на масляномъ рисѣ валялся кусокъ мозга какого-то несчастнаго хивинца.

Пришла осень. Экспедиція вернулась со славой изъ похода. Модесту Николаевичу удалось обслѣдовать, насколько возможно было, страну, и онъ издалъ книгу объ этомъ интересномъ, замѣчательномъ краѣ.—Но многое осталось для него неизвѣстнымъ, необслѣдованнымъ; а на слѣдующій годъ снова собралась экспедиція въ тѣ-же восточныя степи, и неутомимый Модестъ Николаевичъ снова ѣдетъ туда, въ числѣ членовъ экспедиціи; правда, теперь одной опасностью было меньше: онъ уже ѣхалъ не въ военномъ отрядѣ, не для завоеванія края—онъ располагалъ свободно своимъ временемъ. И вотъ, для степей арало-каспійскихъ онъ дѣлаетъ то-же, что сдѣлалъ для черноземной полосы Поволжья. Онъ дѣлитъ всю страну на зоогеографическія области и характеризуетъ ихъ разселенными въ нихъ растеніями и животными.

Прошло почти 20 лѣтъ—20 лѣтъ постоянной, неутомимой работы, утомительныхъ путешествій и исканій по русскимъ горамъ, лѣсамъ и степямъ.

Что же руководило и поддерживало постоянно въ эти 20 лѣтъ нашего русскаго неутомимаго зоолога? Поддерживала та-же съ дѣтства неизмѣнная горячая, великая привязанность къ жизни природы. Она человѣку даетъ способность дѣлать великія вещи. И эту свѣтлую, согрѣвающую привязанность къ русской природѣ онъ хотѣлъ передать и русскимъ дѣтямъ. Въ 1873 г. онъ выступилъ съ первой дѣтской статьей «Какъ идетъ жизнь на свѣтѣ» въ дѣтскомъ сборникѣ: «Нашимъ дѣтямъ». Въ 1876 г. онъ напечаталъ отрывокъ изъ своего хивинскаго дневника въ другомъ литературномъ (дѣтскомъ) сборникѣ. Съ 1882 г. онъ постоянно, до конца жизни, работалъ въ «Родникѣ»; онъ помѣщалъ здѣсь талантливые разсказы и очерки изъ жизни природы. Цѣлый рядъ этихъ разсказовъ вышелъ отдѣльной книжкой, подъ названіемъ «*Мірскіе Захребетники*». Въ нихъ онъ знакомилъ своихъ читателей съ тѣмъ живымъ міромъ, который живетъ вокругъ человѣка и сдѣлался его постояннымъ нахлѣбникомъ, помощникомъ или разорителемъ. До послѣдняго дня жизни онъ заботился объ этихъ очеркахъ и разсказахъ, и за нѣсколько дней до смерти еще корректировалъ послѣдній очеркъ «*Глухарь*», который вышелъ въ свѣтъ въ день его смерти.

Любовью къ труду, къ дѣлу—была полна вся такъ рано въ самой порѣ силы и таланта угасшая жизнь Модеста Николаевича. Онъ много зналъ, но еще больше наблюдалъ и видѣлъ. Онъ много работалъ въ музеѣ здѣшней Академіи, въ ея богатыхъ собраніяхъ, но эта самая работа тянула его въ музеи западной Европы. Тамъ онъ разсчитывалъ найти тѣ виды звѣрей и птицъ, знанія которыхъ ему недоставало для полнаго знакомства съ звѣрями и птицами Россіи. Въ особенности притягивалъ его берлинскій музей, гдѣ была собрана богатая коллекція азіятскихъ степей, доставленная туда

его учителемъ, профессоромъ Эверсманомъ. Тянуло также и въ Вѣну, въ ея богатыя коллекціи птицъ.

Въ 1875 году судьба доставила ему возможность осуществить это желаніе. Онъ отправился на казенный счетъ заграницу и цѣлый годъ пробылъ въ музеяхъ Берлина, Штутгарта и Вѣны; онъ вывезъ оттуда мысль о возможности разгадать происхожденіе и сходство нѣкоторыхъ русскихъ птицъ, принадлежащихъ къ семейству сорокопудовъ. Онъ разобралъ ихъ генеалогію и издалъ объ этомъ цѣлую книгу.

Въ началѣ 1875 г. Модестъ Николаевичъ вступилъ въ Петербургскій университетъ приватъ-доцентомъ зоологіи, а въ 1876 г. онъ уже былъ на каѳедрѣ профессоромъ зоологіи. Онъ принесъ въ университетскую аудиторію свою неизмѣнную любовь къ природѣ и къ ея изслѣдованію. Жизнь звѣрей и птицъ, а въ особенности жизнь птицъ со всѣми ея природными условіями раскрылась передъ его молодыми слушателями во всей теплотѣ искренней и глубокой привязанности, и эта привязанность не могла не увлечь жаждущія знанія и жизни сердца. Они жадно ловили горячее, красивое слово профессора и вскорѣ онъ сталъ ихъ любимымъ учителемъ и товарищемъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и съ ними, съ этими молодыми товарищами, полюбившими жизнь природы, М. Н. собрался на дальній сѣверъ, въ Лапландію, на берега Сѣвернаго океана. это было въ 1880 г. Шесть человѣкъ отправилось съ нимъ для изслѣдованія Мурманскаго берега и пустынныхъ тундръ сѣвера. Угрюмая, непріютная, непривѣтливая, но величавая природа встрѣтила тамъ М. Н. Онъ плылъ по Бѣлому морю, по Сѣверному океану. Онъ изучалъ на Мурманскомъ берегу жизнь рыбъ, жизнь трески и китоловный промыселъ; съ богатымъ запасомъ свѣдѣній и наблюденій онъ вернулся въ Петербургъ.

Теперь онъ стоялъ уже на высотѣ изслѣдователя. Почти четверть вѣка, болѣе 25-ти лѣтъ, онъ неутомимо работалъ для русской фауны между извѣстными учеными. Его имя уважалось въ Россіи и за границей и всѣхъ богаче были его свѣдѣнія о русскихъ птицахъ. Множество собственныхъ наблюденій и наблюденій его учениковъ дѣлали его обладателемъ богатаго матеріала, которымъ еще не владѣлъ ни одинъ изъ его предшественниковъ, ученыхъ, занимавшихся русскими птицами. Тогда онъ рѣшился подѣлиться этимъ матеріаломъ со всѣмъ ученымъ міромъ. Онъ пишетъ обширное капитальное сочиненіе о русскихъ птицахъ, подъ названіемъ «Перечень птицъ Россійской Имперіи». Академія наукъ издаетъ первый выпускъ этого классическаго труда. Но этотъ первый выпускъ былъ послѣдней лебединой пѣснью извѣстнаго русскаго зоолога.

Въ слѣдующемъ году здоровье Модеста Николаевича начало разстраиваться. Крѣпкій, здоровый организмъ не вынесъ постоянныхъ трудовъ. тяжелыхъ степныхъ путей и жестокой кавказской лихорадки, которая чаще и чаще стала приходить по знакомому торному пути. Рѣже сталъ являться Модестъ Николаевичъ въ любимой и любившей его аудиторіи, слабѣе, тише и тише раздавался въ ней его когда-то сильный и звучный голосъ. Наконецъ, силы измѣнили, припадки увеличились и петербургскій университетъ отправилъ Модеста Николаевича на югъ, чтобы онъ провелъ зиму въ тепломъ климатѣ.

Доктора совѣтовали ему бросить всѣ умственныя ученыя занятія и ѣхать за границу, въ Италію, но заграничная жизнь была несимпатична русскому сердцу Модеста Николаевича, а отъ трудовъ и изслѣдованій ему такъ же тяжело

было отказаться, какъ отказаться отъ самой жизни. Вѣдь вся жизнь его была одинъ страстный трудъ, постоянно поддерживаемый горячей привязанностью къ жизни природы.

Больной, едва двигавшійся, онъ мечталъ о новыхъ изслѣдованіяхъ Кавказа, мечталъ ѣхать на Ашуръ-Аде, провести зиму на черноморскомъ берегу, мечталъ дополнить то, что было не докончено въ прежнихъ изслѣдованіяхъ. Передъ самымъ отъѣздомъ на Кавказъ, съ упавшими, значительно ослабѣвшими силами, онъ находитъ еще въ себѣ запасъ энергіи для того, чтобы открыть здѣсь, въ Петербургѣ, «русское общество птицеводства». Онъ мечтаетъ улучшить породы и удешевить мясо и яйца русскихъ домашнихъ птицъ; онъ мечтаетъ взять подъ защиту русскихъ дикихъ птицъ, которыхъ безбожно, варварски, милліонами истребляютъ жадные торговцы и отправляютъ ихъ крылья за границу для украшенія дамскимъ нарядовъ. Онъ уѣхалъ на Кавказъ, поправился, окрѣпъ, провелъ зиму въ тепломъ югѣ и возвратился въ Петербургъ осенью въ 1887 г. съ тойже постоянной мечтой о новыхъ трудахъ и работахъ, съ тѣми-же широкими планами изслѣдованія Россіи, и съ тойже охотой и страстнымъ желаніемъ помочь практически русскому народу. Бѣдный! Онъ думалъ, что болѣзнь его кончилась и что онъ быстро окрѣпнетъ.

Въ этомъ, увы! очень скоро пришлось разочароваться, Съ первыми-же лекціями жестокіе припадки снова вернулись и болѣзнь мало-по-малу, не спѣша, затягивала надъ бѣднымъ больнымъ мертвую петлю. Лекціи прекратились. Модестъ Николаевичъ, слабый, задыхающійся, еще крѣпился, не желалъ лечь въ постель. Онъ мечталъ, что выйдетъ въ отставку, уѣдетъ на родину, броситъ лихорадочный, зараженный Петербургъ, будетъ исподволь дѣлать дѣло всей своей жизни, вернется къ своимъ любимымъ птицамъ. Лежа

въ постели, онъ все еще не отрекался отъ этой мечты, и по временамъ, несмотря на тяжелую болѣзнь, вставалъ, одѣвался и ѣхалъ въ засѣданіе Общества птицеводства, котораго онъ былъ президентомъ. Наконецъ, болѣзнь прекратила и эти тяжелые, но отрадные для больного выѣзды. Онъ уже болѣе не поднимался съ постели, но постоянно работалъ, держалъ корректуры своихъ очерковъ для «Родника»; кругомъ него были постоянно любимыя книги, журналъ—«Природа и Охота», англійскіе журналы птицеводства. Онъ мечталъ о небольшой книгѣ для дѣтей,—книгѣ, которая познакомила-бы ихъ съ усовершенствованными породами домашнихъ птицъ. Граверъ дѣлалъ уже рисунки къ этой книгѣ и приносилъ ихъ больному.

Наступилъ мартъ, наступила 47-я весна въ жизни Модеста Николаевича. Снова пробуждалась природа отъ зимняго сна и передъ нимъ встала, какъ живая, та картина весенняго ея воскресенья, которую онъ такъ талантливо набросалъ въ «Родникѣ» *).

Ожила-ли вмѣстѣ съ этой картиной въ памяти Модеста Николаевича картина весны далекаго дѣтства, когда онъ такъ жадно и страстно любовался полетомъ голубей? Теперь, на столикѣ передъ его постелью, стояло чучело красиваго копенгагенскаго голубя, и больной, умирающій, постоянно любовался на него.

Наступило 4-е марта. Всѣ думали, что конецъ жизни Модеста Николаевича придетъ еще не скоро, что онъ переживетъ весну, что ему даже удастся осуществить любимую мечту и вернуться на далекую родину. Судьба судила иначе...

---

*) См. очерки „Глухарь", на стр. 285 этой книги.

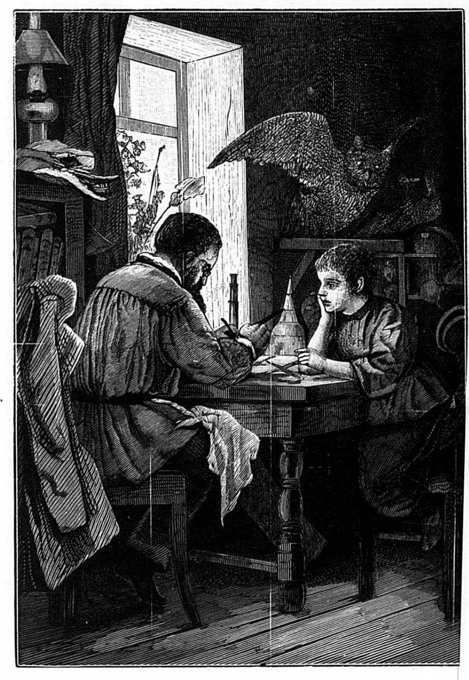
4-е марта, утромъ, у больного открылась новая болѣзнь— выдѣленіе желчныхъ камней. Мучительный припадокъ болѣзни сопровождался жестокими страданіями. Больное сердце ослабѣло, чуть-чуть билось, и когда повторился снова этотъ страшный припадокъ, въ 5-мъ часу, оно не выдержало и перестало биться. Окружающіе думали, что больной еще живъ, что онъ лежитъ въ обморокѣ, а душа его уже улетѣла какъ чистый голубь, въ свѣтлый невѣдомый край.

На лицѣ Модеста Николаевича было столько жизни и покоя, что не вѣрилось, что онъ умеръ. Онъ точно спалъ, спалъ тихимъ, торжественнымъ сномъ. И какъ будто все его лицо всѣмъ говорило: любите жизнь, любите природу, трудитесь, чтобы быть полезными, будьте полезны, чтобы быть любимыми.

На третій день утромъ, 7-го марта, громадная толпа студентовъ вынесли тѣло Модеста Николаевича изъ университетской церкви и всю длинную дорогу, вплоть до Александро-Невской лавры, они, перемѣняясь, несли на своихъ плечахъ и сами опустили въ могилу гробъ ихъ любимаго дорогого профессора.

Н. Вагнеръ.

Дядя и племянникъ.

Какъ идетъ жизнь на свѣтѣ.

(Разсказъ старой мыши).

Разъ въ небольшой свѣтлой комнатѣ деревенскаго домика происходила слѣдующая сцена. За столомъ, заваленнымъ разнымъ хламомъ, въ родѣ скальпелей, пинцетовъ, стеклянныхъ блюдечекъ, микроскопа, разнообразныхъ банокъ и стклянокъ, сидѣлъ довольно пожилой человѣкъ. Казалось, для него не существовало внѣшняго міра, до такой степени поглощенъ онъ былъ своими занятіями. А всего на всего его занимала мышь, которую вскрывалъ онъ и чего-то усердно искалъ въ ея внутренностяхъ. Не его одного поглощала эта работа; рядомъ на стулѣ сидѣлъ мальчикъ и пристально слѣдилъ за тѣмъ, что происходило. Не трудно было прочесть на этой свѣжей, румяной физіономіи живой интересъ къ тому дѣлу, за которымъ слѣдилъ ученый. Что такое, почему и для чего?—Вотъ во-

просы, которые волновали ребенка и отражались на его личикѣ. Нѣсколько разъ открывался его ротикъ, очевидно для того, чтобы заговорить, но мальчикъ съ усиліемъ сжималъ губы и затаивалъ дыханіе, какъ-будто боясь испортить дѣло. Наконецъ, онъ не выдержалъ.

— Какъ же, дядя, ты пачкаешься съ мышью, а говорятъ, что она поганая?

— Мало ли говорятъ вздору, а ты и вѣрь всему. Почему же мышь поганая? Чѣмъ она поганѣе тебя и всѣхъ? отвѣчалъ работавшій, не поднимая головы.

Мальчикъ смутился, очевидно не находя отвѣта.

— Мнѣ няня говорила, началъ онъ, спустя минуту, что мыши гадкія, поганыя твари, что ихъ не слѣдуетъ брать въ руки, что онѣ и созданы на то только, чтобъ все грызть и портить. Вотъ и у тебя вчера мышь проѣла охотничій сапогъ. А на прошлой недѣлѣ подали сливки къ чаю и, какъ стали выливать изъ сливочника—на днѣ была мертвая мышь. Такъ всѣмъ тошно стало. Тетю даже вырвало. А ты еще говоришь, что все въ природѣ цѣлесообразно и законно. Ну, зачѣмъ нужна мышь, когда она все портитъ и доставляетъ однѣ непріятности? закончилъ мальчикъ, видимо довольный тѣмъ, что ему удалось защитить свой вопросъ передъ дядей, интересовавшимъ его по многимъ причинамъ. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ дядя вовсе не похожъ былъ на всѣхъ извѣстныхъ ему людей.

Чуть не каждый день, съ ранняго утра, уходилъ онъ изъ дому съ ружьемъ и собакой и скитался гдѣ-то до глухой ночи; воротясь домой, только и дѣла у него было послѣ отдыха, что возиться съ разными звѣрями, птичками да букашками, которыхъ принесетъ съ охоты. Съ однихъ онъ снималъ шкурки, препарировалъ ихъ и надвязывалъ ярлычки, съ какой-то странной надписью, другихъ рѣзалъ скальпелемъ и ножницами, отрѣзывалъ бритвой чуть видные кусочки отъ различныхъ частей ихъ тѣла, клалъ эти кусочки на стеклышко, долго разсматривалъ въ микроскопъ и иногда срисовывалъ съ нихъ какіе-то уже вовсе непонятные рисунки. Такъ проходило почти все время у дяди. Семейные видѣли его лишь за столомъ во время ѣды и то рѣдко. Всѣ они считали его за чудака, помѣшаннаго на какихъ-то пустякахъ, и не стѣснялись высказывать при каждомъ удобномъ случаѣ, что, повидимому, неглупый человѣкъ, а вмѣсто дѣла занимается такими глупостями, какъ собираніе бабочекъ и т. п.

Дядя оставилъ работу, откинулся на спинку стула и, взглянувъ на мальчика, спросилъ:

— Ну, хорошо, положимъ, что ты правъ и мышь никому не нужна, а намъ съ тобой и подавно. Но на что мы-то съ тобой нужны? Какой прокъ отъ насъ міру?

Мальчикъ молчалъ.

— Да, продолжалъ дядя,—ни ты, ни я, ни мышь, ни какой другой организмъ,—никто нп нуженъ міру. И до насъ, и послѣ насъ земля вертѣлась, будетъ вертѣться около своей оси, какъ вертится теперь съ нами. Вѣчно день будетъ смѣнять ночь. Ни мы

съ тобой, ни мышь, ни муха, ни травы, словомъ никто и ничто не созданы для чьей-бы то ни было нужды; всѣ мы, какъ и все живое, есть результатъ жизни міра, результатъ того движенія матеріи, вызваннаго свѣтомъ и теплотой, которые даютъ земной поверхности лучи солнца. И все живое, что ты видишь кругомъ, живетъ для себя, живетъ для того, чтобы жить. А жить можетъ только тотъ, чей организмъ приспособленъ къ какимъ-нибудь условіямъ жизни. Все уродливое, все слабое при первомъ удобномъ случаѣ гибнетъ и разлагается на части. Первое условіе жизни всякаго организма—необходимость ѣсть, питаться, потому-что самый процессъ жизни есть безостановочный обмѣнъ веществъ. Если ты долго не поливаешь цвѣтокъ, что растетъ въ банкѣ на твоемъ окнѣ, листья его блекнутъ, сморщиваются, повисаютъ. Ты знаешь по опыту, что это ведетъ къ тому, что цвѣтокъ завянетъ, заглохнетъ и погибнетъ. Налей воды въ банку, гдѣ онъ растетъ; посмотри, не пройдетъ и нѣсколькихъ часовъ, какъ его листья снова расправились и зазеленѣли ярче прежняго. Отчего это? Очень просто:—когда земля въ банкѣ высохла, то исчезла, вмѣстѣ съ тѣмъ, для растенія возможность питаться. Нѣсколько времени оно еще жило на счетъ тѣхъ питательныхъ соковъ, которые скопились въ немъ самомъ. Потомъ, запасы истощились и растеніе стало голодать, а затѣмъ, неминуемо, наступила-бы голодная смерть для него. Но вода, которую ты полилъ, быстро растворила нѣкоторыя соли, заклю-

чающіяся въ землѣ. Этотъ растворъ окружилъ корешки растенія. Кончики ихъ начали непроизвольно, конечно, всасывать его. Въ тканяхъ растенія съ новой энергіей возстановилась циркуляція жидкостей. Подъ вліяніемъ стѣнокъ тканей простой растворъ неорганическихъ солей постепенно измѣнялся и рядомъ физико-химическихъ процессовъ превратился въ жидкость, питательную для организма растенія. Клѣтки его быстро поглощали эту жидкость, и снова проснулась угасавшая отъ голода жизнь—растеніе ожило.—Такъ и для тебя и для мыши, и для всякой другой твари для того, чтобъ жить, прежде всего необходимо быть сытымъ. Вотъ почему все живое съ такой энергіей занято отысканіемъ пищи и беретъ ее, гдѣ только можетъ. Понятно, что тотъ, кому легче достается пища, и живетъ лучше, и веселѣе ему на свѣтѣ, и силы у него есть въ запасѣ, которыя онъ можетъ приложить къ любому дѣлу, какое ему по душѣ и по способностямъ. Вотъ тебѣ, напримѣръ, пища вѣдь безъ труда достается, ты никогда не испыталъ голода, оттого всегда и веселый и не знаешь заботъ. Тебѣ, конечно, никогда не приходила мысль: зачѣмъ ты живешь и нуженъ-ли ты кому на свѣтѣ? А если-бы и пришла, то какъ эгоистъ по природѣ, ты отвѣтилъ-бы себѣ: что иначе и быть не можетъ, что тебѣ надо жить потому, что жить весело, и навѣрное придумалъ-бы, что нуженъ кому-нибудь: ну, хоть старой нянькѣ, которая тебя такъ любитъ. Отчего-же ты не допускаешь, что такъ можетъ разсуждать и мышенокъ? Онъ, какъ и ты,

хочетъ жить. Но ему никто не приготовляетъ обѣды, ужины, завтраки и прочее, какъ тебѣ, а ѣсть ему точно также хочется и еще сильнѣе твоего; онъ грызетъ что попадется, не разсуждая о томъ чья это вещь и испортитъ-ли онъ ее,—лишь-бы быть сыту. Заставь голодать тебя и ты точно также воспользуешься первымъ замѣченнымъ кускомъ, не справляясь чей онъ; мало того, украдешь этотъ кусокъ, или силой отнимешь у кого-нибудь. За что-же такъ нападать на мышенка? Вѣдь онъ совершенно законно живетъ и хочетъ жить. Можетъ быть, онъ тебѣ вреденъ въ извѣстныхъ случаяхъ, а развѣ ты, въ свою очередь, не мѣшалъ ему жить, не преслѣдовалъ его? И если-бъ ты могъ подслушать, что говоритъ о тебѣ мышенокъ въ своей семьѣ, то убѣдился-бы въ томъ, что и онъ тебя, въ свою очередь, считаетъ вреднымъ для себя. Называетъ-ли онъ тебя поганымъ—не знаю.—Посмотри, у мыши есть сердце, которое билось, какъ бьется твое теперь; у ней есть точно также желудокъ, кишки, глаза, уши, мозгъ, словомъ всѣ органы, какіе нашлись-бы и у тебя, если-бъ вскрыть. Сравни органы мыши съ рисунками органовъ человѣка. Видишь, все что есть у нея, есть и у насъ, но только не въ точно такой-же формѣ. Слѣдовательно и мышь способна жить и думать, но только эта жизнь идетъ иначе и мышиная дума, конечно, во многомъ не похожа на твою. Впрочемъ, если хочешь, я прочту тебѣ изъ записной книжки разсказъ мыши своимъ мышенятамъ, который я подслушалъ, лежа на диванѣ и записалъ изъ любопытства.

Мальчикъ улыбнулся.

— Полно, дядя, какъ-же это ты подслушалъ разсказъ мышенка? Развѣ мыши могутъ говорить и какъ-же это ты могъ узнать, что такое онѣ говорятъ?

— Кто-же сказалъ, что мыши не говорятъ? Вѣрно опять старая нянька, которая тебѣ насказала, что мыши поганыя, что ни у нихъ, ни у другихъ животныхъ нѣтъ души, а вмѣсто нея паръ.

Ты видѣлъ, что у мыши есть мозгъ, глаза, уши, языкъ. Не разъ слышалъ какъ мыши пищатъ. И не смотря на это, не хочешь допустить, что онѣ могутъ говорить между собою и понимать другъ друга. Да, наконецъ, вотъ смотри на дорожкахъ цвѣтника разсѣлась цѣлая компанія молодыхъ и старыхъ воробьевъ. Они роются, купаются въ пескѣ, прыгаютъ и щебечутъ съ самымъ беззаботнымъ видомъ. Видишь этого стараго воробья, что сидитъ на верхушкѣ куста акаціи; онъ не купается въ пескѣ и не щебечетъ какъ другіе, а смирно сидитъ на одномъ мѣстѣ, молча поглядывая по сторонамъ—это сторожъ всей стаи. Лишь только гдѣ-нибудь, въ виду его, появится ястребъ или другая хищная птица,—старый воробей тотчасъ издаетъ рѣзкій крикъ чрррр, чрррр, и вся стая купавшихся въ пескѣ и скакавшихъ по дорожкамъ воробьевъ смолкаетъ, опрометью бросается и прячется въ самую чащу кустовъ. Старый воробей тоже ныряетъ туда. Ни звука, ни шороха не слыхать въ кустахъ. Что же это? Вѣдь они ястреба не видали. Слѣдовательно, поняли крикъ стараго сторожа, поняли, что имъ угрожаетъ опасность. А развѣ лошади,

собаки, кошки, куры и всѣ тѣ животныя, которыхъ ты видишь каждый день, не понимаютъ крика и голоса другъ друга? Вотъ твоя няня и неправа, потому что она, конечно, не обращала вниманія на то, о чемъ мы сейчасъ говорили. Стало быть нечего толковать, что мыши не могутъ также понимать другъ друга; а какъ я подслушалъ и понялъ разсказъ мышенка—это уже извини, мой секретъ. Впрочемъ, если захочешь, можешь узнать его,—стоитъ только наблюдать и изучать все, что дѣлается кругомъ тебя въ мірѣ животныхъ.

Дядя всталъ, сунулъ разпотрошенную мышь въ банку со спиртомъ, вынулъ изъ стола записную книгу и улегся на диванъ.

— Сначала я объясню, какъ мнѣ пришлось подслушать этотъ разсказъ,—началъ дядя.—Разъ, воротясь съ охоты, я пообѣдалъ и улегся на диванъ отдохнуть. Случайно, на полу, вонъ тамъ, валялся кусочекъ хлѣба, который уронили со стола. Когда убрали приборъ, я остался одинъ въ комнатѣ и наступила тишина. Въ щели показалась мордочка мыши. Быстро моргала она усами и двигала носикомъ, обнюхивая во всѣ стороны. Черные глазки ея такъ и впились въ меня самымъ подозрительнымъ взглядомъ. Я лежалъ неподвижно. Убѣдившись въ кажущейся безопасности, мышь вылѣзла изъ щели и все еще осторожно оглядываясь, направилась къ кусочку хлѣба. Вслѣдъ за ней, изъ щели вылѣзли одинъ за другимъ семь мышатъ, въ половину меньше матери. Быстро подбѣгали они къ кусочку и принимались ѣсть его, какъ говорится, за обѣ щеки. Сначала шло дружно и тихо, но когда кусочекъ сталъ уменьшаться—мышатамъ стало тѣсно. Начались пискъ и драка, такія, что, просто, потѣха, и старой мыши не разъ пришлось щипнуть до того, то другого, чтобъ усмирить пискуновъ. Два мышенка изъ-за крошечной корочки вцѣпились съ такимъ остервенѣніемъ другъ въ друга, что кубаремъ нѣсколько секундъ катались по полу. Кусочекъ былъ съѣденъ до чиста. Компанія разсыпалась по комнатѣ. Мышата шныряли и шарили по всѣмъ угламъ и ѣли все, что попадалось съѣдобнаго. Наконецъ, повидимому, всѣ насытились. Тутъ пошло обычное чищенье мордочки и шкурки. Потомъ они собрались около старой мыши и стали приставать къ ней, чтобъ она разсказала имъ давно обѣщанный разсказъ: о ея путешествіи по свѣту съ ученой цѣлью.

Вотъ что говорила мышь своимъ дѣтямъ:

«Надо вамъ сказать, начала она, что въ это подполье я переселилась недавно; какъ разъ къ тому времени, когда вы должны были появиться на свѣтъ. Я ушла изъ общины, въ которой жила, и ушла потому, что боялась, чтобъ васъ, моихъ крошекъ, не поѣлъ вашъ же собственный отецъ изъ ревности,—это сплошь да рядомъ бываетъ въ нашемъ мышиномъ быту. Я свила въ бутылкѣ то теплое гнѣздышко, куда вы теперь забираетесь спать. Кромѣ насъ, въ подпольѣ нѣтъ ни одной мышиной души. И вамъ, моимъ глупышамъ, тепло и хорошо здѣсь. Но бѣда въ томъ, что вы ростете у меня безъ горя и заботъ;

ѣсть ли захотите, тотчасъ поднимается пискъ и я должна вамъ добывать съѣстное. Охъ, какъ боюсь я за васъ! Много бѣдъ случится съ вами въ жизни. Не одинъ изъ васъ еще поплатится головой за свою неопытность, за то, что смолоду жилось припѣваючи и не знали, не вѣдали вы ни горя, ни страшныхъ враговъ нашего вида. А много ихъ, ой, ой много!

«Не всѣ ростутъ такъ какъ вы, такими недорослями изъ дворянъ.—Вотъ какъ провела я свое дѣтство и молодость. Когда родилась, то жили мы въ хлѣбномъ амбарѣ. Старый баринъ, скряга непомѣрный, годъ за годъ сыпалъ въ этотъ громадный амбаръ хлѣбъ сотнями возовъ. И житье же было тамъ нашему брату, мышамъ! Кошки не ходили туда, потому что скряга-баринъ, вѣчно подозрѣвавшій всѣхъ въ воровствѣ, никакъ не хотѣлъ прорубить въ двери дыру для кошекъ изъ опасенія, чтобы какъ нибудь дворовые людишки не ухитрились добывать хлѣбъ черезъ эту дыру, хотя это, очевидно, было невозможно. Ну, за то онъ и поплачивался хлѣбомъ на нашъ мышиный пай! Но пришелъ конецъ и нашей счастливой жизни—скряга умеръ. Наслѣдники его, порядочные моты, распорядились немедленно продать весь хлѣбъ. Амбаръ опустѣлъ. Управляющій-нѣмецъ, чтобы удовлетворить мотоватыхъ владѣльцевъ, то и дѣло долженъ былъ посылать деньги имъ въ Питеръ. Все, что можно, онъ выпродалъ изъ имѣнья. Наконецъ, пришлось и хлѣбъ продавать на корню. Не забывалъ при этомъ и свои карманы почтенный агрономъ, въ чемъ убѣдилась я послѣ,

побывавъ въ его квартирѣ. Дѣло не въ этомъ, однакоже, а въ концѣ-то концовъ амбаръ нашъ опустѣлъ и хлѣба въ него болѣе не ссыпали. Тогда-то пришлось извѣдать каторжную жизнь. Мы, мыши, съѣли скоро все зерно. Съѣли и шелуху, которой прежде пренебрегали. Съѣли полога и кулье, забытое въ одномъ углу амбара. Голодъ наступалъ съ каждымъ днемъ. Я была тогда еще очень маленькой. Вотъ и вы теперь деретесь безъ нужды изъ-за кусочка хлѣба, деретесь не отъ голода, а просто отъ жадности. Тогда было не то: ожесточенная драка шла день и ночь между голодными мышами, драка на жизнь и смерть изъ-за какой-нибудь мочалки. Трупы заѣденныхъ съѣдались ихъ побѣдителями и, въ свою очередь, давали поводъ къ новымъ дракамъ. Съ нами, слабосильными, маленькими мышатами, большія обходились безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. Мою мать убили еще при насыпкѣ хлѣба изъ амбара и мы, въ восьмеромъ, остались однѣ сиротами. Вскорѣ, во время голода, одного за другимъ, сильныя, большія мыши поѣли моихъ братьевъ и сестеръ, а двоихъ съѣлъ даже самъ отецъ. Я осталась одна въ живыхъ, и то благодаря тому, что была ловка и нашла одну узкую щель, куда пряталась при всякомъ нападеніи большихъ. Наконецъ, такая жизнь, вѣчныя преслѣдованія и голодъ стали невыносимы; я рѣшилась уйти изъ амбара и поискать лучшаго мѣста, лучшей жизни. Да, дѣтки, когда я выбралась изъ темнаго амбара, страшно было мнѣ на первыхъ порахъ. Попала я въ садъ и этотъ садъ былъ для меня невѣдомымъ,

новымъ міромъ. Всякій шорохъ, всякое движеніе, каждая птица, пролетавшая въ вышинѣ, приводили меня въ ужасъ; я или шмыгала подъ ближайшій листокъ, или оставалась на мѣстѣ безъ движенія. Я рѣшилась переждать день и легла подъ старой, наклонившейся травой, и стала наблюдать, что происходитъ кругомъ. Все окружающее казалось мнѣ такъ хорошо. Ничего подобнаго прежде мнѣ не удавалось видѣть. Кругомъ виднѣлась яркая зелень и разнообразные цвѣты; всюду видно было движеніе и жизнь; со всѣхъ сторонъ неслись звуки и голоса, сливавшіеся въ непонятный, но, все-таки, стройный шумъ. Свѣтъ, движеніе и звукъ ослѣпляли и оглушали меня. И жутко, и хорошо было мнѣ. Понемногу я оправилась и стала наблюдать кругомъ. Недалеко росъ кустъ смородины. Въ самой чащѣ его виднѣлось гнѣздышко, въ которомъ сидѣли пять молодыхъ птичекъ. Какая-то важность выражалась въ положеніи ихъ головокъ, покрытыхъ рѣдкимъ пушкомъ съ вздернутыми кверху желтыми носиками. Но въ этой важности скоро обнаружилась положительная глупость и наивность. Какая бы птица ни пролетала мимо гнѣзда, какой бы звѣрекъ ни подбѣжалъ, птички немедленно оживлялись; ихъ желтые носики открывались широко, ихъ горлышко издавало писки,—онѣ просили ѣсть. — «Ѣсть, ѣсть ѣсть!» слышалось въ этихъ звукахъ, выражалось во всей ихъ фигурѣ.— Впрочемъ, было время, когда и вы, дѣтки, ничего другого не знали, и не желали, какъ только пососать сладкаго моего молочка. Вскорѣ подлетѣла къ гнѣзду буренькая птичка съ червячкомъ во рту, сунула его въ открытый клювикъ одного изъ птенцовъ—и снова улетѣла. За ней, слѣдомъ, явилась другая и сунула червячка слѣдующему дѣтенышу. Такъ двѣ бурыя птички, безъ устали, одна за другой, таскали ненасытнымъ птенцамъ червячковъ и букашекъ вплоть до вечера. Наконецъ, стало смеркаться, и кто знаетъ, наступавшая ли темнота угомонила маленькихъ обжоръ, или, въ самомъ дѣлѣ, онѣ наѣлись досыта, только онѣ заснули. Бурая птичка помѣстилась на нихъ и закрыла растопыренными крыльями все семейство; другая—помѣстилась рядомъ на вѣткѣ и... запѣла. Не разъ еще изъ амбара слышала я эту пѣсню, дѣтки, и думала тогда, какъ долженъ быть хорошъ, красивъ и нарядѣнъ, кто такъ чудно поетъ. И что-же оказывается! что эти дивные звуки раздаются изъ горла маленькой бурой птички, которая ни чуть не красивѣе меня. Такъ вотъ въ какомъ платьѣ ходятъ артисты, подумала я, и стала пристально всматриваться въ пѣвца. Онъ пѣлъ, между тѣмъ, съ увлеченіемъ, съ азартомъ; глаза его были закрыты; хвостикъ судорожно вздергивался въ тактъ пѣснѣ, а въ ней, въ этой чудной пѣснѣ, слышалась жизнь, счастье, то счастье, которое мнѣ хотѣлось отыскать—и заслушалась я дивнаго пѣвца. Вдругъ какая-то тѣнь скользнула между вѣтками куста. Раздался отчаянный, отрывистый звукъ—это былъ послѣдній крикъ пѣвца-соловья; и дальше я видѣла его трепещущаго, умирающаго въ когтяхъ кошки. Подруга его, испуганная криками, вспорхнула съ гнѣзда,

но тутъ мелькнула въ воздухѣ другая тѣнь и эта несчастная билась, въ послѣднихъ судорогахъ, въ когтяхъ совы. Горе и ужасъ овладѣли мной; я бросилась стремглавъ отъ куста. Вотъ тебѣ и счастье! Что же будетъ съ прожорливыми, слабыми малютками? думалось мнѣ. Но тутъ голодъ вступилъ въ свои права и надо мной.

«Страхъ скоро прошелъ; наступившая темнота ободрила меня и я пошла бродить по саду. Я пробовала грызть и травы, и кору, но все это было невкусно, горько или остро. Наконецъ, наткнулась на гряды съ клубникой и съ какимъ же удовольствіемъ стала ѣсть сочныя, ароматныя ягодки! Съѣла одну, другую—какъ вдругъ, изъ-за клубничнаго куста показалась мордочка, а потомъ вышла и вся фигура, въ которой я сразу узнала родственницу. Признаюсь, не понутру мнѣ была эта встрѣча. Я по опыту знала, что никого нѣтъ завистливѣе, безцеремоннѣе милыхъ родственниковъ и внутренно прощалась съ вкусными ягодами. Такъ и случилось. Крупная, рыжая родственница, какъ оказалось, была лѣсная мышь,—**Mus sylvaticus** натуралистовъ,—владѣвшая, или, собственно говоря, только по праву силы и ловкости, опустошавшая гряды съ вкусной клубникой. Вскорѣ, мышь замѣтила меня. Ея глаза загорѣлись злымъ огнемъ и въ два прыжка она очутилась возлѣ меня, а ея зубы скользнули по моему затылку. Я однако-же увернулась и безъ оглядки бросилась бѣжать. Всю слѣдующую часть ночи я провела въ страшной тревогѣ подъ корнями како-

го-то дерева. Голодъ мучилъ меня, но я боялась выйти изъ засады. Передъ самымъ утромъ, когда только-что загорѣлась заря, со стороны грядъ съ клубникой раздался пискъ и что-же! Когда я выглянула изъ своего убѣжища, то увидѣла слѣдующую сцену. Какой-то длинный, бурый звѣрекъ, съ желтымъ брюшкомъ и почти безъ ушей, тащилъ во рту ту самую рыжую мышь, которая такъ гадко обошлась со мной. Вотъ къ чему послужила ей сила и злость. Нашелся же звѣрь и сильнѣе и злѣе ея. Это звѣрь, какъ послѣ я узнала, одинъ изъ злѣйшихъ враговъ и губителей нашего мышинаго рода. Зовутъ его *лаской*, и если вы, дѣтки, когда-нибудь прослышите о появленіи этого врага—бѣгите безъ оглядки, бросьте свои жилища и гнѣзда. Гдѣ только поселится ласка, тамъ нѣтъ ходу мышамъ. Всѣхъ до одной передушитъ это ненасытное, неумолимое животное. Я продолжала наблюдать за ней. Ласка съ мышью во рту подбѣжала къ одному старому вязу и затрекотала. Изъ трещины между корнями на этотъ звукъ выскочило пять прехорошенькихъ маленькихъ ласокъ, величиной съ меня. Мать положила мышь передъ ними и звѣрятки бросились на нее съ такой же жадностью, какъ и вы, давеча, на кусочекъ. И у нихъ не обошлось за ѣдой безъ писка и драки. Мать только разнимала драчуновъ и не дотрагивалась сама до мыши.

«А тѣмъ временемъ, изъ-за древеснаго ствола, высунулась косматая мордочка пинчера и сверкающіе глаза его устремились на обѣдавшихъ. Еще ми-

нута—и пинчеръ однимъ прыжкомъ бросился на ласку и схватилъ ее поперекъ. Ласка съ отчаяніемъ впилась ему зубами въ губу. Но напрасно. Пинчеръ встряхнулъ несчастную мать, стиснулъ ее зубами, захрустѣли кости, открылся ротъ бѣднаго животнаго; судорожно подергивались его лапки. Жизнь оставляла тѣло. Бѣдныя сиротки скрылись въ свое гнѣздо подъ корнями, но злой пинчеръ не унялся. Онъ сталъ разнюхивать носомъ и разрывать землю когтями и скоро, добравшись до малютокъ, передушилъ ихъ всѣхъ до одного. Ни жива, ни мертва лежала я подъ листомъ лопуха. А ну, какъ и до меня доберется страшное животное!—Но нѣтъ, онъ бросилъ молодыхъ ласочекъ, подошелъ къ трупу старой, понюхивалъ ее, шевельнулъ лапой и побѣжалъ прочь, понюхивая и поглядывая по сторонамъ. По мѣрѣ того, какъ удалялись шаги пинчера, проходилъ и мой страхъ. Я уже хотѣла выйти изъ-подъ листка и направиться къ грядамъ клубники, какъ сзади раздался ускоренный топотъ—изъ-за кустовъ появилась страшная фигура. Вмѣсто шерсти, звѣрокъ былъ покрытъ длинными иглами, торчавшими во всѣ стороны. Мордочка его была почти голая; черные глаза смотрѣли зло и тупо; черный носикъ гнулся изъ стороны въ сторону, усиленно втягивая въ себя струю воздуха. Это былъ ежъ—тоже злой врагъ нашихъ братій, полевыхъ мышей, какъ довелось мнѣ узнать послѣ. Коротенькія ножки его такъ и семенили. Онъ бѣжалъ порывисто, съ остановками. Запахъ труповъ ласки, ея семьи и недоѣденной

мыши внезапно поразилъ его обоняніе. Онъ остановился, долго водилъ носомъ, наконецъ, побѣжалъ къ мѣсту битвы и съ разбѣга наткнулся на трупъ старой ласки. Въ одну минуту ежъ свернулся въ клубокъ, взъерошилъ иглы и началъ сопѣть. Никто не нарушалъ этого почтеннаго занятія и, немного спустя, ежъ началъ постепенно развертываться. Снова показалась мордочка, снова началъ подергиваться и обнюхивать все носикъ. Затѣмъ, ежъ вполнѣ развернулся. Осторожно обнюхалъ ласку-мать и ея дѣтенышей, увидалъ остатки мыши и съ жадностью съѣлъ ихъ всѣхъ. Куснулъ-было разъ, другой ласку, но должно быть не вкусна показалась—бросилъ ее, побѣжалъ прочь и скоро исчезъ въ травѣ. Я осмотрѣлась кругомъ и поползла между травой и кустами. Пройдя немного, мнѣ встрѣтился вчерашній кустъ смородины и что-же! гнѣздо соловья разорванное и растрепанное лежало на полу. Одинъ соловьёнокъ повисъ шейкой въ развилинѣ вѣтокъ и удавился. Десятка два мухъ усердно клали свои бѣлыя яички ему въ ротъ, глаза и уши. Другой, съ прокушенной головой, лежалъ на землѣ, между корнями и около него сильно хлопотали десятка три жуковъ-могильщиковъ. Они быстро выбрасывали изъ-подъ мертваго соловьенка землю—и трупъ постепенно погружался. Немного погодя, онъ вдругъ провалился въ землю. Оказалось, что трупъ упалъ въ подземную галлерею крота. Могильщики теперь принялись засыпать отверстіе снова землей. Къ концу работы ихъ набралось еще больше. Я спустилась

2

тоже въ галлерею и смотрѣла на работу могильщиковъ. Затѣмъ, когда все было сдѣлано, жуки принялись класть въ глаза, ноздри, росъ, уши и всюду, гдѣ только можно, соловьенку бѣленькія, маленькія яички. Изъ нихъ должны были вывестись личинки могильщиковъ, которыя съѣли-бы мясо и всѣ мягкія части соловьенка и на счетъ этого запаса они развились-бы, выросли, а затѣмъ и превратились-бы въ настоящихъ жуковъ-могильщиковъ; имъ, въ свою очередь, пришлось-бы искать трупъ какого-нибудь животнаго, чтобъ схоронить его и положить свои яички. Но могильщики, такъ усердно работавшіе надъ трупомъ соловьенка, ошиблись въ разсчетѣ. На горе ихъ онъ провалился въ галлерею крота. Скоро появился хозяинъ, — глупое, толстое, неуклюжее животное, съ громадными голыми передними лапами, съ вывернутыми ногами и крохотными глазками. Несмотря на свою неповоротливость, кротъ бросился на жуковъ, быстро сталъ ловить ихъ и ѣсть съ видимымъ удовольствіемъ. Большая часть могильщиковъ попала въ желудокъ этого обжоры. Затѣмъ, онъ принялся за соловьенка и вскорѣ съѣлъ его дочиста и съ яичками жуковъ. Въ это время между мной и кротомъ раздался сильный стукъ въ землю, мелькнуло что-то темное, галлерея осѣла. Я опрометью бросилась вонъ въ одно изъ отверстій галлереи. Выскочивъ оттуда, попала прямо подъ ноги садовнику и, въ нѣсколько прыжковъ, не помня себя, скрылась въ травѣ. Немного погодя, я выглянула изъ травы и что-же—галлерея крота была разрыта

ударами заступа въ нѣсколькихъ мѣстахъ; около того мѣста, гдѣ былъ схороненъ жуками соловьенокъ, лежалъ убитый заступомъ кротъ, а мухи сосали запекшуюся на его шкуркѣ кровь и клали свои яички кроту въ ротъ и въ глаза. Я взглянула подъ него; тамъ уже копошились три жука-могильщика и усердно справляли свое дѣло—похоронъ крота.

«Мнѣ стало грустно и страшно. Вотъ, думала я, въ амбарѣ мыши ѣли другъ друга съ голода, а здѣсь развѣ не то-же? Всѣ ѣдятъ, грызутъ, гонятъ и дерутся одинъ съ другимъ, и съ голода, и безъ нужды. На кустѣ малины пѣла пѣночка.—Скажи мнѣ, обратилась я къ ней, хорошо-ли живется у васъ въ саду?— «Какое тутъ хорошо, запѣла пѣночка, всѣ другъ друга ненавидятъ, грабятъ, гонятъ, бьютъ и ѣдятъ. Вонъ, смотри на сучкѣ липы съ какимъ увлеченіемъ кукуетъ большая сѣрая птица. Это нашъ злѣйшій врагъ—кукушка. Садовникъ говоритъ, что это очень полезная ему птица. Она одна только ѣстъ, изволишь-ли видѣть, мохнатыхъ гусеницъ бабочекъ, которыхъ не ѣдятъ другія птицы. Ну и хороша кукушка садовнику. А мы, мелкія птицы, терпѣть не можемъ этой птицы-тунеядки. Смотри, какъ она тѣшится своимъ кукованьемъ. Это хлыщъ, который всю молодость жилъ на счетъ другихъ, работящихъ честныхъ птицъ. У нея нѣтъ ни роду, ни племени, ни дома, ни семьи. Только и знаетъ, что ѣсть, да куковать. Когда у ея скверной подруги, что заигрываетъ съ ней и хохочетъ такъ неистово, созрѣетъ яйцо, не думай, чтобы она позаботилась о гнѣздѣ, свила его, положила

туда свое яйцо, висидѣла и выкормила свое дѣтище, какъ дѣлаемъ всѣ мы. Нѣтъ, эти дармоѣдки и начинаютъ тогда слѣдить за нами, пѣночками, за соловьемъ, кузнечикомъ, трясогузкой или за какой-бы то ни было маленькой птичкой. Высмотритъ наше гнѣздо, подлетитъ, какъ воровка, когда нѣтъ хозяевъ, снесетъ свое яичко въ гнѣздо, а потомъ—и слѣдъ ея простылъ. Не подозрѣвая случившагося, воротясь съ кормежки, сядешь на гнѣздо и продолжаешь высиживать; приходитъ, наконецъ, срокъ, вылупляется изъ яичекъ дѣтка. То-то намъ забота! Съ какой радостью летаешь, ловишь мухъ, кузнечиковъ, жучковъ, ищешь червячковъ, личинокъ и все тащишь птенчикамъ. А они, какъ подлетишь къ гнѣзду, откроютъ желтые ротики и пищатъ—ѣсть просятъ. Одинъ изъ нихъ, смотришь, особенно голоденъ и жаденъ; не успѣваешь таскать бывало съ женкой кормъ. Тому сунешь, другому по червячку—угомонятся, а обжорѣ-птенчику вдвое больше и все онъ голоденъ. Да и растетъ вдвое скорѣе другихъ. Наконецъ, обжора разрастется такъ, что ему тѣсно уже въ гнѣздѣ. Прилетѣли мы разъ съ жуками, видимъ — одинъ маленькій птенчикъ свалился на землю. Это его вытолкнулъ большой обжора. Прошелъ день, онъ вытолкнулъ и другого. А черезъ нѣсколько времени и остальныхъ. Погоревали мы съ подругой, да дѣлать нечего; продолжаемъ кормить обжору-сынка. А онъ-то матерѣетъ, выросъ уже вдвое больше насъ и перышки на немъ появились, красивыя такія, рыжія съ черными полосками. Ну,

думаемъ, хоть одинъ остался, да хорошъ у насъ птенчикъ. Выкормили мы его, измаялись сами, похудѣли; кожа да кости остались. Выбрался онъ на край гнѣзда, расправилъ крылья и перелетѣлъ на тополь. Сидитъ тамъ и все ѣсть проситъ. Нечего дѣлать—тащимъ ему и туда червячковъ и всякую всячину. Кормили день, другой, а на третій проснулись, хвать—нѣтъ птенчика нашего на тополѣ;—искали-искали, весь садъ облетѣли. Нѣтъ! Пропалъ. А иволга сидитъ на вишнѣ, свищетъ да посмѣивается. Кого, говоритъ, ищете, кого вы выкормили,глупыя пѣночки?—Кого-же? спрашиваемъ.—Вѣдь это, говоритъ, кукушка, подите вонъ полюбуйтесь ею. Нырнули мы сквозь листву въ аллею изъ акацій, куда показала иволга, и что-же—видимъ нашъ красивый птенчикъ ловитъ мохнатыхъ гусеницъ, что люди зовутъ *поповыми собачками*, и ѣстъ ихъ. Тутъ только узнали мы, кого кормили, изъ-за кого погибли наши милые птенчики-пѣночки. Вотъ съ тѣхъ поръ мы терпѣть не можемъ кукушку, да ничего ей сдѣлать не можемъ. Мы-то маленькія, слабыя птицы, а она такая большая, сильная и наглая. Чего тутъ тягаться?! Охъ, какое-бы спасибо сказали тому всѣ птички, кто извелъ-бы эту злодѣйку-дармоѣдку». Такъ плакалась мнѣ пѣночка. Толкуемъ мы это съ ней, а въ это время изъ-за акацій вывернулся ястребъ; мигомъ вкогтился въ растерявшуюся кукушку и потащилъ ее изъ сада, только перышки летѣли вслѣдъ по воздуху. Тутъ-то обрадовалась моя пѣночка, запѣла и захлопала крылышками. А я направилась

изъ сада посмотрѣть, что въ полѣ, не лучше-ли тамъ живутъ.

«Наступила тихая, чудная ночь, когда я пришла въ поле, засѣянное горохомъ. Попробовала я сладкихъ стручковъ, наѣлась и заснула подъ комочкомъ земли. Меня разбудилъ страшный шумъ. Смотрю, недалеко какіе-то два толстыхъ звѣря сидятъ на заднихъ лапахъ другъ противъ друга и визжатъ зло и противно—это были два хомяка. Они встрѣтились на горохѣ и, какъ водится, не могли разойтись по добру, по здорову. У обоихъ за щеками въ мѣшкахъ набито уже много гороху; нѣтъ, видите-ли, нельзя другому то, что мнѣ можно. Зависть и жадность слышались въ ихъ визгѣ. Вдругъ, одинъ быстро провелъ лапками по своимъ щекамъ, выплюнулъ весь горохъ изъ мѣшковъ и съ визгомъ бросился на другого; вцѣпился ему въ шею, повалилъ и началась свалка. Долго боролись хомяки. Наконецъ, одинъ прокусилъ другому горло и загрызъ на смерть. Разорвалъ у убитаго кожу на затылкѣ, прокусилъ черепъ и съ видимымъ удовольствіемъ сталъ ѣсть мозгъ. Мнѣ стало противно и напомнило сцены у насъ въ амбарѣ во время голода. Но тамъ, положимъ, отъ нужды, а здѣсь столько сладкаго гороху и все-таки они дерутся. Нѣтъ, думаю, въ полѣ еще хуже чѣмъ въ саду. Въ это время шагахъ въ двухъ отъ меня показалась большая, большая тѣнь, а потомъ я разглядѣла и самого звѣря — это была лиса. Она осторожно разнюхивала и кралась къ хомяку, кушавшему своего противника. Не успѣлъ обжора опамятоваться, какъ лиса была уже около него. Хомякъ не потерялся. Онъ сѣлъ на заднія лапы, фыркалъ, визжалъ и подпрыгивалъ, стараясь вцѣпиться зубами въ морду лисы. Она, однакоже, увертывалась и ждала удобнаго случая схватить хомяка. На одномъ прыжкѣ онъ запутался въ горохѣ и... въ одну минуту очутился въ зубахъ кумушки. Захрустѣли косточки и скоро отъ каина не осталось и слѣдовъ. Кумушка докончила и другого убитаго имъ и, облизываясь послѣ ужина, отправилась дальше своей легкой, мягкой походкой.

«Я дождалась зари и отправилась на рѣку. Дорогой, на одной межѣ около луговъ, мнѣ попалась навстрѣчу другая родственница, полевая мышь,— **Mus agrarius** ученыхъ, — такая красивая, рыжая, съ чернымъ ремнемъ на спинѣ. Я испугалась, думая, что и эта бросится на меня какъ та лѣсная. Однакоже этого не случилось, потому что въ ту минуту, какъ она увидѣла меня, изъ за-кустика травы мелькнуло что-то длинное, черное, блестящее. Прошелъ моментъ—и я увидала еще ужасную картину. Черная змѣя обвилась раза два, три около тѣла красивой мыши. У несчастной стѣснило дыханіе. Ротъ ея судорожно открывался и ловилъ воздухъ. Кольца змѣинаго тѣла стягивались, пожимались. Ребра мышки такъ и хрустѣли. Предсмертная агонія виднѣлась въ ея глазахъ и въ судорожномъ дрожаніи лапокъ. Наконецъ, движеніе прекратилось. Змѣя понемногу распустила кольца и принялась ослюнивать мертвую. Вытянула ее; схватила въ свою широкую пасть голову мыши и начала ее глотать, втягивать въ себя.

Немного погодя, вся мышь исчезла въ этой страшной пасти, и только вздутая шея змѣи, и судорожныя движенія въ ней указывали, гдѣ трупъ ея. Неодолимый страхъ охватилъ меня и я бросилась бѣжать. Скоро добралась я до лужайки, на которой было нѣсколько земляныхъ кучекъ. Идя лужайкой, я наткнулась на очень любопытную сцену. Изъ одной земляной кучки выползла цѣлая стая, цѣлое войско рыжихъ муравьевъ. Они длинной вереницей побѣжали по лугу. Я стала наблюдать. Оказалось, что это въ самомъ дѣлѣ было войско. Муравьи отправились на войну. Они подошли къ одной земляной кучкѣ. Оттуда тотчасъ-же высыпала цѣлая рать мелкихъ, черныхъ муравьевъ. Завязалась жестокая драка между рыжими и ими. Наконецъ, рыжіе одолѣли и пробрались внутрь земляной кучи. Минуту спустя, они стали понемногу возвращаться оттуда и у каждаго во рту было по небольшому желтовато-бѣлому мѣшечку. Эти мѣшечки были яички черннаго муравья. Рыжіе грабители той-же дорогой потащили мѣшечки къ себѣ домой. Зачѣмъ это имъ, думала я, и пошла за ними. Когда воины подошли съ своей добычей домой, изъ входовъ въ муравейникъ высыпала навстрѣчу имъ цѣлая куча муравьевъ, но только не рыжихъ, а такихъ-же черныхъ, мелкихъ, какъ тѣ, съ которыми они дрались передъ тѣмъ. Это меня озадачило. По счастью, тутъ на лугу расхаживали грачи и одинъ изъ нихъ пояснилъ мнѣ въ чѣмъ дѣло. Штука вся въ томъ, что рыжіе муравьи какими-то судьбами дошли до убѣжденія, что они

аристократы по происхожденію и представители развитой націи, а потому-де имъ вовсе неприлично заниматься черной домашней работой. Руководясь этимъ, они отправились въ сосѣдній муравейникъ черныхъ муравьевъ, которыхъ они считаютъ варварами и плебеями, перегрызли множество ихъ и утащили у нихъ яйца. Изъ этихъ яицъ рыжіе вывели черныхъ муравьевъ, воспитали ихъ по-своему и обратили въ рабовъ, сваливъ на нихъ всю черную работу въ муравейникѣ.

«Я пошла дальше. Спускаясь подъ горку, я встрѣтила чудную картину. Въ широкой долинѣ, поросшей мѣстами густымъ лѣскомъ, прихотливо извивалась свѣтлая, прозрачная рѣка. Множество разныхъ пѣвцовъ-птичекъ пѣло въ кустахъ, прыгало на лугу. Надъ зеркальной поверхностью рѣки взапуски сновали ласточки и стрижи. Тамъ и сямъ въ заводяхъ и колѣнахъ рѣки плавали стаи красивыхъ утокъ. Сѣрая цапля неподвижно стояла у берега на одной ногѣ и что-то пристально смотрѣла въ воду—точно любовалась собой. Изъ камыша выплылъ цѣлый выводокъ утятъ. Утка зорко поглядывала по сторонамъ и тихо крякала. Утята сновали вокругъ ея, запускали головы въ воду и глотали что-то. Дальше, на широкомъ пруду, плавала пара бѣлыхъ какъ снѣгъ лебедей.

«На грязяхъ у береговъ суетились, бѣгали, кричали разные кулички. Все казалось здѣсь такъ хорошо и весело. Вдругъ, въ камышахъ раздался шумъ и плескъ.

«Выскакиваетъ оттуда селезень, а за нимъ въ догонку появилась норка. Селезень хотѣлъ взлетѣть, но поднятыя крылья измѣнили. Онъ нырнулъ въ воду и пропалъ.

«Норка остановилась и начала осматриваться. Селезень не появлялся. Но хищница и не думала, повидимому, о немъ. Ея вниманіе привлекъ выводокъ утятъ.

«Норка притаилась подъ берегомъ. Прошло нѣсколько минутъ; тревога, произведенная ею, стихла, а хитрый звѣрь все лежалъ на одномъ мѣстѣ. Выводокъ между тѣмъ все подвигался вверхъ по рѣкѣ. Утята попискивали и шарили въ водѣ подъ берегомъ. Наконецъ, одинъ изъ нихъ подплылъ какъ разъ къ тому мѣсту, гдѣ лежала норка. Въ мгновеніе прыгнула она прямо на утенка, на лету еще схватила зубами его голову и вмѣстѣ съ добычей скрылась подъ водой. Испуганные утята тоже нырнули въ воду. Растерявшаяся утка съ крикомъ плавала, кружась по рѣкѣ и хлопала крыльями. Норка снова появилась на поверхности съ утенкомъ въ зубахъ и направилась къ берегу. Вытащила утенка и принялась ѣсть. Я подошла къ берегу и смотрѣла внизъ. Въ свѣтлой, прозрачной водѣ плавали стаи крошечныхъ бѣленькихъ рыбокъ. Онѣ втягивали въ ротъ всякую крошку, всякую соринку, плававшую въ водѣ, иногда глотая ее, а чаще случалось выплевывали назадъ. Хоть тутъ, наконецъ, все тихо и смирно, подумала я. Какъ въ это самое время рыбки брызнули свѣтлыми серебряными блестками во всѣ стороны вверхъ и внизъ, одна даже выскочила на берегъ; переполохъ этотъ произошелъ оттого, что изъ глубины откуда-то явилось нѣсколько большихъ рыбокъ и стало гоняться за маленькими, глотая при этомъ безъ пощады каждую, которую удавалось поймать.

«Пока я наблюдала все это, вдругъ, чувствую, кто-то прыгнулъ на меня и схватилъ зубами за ухо, да такъ больно—что страхъ. Я повернула голову и, въ свою очередь, схватила зубами врага и мы сцѣпились. Скоро я улучила минуту, схватила его за горло, да такъ удачно, что онъ сразу упалъ мертвый. И что-же оказывается! Напала на меня кутора-малютка, такая крошка, ну, просто, меньше васъ; взглянуть даже не на что.

— «Эге!—подумала я. Нѣтъ, видно всюду неладно. Куда ни обернись—вездѣ драка и драка. Нехорошо было въ амбарѣ, да тамъ дрались между собой мыши, по крайней мѣрѣ знаешь того, съ кѣмъ дерешься. А тутъ на каждомъ шагу того и жди, что кто-нибудь тебя схватитъ изъ-за угла. Тутъ бойся и большого, и малаго. Нѣтъ, думаю, уже лучше вернусь въ амбаръ; отъ своихъ-то какъ-нибудь отъѣмся. Прихожу домой. Ни души мышиной. Только тамъ и сямъ валяются косточки, да черепа. Ѣсть нечего. Что дѣлать? Пошла черезъ дворъ. Прихожу въ домъ управляющаго и прямо пробралась въ кладовую. Тутъ нашла много нашихъ.—Что, говорю, какъ живется?—Плохо, говорятъ, изъ рукъ вонъ плохо! Нѣмка проклятая ко-

шекъ развела; не проняло насъ это. Она состряпала какой-то порошокъ и насыпала по угламъ. Многія изъ нашихъ вздумали попробовать, что это. Сначала все ѣли, да хвалили. Вотъ, говорятъ, какъ сладко. А потомъ, смотримъ, ихъ начали судороги вести. Повалятся, покорчатся, глаза такъ страшно выпятятся, а потомъ и околѣютъ. Ну, мы и не стали ѣсть порошокъ. Только все-же здѣсь жить неладно. Кошки, да ловушки просто надоѣли. Сколько дѣтей у насъ сгибло и сказать страшно.—Пожила я съ ними и снова вздумалось мнѣ поискать—нѣтъ-ли гдѣ лучшаго уголка. Оттуда я попала на погребъ. Всѣмъ-бы тутъ хорошо было жить—и муки, и масла, и кореньевъ разныхъ вдоволь. А на перекладинахъ подъ потолкомъ цѣлый рядъ вкусныхъ окороковъ былъ. Все-бы ладно было; ѣшь въ волю, и страху нѣтъ. Вдругъ, въ одинъ прекрасный день, пожаловали нежданныя гости—нѣсколько тощихъ, большихъ крысъ. Жадныя, голодныя и наглыя онѣ накинулись на все съѣстное. Не одни окорока потерпѣли отъ злыхъ животныхъ; скоро и намъ отъ нихъ проходу не стало. Гдѣ-бы только ни увидала нашего брата злая крыса, какъ сумасшедшая бросается въ погоню и горе той мыши, которая не успѣетъ шмыгнуть въ щель.

«Тѣмъ временемъ наступилъ срокъ, когда вы должны были явиться въ свѣтъ. Вспомнила я, какъ мыши разсказывали о гибели своихъ дѣтокъ. Вспомнила соловьятъ и ласокъ. Ну, думаю, если и моихъ поѣдятъ здѣсь проклятыя крысы; жалко стало мнѣ

васъ. Я ушла изъ погреба и поселилась здѣсь. Да, дѣтки, много горя и бѣдъ, много враговъ у всякаго въ жизни. Берегитесь и вы, а то какъ разъ сгинете, просто ни за грошъ пропадете. Не уходите главное никогда отъ человѣка: какъ онъ ни страшенъ своими ловушками и порошками, все-таки этотъ глупый звѣрь самый добродушный изъ нашихъ враговъ. Къ тому-же онъ очень богатъ и въ этомъ богатствѣ по закону есть наша мышиная часть.

Въ ту минуту, какъ мышь преподавала дѣтямъ мышиную мудрость, въ комнату вбѣжалъ мой пинчеръ, и замѣтивъ мышей, бросился на честную компанію. Одинъ мышенокъ съ испугу не попалъ въ щель и благодаря этому былъ пойманъ собакой».

Дядя закрылъ книжку и молчалъ. Молчалъ и мальчикъ, очевидно занятый слышаннымъ.

— Отчего-же это все такъ устроено въ мірѣ, что непремѣнно всѣ должны драться, враждовать и преслѣдовать другъ друга?—заговорилъ мальчуганъ.—Неужели нельзя обойтись безъ того?

— Должно быть, что нельзя. И почему тебѣ не нравится эта драка? Вотъ, когда ты познакомишься съ жизнью живого міра, да не по разсказамъ твоей няньки, а въ полѣ, въ лѣсу, на болотѣ,—узнаешь тогда, какую великую роль играетъ въ прогрессѣ этого міра ожесточенный бой, который теперь такъ противенъ тебѣ. Я-бы разсказалъ значеніе этой всемірной драки, но ты еще слишкомъ мало подготовленъ, чтобъ понять это; ты вотъ вѣришь еще,

что въ лѣсахъ есть лѣшіе, а въ рѣкѣ живутъ русалки; не такъ-ли?

Мальчикъ сконфузился и молчалъ.

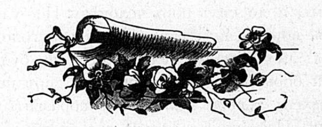
— Ну, да, впрочемъ кое-что разсказать не мѣшаетъ. Представь себѣ, что драки нѣтъ въ мірѣ; для этого необходимо, чтобы не было ни одного хищнаго звѣря, а одни только мирные травоядные, какъ коровы, овцы, мыши и т. д.

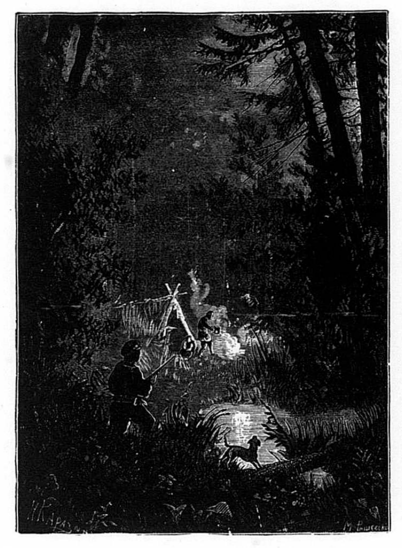
Что было-бы тогда съ міромъ? Ты знаешь, что и корова, и овца каждый годъ приносятъ по дѣтенышу. Сочти, сколько будетъ ихъ черезъ пять, десять лѣтъ, если-бы всѣ они выживали. А это должно быть, если не будутъ губить телятъ и ягнятъ болѣзни и хищники. Я не говорю уже о мышахъ, у которыхъ каждая самка приноситъ въ теченіи года штулъ до 50—60 мышатъ. Нѣтъ, даже и такія малоплодныя животныя, какъ коровы или овцы, вскорѣ размножились-бы до того, что потомство ихъ покрыло-бы всю землю и поѣло всю растительность, и затѣмъ они должны-бы были погибнуть съ голода. Въ концѣ концовъ земля-бы опустѣла. Теперь-же, несмотря на множество самыхъ разнообразныхъ хищниковъ, однако существуютъ и травоядныя,—и природа полна жизнью. Стало быть, та жестокая на взглядъ борьба, которая идетъ въ живомъ мірѣ, не есть зло, а насущная необходимость жизни этого міра. Самая эта борьба есть результатъ жизни, какъ живые организмы есть прямой результатъ этой борьбы.

Странной и глупой кажется, напримѣръ, драка

сытыхъ хомяковъ, драка мышатъ, маленькихъ ласокъ. Но разбери причину и увидишь, что они дрались изъ зависти и жадности. Какъ ни отвратительны эти чувства, но въ своей развитой, облагороженной формѣ они превращаются въ чувство соревнованія. Вотъ, когда ты узнаешь прошлую и современную исторію жизни человѣчества, поймешь какъ много хорошаго и великаго въ этой жизни принесло намъ соревнованіе, какъ возвысило оно человѣка надъ другими животными и сдѣлало его властелиномъ міра. А соревнованіе порождено жадностью и завистью,—чувствами, не чуждыми, впрочемъ, и до сихъ поръ человѣку. Не будь этихъ чувствъ, порожденныхъ первоначально голодомъ, и человѣкъ не былъ-бы человѣкомъ, не будь этой великой борьбы за существованіе и міръ не былъ-бы населенъ теперь такими высокоразвитыми животными. Потому что только эта борьба обусловливаетъ постепенное физическое и умственнсе развитіе животныхъ. Она уноситъ все слабое, уродливое и глупое и допускаетъ жить только сильное, здоровое и умное. Чѣмъ горячѣе, энергичнѣе идетъ борьба, чѣмъ больше уноситъ она жертвъ, тѣмъ лучше,—потому что выживаютъ лишь испытанные бойцы. А тамъ, гдѣ стихаетъ борьба, тамъ—наступаетъ покой, сонъ и смерть. Для того, чтобы остаться въ живыхъ, всякое животное должно стремиться: во-первыхъ, добыть пищу, а во-вторыхъ, оградить себя отъ враговъ. Чѣмъ лучше развиты его органы, чѣмъ сильнѣе оно физически и умствен-

но, тѣмъ легче оно достигаетъ этой двойной цѣли. А умнѣе и сильнѣе дѣлаетъ его упражненіе органовъ движенія и чувствъ. Надо работать и думать, а не спать и наслаждаться покоемъ, воображая, что все создано въ мірѣ исключительно для твоей пользы.—Заболтались однако мы съ тобой; вотъ и вечеръ наступилъ; пойдемъ-ка лучше въ лѣсъ лѣшихъ ловить—закончилъ дядя.

Лѣшій.

Лѣшій.

Скажите мнѣ, слыхали-ли вы про лѣшаго? Про того самаго, который живетъ въ дремучемъ лѣсу и, отъ нечего дѣлать, глумится надъ запоздалымъ путникомъ: то загогочетъ въ лѣсной трущобѣ, такъ что мурашки по спинѣ пробѣгутъ, то застонетъ, какъ человѣкъ, то ухнетъ надъ самымъ ухомъ? Всѣми этими продѣлками, го-

рятъ, лѣщій сбиваетъ прохожихъ съ дороги и заводитъ въ такую глушь, что едва выберешься оттуда. А все изъ проказъ; все только для шутки. Зла лѣшій никому не дѣлаетъ. Это не то, что водяной или русалка; эти норовятъ, какъ-бы заманить человѣка въ воду, да туда, гдѣ глубже, гдѣ пучина крутитъ и тянетъ ко дну. Нѣтъ, лѣшій только озорникъ, а въ сущности добрый малый. Но какимъ страшнымъ представляетъ его народное повѣрье! Какъ боятся его суевѣрные люди!

Когда я былъ маленькій, ходила за мной няня Будара, старая, но добрая ворчунья. И балуетъ, бывало, а сама все ворчитъ. Она-то мнѣ и разсказала про лѣшихъ, про домовыхъ, про русалокъ, про змѣй огненныхъ, оборотней и т. п. Бывало, уложитъ спать рано, рано. Спать не хочется, вертишься, возишься въ постелькѣ, все думаешь, какъ-бы это завтра на лодкѣ покататься, въ лѣсъ сбѣгать, галчатъ достать на чердакѣ, верхомъ на буланкѣ проѣхаться.

— И что это, батюшки мои, все-то онъ возится! Люди спятъ давно, а на него угомону нѣтъ, заворчитъ, бывало, няня.—Вотъ, дай срокъ, лѣшій придетъ да попужаетъ хорошенько, тогда уснешь ты у меня, озорникъ. День-деньской бѣгаетъ, а ночью ему покоя нѣтъ. Что это такое?

Только того и нужно было. Сейчасъ изъ кроватки вонъ, къ нянѣ на колѣни.

— Няня, милая, разскажи про лѣшаго. Сейчасъ усну и возиться не буду.

Долго не сдается, ворчитъ, старая; но прилас-

каешься къ ней, надоѣшь, ну, и разскажетъ, какъ лѣшій кружилъ въ лѣсу какого-нибудь мужика.

— Шелъ кумъ Прохоръ съ кстинъ *) домой. Идетъ онъ лѣсомъ и чудится ему что-то недоброе. Дѣло было къ вечеру. Нѣтъ, нѣтъ—аукнетъ кто-то. То сосны начнутъ ему кивать, не то вѣткой по шапкѣ хлеснетъ. Сотворитъ Прохоръ молитву, ну, ничего—все стихнетъ; а потомъ опять, какъ крикнетъ въ сторонѣ нечеловѣчьимъ голосомъ, такъ у кума-то—самъ сказывалъ—ноги и подкосятся. Только видитъ кумъ изъ лѣсу человѣкъ вышелъ на дорогу и къ нему идетъ, ближе и ближе. Смотритъ, какъ есть человѣкъ, въ чапанѣ **), въ лаптяхъ.

— Здорово, говоритъ, добрый человѣкъ, куда путь держишь?

У Прохора на сердцѣ полегчало и страхъ куда дѣвался. Ну, думаетъ, хоть живой человѣкъ попался.

— Да былъ, говоритъ Прохоръ-то ему,—я у свата Еремы на кстинахъ; маленечко бражки попили, вотъ и запоздалъ; а въ лѣсу-то этомъ впервые. Сватъ сбилъ: ты иди, говоритъ, лѣсомъ; много прямѣе до Прасковьина.

— А я, отвѣчаетъ прохожій,—иду въ Иваньково; лѣсъ этотъ скрозь знаю; мы тутъ дрова рубили; пойдемъ вмѣстѣ.

Прохоръ и радъ тому случаю. Идутъ они. Прохожій впереди, Прохоръ за нимъ. Идутъ часъ, дру-

*) Такъ простой народъ выговариваетъ „крестины".
**) Кафтанъ.

гой; стемнѣло совсѣмъ, хоть глазъ выколи. Прохожій и думушки не думаетъ, идетъ тропинкой, какъ-будто днемъ. Прохоръ только лаптями шлепаетъ. Шли, шли такъ они, только Прохоръ чуетъ, что у него ноги ужь заплетаться стали; усталъ, значитъ; а прохожій, знай себѣ, махаетъ!

Вотъ и чудится Прохору, что тотъ все шагъ прибавляетъ. Смотритъ — и ноги-то у прохожаго словно длиннѣе дѣлаются, и самъ онъ все ростетъ кверху, чуть съ соснами не ровняется. Вдругъ, какъ обернется прохожій, да какъ загогочетъ. Даже лѣсъ вздрогнулъ. А образина-то страшная, престрашная; волосы на головѣ копромъ стоятъ, что твоя сосна кудрявая. Глаза косые, врозь глядятъ и какъ уголья свѣтятся. А ротъ совсѣмъ на сторону скривило. Какъ увидалъ это его Прохоръ-то, такъ безъ памяти и упалъ, упалъ и лежитъ недвижимъ. Долго такъ лежалъ онъ, Только все стихло. Поднялся кумъ полегоньку, видитъ—чаща густая-прегустая кругомъ; а солнышко уже съ обѣда свернуло. Ни прохожаго, ни тропинки нѣтъ. Куда идти—и самъ не знаетъ. Еле, еле къ вечеру выбрался Прохоръ изъ лѣсу и вышелъ-то какъ-разъ къ той самой деревнѣ, изъ которой пошелъ. Вотъ онъ каковъ лѣшій-то, заключила няня;—съ нимъ шутить нельзя. Ну, ложись, спи теперь; не то лѣшій придетъ; чу, какъ онъ въ лѣсу завываетъ!

Струсишь, бывало; а ну, какъ лѣшій и въ самомъ дѣлѣ придетъ? Юркнешь въ постель, спрячешься подъ одѣяломъ и уснешь со страху.

Много такихъ разсказовъ слышалъ я отъ Будары, и, благодаря имъ, сталъ трусишкой на славу. Бывало, темной комнатой страшно пройти. Такъ и кажется, что вотъ-вотъ какой-нибудь домовой сзади схватитъ.—Время шло своимъ чередомъ; разстался я съ няней Бударой; выросъ, учиться сталъ; а трусость моя долго не проходила. Запали мнѣ въ голову нянины разсказы и не могли разрушить мою вѣру въ лѣшихъ и домовыхъ даже насмѣшки товарищей, пока не пришлось повстрѣчаться съ этими лѣшими, жителями лѣсовъ, хозяевами ночи. На первый разъ разскажу, какъ я съ лѣшимъ знакомство свелъ.

Когда я перешелъ въ четвертый классъ гимназіи и пріѣхалъ на лѣто къ отцу, онъ приготовилъ мнѣ подарокъ, какого я не ожидалъ. Это было одноствольное ружье со всѣми принадлежностями.

— Вотъ тебѣ,—сказалъ отецъ,—за то, что хорошо учился. Завтра пойдемъ на охоту; возьми себѣ еще Пиратку. Пора тебѣ охотникомъ стать.

Радости моей не было границъ. Надо сказать, что это были мои завѣтныя мечты. Лѣтъ съ семи я началъ ходить съ отцомъ на охоту, но стрѣлять мнѣ не дозволялось; даже ружья въ руки не давали. Радъ, бывало, и тому, что таскалъ дичь, убитую отцомъ. Обвѣшанный тетеревами, куропатками и т. п. дичью, съ торжествомъ возвращался я съ отцомъ домой; а въ счастливые дни, за пазухой въ моей рубашкѣ приносилась съ охоты всякая живность: утята, пойманные собакою, тетеревята,

крохотныя куропаточки, подстрѣленныя старыя птицы.

Все это немедленно поступало въ звѣринецъ, т. е. въ дѣтскую комнату, изображавшую, въ то-же время, зоологическій садъ. Тутъ съ моимъ пріѣздомъ закипала жизнь. Клѣтки съ птицами, привезенныя съ собой изъ города, висѣли по всѣмъ окнамъ. Разные самодѣльные садки и ящики занимали всѣ уголки комнаты. Съ моими пріятелями, деревенскими мальчуганами, я рыскалъ цѣлые дни по сосѣднимъ лугамъ, болотамъ и лѣсамъ. Мы собирали птичьи яица, вынимали изъ гнѣздъ разныхъ птичекъ, выкапывали изъ норокъ звѣрковъ; все это водворялось въ звѣринцѣ. Много ихъ гибло у меня, но за то не мало звѣрятъ и птицъ удавалось выростить и приручить; и какіе они славные, веселые да занятные были!

А сколько мнѣ доставалось за мой звѣринецъ отъ матери; сколько она ссорилась изъ-за этого съ отцомъ, который потворствовалъ моимъ затѣямъ; сколько разъ со слезами приходилось переносить мое заведеніе на чердакъ и въ чуланчики, чтобы спасти своихъ любимцевъ отъ ея гнѣва. Наконецъ, мать, видя, что ни что не помогаетъ, махнула рукой. Тутъ-то и началась моя масляница; но объ этихъ дѣлахъ разскажу лучше въ другой разъ. А теперь вернемся къ лѣшему.

Какъ только попалось мнѣ въ руки ружье, я, просто, какъ говорится, ошалѣлъ отъ радости. Сначала отецъ не позволялъ мнѣ охотиться въ одиночку, боясь, что я самъ застрѣлюсь или подстрѣлю кого-нибудь отъ неумѣнья обращаться съ ружьемъ. Но потомъ боязнь его прошла и я сталъ цѣлые дни проводить на охотѣ. Бывало, соберутся со мной нѣсколько деревенскихъ пріятелей-мальчугановъ, пойдемъ гурьбой на болото и Пиратка съ нами; залѣземъ съ нимъ въ осоку, въ тростникъ и начнется у насъ такая пальба по утятамъ, что небу жарко. Дичи тогда было много кругомъ нашего села, и хотя плохо я стрѣлялъ, но всякими правдами и неправдами все-же приносилъ домой то крякву, то чирка; а иной разъ, при счастьи, зашибешь и зайца. Не видалъ, какъ пролетѣло мое первое охотничье лѣто и снова очутился я въ гимназіи.

Миновала скучная зима, прошла весна, сданы экзамены и вотъ я въ деревнѣ, опять въ своемъ любезномъ звѣринцѣ, сильно опустошенномъ за зиму: то съѣла кошка, другое погибло отъ голода и болѣзни, третье задавила собака и т. д. Надо было ловить и выкапывать снова. Между тѣмъ, мои сподвижники подросли настолько, что могли приняться за работу; а лѣтомъ въ бѣдномъ крестьянскомъ быту всякій жукленокъ дорогъ. Гулять некогда. Только и собирались они около меня по праздникамъ; остальное-же время я одинъ бродилъ по лѣсамъ. Давно я поглядывалъ на мордовскій боръ, начинавшійся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нашего села. Боръ этотъ тянулся по тремъ уѣздамъ, верстъ на двѣсти въ длину. Много, говорятъ, тамъ

водилось звѣрья и птицы. Сильно манило меня туда, но все какъ-то боязно было одному. Наконецъ, собрался я туда съ своимъ неизмѣннымъ Пираткой. Около полудня, позавтракавъ, пустились мы въ путь. Вотъ и опушка завѣтнаго бора. Тутъ мы присѣли, закусили и отдохнули съ моимъ добрымъ псомъ. Затѣмъ, обдумалъ я планъ похода и рѣшилъ держаться на первый разъ опушки, не вдаваясь глубоко въ лѣсъ, изъ боязни заплутаться; но случилось иначе, какъ это сплошь да рядомъ бываетъ на охотѣ. Пройдя съ версту вдоль опушки, нашелъ Пиратка выводокъ тетеревовъ. Старая тетеря взлетѣла, я выстрѣлилъ и думалъ, что попалъ въ нее. Плутовка притворилась. Она летѣла надъ самой землей потихоньку и, видимо, падала. Пиратка бросился за нею, я также. Тетеря, наконецъ, сѣла. Пиратка къ ней; не тутъ-то было; она снова полетѣла дальше, въ глубь лѣса. Мы за ней. Нѣсколько разъ садилась тетеря, и какъ только Пиратка хотѣлъ схватить ее, она улетала дальше. Наконецъ, взлетѣла выше и, какъ ни въ чемъ не бывало, уже настоящимъ, быстрымъ полетомъ исчезла въ чащѣ. Досада была страшная. Пиратка носился, какъ угорѣлый, отыскивая улетѣвшую птицу. Но ее и слѣдъ простылъ. Я окончательно выбился изъ силъ; во рту пересохло, ноги подкашивались; идти дальше не было возможности. Раздосадованный неудачей, прилегъ я въ тѣни дуба. Минутъ черезъ десять, явился Пиратка, усталый не хуже меня. Солнце уже спустилось довольно низко. Лѣсъ постепен-

но оживалъ послѣ жара; на полянкѣ, около которой я сидѣлъ, засновали мелкія птички. Застучали по деревьямъ дятлы. Тамъ и сямъ раздавалось кукованье кукушки. Въ кустахъ, по опушкѣ поляны, пѣли пѣночки, сорокопуты, мухоловки. По верхушкамъ сосенъ перелетали коньки, зяблики. Веселыя мухоловки вытанцовывали въ воздухѣ, гоняясь за мухами. Въ листвѣ стараго дуба, надъ моей головой, насвистывала иволга. Разнообразіе птичьихъ голосовъ и движеніе птицъ усиливалось на опушкѣ съ каждой минутой. Я нѣсколько засмотрѣлся на новую картину, какъ вдругъ все смолкло, словно по командѣ. Съ дальняго конца полянки, изъ-за развѣсистой березы, показался ястребъ-перепелятникъ. Не высоко надъ землей, тихимъ, крадущимся полетомъ, какъ воръ, скрываясь за зеленой листвой деревъ, летѣлъ онъ вдоль опушки. Зорко высматривали его большіе желтые глаза. Увы! предупрежденныя крикомъ дрозда, птички попрятались уже въ густую листву. Глубокая тишина царствовала на полянѣ. Разбойникъ, однако, продолжалъ свои поиски. Вотъ онъ пріостановился на полетѣ, повернулъ на поляну, еще разъ пріостановился, потомъ быстро, какъ стрѣла, кинулся въ густую траву и сѣлъ тамъ. Черезъ минуту, хищникъ поднялся тяжелымъ полетомъ и полетѣлъ въ лѣсную чащу: въ когтяхъ его билась перепелка. Только что исчезъ ястребъ за деревьями, только что на опушку появились снова разныя птички, какъ въ противуположномъ концѣ поляны выпрыгнулъ изъ чащи заяцъ.

Сдѣлавъ два, три прыжка, косой сѣлъ, вытянулся и насторожилъ уши. Потомъ сдѣлалъ еще нѣсколько скачковъ и сѣлъ опять, прислушиваясь и обнюхивая воздухъ. Я взвелъ курокъ у ружья и ждалъ. Пиратка, завидѣвъ зайца, едва сидѣлъ на мѣстѣ; зубы его стучали, какъ въ лихорадкѣ. Убѣдившись въ кажущейся безопасности, косой мелкими прыжками направился прямо ко мнѣ и сѣлъ въ шагахъ пятнадцати; я выстрѣлилъ и онъ свалился, какъ снопъ. Пиратка бросился и принесъ мнѣ его. Довольный удачей, я повѣсилъ его себѣ черезъ плечо, зарядилъ ружье и тронулся въ путь. Въ полной увѣренности, что опушка лѣса близко, я пошелъ напрямки, правѣе поляны. Пробираясь чащей, переходя полянки, мнѣ казалось, что иду тѣми самыми мѣстами, какими вела насъ тетеря. Но вскорѣ явилось и сомнѣніе. Вотъ уже полчаса иду, а опушки нѣтъ. Глубокія тѣни стали ложиться въ лѣсу, а я иду чащей безъ конца. Нѣтъ, не туда зашелъ. Тамъ не было такого высокаго лѣсу; я нигдѣ не проходилъ этимъ папоротникомъ, не перелѣзалъ черезъ такую толстую валежину. Сомнѣнія росли и страхъ заплутаться въ лѣсу всталъ передъ мной. Я остановился въ раздумьи: куда повернуть? Мнѣ показалось, что я очень уклонился влѣво, слѣдовательно, надо взять правѣе. Иду снова. Опять чащу смѣняютъ полянки, за ними снова чаща. Страхъ заплутаться ростетъ съ каждой минутой и я ускоряю шаги. Но все напрасно. Солнце сѣло, загорѣлась вечерняя зорька; вотъ и сумерки спускаются

надъ лѣсомъ, а впереди та-же чаща. Вѣтки хлещутъ въ лицо, ноги задѣваютъ за пни и корни. Смолкли дневные пѣвцы; только издалека слышенъ голосъ кукушки. А я все иду. Чувствую, какъ устаютъ мои ноги. Хоть-бы минуту отдохнуть. Нѣтъ. Страхъ и отчаяніе гонятъ впередъ и я иду. Вотъ что-то мелькнуло впереди. Какая радость охватила меня! Наконецъ-то, желанный край лѣса. Ноги сами собой ускоряютъ шаги. Вотъ я и на опушкѣ... О, ужасъ, опять поляна! Между тѣмъ, заря потухаетъ. Какъ ночныя тѣни, засновали надъ поляной летучія мыши; мелькнулъ полуночникъ и вскрикнулъ надъ самой головой. Порхнулъ вальдшнепъ вдали и тихо, мѣрно протянулъ надо мной. Я до того былъ разстроенъ, что даже не выстрѣлилъ въ него. Силы рѣшительно покинули меня, и я опустился тутъ-же на лужайку. Что дѣлать? Куда идти? Не ночевать-же тутъ? Пришли на память разсказы о лѣшихъ и страхъ овладѣлъ всѣмъ моимъ существомъ. Я вскочилъ и пошелъ ускореннымъ, торопливымъ шагомъ. Заяцъ оттянулъ все плечо мнѣ, такъ-что я, наконецъ, бросилъ его; бросилъ и снова пустился въ путь, нѣсколько облегченный. Куда шелъ—и самъ не зналъ. Я сознавалъ только, что надо идти, и шелъ, шелъ. Стемнѣло совсѣмъ, а я все шелъ. Ноги заплетались, задѣвали за пеньки, я падалъ нѣсколько разъ, поднимался и опять шелъ. Вдали раздался глухой, неясный гулъ. Ночные призраки мелькали межь деревьями. Лѣсъ оживился какими-то новыми невѣдомыми звуками. То хохотъ

раздастся гдѣ-то близко, близко, то аукнетъ кто-то, то промчится съ быстротою птицы какая-то тѣнь и холодомъ пахнетъ въ лицо; то вдругъ застонетъ сзади. Бѣда да и только! Я шелъ, не слыша земли подъ собой. Какія-то искры мелькали между деревьями, или шепотъ раздавался въ вершинахъ осинъ. Вдругъ, Пиратка, бѣжавшій впереди, заворчалъ и бросился ко мнѣ; я чуть не упалъ черезъ него и остановился въ испугѣ. Я чувствовалъ, какъ волосы мои встаютъ дыбомъ; холодный потъ выступилъ на лбу; по спинѣ забѣгали мурашки. Собака прижалась ко мнѣ и ворчала вполголоса. Руки тряслись, какъ въ лихорадкѣ, но кое-какъ я взвелъ курокъ, и это немного ободрило меня. Что-то зашуршало впереди, потомъ все смолкло. Я стоялъ не смѣя пошевелиться. Въ это самое время, вдали раздался голосъ—глухой, неясный; сначала я принялъ его за человѣческій и, обрадовавшись, какъ сумасшедшій бросился въ ту сторону. Началъ накрапывать дождь. Я не шелъ, бѣжалъ; но голосъ смолкъ и снова все тихо въ лѣсу. Ни звука, ни шелеста. Только крупныя дождевыя капли стучатъ по листьямъ. Чу! снова голосъ, да не одинъ—два, три, цѣлый десятокъ. О, какая ужасная музыка! Я всталъ, какъ пень, не зная, что дѣлать. Морозъ подиралъ по кожѣ отъ страшныхъ звуковъ. Пиратка прижался у моихъ ногъ; и его била лихорадка. Ясно было, что это стая волковъ. Я совсѣмъ растерялся. А вотъ и еще бѣда. Сразу, какъ изъ ведра, хлынулъ дождь; молнія освѣтила

окрестность; передо-мной было болото; страшный раскатъ грома раздался по лѣсу. Не обращая вниманія на дождь и грозу, я бросился бѣгомъ въ болото, увязъ было въ грязи, наконецъ, добрался до воды и, вмѣстѣ съ Пираткой, съ жадностью сталъ пить вонючую, скверную воду. Волки, тѣмъ временемъ, смолкли; а дождь все усиливался; молнія, то и дѣло, освѣщала лѣсъ, а онъ, этотъ дремучій лѣсъ, охалъ и стоналъ отъ раскатовъ грома. О, какъ я радъ былъ этой грозѣ, этой молніи! Свѣтъ ея давалъ мнѣ возможность осмотрѣться кругомъ, и я ловилъ каждый блескъ ея, ловилъ и осматривался. Ничего страшнаго не оказывалось. Болото упиралось въ склонъ холма, на которомъ я высмотрѣлъ при блескѣ молніи большой дубъ. Идти дальше—нечего и думать; я добрался до дуба и присѣлъ у его корня. Пиратка прижался ко мнѣ. Страхъ мой улегся, но голова горѣла, кровь стучала въ виски, а ноги ныли отъ усталости. Хотѣлось поѣсть, но ѣсть было нечего. У Пиратки тоже бурчало въ животѣ. Между тѣмъ, дождь уменьшился и, наконецъ, пересталъ. Только молнія продолжала освѣщать лѣсную глушь да гремѣли раскаты грома. Я продолжалъ свои наблюденія. Каждый новый блескъ молніи дополнялъ и объяснялъ мнѣ картину лѣса. Передо мной было не болото, а лѣсная рѣчушка, извивавшаяся по болотистой лощинкѣ. За нею стѣной стоялъ опять лѣсъ. На опушкѣ его неясно обрисовывалась не то копна сѣна, не то вершина упавшаго дерева. А вправо, на луговинѣ, какіе-то

странные, толстые пни. Но вотъ еще разъ мелькнула молнія — и сердце мое сжалось отъ ужаса. Мнѣ показалось, что по лужайкѣ къ копнѣ идетъ какая-то черная фигура. Человѣкъ? да нѣтъ, кому быть въ такой трущобѣ. Лѣшій? мелькнуло въ умѣ, и сердце заколотило тревогу. И теперь еще помню я эту минуту. Зубы стучали и прыгали, что было мочи стискивалъ я ротъ, а они все барабанили. То меня била лихорадка, то бросало въ жаръ. Голова горѣла, въ ушахъ звонъ стоялъ. Еще мелькнула молнія. Нѣтъ никого на лужайкѣ. Но я же ясно видѣлъ фигуру! Куда она дѣвалась? Ужь не крадется-ли ко мнѣ? И я тревожно озирался кругомъ, затаивъ дыханіе. Однако, ни звука, ни шелеста. Нѣтъ, это такъ только почудилось мнѣ. Что за вздоръ, какой тутъ лѣшій!

Но, что это?.. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ копна, мелькнула искра. Вотъ и еще. А минуту спустя, и огонекъ вспыхнулъ. Ярче, ярче. Вотъ, длиннымъ языкомъ вырвался онъ изъ костра и освѣтилъ копну. Но это не копна, это шалашъ, а около костра высокая фигура, человѣкъ, какъ есть человѣкъ. Пиратка давно тоже навострилъ уши, и какъ вспыхнулъ костеръ, съ лаемъ бросился впередъ. Фигура около костра повернулась, а изъ-за нея мелькнуло что-то бѣлое и залилось громкимъ лаемъ въ отвѣтъ моему Пираткѣ. Надо было видѣть мою радость. Теперь ясно, что это человѣкъ и собака съ нимъ. Я вскочилъ и по грязи и болоту побѣжалъ къ рѣкѣ.

— Кто тамъ? раздался голосъ.

— Я, я!—охотникъ, отвѣчалъ я.

— Эй, добрый человѣкъ, не ходи въ бродъ, глубоко; вотъ, полѣвѣе мосточки.

Онъ взялъ головню и подошелъ къ берегу.

— Вотъ тутъ, тутъ, говорилъ онъ.—Но я уже отыскалъ мостокъ и переходилъ его.

— Кто такой?—Кого Богъ далъ? Батюшки свѣты! да никакъ это ты, Николаичъ? Какъ ты попалъ сюда!

— Калинычъ! это ты? вскрикнулъ я, не помня себя отъ радости.

— Самый я, Николаичъ. Вотъ и берлога моя, и пчельникъ тутъ. Откуда ты-то? Э! мокрый весь; пойдемъ скорѣе къ огню; на-ка, вотъ пріодѣнься, говорилъ старикъ, накидывая на меня кафтанъ. Ближе садись, теплѣе будетъ. Ахъ, гость дорогой, не чаялъ я тебя! Не знаю и угощать-то чѣмъ. Анка, вставай! Дорогого гостя Богъ далъ. Бѣги въ омшаникъ, яичекъ принеси да сковородку захвати.

— Какъ, и внучка съ тобой здѣсь?!

— Здѣсь, здѣсь, говорилъ Калинычъ, возясь въ шалашѣ;—мнѣ безъ нея и съ пчелками не управиться. Вотъ, чайку надо тебѣ скорѣе запарить, Николаичъ. Поди, шибко озябъ съ непривычки? Да ты откуда это?

— Вишь, на охотѣ былъ.

— На охотѣ? это въ нашемъ-то лѣсу? Ну, прокуратъ ты, баринъ.

— А что?

— Какъ, что? Долго-ли до грѣха? Лѣса не знаешь, какъ-разъ заблудишься и въ недѣлю не выйдешь. Хорошо, что Богъ тебя сюда понесъ, а возьми поправѣе... Вѣдь, меньше версты отселѣ озеро-то Лебяжье; кругомъ камыши да трясина съ окошками. И днемъ-то зря не пройти, а ночью какъ-разъ въ окошко попадешь и засосетъ въ тину; ни за что не выбиться, такъ и утонешь. Вѣдь, я былъ у Борисьевны-то, что мнѣ не сказалъ? Провелъ-бы я тебя сюда; и глухаря-бы, и утку, и гуся, всего-бы нашли. Поди, чай, ничего не убилъ; проплуталъ, измаялся только безъ толку.

— Нѣтъ, убилъ зайца, да бросилъ, усталъ очень. Заплутался и бросилъ.

— Ну, ладно; съ кѣмъ грѣхъ да бѣда не живетъ. Вотъ, покушай яишенки, чайку сейчасъ подамъ. Послѣ спать ляжемъ, а завтра все наквитаемъ.

Аннушка уже готовила яичницу, а у старика кипѣлъ чайникъ. Мы съ Пираткой сидѣли у костра и такъ-то хорошо насъ пригрѣло, что у обоихъ глаза слипались. Скоро яичница была готова, и мы съ Калинычемъ принялись за нее, а потомъ перешли къ чаю съ свѣжимъ, душистымъ сотовымъ медомъ.

— Рано ты, поди, не встанешь, Николаичъ, сказалъ Калинычъ.—Усталъ шибко. Ничего, вздохни; вездѣ поспѣемъ. Сначала поѣдемъ въ челнѣ на озеро. Верши посмотримъ. Утокъ набьемъ. Ихъ тамъ страсть сколько; только рано маленько, линяютъ еще.

— А еще что есть?

— Еще-то? гагаръ много, лысухъ, гуси есть, гнѣзда три лебедей. Всего вдоволь. Оттуда вернемся, пообѣдаемъ; потомъ, какъ жаръ свалитъ, поведу тебя на глухарей. Выводковъ пять-шесть вокругъ есть. Полячковъ много, да эти еще малы, рябчиковъ найдемъ. Все будетъ, а теперь спи.

Старикъ притащилъ въ шалашъ охапку свѣжей травы и я растянулся на ней. Аннушка заботливо прикрыла меня кафтаномъ. Пиратка то-же поужиналъ и свернулся около меня.

Улегся и старикъ рядомъ, и Аннушка: лишь Бѣльчикъ, собака его, сидѣлъ задумчиво у костра, да повременамъ прислушивался къ чему-то.

Только смотрю—что за странность?!—вода прибываетъ въ рѣкѣ. Вотъ она разлилась по полянѣ и къ самому шалашу подходитъ. Залила вода костеръ, подхватила соннаго Бѣльчика и понесла къ озеру. Бѣльчикъ плыветъ, а самъ все голову къ верху вытягиваетъ. Шея тонкая, длинная стала. Да это не Бѣльчикъ, это лебедь—чудный, бѣлый какъ снѣгъ. Я хватаю ружье и бѣгу къ нему. Прицѣлился, хочу спустить курокъ—а онъ ломается въ рукѣ и изъ ружья шишки сосновыя посыпались. Вдругъ, лебедь нырнулъ и исчезъ подъ водой. Потомъ всплеснулось что-то большое, блестящее, свѣтлое и скрылось въ мутныхъ волнахъ. Вотъ снова появилось надъ водой. Рыба? нѣтъ, какъ-будто человѣкъ. Что такое? Хвостъ рыбій, чешуя такъ и блеститъ, а голова и руки человѣчьи. Глаза зеленые, зеленые, а вмѣсто волосъ—лягушачій шелкъ *). Плыветъ и мечется въ водѣ чудовище.

*) Такъ называется въ народѣ одно водяное растеніе.

— Барчукъ, барчукъ, слышу я,—поди ко мнѣ, спаси меня, вѣдь я—Аннушка.

Въ самомъ дѣлѣ, это она, она. О, какіе злые глаза! какое синее лицо! Э, да это русалка!

— Барчукъ, спаси меня!

Невѣдомая сила толкаетъ меня къ водѣ, я упираюсь, хочу схватиться за кустъ, а ноги скользятъ съ берега. Вдругъ, на другомъ берегу, зашумѣли кусты, кто-то рявкнулъ громовымъ голосомъ и межъ ивъ появился огромный медвѣдь. Страшно блестѣли его зубы; злобой свѣтились маленькіе глаза. Русалка, завидѣвъ медвѣдя, заметалась въ рѣкѣ. Зарычалъ медвѣдь пуще прежняго, поднялся на дыбы и хочетъ броситься въ воду; но русалка исчезла. Застучали страшные зубы у Мишки, а самъ все высматриваетъ ее. Но вотъ, о, ужасъ! онъ увидалъ меня. Глаза загорѣлись огнемъ, ротъ скривило, зубы оскалились. Все выше, выше становился страшное животное. Нѣтъ, это не медвѣдь. На головѣ, вмѣсто шерсти, вершина кудрявой сосны; дубовыя деревья — вмѣсто ногъ; осиновыя вѣтви — вмѣсто рукъ; такъ и шумятъ, и шепчутся листочки на пальцахъ. Это лѣшій; кто-же больше! А онъ все ростетъ; выше лѣса уже сталъ; скрипятъ дубовыя ноги, тянутся ко мнѣ черезъ воду осиновыя руки. Я хочу выстрѣлить, но въ рукахъ не ружье, а заяцъ. Хочу бѣжать, ноги не слушаются, а осиновые пальцы все ближе и ближе. Вотъ они коснулись моей руки. Я ищу Пиратку, оглядываюсь, но, вмѣсто него, изъ куста ко мнѣ лѣзетъ какая-то свинья, съ рожками,

съ обезьяньей рожей и хочетъ куснуть за ногу. Вдругъ кто-то крѣпко хватаетъ мое плечо, а громкій голосъ лѣшаго надъ самымъ ухомъ кричитъ: «Держи его, раз... бойн!..» я дѣлаю послѣднее усиліе бѣжать — и просыпаюсь. «Ка-а-а» вытягиваетъ послѣднія ноты своей пѣсни большой черный пѣтухъ въ двухъ шагахъ отъ меня. Шея вытянута, глаза уморительно выпучены и вся фигура пѣтуха дотого смѣшна, что я расхохотался, какъ сумасшедшій. Ахъ ты, лѣшій! Такъ это все во снѣ было! Смотрю, рѣчушка бѣжитъ въ берегахъ, какъ вчера, лугъ такъ и зеленѣетъ; а солнце высоко взошло уже надъ лѣсомъ.

На мой хохотъ вошелъ въ шалашъ Калинычъ.

— Добро здравствовать, Николаичъ. Или что смѣшное во снѣ привидѣлось?

— Какое смѣшное! — Я разсказалъ ему свой сонъ и какъ пѣтухъ кричалъ: держи его, разбойника!

Такъ-то всегда. Вишь, напугался ты, должно быть, вчера въ лѣсу; сердце упало въ тебѣ. Ну, во снѣ-то вся эта дрянь и приснилась.

Хоть совѣстно было, но признался я старику, что дѣйствительно напугался вчера и его за лѣшаго принялъ. Старикъ засмѣялся.

— Да, да, бываетъ. Сробѣетъ человѣкъ съ непривычки, сердце заколышетъ, самъ себя измаитъ. Бѣгаетъ по лѣсу, выпуча глаза, обдерется весь да и свалится потомъ, какъ снопъ. Уснетъ. Ну, во снѣ-то и попритчится. Только я тебѣ скажу вѣрно, пустое это все. Вотъ седьмой десятокъ живу, болѣе полста

лѣтъ здѣсь на пчельникѣ. Весь этотъ лѣсъ по дереву знаю, а никогда не видалъ ни лѣшихъ, ни водяныхъ. Все бабы старыя это брешутъ. Не то нашъ братъ-мужикъ пойдетъ на базаръ или въ село куда, подъ случай вина выпьетъ, да брагой глаза нальетъ. Пойдетъ домой и начнетъ его толкать объ деревья. Спужается и еще пуще захмелѣетъ, ткнется гдѣ черезъ пенекъ, да тутъ и уснетъ. Проснется—глядь, куда забрелъ и самъ не знаетъ. Ну и пойдетъ потомъ разсказывать, какъ его лѣшій водилъ. Бабы и вѣрятъ, дуры, да ребятъ смущаютъ. Вотъ около озера яма есть съ водой—кузькиной зовутъ. Былъ мужикъ Кузьма, пьянчуга такой. Только и приди ему пьяному блажь за лыками идти сюда. Иду это я за рябчиками около болота; смотрю, что-то черное въ ямѣ возится и мычитъ. Всѣ тѣ поры еще медвѣди здѣсь были. Э, думаю себѣ, вѣдь, это косолапый! Взялъ, въ ружье пулю закатилъ. Иду ближе. Что такое? Медвѣдь не медвѣдь, не корова-ли; гляжу—человѣкъ. Я въ яму. Кузьма! Что, говорю, тутъ дѣлаешь? А онъ сердечный мычитъ только. Языкъ отнялся. Снялъ я опояску, выволокъ его изъ ямы. Вижу, рожа-то пятнами, багровая. Думаю, дѣло не ладно. Зачерпнулъ въ озерѣ воды шапкой, ну-ка ему на макушку лить. Лью, а онъ храпитъ такъ тяжело. Я еще, еще. Раздышался мой Кузька, отвалило, значитъ. Поднялъ его на ноги, не стоитъ. И рука что-то правая плеть-плетью виситъ. Провозился я съ нимъ, почитай, до обѣда. Принесъ сюда въ шалашъ. Уснулъ онъ у меня. Проснулся къ вечеру и въ память пришелъ; ничего, говоритъ, только не помнитъ, какъ въ лѣсъ попалъ. Попробовалъ Кузька встать, да и повалился, какъ снопъ. Правая-то нога тоже отнялась, значитъ.

— Эхъ, говорю, Кузька, вотъ оно гульнье-то до чего доводитъ. — Нечего дѣлать, пошелъ въ село, впрягъ лошадь и привезъ его домой.

Такъ и порѣшили тамъ, что лѣшій сгубилъ человѣка; а какой лѣшій, вино проклятое. Попалъ ногами-то въ воду, студено было, ну, лихой и разшибъ.

Въ это время пришла Аннушка, неся въ рукахъ горшокъ молока и хлѣбъ.

— Ай-да внучка! Скоренько сбѣгала. До солнца еще вскочила. Куда собралась? спрашиваю. Сбѣгаю домой, говоритъ, Николаичу молочка съ ситнымъ принесу. Ну, угощай-же гостя. Я пойду, изъ челна воду отолью, чай, много налило дождемъ-то. А ты, Николаичъ, поѣшь, да сбирайся.

Теперь, пока Калинычъ занятъ челномъ, я разскажу кое-что про него. Давно зналъ я его. Когда я еще маленькимъ былъ, онъ часто ходилъ къ намъ въ домъ. То меду принесетъ, то богородской травы, то обручиковъ для боченка. Высокій, сутулый, волосы курчавые, густые, бѣлые какъ снѣгъ, борода лопатой, тоже сѣдая. Загорѣлый, морщинистый Калинычъ былъ сначала пугаломъ для меня. Но ухитрился-таки старый пріучить къ себѣ; и такіе мы съ нимъ разговоры вели. Бывало, приведетъ внучку съ собой, ту самую Аннушку; а я начну ей игрушки показывать. Не меня одного пугалъ Калинычъ

своимъ суровымъ лицомъ. Многіе изъ крестьянъ побаивались его, не любили его горькой правды на сходкахъ, какъ начнетъ онъ укорять міръ за пьянство; особенно, не любили его міроѣды, которымъ крѣпко доставалось отъ Калиныча. Кабы не сила его богатырская, много-бы разъ избили они его. Да, страшна была его сила могучая, хотя знали, что онъ съ роду пальцемъ никого не тронулъ. Ну, и терпѣли. Калинычъ былъ кузнецъ по ремеслу, а потомъ бросилъ это, надоѣли ему мірскія дрязги, засѣлъ онъ на своемъ пчельникѣ, который еще прадѣдъ его завелъ, и коротал вѣкъ въ дремучемъ лѣсу. Слылъ онъ въ народѣ за знахаря великаго и много больныхъ ходило къ Калинычу. Злые люди, которымъ онъ ходу не давалъ, взводили на него небылицы, что онъ колдунъ, съ нечистой силой знается, что душу чорту продалъ. Такъ и слылъ онъ въ народѣ подъ именемъ *лѣшаго*. Крѣпко боялись его глупые и злые, а хорошіе да умные люди еще крѣпче уважали Калиныча и любили его, какъ отца родного. Случилась бѣда, къ кому идти—къ Калинычу; онъ и выручитъ бѣдняка, и уму разуму научитъ. Въ мірскомъ-ли дѣлѣ — міръ безъ Калиныча ни на шагъ; что скажетъ старикъ, тому и быть. Ни къ какому лѣкарю не шелъ больной съ такой вѣрой, какъ къ Калинычу. И не помнитъ никто, чтобы хоть разъ на своемъ долгомъ вѣку Калинычъ покривилъ душой: брата родного не покроетъ, бывало, коли провинится. А дѣло свое знахарское Калинычъ зналъ хорошо. Дѣдъ еще научилъ его, какая трава отъ чего помогаетъ; и шалашъ его на

пчельникѣ былъ увѣшанъ разными цѣлебными травами. Пользовалъ всѣхъ онъ этими травами отъ разныхъ болѣзней. Съ того дня, какъ я заплутался, мы большими друзьями стали съ Калинычемъ. Я дни дневалъ у него на пчельникѣ. Исходили мы съ нимъ боръ на десятки верстъ. Онъ научилъ меня, какъ искать глухаря, какъ подманить рябчика, какъ найти звѣря по слѣдамъ, какъ поставить лучше ловушку. Сколько я съ нимъ дичи перебилъ въ томъ лѣсу! Бывало, старикъ всѣ выводки глухариные наперечотъ знаетъ и ведетъ прямо на мѣсто. Подъ его рукой впервые познакомился я съ лѣсной природой, съ ея таинственной жизнію; и навѣрное, многіе ученые нѣмцы не показали-бы мнѣ того, что показалъ Калинычъ въ лѣсныхъ трущобахъ и тайникахъ. А какими разсказами о старинѣ онъ угощалъ меня передъ сномъ! О томъ, какъ разгуливали пугачевскіе молодцы, какой звѣрь водится въ лѣсу.

Вотъ каковъ былъ мой *лѣшій*, мой добрый Калинычъ. Давно его уже нѣтъ на свѣтѣ. Но и теперь хотѣлось бы повидать его добрые, каріе глаза. Сколько ума, сколько ласки свѣтилось въ этихъ чудныхъ глазахъ, изъ-подъ нависшихъ бровей. Въ упоръ смотрѣли они на человѣка и не всякій могъ вынести этотъ мягкій взглядъ. За то самъ Калинычъ ни передъ кѣмъ, бывало, не опуститъ глазъ.

Поищите-ка и вы такого лѣшаго: Калинычи встрѣчаются не только въ лѣсу—они вездѣ, гдѣ люди живутъ; но бѣда въ томъ, что ихъ всюду мало; всюду днемъ съ огнемъ надо искать ихъ. Многому научитъ

васъ этотъ лѣшій. Онъ покажетъ вамъ въ лѣсной глуши такіе примѣры самоотверженія и любви у безсловесныхъ животныхъ, у птицы и звѣря, что вы поневолѣ сдѣлаетесь добрѣе. Онъ научитъ васъ не бояться зла и бороться со злыми. Походивъ съ Калинычемъ по лѣснымъ трущобамъ, вы перестанете теряться въ бѣдѣ и падать духомъ при неудачѣ. Да что говорить! Найдите лѣшаго и подружитесь съ нимъ. Послѣ скажете спасибо.

А теперь, чтобъ вы не трусили въ потьмахъ, какъ я прежде, разскажу вамъ на прощаньи, отчего съ непривычки такъ страшно ночью въ лѣсу,—чьи голоса такъ пугаютъ человѣка, что за тѣни мелькаютъ тамъ ночью, наполняя ужасомъ душу путника.

Вотъ отчего. Человѣкъ—вполнѣ дневной дѣятель. Сообразно съ этимъ развиты и его органы чувствъ. Днемъ, и только днемъ, можетъ видѣть хорошо его глазъ—главный сторожъ его безопасности. Ночью же, какъ вы знаете, глазъ нашъ совсѣмъ плохо различаетъ предметы, а въ темную ночь и вовсе ничего не видитъ. Поэтому человѣкъ сознаетъ, что всякое нападеніе, чье бы то ни было, для него ночью опаснѣе. Словомъ, онъ сознаетъ свою безпомощность въ темнотѣ. Отсюда и зарождается тотъ невольный страхъ, которому мы такъ легко поддаемся въ потьмахъ. Но есть и другое обстоятельство, усиливающее этотъ страхъ. Не имѣя возможности видѣть и слѣдить за движеніемъ чего-бы то ни было, мы руководимся только слухомъ и, отчасти, осязаніемъ. Поэтому, мы напрягаемъ ночью нашъ слухъ, т. е. наше

ухо, насколько это возможно; мы ловимъ жадно всякій звукъ, всякій шелестъ, всякій шумъ и дѣлаемъ это невольно, по чувству самосохраненія. Вслѣдствіе этого напряженія, нашъ слухъ, ночью, становится чувствительнѣе. Такіе звуки, которые днемъ не могутъ даже обратить на себя нашего вниманія, ночью пугаютъ насъ, заставляютъ вздрагивать, вообще дѣйствуютъ рѣзко на наше ухо.

Съ другой стороны, въ самой природѣ есть одно явленіе, благодаря которому каждый звукъ ночью усиливается и несется дальше, чѣмъ днемъ. Это явленіе знаетъ каждый, но не каждому извѣстна его причина. Если вы учились физикѣ, то знаете, что звукъ гораздо лучше передается водой, чѣмъ воздухомъ. Вы знаете, конечно, что въ воздухѣ есть водяные пары. Чѣмъ меньше этихъ паровъ, тѣмъ слабѣе передаетъ воздухъ звуки, и, наоборотъ, въ влажномъ воздухѣ, наполненномъ парами, звукъ слышенъ дальше и яснѣе. Земля въ теченіи дня нагрѣвается лучами солнца; но какъ только солнце закатится, нагрѣтая поверхность земли начинаетъ остывать. Тепло, данное ей солнечными лучами, уходитъ въ небесное пространство. Чѣмъ яснѣе небо, чѣмъ ярче горятъ звѣзды, тѣмъ сильнѣе остываетъ земля, тѣмъ обильнѣе ложится роса. Въ этой-то росѣ вся и суть. Откуда-же берутся эти капельки воды, которыя мы находимъ утромъ на растеніяхъ? Садятся онѣ на растенія и на поверхность всякаго предмета изъ воздуха. Но въ воздухѣ нѣтъ капель росы. Откуда-же берутся капли? Дѣло вотъ въ чемъ. Мы сказали вы-

ше, что въ воздухѣ постоянно есть водяные пары. Эти пары ничто иное, какъ вода, перешедшая въ газъ, невидимый нашему глазу. Солнечный лучъ, нагрѣвая поверхность рѣки, моря, озера, болота, заставляетъ воду переходить въ газъ, т. е. въ паръ. Паръ, по своей легкости, поднимается кверху и смѣшивается съ воздухомъ. Но какъ только воздухъ охладѣетъ, или накопится въ немъ много паровъ, они, сгущаясь, превращаются въ крошечные, невидимые глазу, пузырьки. Скопляясь въ огромномъ количествѣ, эти водяные пузырьки образуютъ облака, тучи или туманъ. Мы сказали, что ночью земля сильно охлаждается; прибавимъ, что охлажденіе почвы идетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ охлажденіе воздуха. Поэтому слои воздуха, ближайшіе къ почвѣ, охлаждаются быстрѣе, чѣмъ верхніе слои. Вслѣдствіе этого, въ нижнихъ слояхъ водяные пары обращаются въ пузырьки и окутываютъ почву туманомъ. Если охлажденіе воздуха достаточно сильно и паровъ въ немъ много, то пузырьки, слипаясь другъ съ другомъ, постепенно тяжелѣютъ, опускаются внизъ, превращаются въ мелкія капельки росы, которая и садится на землю, на растенія, на всякій предметъ, лежащій на землѣ. Съ вечера, пока еще туманъ, образовавшійся въ низшихъ слояхъ воздуха, не осѣлъ въ видѣ росы, водяные пузырьки его, наполняя воздухъ, надѣляютъ послѣдній хорошимъ проводникомъ звука. Вотъ почему такъ громко и далеко раздаются вечеромъ и въ началѣ ночи всякіе звуки. А такъ какъ въ темнотѣ наше ухо напряжено, то понятно, почему эти

звуки и дѣйствуютъ съ большей силой на нашъ слухъ, чѣмъ днемъ.

Откуда же берутся ночные звуки? Кто производитъ ихъ? Вы, конечно, хотите знать это. Пойдемте же въ лѣсъ, пойдемте весною, когда онъ полонъ жизни, полонъ движенія и звуковъ. Весна лучшая пора въ году для всего живого. Весной лѣсъ наряжается въ новую листву, яркую, зеленую. Весной душистые цвѣты чуднымъ узоромъ пестрятъ полянки. Весной птицы украшены яркими перьями, а у звѣрковъ шерсть глаже, цвѣтистѣе, красивѣе на видъ. Милліоны пестрыхъ, красивыхъ, граціозныхъ бабочекъ, блестящихъ, суетливыхъ мухъ, копотливыхъ и неуклюжихъ жуковъ возятся на цвѣтахъ, ползаютъ по травѣ и листвѣ, снуютъ, вертятся въ воздухѣ, придавая картинѣ природы жизнь и движеніе. Разнообразныя, мелодичныя пѣсенки многихъ пѣвчихъ птичекъ, дикіе, непріятные голоса хищныхъ птицъ, сливаясь въ стройный шумъ, дополняютъ эту картину жизни. Въ одно и то же время слышатся звуки счастья, чудные музыкальные звуки, и рядомъ съ этимъ слухъ поражаютъ крики боли, злобы, отчаянія. Въ травѣ лужаекъ, листвѣ деревъ, на землѣ, въ воздухѣ и въ водной пучинѣ идетъ кипучее движеніе, энергичная дѣятельность. И это ни мало не удивительно: весна— пора счастья для всего живого, отъ травки до птички и звѣря, пора великаго акта обновленія, дающаго міру новыхъ молодыхъ дѣятелей, свѣжихъ бойцовъ, взамѣнъ старыхъ, одряхлѣвшихъ и утратившихъ силу, которыхъ ждетъ въ свои объятія смерть.

Заглянемъ же въ лѣсъ въ эту пору. Закатилось солнце. Вспыхнула румяная заря и угомонились дневные труженики и бойцы лѣса. Спрятались пестрыя бабочки, мухи, жуки. Скрылись въ густой листвѣ красивые и бойкіе пѣвцы — птички и ихъ злые враги—ястреба и сокола. Но жизнь не прекратилась въ лѣсу. Одни заснули глубокимъ сномъ, но, взамѣнъ ихъ, изъ норокъ, изъ-подъ древесной коры, изъ-подъ корней деревъ, изъ дуплъ, изъ всякихъ укромныхъ мѣстъ вылѣзаетъ цѣлая армія дѣятелей ночи. Какъ мало у нихъ общаго съ дѣятелями дня, кромѣ энергіи жизни! Это враги свѣта; они боятся и не выносятъ его. Это какіе-то пасынки природы. Нѣтъ у нихъ блестящихъ, яркихъ цвѣтовъ въ нарядѣ, да и зачѣмъ имъ эта роскошь? Правда, всѣ ночныя животныя видятъ въ потьмахъ превосходно, но едва-ли они могутъ различать цвѣта. Мало между ними пѣвцовъ; они предпочитаютъ дѣйствовать молча. И это молчаніе скрадываетъ отъ насъ кипучую и энергическую жизнь дѣятелей ночи. А она не меньше дневной по результатамъ.

Въ полномъ блескѣ горитъ румяная, весенняя зорька. Смолкли птичьи голоса въ лѣсной опушкѣ. Собрались вороны на ночлегъ, съ шумомъ и гамомъ усаживаются они цѣлымъ обществомъ на вершинѣ стараго дуба. Противный крикъ ихъ нарушаетъ, портитъ тишину чуднаго майскаго вечера. Но, наконецъ, они усѣлись и замолкли. Вотъ въ кустахъ раздался свистъ—и понеслась въ воздухѣ музыкальная трель соловья. Ни звука, ни шелеста кругомъ, и несется на просторѣ чудная мелодія. Невольно заслушаешься ее. Но вдругъ гармонія нарушается отвратительнымъ, визгливымъ, какъ голосъ старой бабы, крикомъ: *кувыкъ, кувыкъ!* Это полуночникъ; вотъ въ кустахъ раздается рѣзкая, безконечная трель—*трррρρ*, хлопанье крыльевъ, и снова: *кувыкъ, кувыкъ!* О, какъ это непріятно! Но что же дѣлать? и полуночникъ счастливъ не хуже соловья, и ему хочется пропѣть на весь міръ про свое счастье; виноватъ ли онъ, что его пѣсня немелодична? Гдѣ-то вдали слышно *хоркъ, хоркъ;* вотъ, биже, ближе и изъ-за верхушки деревъ плавно летитъ вальдшнепъ. Его длинный носъ поворачивается то въ ту, то въ другую сторону; его хорканье то-же звукъ счастья: вальдшнепъ ищетъ свою подругу. Пролетѣлъ онъ, и снова тихо, снова на просторѣ льется пѣсня соловья. Но что это за звуки въ кустахъ—слабые, едва слышные, ноющіе, похожіе на плачъ ребенка? Это зайчиха. Раздался шелестъ въ травѣ, зайчиха замерла въ ожиданіи товарища. Но... сверкнули зеленымъ свѣтомъ двѣ точки, заколыхался кустъ... и отчаянный, раздирающій душу крикъ смутилъ ночную тишину. Вмѣсто товарища, зайчиха приманила лису, и кумушка со вкусомъ поужинала на этотъ разъ. Потухаетъ зорька. Темныя точки и пятнышки бороздятъ воздухъ, освѣщенный слабыми остатками свѣта. Изъ лѣсной чащи вылетаетъ цѣлая вереница странныхъ крылатыхъ существъ; это не птицы, не бабочки. Полетъ ихъ быстръ и вертлявъ; глазъ едва успѣваетъ слѣдить за ними. Ни шума, ни звука не производитъ этотъ полетъ. Нежданно появляются

они и снова куда-то исчезаютъ въ ночной темнотѣ. Въ этихъ существахъ, въ ихъ полетѣ, есть что-то особенное, отличное отъ движенія другихъ животныхъ. Это *летучія мыши*. Онѣ-то своимъ появленіемъ больше всего смущаютъ суевѣрныхъ въ ночной тишинѣ. Народъ не любитъ ихъ и считаетъ исчадіями ада, дѣтьми духовъ тьмы, и приписываетъ имъ вредныя наклонности. Между тѣмъ, всякій, кто знаетъ дѣло, скажетъ вамъ, что это одинъ изъ самыхъ полезныхъ звѣрковъ. Понятно, впрочемъ, почему такъ не любятъ ихъ темные люди. Когда идетъ человѣкъ вечеромъ по лѣсу, его воображеніе настроено, слухъ и зрѣніе напряжены, онъ всюду воображаетъ присутствіе злыхъ духовъ—чертей, лѣшихъ и т. п., созданныхъ суевѣріемъ. Вдругъ пронесется передъ самымъ его носомъ летучая мышь, пронесется быстро, какъ стрѣла, и пахнетъ въ лицо воздухомъ, приведеннымъ въ движеніе ея полетомъ. Невольно вздрогнетъ человѣкъ, а нервы его еще больше настроятся. Какъ же послѣ того не счесть летучую мышь за духа тьмы?

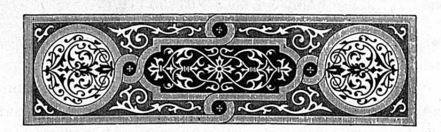
Порой, надъ самымъ ухомъ путника, съ вершины дерева пронесется не то хохотъ, не то плачъ или ауканье. Это разныя совы покрикиваютъ и хохочутъ въ избыткѣ того же чувства счастія. Но вотъ въ глуши лѣсной раздалось громкое, отрывистое: *ухъ, ухъ!* Не бойтесь, это просто филинъ, гроза воронъ и другихъ крупныхъ птицъ, бичъ зайцевъ. Прокричавъ нѣсколько разъ, онъ смолкъ и вылетѣлъ изъ оврага. Тихимъ, мягкимъ, какъ походка кошки, полетомъ, летитъ филинъ надъ деревьями. Его яркіе, оранжевые глаза зорко всматриваются въ ночную тьму. Летитъ онъ къ знакомому дубу. Хищникъ осторожно облетѣлъ вокругъ его вершины и остановился на минуту неподвижно. Затѣмъ, быстро, но безъ шуму, нырнулъ онъ въ листву и схватилъ сонную ворону. Нарушена ночная тишина: все стадо воронъ съ крикомъ и шумомъ слетаетъ съ вѣтвей. Съ гамомъ кружатся онѣ въ темнотѣ, и много пройдетъ времени, пока стадо размѣстится на новомъ ночлегѣ. Будь это днемъ, храбрыя птицы ходу бы не дали филину, онѣ заколотили бы его клювами и отбили бы товарку. Но въ потьмахъ, гдѣ его найдешь, а лѣсной царь мчится уже далеко съ добычей къ глухому оврагу; тамъ въ гнѣздѣ сидитъ пара маленькихъ филинятъ и ждетъ ужина.

Таковы-то всѣ страшные и дикіе ночные звуки лѣса. Всѣ они производятся такими животными, которыхъ человѣкъ никогда не боялся—птицами и звѣрками. Это тоже или звуки любви и счастія, или крики отчаянія и боли. Ночная тишина и обиліе водяныхъ пузырьковъ въ воздухѣ придаютъ имъ силу и разносятъ далеко вокругъ. Ночное эхо подхватываетъ, дробитъ, измѣняетъ и повторяетъ ихъ. Все это придаетъ звукамъ ночи характеръ чего-то сверхъестественнаго, дикаго и непріятнаго. Припомните, что вашъ слухъ напряженъ и воображеніе настроено. Что-жь мудренаго, что эти звуки породили въ умахъ робкихъ дикарей представленіе о небываломъ царствѣ духовъ и что ихъ воображеніе населило лѣса—лѣшими, воды—русалками и

водяными, существующими, будто-бы, для того только, чтобы дѣлать всякія гадости человѣку? Изъ поколѣнія въ поколѣніе передавались разсказы о лѣшихъ, русалкахъ, домовыхъ и вѣдьмахъ; а добрыя старухи пользовались ими, чтобы пугать ребятъ и удерживать ихъ отъ шалостей.

Но довольно. Я разсказалъ вамъ это для того, чтобы вы не трусили ночью, чтобы вы не боялись попустому. Не вѣрьте же разсказамъ вашей няни про лѣшихъ, домовыхъ и другихъ злыхъ духовъ. Знайте, что ихъ еще никто въ глаза не видалъ съ тѣхъ поръ, какъ міръ существуетъ. Не вѣрьте же этой чепухѣ, кто бы вамъ ни разсказывалъ ее. А если хотите видѣть лѣсныхъ духовъ, то поищите моего лѣшаго—Калиныча. Онъ поведетъ васъ въ ихъ лѣсные терема, покажетъ ихъ подводные дворцы. Онъ вамъ головой выдастъ ихъ всѣхъ; и будутъ эти духи сидѣть у васъ въ клѣткахъ, въ акваріумахъ или на цѣпочкѣ; только уговоръ лучше денегъ: хотите добиться отъ нихъ звуковъ и рѣчей, кормите ихъ хорошенько: кого мясомъ, кого хлѣбомъ, кого капустой, зернами и т. д., чтобы всякому было по вкусу. Много этихъ духовъ перебывало въ моемъ звѣринцѣ. Жилъ у меня даже самъ царь лѣсной, всѣмъ лѣшимъ воевода — филинъ; такой ручной былъ, какъ собака, на зовъ являлся и по волѣ леталъ.

Ванька и колдунъ Волкъ.

(Разсказъ).

Разсказать-ли вамъ, что случилось съ Ванькой, съ однимъ изъ тѣхъ Ванекъ, которыхъ на Руси добрый милліонъ? Это былъ круглолицый, курносный мальчишка, съ бойкими карими глазенками, съ волосенками бѣлыми, какъ ленъ, чумазый, грязный, въ широкихъ лаптищахъ, напяленныхъ на толстыя онучи.

Дѣло было къ вечеру. Сидитъ нашъ Ванька на лавкѣ и уплетаетъ краюху хлѣба. Невесело Ванькѣ. Ходу не даетъ морозъ-скрыпунъ, не то, что лѣтомъ. Накинулъ кафтанишка, выбрался на улицу, чтобы пошумѣть и подраться съ Петрушками да Степками, анъ глядь! морозъ такъ и хватитъ за ухо; ну, поневолѣ и убѣжишь въ избу, на печку!

Вотъ и думаетъ Ванька, уписывая краюху: «куда

это лѣто на зиму ѣздитъ? Какъ-бы хорошо было, кабы оно никуда не уѣзжало».

Скрипнули ворота.—«Но-о»! раздалось за окошкомъ. Словно, прутомъ хватило Ваньку это «но-о»; такъ и швырнуло его къ конницу, гдѣ лежала дырявая шубенка. Мигомъ очутилась она на плечахъ; большущая шапка закрыла льняную головку. Съ превеликими усиліями отворилъ Ванька примерзшую дверь и полетѣлъ на дворъ.

Пока отецъ отпрягалъ лошадь, Ванька усердно хлопоталъ, развязывая веревку, которою былъ затянутъ возъ сѣна. Пришелъ старикъ дѣдка; ухватили они съ Ванькинымъ отцомъ вилы и начали скидывать сѣно подъ крышу повѣти. У Ваньки хлопотъ полонъ ротъ: то онъ съ палкой кидается на Буренку, то гонитъ овецъ, то басомъ оретъ на пѣгашекъ, которыя прибѣжали ухватить клокъ сѣна.

— Ахъ, чтобъ васъ! кричитъ Ванька:—совсѣмъ одолѣли, словно сѣна не видали!

Между тѣмъ, возъ убавлялся: а по сторонамъ, съ вилъ, летѣли клочки сѣна, прутья, все, что захватила коса на лугу. Скотина такъ и жмется къ этимъ отбросамъ, а Ванька изъ себя выходитъ. Хватилъ черную телку бостыломъ — бостылъ переломился, а телка только головой мотнула. Схватилъ Ванька другой прутъ, замахнулся въ сердцахъ на телку да какъ глянулъ на прутъ, такъ и застыла рука на маху. Что за диво? Отродясь Ванька не видалъ такого прута:—черный, гладкій, кожура съ чеканомъ, одинъ конецъ тонкій, вострый, а другой

широкій, съ узорчикомъ да съ желтыми пятнышками. Такъ и обомлѣлъ нашъ Ванька, даже дрожь его пробрала.

«Вѣдь, это барчуковъ кнутъ», разсуждалъ онъ.

Припомнилось Ванькѣ, какъ весной пріѣхали изъ Питера господа, а съ ними два барчука—такіе бѣленькіе, пригожіе, сапожки съ пряжечками, шапочки съ лентами. Вышли эти барчуки гулять съ своей толстой нянькой; у каждаго въ рукахъ по кнутику, а кнутики тѣ ременные, такъ и блестятъ, а ручки у нихъ рѣзныя, узорчатыя, а на концахъ змѣиныя головки точёныя.

Вспоминаетъ Ванька, какъ они, чумазые, босоногіе ребятишки, собрались поглядѣть на барчатъ. Бѣгаютъ барчата по лужайкѣ, а они стоятъ поодаль, въ сторонкѣ; и хотѣлось бы подойти, да страхъ беретъ. Подлетѣлъ было къ барчатамъ Митька Ледевъ, да какъ глянула на него заморская нянька, такъ его, словно, смыла глазами. Припомнилось Ванькѣ, какъ потомъ они подружились съ барчатами. Куда и страхъ дѣвался: брали это они въ руки ихъ кнутики, разглядывали, ходили эти кнутики по ихъ спинамъ, а они только поеживались. А ужъ весело-то было — просто, нà поди! Заморская нянька лишь на видъ была страшна; карманы у нея пребольшущіе, и въ нихъ, какъ въ амбарикахъ, леденчики да прянички, орѣхи да рожечки понакладены. Подерутся барчуки и заорутъ, а нянька почнетъ ихъ мирить: и валитъ имъ изъ кармана пригоршнями гостинцы. Глядишь, перепадетъ

и Ванькѣ на голодный зубъ. Да случилась тутъ разъ бѣда. Потерялъ барчукъ кнутикъ; напустилась на мальчишекъ нянька, такъ ходуномъ и ходитъ. «Я, говоритъ, васъ всѣхъ пересѣку, мошенники. Это вы украли кнутикъ? Чтобъ сейчасъ онъ былъ здѣсь». Перебожились ей, что не брали; весь лужокъ перетоптали, а кнутика не нашли, такъ и пропалъ. Съ той поры нянька перестала пускать ребятъ къ барченкамъ.

Припомнилось все это Ванькѣ, и какъ же онъ былъ счастливъ въ эту минуту, когда нашелъ кнутикъ! «Вотъ, думаетъ, придетъ весна, пріѣдутъ барчуки, принесу имъ кнутикъ. На̀, скажу; не воры мы вороватые; пряники ваши помнимъ».

Помчался нашъ Ванька въ избу; только снѣгъ заскрипѣлъ подъ лаптишками. Скинулъ шубу, шапченку, и шасть на печку, на дѣдушкино логово; свернулся тамъ около трубы и крѣпко прижалъ къ себѣ находку. «Нѣтъ, думаетъ, какъ-бы не обронить, засуну его за пазуху». Сказано—сдѣлано.

А думы, одна за другой, такъ и мелькаютъ въ бѣлокурой головушкѣ. Вотъ побѣгутъ по улицамъ ручьи, придетъ Пасха, наступитъ Троица, пріѣдутъ барчата, и пойдетъ развеселая жизнь. Дума за думой, а печка дѣлаетъ свое дѣло: грѣетъ Ванькины бока и крадется изъ-за трубы сонъ; шаритъ сонъ въ льняныхъ кудерькахъ мальчика, ластится къ его груди, тепломъ разливается по озябшимъ ногамъ. Совсѣмъ было заснулъ Ванька, да вспомнилъ о недоѣденной краюхѣ, вспомнилъ, что тятька будетъ

ужинать, будетъ ѣсть кашу съ гусинымъ саломъ. У печки уже хлопочетъ старуха-баушка, стуча горшками, ложками, плошками. Вотъ скрипнула дверь, вошли мужики, начались сборы къ ужину; стряхнули со стола крохи и постлали свѣжій столешникъ (скатерть), застучали ложками, собралась вокругъ стола вся семья. Ванька тутъ какъ тутъ. Дождался, какъ дѣдъ зачерпнулъ своей ложкой, самъ потянулся за кашей и зацѣпилъ полную, полную ложку.

Но тутъ случилась оказія. Не донесъ еще Ванька каши до рта, какъ заоретъ благимъ матомъ. Каша полетѣла въ одну сторону, ложка въ другую. Ванька ухватилъ себя за брюхо; слетѣлъ съ лавки и ну кататься по полу. Зажгли лучину, свѣтятъ и не могутъ понять: катается мальчишка, оретъ, ни слова отъ него не добьются. Смотритъ бабушка Арина—а у Ваньки изъ рукава змѣиная голова торчитъ. Какъ завопитъ она! какъ подхватятъ за ней другія бабы, только стонъ по избѣ пошелъ. А Ванька лежитъ, выпуча глаза, и оретъ.

— Батюшки мои, змѣя, змѣя! Охъ, пропалъ нашъ мальчишка!

— Укусила, знать, Ванька? спрашиваетъ старикъ.

— Чего, извѣстно, въ нутро въѣлась, отвѣчаетъ Ванькина мать.

— Вишь ты, брюхо-то пучитъ, молвила тетка Федосья.

— Ахти, Ванюшка, свѣтикъ ты мой! пропалъ, сердечный! вопитъ надъ нимъ мать.

— Пропалъ, пропалъ!—голоситъ надъ нимъ бабушка.—Вишь, отходитъ.

Ванька лежитъ ни живъ ни мертвъ, только глазами поводитъ, и кажется ему, что змѣй и подлинно ему въ нутро въѣлся, что пучитъ его, лютая смерть приходитъ.

— Да что вы воете?—вмѣшался старикъ:—какая тутъ змѣя, откуда взялась?

Наклонился онъ надъ Ванькой, распоясалъ его, приподнялъ рубашку: нѣтъ ничего. Смотрѣлъ и тутъ, и тамъ—змѣи не бывало.

— Экъ, вамъ попритчилось,—говоритъ:—и какая змѣя зимой? — Откуда ей взяться? Вишь, что придумали, старыя глупыя бабы.

— Самъ-отъ, небось, молодой!—огрызнулась старуха.—Самъ-отъ ничего не видитъ; а вотъ была змѣя—доподлинно была. Вишь, у Ваньки брюхо-то какъ вспучило.—И принялась старуха ощупывать мальчика.

— Охъ, Господи! сама видѣла,—голосила Ванькина мать,—сама видѣла, какъ изъ-за пазухи голову высунула. А жало-то, жало-то такъ и бѣгаетъ.

И стали Ваньку щупать, мять, съ боку на бокъ ворочать, но змѣи не нашли. И порѣшили бабы, что она внутро въѣлась.

Взвылъ нашъ Ванька, точно теленокъ; взвоетъ и замолчитъ, прислушается и опять взвоетъ; а причитанья такъ и гудятъ надъ нимъ. Причитали, причитали бабы, да и надумали, что надо послать за знахаремъ.

Былъ такой знахарь недалеко, въ чувашской деревнѣ, старый-престарый. Звали его Анисимъ Волкъ—маленькій, лядащій, борода клиномъ, а глаза съ раскосомъ, все въ сторону смотрятъ и таково скоро бѣгаютъ. Чудной былъ этотъ чувашенинъ. Никто никогда не слыхалъ, чтобъ онъ разговорился; буркнетъ слово, а не то головой только мотнетъ. Это у него значило да или нѣтъ. Вотъ и поди съ нимъ. А какъ глянетъ невзначай на кого своими юркими глазами, такъ дрожь и пройметъ. И видали-то его рѣдко. Пашню онъ не пахалъ, молотить не молотилъ: иной разъ въ непогодь привезетъ на мельницу мѣшокъ хлѣба, дождется очереди, засыпетъ зерно, сядетъ у жернова, вынетъ изъ-за пазухи краюху хлѣба, сидитъ и пожевываетъ. Ужь на что мельникъ нелюдимъ, а и тотъ отъ него иной разъ слова не добьется.

Это былъ совсѣмъ лѣсной человѣкъ. Вѣрный завѣту своихъ предковъ звѣроловов, исконныхъ обитателей лѣса, чувашъ Анисимъ всю жизнь провелъ въ лѣсу и считался первымъ звѣроловомъ на пятьдесять верстъ кругомъ. Лѣса давно порѣдѣли; топоръ и огонь одолѣли ихъ. Лѣсныя трущобы, гдѣ вольготно жилось медвѣдю, лосю и другимъ звѣрямъ, оголились. Соха избороздила порубы и на мѣстѣ толстыхъ, старыхъ сосенъ теперь колышатся желтые колосья ржи. Давно исчезли всѣ крупные звѣри, давно миновало время звѣринаго промысла; дити и внуки старинныхъ звѣропромышленниковъ принялись за соху и борону. Анисимъ одинъ со-

ставлялъ исключеніе. Тамъ, гдѣ другой и въ недѣлю не промыслилъ-бы ничего, Анисимъ всегда отыскивалъ дичь. Бывало за зиму настрѣляетъ и бѣлокъ, и зайцевъ, и куницъ столько, что, глядишь, всѣ подати уплатитъ за семью.

Былъ еще и другой промыселъ у Анисима. Славился онъ во всемъ округѣ, какъ лучшій знахарь и ворожей. Случится какая ни на есть бѣда: заболѣетъ-ли коровушка, сведутъ-ли воры лошадь со двора, приключится-ли съ кѣмъ лихая болѣсть—къ Волку, говорятъ, надо идти. Придутъ, поклонятся, привезутъ къ себѣ, вынетъ онъ изъ-за пазухи травки, запаритъ въ горшкѣ, дастъ выпить—и болѣзнь какъ рукой сняло. А не то нальетъ въ чашку воды, подойдетъ къ печкѣ, пошаритъ въ золѣ, возьметъ нѣсколько угольковъ, бросить ихъ въ воду и смотритъ, смотритъ на нее, а потомъ вдругъ скажетъ: «Иди, твоя лошадь въ такомъ-то оврагѣ». И все, какъ по писаному, такъ и случится. Не даромъ сложилась молва, что Анисимъ съ нечистымъ знается. Не даромъ боялись его люди и считали за колдуна.

Рано утромъ, на разсвѣтѣ, Ванькинъ дѣдушка привезъ колдуна. Когда они вошли въ избу, Ванька спалъ на конникѣ безмятежнымъ сномъ, закутанный въ старый бабушкинъ тулупъ.

Покосился колдунъ во всѣ стороны, а бабы обступили его и принялись разсказывать всѣ за-

разъ, какъ змѣй Ванькѣ въ нутро залѣзъ. Косые глаза Волка еще пуще забѣгали, особенно, когда онъ почуялъ запахъ свинины и всякой снѣди и сообразилъ, что это для него приготовлено. Даже зубами стукнулъ старый Волкъ.

Подошелъ онъ къ Ванькѣ, положилъ корявую, холодную руку ему на брюхо и уставился въ него глазами. Проснулся Ванька, увидалъ надъ собой эту страшенную образину—да какъ рявкнетъ. Колдунъ самоувѣренпо обратился къ присутствующимъ и ткнулъ въ Ванькино брюхо пальцемъ. Тутъ, дескать.

— Что-же, Анисимъ, выгонишь, что-ли? заговорила старуха.—Выгони, родимый, всѣмъ тебя уважимъ, чѣмъ только можемъ!

За старухой завопили и остальныя бабы. А Анисимъ, словно опѣшилъ, стоитъ, какъ чурбанъ, и только глазами поводитъ да что-то про себя шепчетъ. Шепталъ, шепталъ, да какъ плюнетъ вдругъ въ лицо Ванькѣ; тотъ съ испугу кубаремъ слетѣлъ съ лавки. Положили его опять на мѣсто; потребовалъ колдунъ зажженную лучину, вынулъ изъ-за пазухи пукъ травы и сталъ окуривать мальчишку. Смрадъ распространился въ избѣ такой, что всѣ разчихались и носы позажали. А Ванька лежитъ ни живъ, ни мертвъ, даже кричать боится. Тутъ колдунъ отмахнулся рукой—дескать, идите прочь, и когда всѣ отхлынули въ переднюю часть избы, онъ распоясался, крякнулъ и сѣлъ у стола.

Поняли бабы, что ѣсть хочетъ, и засуетились у

печки: одна тащитъ столешникъ, другая—щи, свинину, третья—кашу; поставили штофъ водки, кувшинъ пива.

Звякнулъ зубами Волкъ и началъ работать. Народу набралась полная изба и какъ на диво какое глядятъ, какъ чувашъ обжирается. Пришелъ и сельскій учитель, Семенъ Мартынычъ, усѣлся на лавку и тоже наблюдаетъ, что будетъ. Въ это время, одинъ мальченка увидалъ подъ лавкой, гдѣ сидѣлъ учитель, змѣю и дернулъ Семена Мартыныча за рукавъ. «Глянько», говоритъ, но тотъ пригрозилъ ему пальцемъ, нагнулся, схватилъ ужа и спряталъ въ карманъ.

А колдунъ, знай себѣ, уписываетъ свинину, водки ему поднесутъ—хватитъ, пивца подольютъ—и этимъ не брезгаетъ. Наконецъ, видно, ужь стало невмоготу, крякнулъ, пересталъ ѣсть и осовѣлъ совсѣмъ.

Тутъ учитель подсѣлъ къ нему рядкомъ.

— Здравствуй, говоритъ, дѣдушка Анисимъ.— Вишь, какая оказія случилась. Неужели и впрямь змѣя Ванькѣ въ брюхо въѣлась?

— Да, да, отвѣтилъ чувашъ.

— Ну, и можешь ты ее выгнать?

— Могу.

— А скоро?

— Еще день, еще день, на третій выйдетъ. Большой, у! большой змѣя!

— Скажи-ка, а ты здѣсь эти три дня пробудешь?

— Да, да, будемъ гонять. Ой, трудно гонять! Большой змѣя.

— И каждый день свинину ѣсть будешь?

— Какъ-же, иначе нельзя: сыта нѣтъ — сила нѣтъ, змѣя не пойдетъ.

— Слыхалъ, слыхалъ я про тебя, что ты мастеръ, большой знахарь.

Чувашъ самодовольно улыбнулся.

— Большой ты знахарь, продолжалъ Семенъ Мартыновичъ,—да и я не хуже тебя.

Тутъ учитель всталъ и пересѣлъ на другую лавку.

— Хочешь-ли, говоритъ, — я эту змѣю не въ три дня, а сейчасъ изъ Ваньки выгоню?

Волкъ злобно покосился на него.

— Гоняй, мнѣ что! сказалъ онъ самоувѣренно:— твоя силы нѣтъ, твоя не достанетъ ее.

— Анъ, достану и посажу тебѣ за пазуху.

Учитель всталъ, велѣлъ всѣмъ отойти отъ Ваньки, взялъ свою палку и началъ водить ею по полу, бормоча вслухъ непонятныя слова.

Знахаря коробило. Пользуясь суевѣріемъ другихъ, онъ самъ былъ такой же суевѣръ. Глаза его бѣгали, лицо посинѣло, даже начали подергивать судороги. Учитель все продолжалъ колдовать; потомъ вдругъ хлебнулъ изъ чашки воды, прыснулъ ею въ знахаря и закричалъ:

— Гляди, змѣй у тебя!

Волкъ сунулъ руки за пазуху и повалился въ ужасѣ на полъ: когда его пальцы схватили ужа и судорожно сжались, ужъ обвился около руки. Съ знахаремъ сдѣлался судорожный припадокъ.

Учитель взялъ ковшъ воды и вылилъ ему на голову. Анисимъ опомнился; взглянулъ на руку, увидалъ ужа, стряхнулъ его и, недолго думая, бросился бѣжать изъ деревни.

Всѣ были поражены видѣннымъ. Только мальчикъ Федька, показавшій ужа учителю, хохоталъ до упаду; хохотали и другіе ребятишки, которымъ онъ успѣлъ объяснить продѣлку учителя, хохоталъ и Ванька, давно соскочившій съ конника.

— Ну, сказалъ Семенъ Мартынычъ, обрашаясь къ хозяевамъ:—не стыдно ли вамъ вѣрить такимъ пустякамъ? Вѣдь ребята ваши умнѣе васъ. Эй, Мишка, бери ужа, клади себѣ за пазуху.

Мишка съ торжествомъ сунулъ ужа за рубашку.

— Ну что, прогрызъ онъ тебѣ брюхо?

— Нѣтъ, дяденька,—и Мишка вытащилъ ужа.

— Ванька, а тебѣ ужъ пузо прогрызъ?

— Нѣтъ, Семенъ Мартынычъ, не прогрызъ; я думалъ, это барскій кнутикъ и спряталъ его за пазуху, чтобы барчатамъ отдать, а онъ возьми и завозись. Ну, я испугался.

— Ха, ха, ха! расхохотался учитель.—Гдѣ же ты нашелъ этотъ кнутикъ?

— Да въ сѣнѣ, что тятька привезъ.

— Ну, ладно, а до Волка мы еще доберемся, ребята. Знаю я, какъ онъ на ворованныхъ лошадей ворожитъ. Дай срокъ.

Прошла зима, а за нею и весна. Наступило лѣто, и начали мальчишки гонять лошадей на ночную

пастьбу. Соберется вечеромъ босая кавалерія, на измученныхъ клячахъ и катитъ куда-нибудь на пары или на скошенныя луговины. Спутаютъ коней, пустятъ пастись, разложатъ костеръ и балагурятъ до зари; кто и прикурнетъ, пригрѣтый огнями костра. Но очередь ведутъ строго, словно казаки заправскіе. Только разъ, подъ утро, стало какъ-то очень холодно, и очередные заснули.

Просыпаются ребятки, а трехъ лошадей какъ не бывало. Туда, сюда—нѣтъ, да и только. Взвыли мальчонки: и лошадей жаль, и домой хоть не кажись. Совсѣмъ растерялись, бѣдняжки. Но дѣлать было нечего, собрали остальныхъ лошадокъ, распутали ихъ и уныло поѣхали въ деревню.

У самой околицы встрѣтился имъ Семенъ Мартынычъ. Неугомонный старикъ вставалъ ранехонько и ходилъ удить рыбу на рѣку—это было любимое его занятіе.

Увидавъ доморощенную кавалерію, онъ пріостановился и крикнулъ:

— Здорово, молодцы!

— Здравія желаемъ! отвѣчали ребятки. Шутки ради, онъ выучилъ ихъ отвѣчать по-солдатски.

— На службу пойдете, говорилъ онъ,—все равно, обучаться этому надо. Заплаканныя мордочки нѣкоторыхъ казаковъ удивили его.

— Или неладное что случилось? спросилъ старикъ.

— Три коняка пропали! заголосили мальчуганы хоромъ.

— Ну, чего тужить! чубы надерутъ, да вѣдь свои, не купленные. И подѣломъ, не спи; а лошадей найдутъ: Волкъ взялъ, Волкъ и отдастъ. Охъ, этотъ Волкъ! двуногій, а хуже четвероногаго.

Дѣйствительно, какъ сказалъ учитель, такъ и случилось. Сходили хозяева пропавшихъ лошадей къ Анисиму, снесли ему малую толику,—и какъ по щучьему велѣнью, лошади нашлись въ указанномъ имъ оврагѣ.

Между тѣмъ, Семенъ Мартынычъ, поуживая рыбку, все думалъ и гадалъ, какъ бы изловить двуногаго Волка. Онъ былъ убѣжденъ, что воровство лошадей, повторявшееся изъ года въ годъ, есть дѣло рукъ знахаря. Самъ украдетъ, спрячетъ да за хорошій магарычъ самъ и укажетъ, гдѣ лошадь. Подговоривъ трехъ дюжихъ парней, Семенъ Мартынычъ потихоньку отправился съ ними на ночное и прихватилъ на случай ружье, заряженное мелкою дробью.

Размѣстились они вокругъ табуна такъ, что и ребята о томъ не знали. Подъ утро, когда караульщики притихли и костеръ угасъ, видитъ одинъ изъ парней, что крадется, припавъ къ землѣ, какая-то темная фигура. Митька, слывшій первымъ силачемъ въ деревнѣ, въ первую минуту испугался, но потомъ одумался, подползъ къ Семену Мартынычу и указалъ на вора.

— Молчи, я и самъ его вижу. Дай срокъ, что будетъ.

Воръ продолжалъ ползти къ табуну. Лошади захрапѣли. Тогда онъ тихо поднялся съ земли, подошелъ къ ближайшей лошади, схватилъ ее за гриву и началъ распутывать. Вдругъ Семенъ Мартынычъ выстрѣлилъ и съ крикомъ бросился съ Митькой за воромъ. Наперерѣзъ ему сейчасъ же подоспѣли другіе парни и словили добраго молодца. Лошади шарахнулись, вскочили и мальчишки, глядятъ—у Митьки въ лапахъ барахтается Анисимъ Волкъ. Мигомъ скрутили ему руки веревкой, собрали табунъ и отправились къ деревнѣ.

— Тебя-то мнѣ и надо, знахарь и колдунъ! говорилъ учитель. — Такъ-то ты народъ морочишь! Погоди, теперь нашъ чередъ ворожить надъ тобою. Погоди, надѣнутъ на тебя путы желѣзные и засадятъ куда слѣдуетъ.

— Погоди! вторили мальчики.—Много волосъ вытеребили у насъ изъ-за тебя. Вишь ты, двуногій волкъ какой! храбрились они, а у самихъ мурашки бѣгали по спинѣ. И безъ того всѣ боялись колдуна, а теперь на него взглянуть было страшно.

Щетинистые черные волосы разметались, лицо помертвѣло и искривилось, бороденка тряслась, а косые глаза такъ и прыгали, такъ и искрились злымъ, звѣринымъ огнемъ. И правда, это былъ настоящій звѣрь лѣсной, а не человѣкъ, звѣрь, пойманный въ капканъ. Митюху, и того коробило отъ взгляда колдуна. Только одинъ Семенъ Мартынычъ не поддавался этому страху. Весело шелъ онъ среди толпы и посмѣивался надъ знахаремъ. Пока до-

шли до околицы, ужь начало разсвѣтать. На улицѣ и по дворамъ сновалъ народъ. На шумъ приближавшейся толпы разомъ высыпали всѣ—и старые, и молодые, и дѣды, и бабки, и мужики, и бабы.

— Что такое?

— Вора поймали.

На улицѣ стонъ стоялъ отъ криковъ. Сначала никто вѣрить не хотѣлъ, видя, что воръ это былъ Анисимъ.

— Да вы что затѣяли, озорники! а? кричала одна старуха.—Что затѣяли! Шелъ человѣкъ мимо табуна, а вы съ просонокъ—хватъ его: воръ, говорите.

Пришло начальство—старшина, писарь, урядникъ. Начался допросъ. Но и тутъ дѣло, видимо, клонилось къ тому, что виноваты ребяты, а не Анисимъ. Колдунъ пріободрился, сталъ оправдываться. Еще немного, и все обрушилось бы на ребятъ и на учителя.

— Стой, дѣдушка-старшина! выскочилъ изъ толпы бойкій мальчишка Гришка:—а это что? и онъ вытащилъ изъ-за пазухи колдуна нѣсколько недоуздковъ.—Гляди-ка, это ему зачѣмъ?

Всѣ бросились смотрѣть находку.

— Впрямь, братцы, заговорилъ одинъ мужикъ:—вѣдь это тѣ самые недоуздки, что были на украденныхъ у насъ лошадяхъ.

Притащили одинъ недоуздокъ, сравнили—точно та-же работа, та-же веревка.

Сразу смолкли всѣ толки, и для всѣхъ стало

ясно, кто воровалъ лошадей. Припомнились мужичкамъ трудовые рубли, которые они носили Анисиму, и то, что за нѣсколько минутъ грозило ребятамъ, обрушилось-бы на колдуна, если-бы не вступился учитель.

— Нѣтъ, братцы, не тронь его, отвѣтите. Надо по закону. Везите къ становому.

День былъ рабочій, и порѣшили мужички запереть вора въ амбаръ, а завтра свезти къ становому.

Но, увы, случилось не такъ. Пришли утромъ къ амбару—замокъ цѣлъ, все въ порядкѣ, а отперли—колдуна какъ не бывало. Осмотрѣли полы, крышу, стѣны—все цѣло. Словно въ замочную скважину ушелъ. Повѣсили мужики головы, всѣхъ обуялъ страхъ и предчувствіе бѣды.

Ну, ушолъ, такъ даромъ не спуститъ, толковалъ народъ.—Эхъ, Семенъ Мартынычъ, нагналъ ты на насъ горе!

— Стыдно вамъ, бабы вы, что-ли! Ушолъ, такъ найдемъ. Иванъ Трофимычъ, обратился онъ къ урядннику:—пиши бумагу, поѣзжай къ становому, да и опиши все, какъ было, не то самому плохо придется.

— А ты что за начальство? вступился волостной писарь.—Учитель, такъ и знай свое дѣло. Не тебѣ воровъ ловить.

— Это правда, не мнѣ воровъ ловить, да не тебѣ-бы ихъ и выпускать. Знаю я васъ. У кого былъ ключъ отъ замка?

— У писаря, у писаря! раздалось въ толпѣ.

— Коли у писаря, значитъ, онъ и выпустилъ. Пиши, Иванъ Трофимычъ, такъ и пиши, не то до губернатора дойду.

Написать написали, но толку не вышло.

Колдунъ какъ въ воду канулъ; все лѣто даже домой не показывался и никто его не видалъ.

Стояла осень, о колдунѣ давно забыли. Но онъ самъ о себѣ напомнилъ.

Какъ-то вечеромъ, Ванька, тотъ самый, которому змѣй въ пузо залѣзъ, отпросился у матери ночевать къ дѣду. А дѣдъ жилъ въ сторожкѣ у церкви—онъ былъ сторожемъ. Противъ церкви стояла школа. На улицѣ было темно, хоть глазъ выколи. Идетъ Ванька, храбрится, а самому—ухъ, какъ жутко; еслибъ не Орелка, онъ навѣрное-бы вернулся домой, ну, а съ Орелкой все-же не такъ страшно: собака здоровая, хоть волка—и того не побоится.

Подходитъ Ванька къ оградѣ, вдругъ видитъ около школы блеснулъ огонекъ, а вслѣдъ затѣмъ вспыхнуло яркое пламя и освѣтило человѣчью фигуру.

Орелка мигомъ бросился туда; между человѣкомъ и собакой завязалась борьба.

Ванька не будь глупъ, подбѣжалъ къ оградѣ, дернулъ за веревку и ну звонить, что было мочи, въ набатный колоколъ. Выскочилъ старикъ изъ сторожки; высыпали на улицу всѣ, кто не спалъ еще, и бросились къ школѣ. А Ванька мой оретъ себѣ:

— Вотъ онъ, вотъ онъ, держи его! Орелка тоже не отстаетъ; на его лай сбѣжались другія собаки и ходу не даютъ поджигателю.

— Митюха, Митюха, голубчикъ! вотъ онъ, держи его! надрывается Ванька.

Митюха мигомъ добѣжалъ до человѣка, отбившагося отъ собакъ, и всей своей медвѣжьей тушей налегъ на него.

Тутъ на крики подбѣжали другіе.

— Кого поймалъ? спрашиваютъ.

— А кто его знаетъ! на бери! отвѣчаетъ Митюха. — Вишь, звѣрь какой, палецъ чуть не откусилъ...

— Это онъ, дяденька, поджогъ, онъ самый! я видѣлъ, его Орелка поймалъ! пищалъ Ванька.

Скрутили поджигателя, привели къ церкви, глядятъ—и глазамъ не вѣрятъ: Анисимъ!

Между тѣмъ школа была уже вся въ огнѣ.

— Церковь-то, церковь отстаивайте! кричалъ народу полуодѣтый Семенъ Мартынычъ.

Церковь отстояли, но школа сгорѣла до-тла. Сгорѣло все и у бѣднаго учителя. Народъ обозлился и бросилъ-бы въ огонь колдуна, еслибъ не Семенъ Мартынычъ.

— Что вы, братцы, слыханное-ли дѣло колдуна жарить! Да кто-же ѣсть-то станетъ? говорилъ учитель, думая хоть шуткой образумить толпу.

— Толкуй! кричали ему.—Мало онъ намъ сухоты надѣлалъ. Ономнясь изъ-подъ замка ушолъ. Извѣстно—колдунъ. Вали его, ребята!

Къ счастью, въ это время застучали колеса и подъѣхалъ баринъ.

— Что такое?

Учитель бросился къ нему и объяснилъ, въ чемъ дѣло.

— Стой, что вы дѣлаете! давай колдуна сюда!

Народъ опомнился, все понемногу уладилось. Анисимъ былъ спасенъ, но на этотъ разъ ему не удалось улизнуть въ замочную скважину. Ключъ баринъ взялъ къ себѣ, а мальчишки-школьники и парни, подъ командой учителя, всю ночь стерегли колдуна, пока утромъ его не отвезли куда слѣдуетъ.

Узнавъ исторію Ванькинаго кнутика, баринъ на томъ самомъ лугу, гдѣ пропалъ кнутикъ у барчатъ, устроилъ ребятамъ праздникъ на славу. Цѣлые мѣшки привезли туда пряниковъ, орѣховъ, яблокъ и всякой сласти и раздавали пригоршнями. Ваньку нарядили такъ, что онъ самъ себя не узнавалъ, и назначили старостой.

Школу выстроилъ баринъ новую, краше прежней. Не забылъ онъ и Семена Мартыновича; да и земство наградило его по заслугамъ.

Съ тѣхъ поръ въ томъ селѣ даже старухи перестали вѣрить въ колдуновъ и знахарей.

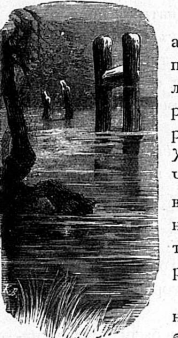

Кикимора.

(Посмертный разсказъ М. Н. Богданова).

Опытъ дѣда —
Внуку кладъ.

а пригорочкѣ, надъ мельничнымъ прудомъ, пріютился низенькій бѣлый домикъ; а за нимъ между деревьями стараго сада виднѣлись разныя хозяйственныя постройки. Жили поживали тутъ старички Чембулатовы. Дѣтей у нихъ живыхъ никого не осталось. Если-бы не единственный внучекъ Саша, то и жить-бы скучно было старичкамъ.

Иванъ Петровичъ, не смотря на восьмой десятокъ лѣтъ, былъ бодрый, веселый и большой хлопотунъ. Хозяйство у него всегда шло отлично. Коней и скота было вдоволь; хлѣба полные амбары;

словомъ, домъ былъ полная чаша, какъ говорили въ старину. Кромѣ того, Иванъ Петровичъ былъ страстный охотникъ до всякихъ птицъ и чего, чего у него только не было! Чуть не десять голубятенъ были переполнены всевозможными голубями.

Бывало выйдетъ утромъ на крылечко, принесутъ ему чаю, мѣшечекъ пшеницы. Около крыльца былъ расчищенъ точокъ. Мальчишки голубятники отопрутъ всѣ голубятни. Съ шумомъ вспорхнутъ оттуда голубиныя стаи. Однѣ изъ нихъ взовьются къ небу. Другія летятъ на кругахъ. Третьи стремятся прямо къ Ивану Петровичу. И какихъ только тутъ голубей не было: дутые, трубастые, съ хвостомъ какъ у индюка; бухарскіе въ мохнатыхъ шапочкахъ, огнистые съ воротниками, какъ у генеральской шубы. А въ воздухѣ кувыркались турмана; катились на хвостахъ катуны; кружили на страшной высотѣ стаи чистыхъ... да всѣхъ и не перечтешь! Это было голубиное царство.

Стоило только Ивану Петровичу бросить первую горсть пшеницы на точокъ, какъ всѣ голуби, словно по командѣ, съ шумомъ стремились къ корму. Стая за стаей опускались новые гости на пиръ. Все смѣшивалось въ общую кучу. Мѣшокъ съ пшеницей опрастывался. Наѣвшіеся голубки летѣли на берегъ пруда пить, чистились, ворковали и отправлялись по своимъ голубятнямъ.

Въ домѣ у Ивана Петровича были другіе нахлѣбники. Не было, кажется, окошка, гдѣ-бы не висѣло клѣтки.

Въ углахъ стояли вольеры и все это было занято птицами. Въ однѣхъ клѣткахъ жили соловьи, жаворонки, дрозды и другіе отборные пѣвцы; а въ вольерахъ содержались хористы: щеглы, снигири, зяблики и т. п. Многіе изъ нихъ были ручные. Иванъ Петровичъ бралъ ихъ маленькими изъ гнѣздъ, выкармливалъ и воспитывалъ.

Послѣ завтрака, иной разъ, онъ устраивалъ банкетъ своимъ питомцамъ. Клѣтки и вольеры съ ручными птицами открывались; онѣ выпархивали оттуда, садились на руки, на голову старику, точно ласкались къ нему; на подносѣ подавался птичій десертъ; чего тутъ только не было: различныя зернышки, кусочки булочки, размоченной въ молокѣ, мелко-накрошенный салатъ, разваренный рисъ, муравьиныя яйца и т. д. Гости живо набрасывались на угощеніе и начинался шумный пиръ, съ пискомъ, крикомъ и драками.

У такого дѣда, конечно, Сашѣ было не житье, а масляница. Къ тому-же старикъ былъ очень образованный, начитанный человѣкъ, и многое видалъ на своемъ вѣку. Все-то бывало разскажетъ Сашѣ, покажетъ, если можно, научитъ какъ сдѣлать, и стали дѣдъ съ внукомъ друзья неразлучные. Гдѣ дѣдушка—тамъ и внучекъ. Лѣтомъ—въ полѣ, въ лѣсу, да по хозяйству; а зимой, утромъ, Саша учится у дѣдушки; въ хорошіе дни гуляютъ, катаются, навѣщаютъ своихъ питомцевъ. Въ долгіе зимніе вечера, почти каждый день, если не было гостей,

шли у нихъ бесѣды о томъ и о семъ. Особенно любилъ Саша, когда дѣдушка разсказывалъ ему что-нибудь про старину или какой-нибудь случай изъ своей жизни.

Одинъ изъ такихъ разсказовъ, переданный намъ Сашей, приведемъ теперь.

Какъ-то разъ зимой сидѣли мы съ дѣдушкой вечеркомъ передъ каминомъ; на дворѣ мятель крутила снѣгъ и завывала такъ, что и дома жутко было. Сидѣлъ, сидѣлъ дѣдушка и говоритъ:

— Вспомнился мнѣ такой вечеръ, когда еще я былъ мальчикомъ, какъ ты. Такая-же мятель крутила на дворѣ. Батюшка съ матушкой отправились съ утра на имянины къ сосѣду, да, видно изъ-за мятели, и остались ночевать. Мы съ няней сидѣли въ дѣтской; въ домѣ была полная тишина. Только въ прихожей раздавался храпъ соннаго Андрея, да изрѣдка изъ кладовой доносился стукъ стеклянной посуды: это разгуливали тамъ крысы—злѣйшіе враги няни.

— Охъ это мнѣ крысье! ворчала она,—и дыры кажется заколачиваешь, и кошекъ туда запирала, все толку нѣтъ. Кошекъ запрешь — еще хуже, и крысы блудятъ, и кошки блудятъ. Да и крысищито какія, чуть не съ кошку. Васька котъ съ одной-было связался; такъ куда тебѣ, чуть самого не загрызли.

— Няня, няня, кто это? Слышишь что-ли?

А няня, на грѣхъ, была туга на ухо. Прислушивалась, прислушивалась.

— Никого, батюшка, нѣтъ.

Вой опять повторялся и кто-то сталъ царапаться въ сѣнную дверь. Спрыгнуть съ лежанки и пробѣжать въ переднюю было дѣломъ одной минуты. Тамъ сидѣлъ старый лакей, Андрей, главный блюститель порядка и охранитель дома. Но, увы, Андрей спалъ сладкимъ сномъ, сидя на лавкѣ съ развернутой книгой.

— Андрей! Андрей! началъ я его тормошить.

— Что, что это? всполошился онъ съ просонья.

Въ это время, снова жалобный собачій вой и царапанье въ дверь; но только собака была чужая, потому что у нашихъ ни у одной такого голоса не было.

Едва Андрей отперъ дверь, въ прихожую юркнуло что-то такое, чего мы сразу и не разобрали; собака не собака, звѣрь не звѣрь, какой-то комъ снѣга, на четырехъ ножкахъ.

— Ахъ, Господи, что за чудовище такое! Сколько лѣтъ живу, а видѣть не случалось.

Но чудовище такъ обрадовалось, увидавши людей, что взвыло дикимъ голосомъ, встряхнулось и обратилось въ лохматую собаченку.

— Поглядѣть, собака будто, сказалъ Андрей,— да все-же какая-то чудная,—и покосился на нее.

Я началъ ласкать промерзшую бѣдняжку, она еще разъ встряхнулась и мы отправились въ дѣтскую. Няня какъ увидала собаченку, даже чулокъ съ испугу выронила.

— Ахъ, батюшка! да гдѣ ты взялъ такую кикимору? Чуръ меня! Чуръ меня!

— Какая, няня, кикимора; это собачка, смотри какая хорошенькая.

— Что ты, голубчикъ, что ты, свѣтикъ, да это лѣсная кикимора; откуда взяться собакѣ, теперь и звѣря съ логова не сгонишь; нѣтъ ужь какъ хочешь, зачурайся, да выгони ее вонъ.

Меня разобрала досала.

— Ну нѣтъ, няня, ты какъ хочешь, только это собака и я ее не выгоню. Вотъ завтра увидишь, а теперь дай-ка молочка ей.

— Вишь что выдумалъ, молочка ей; это кикиморѣ-то?

— Ну да; вотъ давай спорить: если это кикимора, то не будетъ она ѣсть молоко?

— Кикимора, конечно, не будетъ ѣсть, съ сомнѣніемъ сказала няня.

— Ну давай, сдѣлаемъ пробу.

Поковыляла моя старуха, принесла молочка.

Кикимора такъ и набросилась на него. А я пустился передъ ней въ плясъ.

— А ну что, кикимора? Кикимора?!

— Ну будь по твоему, песъ такъ песъ, а все-же такихъ не видывала.

Наѣвшись молочка, кикимора стала жаться ко мнѣ и лизать мнѣ руки.

Тутъ только я и самъ разсмотрѣлъ ее.

Хвоста у ней не было. Уши тоже обрѣзаны; и вся она покрыта всклокоченной, торчащей шерстью,

отъ кончика носа до самаго хвоста. Казалось такъ и уколешься объ эту шерсть; а на самомъ дѣлѣ, она была мягка, какъ шелкъ. Густо спускалась шерсть на глаза; какъ черныя звѣздочки блестѣли они между волосъ.

На всей собачкѣ шерсть была какая-то голубовато-сѣрая, а на мордочкѣ — свѣтло-рыженькая. Видя, что она дрожитъ, я устроилъ изъ коврика ей постельку, въ углу около печки, уложилъ ее и закрылъ тряпкой. Бѣдный иззябшій песикъ съ благодарностью принималъ мои заботы.

Поужиналъ я съ няней и улегся спать, довольный тѣмъ, что у меня есть собачка.

Проснувшись раньше обыкновеннаго, первымъ дѣломъ, конечно, я спросилъ няню:

— Гдѣ Кикимора?

— Здѣсь, здѣсь, касатикъ. Ну, дорогого стоитъ твоя Кикимора, отвѣтила няня.

— А что такое?

— Да такая-то умница, что и цѣны ей нѣтъ; пошла я утромъ въ кладовую, отперла дверь, только шагнула, а изъ кадушки съ масломъ крысица,—да какая большая—прыгъ на полъ! Откуда ни возьмись твоя Кикимора, какъ сцѣпится съ ней, такъ клубкомъ и покатились. Не успѣла я ахнуть, смотрю загрызла. Вотъ ты и подивись; сама-то съ крысу, а что дѣлаетъ. Гляжу наверхъ, а на шкапу Васька-котъ, сидитъ да поглядываетъ только. Вѣдь сколько ночей запирала

его туда, чтобъ поймалъ крысу! Ну-ка я его клюкой со шкапа! Такъ и выгнала. Ну, а Кикимору и накормила, и напоила. И откуда она только взялась?

Къ вечеру пріѣхали батюшка съ матушкой и мы съ няней на перебой разсказывали имъ о Кикиморѣ. Матушка, какъ увидала ее, такъ и ахнула.

— Ахъ какой уродъ!

На это отецъ замѣтилъ:

— Нѣтъ, не уродъ, а это дѣйствительно дорогая собачка. Когда нашъ корабль стоялъ въ Ливерпулѣ въ Англіи, я видѣлъ тамъ много такихъ. Ихъ англичане называютъ крысоловками или терьерами и употребляютъ для травли крысъ, мышей и другихъ мелкихъ звѣрковъ. Только откуда же она забѣжала? Здѣсь ни у кого нѣтъ такихъ собакъ. Вѣрно какой-нибудь проѣзжій потерялъ.

Я запомнилъ слова отца и порѣшилъ заняться съ весны охотой на звѣрковъ.

Но и зимой Кикиморѣ, какъ мы и прозвали ее всѣ, было не мало дѣла.

Каждый день она усердно занималась истребленіемъ крысъ и мышей, которыхъ въ нашемъ старомъ домикѣ было вдоволь. По цѣлымъ часамъ караулила она этихъ гадинъ и ловила ихъ безъ промаху.

Къ веснѣ домикъ былъ очищенъ отъ нихъ, къ стыду всѣхъ жирныхъ кошекъ и котовъ, которыхъ было у насъ не мало. Въ одинъ прекрасный день, матушка съ няней порѣшили выгнать изъ дому

всѣхъ этихъ дармоѣдовъ, и отнесли ихъ на село къ матушкѣ попадьѣ.

Пришла весна, сбѣжалъ весь снѣгъ со степи, зазеленѣла наша чудная степь: покрылась пестрымъ узоромъ цвѣтовъ, различныхъ тюльпановъ.

Вернулись веселые степные пѣвцы. Вылѣзли изъ своихъ норокъ суслики и другіе звѣрки.

Тутъ-то и началась наша настоящая охота съ Кикиморой. Особенно ей полюбились суслики; она такъ ловко справлялась съ ними, что рѣдкій день я не приносилъ домой десятковъ двухъ.

Кучеръ Иванъ снималъ съ нихъ шкурки и мы скоро съ нимъ набрали на цѣлый мѣхъ.

Наступило лѣто, подросла трава въ степи, заколосились хлѣба на новинахъ; сусликъ сталъ осторожнѣе и наша охота съ каждымъ днемъ дѣлалась менѣе удачной.

Такъ шло до осени. Когда убрали хлѣба, свезли ихъ въ гумна, народъ поосвободился отъ работъ, одинъ мужичекъ-охотникъ предложилъ мнѣ попробовать Кикимору на бѣлокъ. Но увы, Кикимора оказалась тутъ негодной: на бѣлокъ не лаяла, искать ихъ не искала.

— Ну нечего дѣлать, сказалъ мужичекъ,—значитъ на бѣлку она не поважена; подожди, барчукъ, попытаемъ хоря промышлять.

— А гдѣ его найти?

— Найдемъ, только не теперь, а вотъ какъ снѣжокъ выпадетъ, по слѣдочку-то мы его и разыщемъ.

Ждалъ съ нетерпѣніемъ я снѣга. Наконецъ какъ-то утромъ просыпаюсь, взглянулъ въ окошко, все бѣло. Няня говоритъ:

— Вставай, тебя Ефремъ спрашиваетъ (такъ звали охотника).

Собравшись живой рукой и спросивъ позволеніе у батюшки, я отправился съ Ефремомъ на охоту. Онъ взялъ съ собой свою дворняшку Жучку; за поясомъ его торчалъ топоръ; а въ рукахъ была палка съ желѣзнымъ наконечникомъ.

Пошли мы къ рѣчнымъ кустамъ. Снѣгъ былъ покрытъ пестрымъ узоромъ слѣдовъ; тутъ были и большіе, и маленькіе. Все это путалось, перекрещивалось между собой; а Ефремъ мнѣ разсказывалъ:

— Вотъ примѣчай, баринокъ, вотъ маленькіе-то слѣды мышей; это вотъ пробѣжалъ заяцъ; тутъ слѣдочекъ ласки, а вотъ и кумушка лиса прогуливалась. Стой-ка, баринокъ! Жучка, Жучка, сюда! Вотъ онъ и хорь, сказалъ онъ мнѣ.

Жучка внюхалась въ слѣдъ и побѣжала по немъ отыскивать хорька. Мы тоже пошли по слѣду. Слышимъ, Жучка въ кустахъ лаетъ. Побѣжали мы къ ней, а она роетъ когтями подъ корнями ольхи.

— Вотъ онъ гдѣ, погоди, пріятель. Жучка, долой! Ефремъ вынулъ изъ кармана два обломка косы и началъ водить одинъ о другой, какъ точатъ косы. Едва провелъ онъ нѣсколько разъ, изъ-подъ корней съ ворчаніемъ выскочилъ хорь, бросился на Жучку и вцѣпился ей въ губу. Но Кикимора живо схватила его за шею и обѣ собаки растянули звѣрка.

— Долой! долой! кричалъ Ефремъ, шкурку изорвете. Ну вотъ, баринокъ, говорилъ онъ, отряхивая хорька, первая шкурка на шубу и есть.

Походили мы съ нимъ еще; устали, хорьковъ не нашли и вернулись домой. Придя домой, я наобѣщалъ добрый десятокъ шубъ и батюшкѣ и матушкѣ, и нянѣ и кому только уже я не знаю.

Но увы, надежды мои не сбылись. Первый нашъ хорекъ былъ и послѣднимъ. На другой день мимо нашего дома проходила псовая охота одного помѣщика. Я стоялъ съ Кикиморой у воротъ.

Задорная собаченка, увидавъ собакъ, не вытерпѣла, бросилась къ нимъ и на моихъ глазахъ, въ одну минуту, стая гончихъ накинулась на эту крошку и разорвала ее въ клочки.

Въ слезахъ прибѣжалъ я домой. Смерть общей любимицы поразила всѣхъ; особенно горевала моя няня.

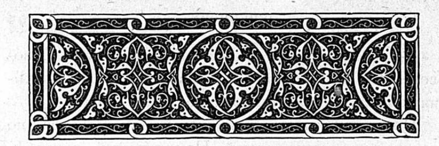
— Теперь, безъ Кикиморы, заѣдятъ насъ крысы, твердила она.

Дѣдушка замолчалъ. Взглянулъ я на него— грустно было лицо старика.

— Что, дѣдушка, жалко Кикимору?

— Жалко, дружокъ. Все хорошее терять жалко; потому что хорошаго на землѣ меньше, чѣмъ плохого.

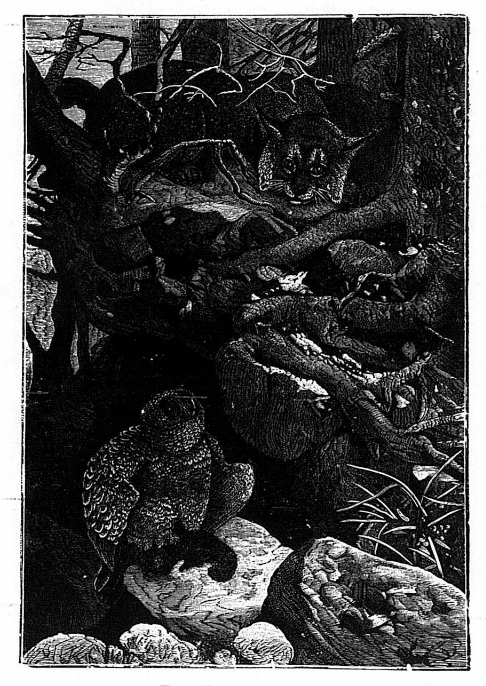

Въ лѣсной глуши.

Взгляните на рисунокъ. Это произведенiе одного изъ талантливыхъ живописцевъ животныхъ—Шпехта. Художникъ завелъ насъ въ самую глушь стараго, дремучаго лѣса, въ глубокiй оврагъ. Корни столѣтнихъ деревъ расползлись по обломкамъ скалъ. Всего двѣ фигуры оживляютъ пейзажъ. Но сколько въ нихъ выраженiя. Всмотритесь въ эти двѣ пары глазъ. Одни круглые, желтые, съ широкимъ зрачкомъ; другiе зеленые, свѣтящiеся. Выраженiе злобы самой свирѣпой свѣтится въ нихъ. И глаза, и фигуры совы и рыси неподвижны: они застыли; но застыли такъ, что въ слѣдующiй моментъ.. вотъ, вотъ еще секунда—и завяжется борьба изъ-за бѣлки, въ которую судорожно вонзились когти совы.

Исходъ борьбы предсказать не трудно: бѣлка будетъ въ желудкѣ рыси, а можетъ быть и сова

Въ лѣсной глуши.

попадетъ туда-же. Горе ей, если она прокараулитъ малѣйшее движеніе могучаго врага и не успѣетъ ловкимъ взмахомъ крыльевъ увернуться отъ его удара. Лишь только бархатная лапа рыси коснулась пушистыхъ бѣлыхъ перьевъ совы — участь ея рѣшена безповоротно.

Бѣдняга! Вѣдь она три дня уже не ѣла. Снѣгомъ окуталась ея родная тундра. Повыкопали въ этомъ снѣгу *пеструшки* (маленькія, красивыя, безхвостыя мыши сѣвера) галереи, у самой земли; тепло имъ тамъ подъ снѣгомъ. Лишаи, покрывающіе тундру, вкусны и питательны. Пеструшка счастлива, тѣмъ болѣе, что злымъ врагамъ—песцу и бѣлой совѣ — не докопаться до нея сквозь толстый слой снѣга.

Голодаетъ песецъ; не сытно и совушкѣ.

Бѣлыя куропатки одѣлись на зиму въ свой бѣлоснѣжный нарядъ. Не отличить ихъ желтому совиному глазу отъ снѣга, не учуять въ морозномъ воздухѣ чуткому носу песца.

Рогатые жаворонки, подорожники, шеврицы— словомъ, всѣ пернатые обитатели, кромѣ бѣлой куропатки, давно покинули тундру и отлетѣли зимовать; одни на широкія поля и дороги средней Россіи; шеврицы-же махнули дальше, за Черное и Средиземное море, въ Аравію и Египетъ.

Голодно стало, невыносимо голодно хищникамъ тундры и они двинулись на югъ; песецъ въ тайгу, а бѣлая сова еще дальше. Не любитъ она лѣса.

Ея родина, ея поле дѣятельности—открытый просторъ полярной тундры.

Но широки непроглядные дремучіе лѣса сѣверной половины русскихъ равнинъ. Не перелетѣть ихъ сразу, въ одинъ пріемъ. Невольно приходится гдѣ дневать, гдѣ ночевать въ тайгѣ. Готоваго ужина не найдешь, надо промыслить. И было бы чего. Снѣгъ между сосенъ и елей испещренъ узорами слѣдовъ мышей лѣсныхъ, куторъ, бѣлокъ, зайцевъ, тетеревовъ, глухарей. Клесты, щуры, синицы, дятлы и другія птички шныряютъ по вѣтвямъ, долбятъ кору, обгрызаютъ почки. Но не съ руки совѣ ловить добычу въ чащѣ лѣсной. Голодная, усталая, полусонная усѣлась она на краю оврага.

Вдругъ на днѣ оврага, по глубокому рыхлому снѣгу, неуклюже, прыжками поскакала бѣлочка. Ее прельстили шишки развѣсистой ели, росшей на противоположной сторонѣ оврага. Широко раскрылись глаза совы; мигомъ порхнула она внизъ и схватила рѣдкую, необычную добычу. Довольная, счастливая усѣлась на скалу наша странница въ надеждѣ покушать бѣльчатины.

А тутъ вдругъ настоящая хозяйка лѣсной трущобы, словно вора, накрыла нашу совку. Непріятно, какъ хотите. Дѣлать, однако, нечего. Сама виновата. Не залетать-бы въ глушь частаго лѣса, не ловить бы чужую добычу.

Другія товарки совы умнѣе. Перелетая черезъ тайгу, онѣ станують на обширныхъ торфяныхъ болотахъ, разбросанныхъ въ тайгѣ. Эти болота—миніатюра тундры; тѣ-же растенія, почти тѣ-же обитатели, только вмѣсто пеструшки—полевки и мыши. Жиличка тундры здѣсь, въ своей обстановкѣ, словно странница-богомолка, пробирающаяся въ Соловки по деревнямъ и посадамъ. Прилетѣла на болотину, отряхнулась, образилась, оглядѣлась кругомъ—и лови мышей на пропитаніе!.. Никто тебѣ не помѣха. Только посторонится коренной житель болота.

Съ болота на болото, по пословицѣ: «языкъ до Кіева доведетъ», добирается бѣлая совушка до широкихъ полей средней Россіи, ковыльныхъ степей Украйны и Поволжья.

Просторъ здѣсь вѣтру буйному, его женѣ мятелицѣ; лишь злится вьюга-мачиха на счастье этой парочки.

Наложитъ зима-старая, какъ одѣяльце теплое, снѣгъ на поля, на пажити, на степи нетронутыя; старикъ, морозъ, какъ зеркальцемъ, прикроетъ озера, и рѣчки, и рѣчушечки, чтобы рыбкамъ ихъ теплѣй было. Пустѣетъ степь широкая. Кто спрячется въ норѣ, заснетъ тамъ богатырскимъ сномъ; кто улетитъ на югъ. Но все-жъ не съ тундрой сравнивать—и мыши, и полевочки кишмя-кишатъ въ степи.

Покроетъ зима снѣгомъ ихъ, укутаетъ какъ слѣдуетъ. Разсердится мятелица, подуетъ, снѣгъ повымететъ, набьетъ овраги, балки имъ, а степь всю оголитъ. Счастлива куропаточка, не сердится русакъ—любимцы-то мятелицы; имъ сытно въ ози-

мяхъ; не нужно разгребать снѣжокъ. Не то мышамъ, полевочкамъ: ихъ ходы пораскрыты всѣ, отъ галерей остатки лишь—работай на виду; а это имъ невыгодно. Слѣдитъ за ними врагъ лютый. *Мышкуетъ* въ степи лисынька—до сотни штукъ отдай ей въ день. Гуляетъ ночью злющій хорь, свирѣпый горностай—и имъ подай по четвертной, чтобъ голодъ утишить. Не вся еще напасть. Всю степь обыщутъ ноченькой свои, чужія совыньки, и каждой дань плати.

Вотъ тутъ-то наша странница, лѣсная неудачница, какъ-разъ въ своей семьѣ; всю зиму дань дешевую сбираетъ со степи.

Вернемтесь-же къ хозяюшкѣ, лѣсныхъ трущобъ владѣлицѣ. Какъ жизнь ея идетъ?

По виду *рысь*—магнатъ, изъ рода кошекъ древняго. Съ собаку ростомъ, съ добрую. Плоска съ боковъ, узка въ груди, лишь лапы ея толстыя, ухватныя, загребныя (не вышла этимъ въ родичей). Одежда не блестящая, но все-жъ пестро окрашена, со вкусомъ и изяществомъ; тепла, легка шубеночка; чиста, нѣтъ ни пылиночки; а на ушахъ по кисточкѣ—въ любой салонъ веди. И вправду, представительна, красива рысь въ лѣсу. Одна бѣда—любви къ ней нѣтъ; всякъ отъ нея сторонится, всякъ отъ нея хоронится и никому нерадостно взглянуть въ ея глаза.

Раскинулась красавица на толстой вѣткѣ еловой и грѣется на солнышкѣ. Кругомъ-же не шелохнется морозный зимній день.

Зашумѣлъ въ чащѣ старый, матерой глухарь и сѣлъ на вершину сосѣдней ели. Встрепенулась рысь, прищурилась, судорога пробѣжала по ея членамъ; и начала она соображать, какъ-бы подкрасться къ лакомому кусочку. Никакъ не выходитъ, какъ ни раскинетъ умомъ. На нижнихъ, толстыхъ сучьяхъ ей вольготно; а забираться наверхъ не съ руки. Голодъ, однако, заговорилъ, — рысь скакнула на сосѣднюю ель. Но глухарь, не будь глупъ, сейчасъ-же далъ тягу. Поглядѣла ему вслѣдъ рысь, облизнулась и съежилась на вѣткѣ; одолѣла ее, какъ дремота, дума тяжелая, нерадостная.

Всю прошлую ночь бродила она по глубокому снѣгу. Есть тутъ, въ округѣ, стадо лосей. Всю осень и зиму слѣдитъ она за ними, ночь за ночью; слѣдитъ вечеръ и утро; слѣдитъ цѣлый пасмурный день. Обойдетъ, оглядитъ стадо. Гложутъ лоси кору осинъ, хрустятъ на зубахъ вѣтви елокъ; обдираютъ толстыми, *вкусными* *) губами ягели и мхи, покрывающіе стволы старыхъ сосенъ. Припадетъ рысь на снѣгу. Начнетъ красться тихо, тихо, неслышно, разсчитывая каждый шагъ, изъ-за одного дерева за другое. Вотъ, вотъ еще немного до кудрявой елочки, за которой мирно пережевываетъ жвачку лосенокъ, уютно улегшійся на снѣгу. Еще шагъ, два и можно прыгнуть ему на спину.

---

*) Губы лося считаются лакомымъ блюдомъ.

Рысь облизывается. Ей представляется, какъ она запускаетъ когти и зубы въ свою жертву; какъ горячая, вкусная кровь брызнула ей на языкъ. Глаза ея закрылись отъ удовольствія.

Лучше-бы не увлекаться!.. Въ пылу фантазіи рысь неосторожно наступила на сухой сучекъ. *Дзинь...* и въ то-же мгновенье вся семья лѣсныхъ гигантовъ бросилась съ мѣста. Въ отчаяніи рысь сдѣлаетъ страшный прыжокъ. Но напрасно. Далеко между деревьями мчатся лоси, ломая сучья; только гулъ идетъ по лѣсу. И глядятъ имъ вслѣдъ злые, зеленые—рысьи глаза.

Жалко смотрѣть на владѣлицу тайги. Скорчилась, съежилась и, озираясь, пошла она назадъ, скакнула на старую валежину. Почистилась, умылась, отряхнулась; въ комокъ собрала лапочки, уютно улеглась. Мечтаетъ наша барышня, лѣсная красавица, мурлычитъ про себя. А въ тѣхъ мечтахъ ей, розовыхъ, мерещется все онъ, все онъ, тайги угрюмой красавецъ богатырь, дородный, вкусный лось.

И думаетъ она: «отъ старыхъ своихъ бабушекъ слыхала я не разъ пословку нашу кошачью: *терпѣньемъ побѣждай*. Стерплю и будешь мой».

И точно. Неудача ни почемъ рыси. Она привыкла къ ней болѣе, чѣмъ къ удачамъ. Она будетъ бродить по цѣлымъ ночамъ, по утрамъ и вечерамъ, день за день, недѣля за недѣлей за лосями. Она десять разъ обойдетъ ихъ ночевку, сообразитъ, обдумаетъ все, куда онѣ пойдутъ на зарѣ. И, смотрите, она засѣла на развѣсистой вѣткѣ ели, какъ-разъ надъ тропой, пробитой въ снѣгу лосями. Ее не видно. Ни однимъ движеніемъ не выдаетъ хищница себя...

Занялась зимняя зорька. Тронулись лоси съ ночлега. Старый, рогатый лось-вожакъ впереди. Жадно втягиваетъ онъ морозный воздухъ въ широкія ноздри. Уши его въ постоянномъ движеніи. Старикъ знаетъ путь, которымъ надо вести семью на покормку. Ему отлично извѣстны всѣ опасныя мѣста, гдѣ могутъ устроить засаду враги. Но всего не предусмотришь. И ведетъ онъ семью озираючись, понюхивая, послушивая. На пути лежитъ широкая поляна. Вышли лоси на край ея. Вожакъ всталъ и всѣ встали. Лосица вторитъ всѣмъ движеніямъ лося; лосята тоже.

Чудную картину представляетъ эта группа гигантовъ тайги. Ростомъ больше самой рослой лошади. Большая тяжелая голова съ толстой, словно опухшей мордой. Длинныя, сильныя ноги. Лопатчатые рога—до тридцати фунтовъ вѣсомъ. Таковъ образъ стараго лося. Самка и лосята только ростомъ поменьше и роговъ не имѣютъ. Во всей фигурѣ лося видна сила и неуклюжесть; а взглядъ его маленькихъ глазъ не очень рекомендуетъ умъ гиганта. Онъ, дѣйствительно, что называется, простъ. И при этой простотѣ, давно-бы его извели враги, если-бы лось не былъ осторожен. А враговъ этихъ много. Не страшенъ лосю неуклюжій медвѣдь. Онъ

отобьется отъ стаи волковъ страшными ударами переднихъ ногъ. Злѣйшіе враги лося—рысь, россомаха, оводъ и человѣкъ.

Рысь и россомаха караулятъ лося съ дерева. Какъ только подойдетъ онъ къ засадѣ, онѣ кидаются ему на шею, грызутъ ее зубами, пока не прокусятъ кровеносныхъ жилъ; лось мчится съ страшной быстротой; но врагъ крѣпко держится когтями. Кровь брызжетъ фонтаномъ изъ раны. Силы падаютъ. Звѣрь изнемогаетъ и валится отъ истощенія. Хищникъ пируетъ; онъ пьетъ горячую кровь; кусками вырываетъ теплое мясо; онъ ѣстъ до одуренія. Но не съѣсть-же рыси или россомахѣ тридцати-пудовую лосиную тушу. Едва двигаясь отъ сытости, хищникъ покидаетъ добычу. Ему нуженъ теперь покой и ничего больше.

Не заботьтесь объ остаткахъ пира. Завтра-же отъ гигантской туши лося останутся только кости.

Надъ вершинами сосенъ и елей прошумѣла крыльями черносизая птица.

Вы видали ее много разъ. Она всюду и вездѣ на всемъ необъятномъ просторѣ нашей родной земли. Она также обыкновенна на гранитныхъ берегахъ Мурмана, такъ и въ горныхъ лугахъ Кавказа; она вездѣсуща, отъ полей и лѣсовъ Польши до грязныхъ вулкановъ Камчатки. Въ песчанной пустынѣ, вокругъ Аральскаго моря, въ полярной тундрѣ самоѣдовъ, въ густой тайгѣ, на хлѣбныхъ нивахъ Новороссіи, на берегахъ любой рѣки—эта птица считаетъ себя гражданиномъ. Ее долго можно не

встрѣчать, цѣлыя недѣли. Но гдѣ только борьба оставитъ свой слѣдъ въ видѣ трупа—тамъ первымъ изъ первыхъ явится вôронъ. Это лучшій санитаръ, очиститель земли нашей отъ всего мертваго, разлагающагося.

Какъ только займется заря, вылетаетъ воронъ съ ночлега, изъ густыхъ вѣтвей стараго дерева. Нужно позавтракать — и онъ летитъ на поиски, смотря по сезону: въ поле, въ лѣсъ, на рѣку, въ широкую ли степь или къ жилью человѣка. Тихимъ неторопливымъ полетомъ летитъ онъ подъ самыми вершинами деревъ, осматривая земную поверхность своимъ умнымъ глазомъ. Ничто не укроется отъ этого взгляда.

Радостное *кар.. кар...* раздалось по лѣсу—воронъ увидалъ въ чащѣ трупъ лося. Онъ далъ кругъ, осмотрѣлъ все, спустился на дерево. Молча, внимательно, до мелочей обозрѣна имъ окрестность. Кто убійца? вертится въ умѣ птицы. И будьте увѣрены, онъ дознается. Онъ непремѣнно найдетъ спящую рысь или россомаху—каркнетъ надъ нею, разбудитъ ее. Поднимется снова въ высь и каркнетъ громче прежняго, давая сигналъ своимъ братьямъ. Они чутки и долго ждать не заставятъ. Вотъ одинъ, другой спѣшатъ на призывъ. Прилетѣли, разсѣлись по вершинамъ и пошли разговоры. Совѣщаніе кончено. Вожакъ спустился на землю и пошолъ важными, неторопливыми шагами къ лосю. Онъ обходитъ его кругомъ, останавливается, озирается; подзоветъ товарищей; осмотрятъ вмѣстѣ; тогда начинается пиръ на весь міръ.

Но недолго попировали вороны на свободѣ. Ихъ карканье давно услыхали другіе и спѣшатъ на раздѣлъ добычи, хотя ихъ и не звали.

Высоко, высоко въ воздухѣ выплываетъ изъ-за древесныхъ вершинъ массивная фигура беркута. Глазъ его ищетъ вороньевъ. Картина пира открылась передъ птицей. Орелъ быстро спускается сверху, прямо на лося. Онъ не раздумываетъ, не осматривается. Къ чему предосторожности? Гдѣ пируетъ воронъ, значитъ вполнѣ безопасно. Пирующіе разступаются, отпрыгиваютъ въ стороны. Честь и мѣсто царю птицъ. Вороны, однако, не смущены. Они возьмутъ свое, а орлиная компанія полезна: въ ней покойнѣе пировать.

Изъ чащи выглянулъ еще гость—волкъ, которому карканье воронъ тоже пріятнѣе всякой музыки. Онъ добрый десятокъ верстъ пробѣжалъ по глубокому снѣгу на этотъ зовъ. Усталъ, задохнулся, языкъ его высунутъ, дыханіе часто, отрывисто. И этотъ тоже, не разсуждая, бѣжитъ къ трупу.

Но орелъ не расположенъ уступать добычу. Онъ взмахнулъ могучими крыльями и бросается на встрѣчу волку. Горе ему, если онъ не увернется; но бѣда и орлу, если противникъ воспользуется его промахами и вонзитъ въ него свои страшные зубы.

Не ждите, однако, трагическаго исхода дуэли. Каждый изъ противниковъ очень любитъ себя, и бой кончится ничѣмъ. Въ концѣ концовъ, оба наѣдятся лосины. Явятся еще орлы, воронье, подбѣгутъ другіе волки. И отъ массивной туши лося останутся только кости.

Разойдутся, разлетятся пирующіе на отдыхъ, кто куда. Засыплетъ остовъ снѣгомъ. Но долго еще будутъ ходить на могилу великана почитатели его мяса. Не разъ выроютъ кости изъ-подъ снѣга и погложутъ ихъ; не разъ еще и поссорятся изъ-за нихъ.

Однако, мы увлеклись и зафантазировались. Мы не совсѣмъ, впрочемъ, повинны въ этой фантазіи. Всю ночь она грезилась рыси, засѣвшей на сучкѣ. Она давно уже услыхала движеніе лосей съ ночлега и осмотрѣлась въ своей засадѣ. Она, кажется, срослась съ сучкомъ, окаменѣла, какъ только они показались на полянѣ. Она готова къ нападенію; лишь невольная дрожь, пробѣгая по тѣлу, выдаетъ ея волненіе; да глаза острые, пронизывающіе, свѣтятся злымъ, зеленоватымъ блескомъ.

На полянѣ все тихо. Только клесты веселой толпой шнырятъ по вѣткамъ пихты и шелушатъ ея шишки. Семейка пушистыхъ соекъ показалась на окрайныхъ деревьяхъ.

Лось двинулся впередъ, а за нимъ и семья. Ярче загорѣлись зеленые глаза рыси; усиленно бьется ея сердце; всѣ мускулы напряжены. Еще нѣсколько шаговъ... скачекъ—и она на шеѣ вожака.

Вдругъ вскрикнула сойка, которой блеснули зеленые рысьи глаза. Товарки подхватили. Моментально лось-передовикъ фыркнулъ и бросился въ

сторону. Кончено! Засада не удалась. А счастье было такъ близко. О, ненавистная сойка!

Зачѣмъ сердиться, моя красавица? Не лазила-бы лучше въ гнѣздо соекъ, не лакомилась-бы ихъ птенчиками. По-дѣломъ тебѣ теперь.

Лѣниво прыгнула рысь съ ели и пошла бродить по лѣсной чащѣ. И рада, рада, если удастся закусить мышью до самыхъ сумерокъ. Тогда, можетъ, попадется зайчикъ.

Однако, довольно. Я хотѣлъ пояснить вамъ рисунокъ, но невольно увлекся жизнью обитателей лѣсной чащи въ зимнее время. Я коснулся лишь немногихъ изъ тѣхъ, съ кѣмъ рысь, по преимуществу, сталкивается зимой. Случайность встрѣчъ, случайность положеній не вымышлены мной ради краснаго словца. Идите въ глушь дремучаго лѣса, вы все увидите во очію. Вы увидите въ сто разъ больше.

Въ глушь лѣса забираются на зиму многія животныя. Сюда заходятъ даже жители полей. Зимой въ лѣсу теплѣе, чѣмъ въ полѣ. Здѣсь нѣтъ простора леденящему вѣтру. Только гулъ идетъ въ вершинахъ сосенъ, а внизу тишина и покой. Поэтому кроются въ лѣсъ тѣ, кто не въ силахъ вести борьбу съ вѣтромъ. А придетъ лѣто, наступятъ жары, и сюда, въ лѣсную глушь, будутъ укрываться отъ нихъ другіе гости. Но о нихъ въ другой разъ.

Бѣлка.

Какъ-бы вы думали, кто это такой бѣжитъ мелкой рысью въ лѣсной чащѣ?— Ни болѣе, ни менѣе какъ простая собака, очень похожая на дворняшку, даже и родомъ-то она изъ дворняшекъ и ничего въ ней особеннаго нѣтъ; густая шерсть стоитъ торчкомъ, хвостъ согнутъ завитушкой. Востренькая смышленная мордочка, съ небольшими торчащими ушками. Бѣжитъ она по лѣсу, понюхиваетъ, поглядываетъ во всѣ стороны, словно гуляетъ, но вотъ она замѣтила бѣлочку, бросилась къ ней и залилась лаемъ.—Какая глупая, скажете вы,—что она можетъ сдѣлать бѣлочкѣ, которая сидитъ на сучкѣ саженъ на пять отъ земли. Представьте, что такъ думаетъ и бѣлочка. Держа во рту недоѣденный желудь или кедровый орѣшекъ, она съ любопытствомъ поглядываетъ внизъ на потѣшнаго звѣря. Она храбрится

даже, урчитъ на собаченку, думая ее вѣроятно напугать. А та сидитъ на одномъ мѣстѣ и лаетъ. Но, чу! Въ чащѣ раздался легкій трескъ и между деревъ появилась фигура промышленника. Тихо скользятъ его лыжи по снѣгу. Ружье наготовѣ, глаза высматриваютъ добычу. Замѣтилъ онъ бѣлку и началъ подкрадываться изъ-за деревьевъ. Бѣдная бѣлочка! Это уже не собака; отъ этого врага не спасешься ловкими прыжками. Вотъ онъ подошелъ къ дереву. Прислонилъ къ нему винтовку, прошло нѣсколько секундъ, раздался выстрѣлъ. Вьется синій дымокъ межъ деревьевъ, а бѣлочки ужь нѣтъ на вѣткѣ. Съ пробитой насквозь головой, какъ камень, падаетъ она на землю, прямо въ зубы востроглазой собакѣ.

— Долой, Сѣрко! кричитъ подбѣжавшій промышленникъ и выхватываетъ у собаки добычу. Затираетъ ранку снѣгомъ, чтобы не сочилась кровь, и вѣшаетъ бѣлочку къ себѣ на спину, на привязанную тамъ дощечку, гдѣ уже виситъ добрый десятокъ такихъ-же бѣлочекъ.

Вы и подумали, пожалуй: какъ это просто! Одѣлся потеплѣе да полегче, привязалъ къ ногамъ лыжи, взялъ въ руки винтовку, свиснулъ какую-нибудь Жучку или Сѣрку, которыя стерегутъ дворъ, пошелъ себѣ въ лѣсъ и настрѣлялъ тамъ бѣлокъ, сколько душѣ угодно. Я вамъ не совѣтую такъ думать и ручаюсь, что вы ни одной бѣлки не убьете. Бѣличій промыселъ или *бѣлковье*, какъ его называютъ промышленники, дѣло вовсе не легкое. Это, во-первыхъ, тяжелый трудъ, требующій знаній отъ охотника. Во-вторыхъ, собака, съ которой онъ охотится, только по виду дворняшка. Это особая порода, которая издавна пріучена къ охотѣ. Это такъ-называемыя *лайки* или *бѣлочницы*. Эту породу ведутъ изстари наши, русскіе, сибирскіе промышленники. Хорошія лайки цѣнятся такъ дорого, что иной промышленникъ не продастъ вамъ ее ни за какія деньги, потому что отъ мастерства лайки зависитъ весь успѣхъ промысла и хорошая лайка для сѣвернаго крестьянина все равно, что хорошая лошадь или волъ для земледѣльца.

Охотникъ промышляетъ съ ней не одну бѣлку, а также куницу, соболя, россомаху, рысь, глухаря, тетерева, рябчика. Вся ея обязанность состоитъ въ томъ, чтобы найти въ лѣсу звѣря или птицу и лаять на него, но лаять умненько, не пугая, чтобъ только возбудить его вниманіе и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстить лаемъ своего хозяина, что добыча найдена. А этотъ хозяинъ иной разъ далеко, версты за двѣ, за три, и пока онъ подойдетъ, звѣрь соскучится и уйдетъ. Лайка должна слѣдить за нимъ неотвязно, до тѣхъ поръ, пока онъ снова не остановится. Вотъ это-то и составляетъ трудную для нея задачу.

Не легко приходится и промышленнику. Около Покрова сговорятся нѣсколько промышленниковъ идти вмѣстѣ на промыселъ. Они берутъ легкія кры-

тыя санки въ родѣ баула, укладываютъ туда нѣсколько пудовъ муки и крупы, фунтъ, другой соли, нѣсколько фунтовъ масла, еще кой-какой провизіи, что найдется подъ рукой. Одну, двѣ рубашки; порохъ, свинецъ. Берутъ съ собой иные легкую лодочку изъ бересты, которую ставятъ на полозья и отправляются промышлять—иногда за сто, за двѣсти верстъ отъ дому, туда, гдѣ думаютъ найти больше звѣря.

Много придется имъ положить труда, чтобъ добраться до мѣста, много невзгодъ перенесутъ они на пути, ночуя подъ открытымъ небомъ, переправляясь через рѣки и озера, подвергаясь всѣмъ напастямъ перемѣнной осенней погоды. Придя на мѣсто, промышленники рубятъ избушку, устраиваютъ въ ней печку, прячутъ въ укромное мѣсто провизію и расходятся врозь, каждый въ свой участокъ лѣса. Въ первые дни они только осматриваются, выглядываютъ звѣря и бьютъ случайную добычу. Затѣмъ каждый начинаетъ мастерить различныя ловушки. Тутъ поставятъ слопцы на бѣлку или куницу. Тамъ устроятъ колоду на крупнаго звѣря или выкопаютъ для него яму, но все это пойдетъ въ прокъ только при томъ условіи, если промышленникъ хорошо знаетъ свое дѣло и знакомъ съ обычаями звѣрей. Иначе можно наставить тысячи ловушекъ и не поймать ничего. Но всѣ эти подготовленія кончены. Теперь начинается промыселъ. Уснувъ въ курной, закопченой избушкѣ, охотники просыпаются за долго до разсвѣта, закусятъ

чего-нибудь и разбредутся со своими лайками на промыселъ. Цѣлый день бродятъ они по своимъ участкамъ, по тропинкамъ или, какъ они называютъ ихъ,—путикамъ. Имъ нужно осмотрѣть всѣ ловушки, поправить однѣ, вынуть изъ другихъ добычу, насторожить ихъ снова. Вѣрная лайка рыщетъ далеко по сторонамъ, отыскивая звѣря и птицу. Каждый день промышленникъ сдѣлаетъ 25, не то 30 верстъ и только къ ночи возвращается домой, но не думайте, чтобъ онъ каждый день возвращался съ добычей. Иной разъ онъ радъ и бѣлочкѣ или рябцу, а сколько труда и лишеній, и за все это промыселъ дастъ ему какихъ-нибудь 20—30 руб. барыша.

Кончился промыселъ, пошли назадъ со своей добычей промышленники, снова сдѣлали трудный дальній путь, явился купецъ, прижалъ одного, другого за старые долги и забралъ почти задаромъ все добытое трудами и лишеніями. Нажилъ онъ хорошій барышъ не трудясь, а обманомъ и вымоганіемъ, пользуясь нищетой промышленника. Отъ одного купца товаръ переходитъ къ другому, отъ другого къ третьему. Везутъ шкурки изъ города въ городъ. Сортируютъ, выдѣлываютъ, кроятъ, сшиваютъ мѣха и везутъ на продажу тѣмъ, кто ихъ носитъ. Кромѣ Россіи, много бѣличьихъ мѣховъ вывозятъ отъ насъ въ Китай и въ Западную Европу, именно въ Лейпцигъ, откуда они расходятся по всему свѣту.

Теперь посмотримъ на лѣтнюю жизнь бѣлочки. Какъ только пригрѣетъ мартовское солнышко, невзгоды нашей бѣлочки кончаются. Подъ вліяніемъ вешняго тепла она сбросила сѣрую шубку, которая принесла ей столько горя, и одѣлась въ свое легкое рыженькое пальто. Лопаются почки на деревьяхъ, вылѣзаетъ изъ земли молодая травка. Зеленѣетъ лѣсъ съ головы до пятокъ. Сотнями, тысячами прилетаютъ птички съ юга. Пѣсни ихъ льются раскатами въ лѣсной чащѣ. Все ожило, все проснулось, все вылѣзло наружу; кипучая дѣятельность идетъ въ лѣсу. Кто отъѣдается послѣ зимней голодовки, иной поетъ цѣлый день отъ радости. Другіе хлопочутъ уже надъ гнѣздами для своей будущей семьи. Отставать-ли бѣлочкѣ отъ лѣснаго народа? Поѣла она свѣжихъ листочковъ и принялась за гнѣздо. И какое гнѣздо: вы диву дадитесь, если найдете его. Изъ сухихъ прутиковъ высоко на деревѣ, на вѣтвяхъ около ствола, она смастеритъ настоящій домикъ съ поломъ, стѣнами и крышей. Съ боку сдѣлаетъ входную дверь, а надъ ней пристроитъ навѣсъ, чтобы дождикъ не попадалъ въ горенку. Вмѣсто ковровъ, она настелетъ внутри мохомъ и лишаями, чтобы было мягко и тепло ея дѣткамъ.

Въ старыхъ-же лиственныхъ лѣсахъ, въ столѣтнихъ дубахъ, липахъ и осинахъ, вязахъ, такъ много дуплъ, что бѣлочкѣ нечего и трудиться строить домикъ и она преспокойно поселяется въ этихъ дуплахъ.

Вскорѣ у бѣлочки заводится и семья, въ ея гнѣздышкѣ отъ 4—7 крошечныхъ слѣпыхъ бѣльчатокъ. Бѣлочка очень нѣжная мать и усердно кормитъ ихъ молочкомъ. Пройдетъ дней 8, у бѣльчатокъ откроются глазки, тѣльце ихъ обростетъ шерстью, но бѣдняжки еще очень слабы и безпомощны. Однако пройдетъ еще какая-нибудь недѣля, онѣ уже значительно выросли, окрѣпли и начинаютъ выглядывать изъ гнѣзда. Что это за милочки, вы представить себѣ не можете! Рыженькая шерстка ихъ такъ и блеститъ. Хвостикъ еще не распушился какъ слѣдуетъ. Вотъ въ это-то время ихъ надо достать, если вы хотите, чтобы у васъ были совсѣмъ ручныя бѣлки. Въ это время онѣ еще довѣрчивы и неопытны, къ самому злому врагу онѣ относятся какъ къ другу, а потому приручить ихъ въ такомъ возрастѣ ничего нѣтъ легче. Пройдетъ еще недѣльки двѣ, характеръ бѣльчатъ совсѣмъ измѣнится. Онѣ сдѣлаются недовѣрчивыми, пугливыми; при малѣйшей опасности быстро прячутся въ свое гнѣздо. Теперь ихъ поймать и приручить гораздо труднѣе. Старая бѣлочка растолковала уже имъ, кого надо бояться. Наступилъ іюнь мѣсяцъ, въ лѣсной травѣ закраснѣли ягодки земляники, клубники; бѣлочка сводитъ, осторожно сводитъ своихъ дѣтокъ съ дерева, ведетъ полакомиться ягодами и молодыми грибками. Наѣдятся бѣльчатки и снова маршъ на дерево. Тамъ имъ привольно и покойно. Густая листва скрываетъ ихъ отъ глазъ враговъ. Сытые бѣльчата заводятъ игры, гоняются другъ за дру-

гомъ по вѣткамъ и возятся словно малыя дѣти. Время однако идетъ; бѣльчата ростутъ, становятся бѣлками; мать давно покинула ихъ, зная, что ея заботы имъ уже не нужны. У нея новая семья, новыя хлопоты. Лѣто идетъ къ концу, а на смѣну ему является осень. Легкими утренничками она напоминаетъ всему живому, что пора подумать о зимѣ, что пора собирать запасы пищи, чтобы скоротать ее или запастись теплой спальной.

Немного въ лѣсу такихъ запасливыхъ животныхъ, какъ бѣлочка. Уже въ іюлѣ она принимается за сушку грибовъ. Если вы любите собирать грибы и когда-нибудь поѣдете за ними въ боръ, обратите вниманіе на сосны. Вы увидите странную штуку. Высоко на верху, на тоненькихъ обломанныхъ сучечкахъ сосновыхъ вѣтвей воткнуты грибы. Стволы сосенъ такъ гладки, что человѣку трудно залѣзть туда; смѣю васъ увѣрить, что это продѣлка бѣлочки. Это она сушитъ грибы на зиму, зная, что они не разъ пригодятся ей.

А когда поспѣютъ орѣхи, бѣлки усердно снуютъ подъ орѣшниками и собираютъ самые спѣлые, уже упавшіе орѣхи. Предварительно бѣлка отыщетъ какое-нибудь дупло или выкопаетъ норку между корнями деревьевъ, а то изъ прутиковъ устроитъ на вѣтвяхъ кладовую, и туда натаскаетъ орѣховъ иногда до 20—30 фунтовъ. Находка такой кладовой почитается у крестьянъ особеннымъ счастьемъ, потому что здѣсь собранъ отборный орѣхъ, самый спѣлый. Бѣлка ни за что не спрячетъ туда орѣхъ съ свищемъ или незрѣлый.

Въ Сибири она дѣлаетъ такіе-же запасы изъ кедровыхъ орѣховъ и тоже изъ самыхъ лучшихъ.

Заботливость бѣлки и ея умъ при сборѣ этихъ запасовъ просто изумительны. Если въ какой-нибудь мѣстности неурожай на орѣхи, грибы, жолуди, на сѣмена сосны и ели, то бѣлки оставляютъ свои родные лѣса и пускаются на чужбину цѣлыми стадами. Онѣ переплываютъ рѣки и озера; перебѣгаютъ поля, встрѣчающіяся на пути, путешествуютъ по крышамъ домовъ, если попадется городъ, и идутъ до тѣхъ мѣстъ, гдѣ есть и лѣсъ и пища, гдѣ можно скоротать суровую зиму.

Однако довольно. Я разсказалъ вамъ что могъ о жизни нашей любимки; но это далеко не все. Жизнь бѣлочки полна самыхъ разнообразныхъ приключеній и веселыхъ, и печальныхъ. Если вамъ интересно знать ихъ, идите въ зеленый лѣсъ, тамъ нѣтъ бѣличьяго колеса, которое въ концѣ-концовъ наводитъ уныніе, тамъ бѣлочка вольный житель, веселый и довольный, умный и ловкій, а не тотъ несчастный плѣнникъ, который вертится въ колесѣ вашей клѣтки. Повѣрьте мнѣ, что наступитъ время, когда люди будутъ охранять бѣлочку для собственной пользы, будутъ строить ей домики и кормить ее зимой, чтобъ пользоваться теплой шубкой.

Кабанъ.

тобъ имѣть понятіе о кабанѣ, достаточно взглянуть на нашу обыкновенную крестьянскую свинью, съ стоячими ушами, длиннымъ рыломъ, съ густой черно-бурой шерстью. Разница лишь въ томъ, что дикій кабанъ гораздо больще и снабженъ большими выдающимися клыками, загнутыми кверху. Эти клыки составляютъ страшное оружіе—ударомъ ихъ онъ можетъ пересѣчь ногу лошади и человѣка, распороть животъ любому животному вдвое больше и сильнѣе его. У дикой свиньи клыки не развиты, но, тѣмъ не менѣе, она вовсе не беззащитна; въ дракѣ съ врагомъ она кусаетъ и вырываетъ куски мяса, топчетъ упавшаго ногами и вообще дорого продаетъ свою жизнь.

Надо, однако, замѣтить, что дикія свиньи, какъ и домашнія, болѣе или менѣе смирныя животныя. Первыми онѣ никогда не нападаютъ, и самый большой кабанъ старается спастись при встрѣчѣ съ

Кабаны.

врагомъ бѣгствомъ. Но если убѣжать невозможно, то онъ защищается отчаянно.

Кабана, конечно, никто не назоветъ украшеніемъ лѣсовъ, но со времени глубокой древности онъ составляетъ предметъ любимой охоты. Поэтому его-бы, конечно, давно истребили въ цивилизованныхъ странахъ, еслибы не прелести охоты на него и не изумительная плодовитость его, подобно домашней свиньѣ. Однако, въ западной Европѣ онъ составляетъ уже рѣдкость и оберегается для охоты лишь въ лѣсахъ богатыхъ владѣльцевъ.

У насъ кабанъ сохранился на тѣхъ-же правахъ въ юго-западныхъ губерніяхъ, въ Польшѣ и Литвѣ. Онъ живетъ здѣсь въ болотистыхъ участкахъ дремучихъ заповѣдныхъ дубовыхъ лѣсовъ. Питается всѣмъ, что попадется—луковицами растеній, корнями молодого камыша, лѣтомъ ходитъ по ночамъ на ближайшіе къ лѣсу посѣвы хлѣбовъ, особенно проса, истребляя цѣлыя полосы его. Благодаря отличному чутью, кабанъ можетъ отыскивать трюфели. Онъ не брезгаетъ также падалью животныхъ, пожираетъ птичьи яйца и молодыхъ птенцовъ, а также мышей-полевокъ и, вообще, все, что попадется. Поэтому, кромѣ вреда хозяйству, кабанъ полезенъ развѣ только охотнику.

Во всей остальной части европейской Россіи, кромѣ дельты Волги, кабана вовсе нѣтъ. Да и тутъ онъ рѣдокъ и водится на крайнихъ къ морю, поросшихъ камышами островахъ дельты, рѣдѣя годъ отъ году.

Истинное царство кабановъ—Кавказъ. Начиная съ долинъ рѣкъ Кумы, Терека и Кубани, весь Кавказъ до границы Турціи и Персіи въ изобиліи населенъ кабанами. Далѣе, на востокъ отъ Каспія, кабанъ широкой полосой окаймляетъ южную границу азіятской Россіи до береговъ Тихаго океана. По всѣмъ рѣкамъ и озерамъ Туркменіи, въ Туркестанѣ, по теченію рѣкъ Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи, Семирѣченскомъ краѣ, въ горахъ Алатау и по рѣкамъ, текущимъ изъ нихъ, по берегамъ озеръ Балхаша, Алакуля иНоръ-Зайсана—кабанъ живетъ во множествѣ. Онъ встрѣчается также въ Забайкальѣ, по долинѣ рѣки Аргуни и въ Южно-Уссурійскомъ краѣ. Замѣчательно, что во всѣхъ перечисленныхъ мѣстностяхъ это некрасивое животное встрѣчается въ обществѣ красавца-фазана; а начиная съ Ленкоранскаго уѣзда до Уссурійскаго края его сопровождаетъ завзятый любитель кабанинки—тигръ.

Кабанъ не разборчивъ на мѣстность. Онъ чувствуетъ себя хорошо вездѣ, гдѣ есть обильная пища, вода, болотистая мягкая почва и непролазная чаща—это главныя условія его жизни, безъ которыхъ онъ обойтись не можетъ. Поэтому въ сухихъ степяхъ и поляхъ его не встрѣтишь. Я видалъ слѣды кабана на Кавказѣ въ горныхъ лугахъ, на высотѣ 7000 ф.; онъ ходилъ туда поѣдать у бѣдняка горца просо. Затѣмъ ниже онъ обитаетъ по склонамъ горъ и ихъ долинъ, въ густыхъ буковыхъ и дубовыхъ лѣсахъ; орѣхи и жолуди доставляютъ ему обильную пищу, а подъ ваями огромныхъ папоротниковъ

почва влажна, какъ на болотѣ; здѣсь кабанъ отдыхаетъ и валяется въ грязи. Лиственные лѣса Кавказа по богатству и силѣ растительности, особенно на черноморскомъ берегу, напоминаютъ тропическій лѣсъ; но, вмѣсто ліанъ, здѣсь растутъ плющи, знаменитое держи-дерево, вьющееся по деревьямъ, перекидывающееся съ одного на другое и такъ густо заплетающее промежутки, что образуются буквально непроходимыя чащи; къ довершенію всего, держи-дерево снабжено по вѣтвямъ длинными, острыми колючками. Дикая лоза винограда, иногда въ ногу толщиной, душитъ тысячелѣтніе дубы; каштановыя рощи перемежаются съ букомъ и чинарами; масса дикихъ яблонь, грушъ, дикихъ сливъ (лыча) и другихъ фруктовыхъ деревьевъ разсѣяно по этимъ лѣсамъ. Вотъ гдѣ—рай кабана и его недруга, медвѣдя, если-бы не снѣга, выпадающіе въ горахъ. Эти снѣга заставляютъ его перекочевывать зимой въ долины рѣкъ, поросшія камышомъ, гдѣ уже, конечно, ему не такъ привольно; тутъ къ его врагамъ присоединяется самый страшный истребитель кабаньяго рода — человѣкъ съ его псами и оружіемъ. Но и въ рѣчныхъ долинахъ кабану корму вдоволь—корни и луковицы разныхъ растеній, орѣхи чилима (плавающаго водянаго растенія), хлѣбные посѣвы, особенно кукурузы и проса, заставляютъ его мириться съ опасной близостью человѣка. Дельты Кубани и Терека — это огромнѣйшія свинарни, въ полномъ смыслѣ этого слова. Здѣсь кабаны достигаютъ громадной величины—попадаются ***сѣкачи*** и ***одинцы*** до

18—20 и даже до 22 пудъ вѣсомъ, чего въ горахъ не встрѣтишь — тамъ кабанъ тѣмъ мельче, чѣмъ выше онъ живетъ по склону горъ. Но за то вкусъ мяса горнаго кабана, отъѣвшагося на орѣхахъ и фруктахъ, неизмѣримо лучше камышеваго и кукурузника.

Говорятъ, что кабаны живутъ стадами; это неточно. У нихъ бытъ настоящій патріархальный. Поросята, выростая, остаются при матери и отцѣ, которые защищаютъ ихъ отъ враговъ, водятъ на кормежки, а съ послѣднихъ—въ чащи и заросли на отдыхъ. Съ каждымъ годомъ семья увеличивается вновь нарождающимся поколѣніемъ. Поросята старшихъ поколѣній растутъ, становятся *подсвинками*, а потомъ и кабанчиками, которые съ теченіемъ времени, достигнувъ полнаго роста, дѣлаются *сѣкачами*. У молодыхъ свинокъ, въ свою очередь, являются поросята. Такимъ способомъ составляется свиное общество или стадо, руководимое старымъ кабаномъ. При плодовитости свиней, конечно, такое стадо достигло-бы огромнаго числа членовъ; но, вопервыхъ, между старымъ кабаномъ и молодыми скоро возникаетъ вражда и кровавыя драки. Чѣмъ больше старится кабанъ, тѣмъ больше притупляются его клыки, тѣмъ менѣе опасности отъ ударовъ ихъ. Поэтому, въ концѣ концовъ, дѣти изгоняютъ отца изъ ихъ общества и онъ становится *одинцомъ*. Угрюмый и злой, въ одиночку доживаетъ онъ свой вѣкъ; но борьба съ нимъ тѣмъ опаснѣе для враговъ—дорого онъ продаетъ имъ свое мясо.

Кромѣ старика, такимъ-же порядкомъ изгоняются изъ стада одинъ за другимъ и прочіе сѣкачи, поступающіе тоже въ одинцы, если не удастся попасть хозяиномъ въ другое стадо. Между свиньями тоже не мало ссоръ, частью за поросятъ, частью за пищу. И кончается обыкновенно тѣмъ, что стадо, по мѣрѣ размноженія, понемногу разсыпается. Прибавимъ къ этому огромную убыль отъ враговъ и болѣзней. Тогда понятно будетъ, отчего кабаны не образуютъ сотенныхъ и тысячныхъ стадъ, какъ различные травоядные звѣри.

При нападеніи враговъ, свиньи и кабаны отчаянно защищаютъ дѣтей. Все стадо сплачивается въ тѣсную кучу—поросята посрединѣ, подростки вокругъ нихъ, а наружное кольцо составляютъ способные къ бою взрослые. Горе врагу, растерявшемуся въ бою и оробѣвшему при видѣ этого войска; при первой попыткѣ къ отступленію, сѣкачи и свиньи съ быстротой стрѣлы бросаются на него и разрываютъ на части.

Главные враги кабана — волки, медвѣдь, тигръ (а въ Африкѣ левъ, леопардъ и пантера), — но страшнѣе всѣхъ, конечно, человѣкъ.

Къ волку кабаны питаютъ ужасную ненависть. Эта ненависть передалась въ наслѣдство домашней свиньѣ и перенесена ею на собаку, какъ потомка волка. Никто такъ настойчиво не преслѣдуетъ кабанью семью, какъ волкъ. Бороться съ кабаномъ и даже свиньей ему не подъ силу. Но за то достается отъ него поросятамъ всѣхъ возрастовъ. Зи-

мой волки, собравшись стаей, устраиваютъ настоящія охоты на кабаньи семьи. При этомъ пускаются въ ходъ не только волчьи зубы, но и изворотливый волчій умъ. Одни волки устраиваютъ засады, а другіе гонятъ на нихъ свиней. Пропуская опасныхъ сѣкачей и свиней, волки бросаются на поросятъ и уносятъ ихъ, не смотря на погоню старыхъ; въ это время загонщики-волки, пользуясь переполохомъ, бросаются на другихъ поросятъ и подсвинковъ и душатъ ихъ на скорую руку. А затѣмъ, проводивъ остальныхъ съ стариками—принимаются пировать.

Медвѣдь болѣе добродушный врагъ свиней. Онъ подкарауливаетъ больше одинокихъ, отсталыхъ и никогда не бросается на цѣлое стадо, зная, что поплатится тутъ самъ. Въ бой съ сѣкачемъ и одинцомъ онъ тоже вступаетъ рѣдко, обсудивъ предварительно всѣ шансы на успѣхъ. Если ему удастся подкараулить одинца и броситься на его спину незамѣченнымъ, тогда медвѣдь охватываетъ его передними лапами, а зубами впивается въ шею; но и тутъ успѣхъ сомнителенъ—иногда сильный одинецъ бросится въ чащу и собьетъ съ себя медвѣдя; озлобленные звѣри вступаютъ въ кровавый бой, изъ котораго рѣдко медвѣдь выходитъ побѣдителемъ.

Во время осени кавказскіе охотники, подкрадываясь къ медвѣдямъ и кабанамъ, кормящимся подъ грушами и яблонями ихъ плодами, нерѣдко бываютъ свидѣтелями забавныхъ сценъ. Мишка залѣзетъ на грушевое дерево, чтобы натрясти грушъ, а въ

это время явится кабанъ и начнетъ уписывать ихъ за обѣ щеки, какъ добрый гость. Мишку разбираетъ досада, а спуститься на кабаньи клыки неохота. Но досада разбираетъ все пуще: и вотъ онъ, спустясь осторожно на нижнія вѣтви, бросается оттуда на кабана. Дѣло кончается, смотря по силамъ противниковъ, или кровавымъ боемъ, или бѣгствомъ медвѣдя.

На южномъ берегу Каспія, въ лѣсахъ Гиляни, Мазандерани и Астрабада, гдѣ растутъ не только дикія груши и яблоки, но есть даже рощи апельсиновъ и мандариновъ (искусственно разведенныя), на поляхъ риса и въ плодовыхъ лѣсахъ истинное приволье для кабановъ, но нѣтъ счастья безъ горя. Тутъ-же живутъ тигры и паленгъ (барсъ). Послѣдній особенно страшенъ, потому что отлично лазитъ по деревьямъ и оттуда безъ промаха, уже не по-медвѣжьи, бросается на спину кабана; какъ-бы ни былъ силенъ кабанъ, но въ битвѣ съ паленгомъ онъ погибаетъ навѣрное.

Съ тигромъ не то. Во-первыхъ, тигру надо подкрасться къ кабану, а слухъ и чутье у него превосходные; во-вторыхъ, если тигръ стережетъ кабана изъ засады, то при прыжкѣ на добычу неизбѣжно произведетъ хотя шорохъ, а этого достаточно кабану, чтобы принять оборонительную позу, и одинъ ловкій ударъ клыками можетъ быть смертеленъ для тигра. Поэтому, несмотря на большій ростъ и силу, въ сравненіи съ паленгомъ, тигръ разборчиво нападаетъ на кабановъ; а испытавъ разъ

ударъ кабаньяго клыка, нерѣдко пропускаетъ одинца мимо, предпочитая свиней и подростковъ. Схвативъ свою добычу, тигръ въ нѣсколько большихъ прыжковъ скрывается въ чащѣ.

А вотъ и послѣднiй врагъ, которому суждено извести весь кабанiй родъ. Со временъ глубокой древности, охота на кабановъ уважалась у всѣхъ народовъ въ странахъ, гдѣ водились кабаны. На ассирiйскихъ памятникахъ уже изображена эта охота. У позднѣйшихъ народовъ тоже встрѣчаются изображенiя ея; говорится о ней въ сказанiяхъ. Всегда выдающуюся роль на этихъ охотахъ древности играли собаки огромнаго роста и силы. Тѣ безполезныя породы собачьихъ гигантовъ, какъ напр. датскiе, англiйскiе доги и бульдоги и т. д., представляютъ выродившееся племя этихъ древнихъ звѣровыхъ собакъ, съ которыми охотники выходили на бой, вооруженные копьями, луками, ножами, палицами и т. п. холоднымъ оружiемъ,—съ крупными дикими звѣрями и, между прочимъ, съ кабаномъ. Но, повидимому, одиночный бой былъ рѣдокъ и составлялъ славу немногихъ. Большею частью въ охотѣ принимало участiе много охотниковъ, ради взаимной помощи: одни служили загонщиками, другiе напускали собакъ, третьи—вершили битву копьями и ножами.

Такой характеръ охоты переняли и въ среднiе вѣка. Въ западной Европѣ охота эта приняла строго

опредѣленный характеръ и возникли извѣстныя правила боя; такъ, верхомъ охотничьяго искусства было пропустить мимо бѣгущаго кабана и убить его однимъ ударомъ ножа въ то мѣсто, гдѣ голова соединяется съ шеей.

Появленiе огнестрѣльнаго оружiя сразу измѣнило характеръ охоты. По мѣрѣ того, какъ совершенствовалось ружье, становилась ненужной та масса людей, которые исполняли второстепенныя роли. Крупные доги, погибавшiе прежде десятками на каждой кабаньей охотѣ, замѣнялись гончими, которыя заступили мѣсто и загонщиковъ и травильныхъ собакъ. Да, пожалуй, иногда и гончiя составляютъ ненужную роскошь; кабановъ по слѣду отлично отыскиваетъ всякая дворняга. Иной разъ заѣдешь, бывало, въ станицу, на Кубани или Терекѣ, навстрѣчу выскакиваютъ самые разнокалиберные Волчки, Сѣрки, Орелки; меня поражало, что большая часть ихъ чѣмъ-нибудь да изуродована,—сломанные ноги, ребра, хвосты, оборванныя клоками уши, ссадины и шрамы, незаросшiе шерстью. Оказалось, что все это бойцы съ кабанами. Казаки, отправляясь зимой на охоту, выйдутъ изъ хатъ и подсвиснутъ собакъ; живо, кромѣ своихъ псовъ набирается цѣлая стая вольныхъ охотниковъ. Добрались до камышей, напали на свѣжiй слѣдъ и—съ визгомъ и гамомъ уносится эта вольница въ чащу. Чу!.. окружили уже добычу, вой раненыхъ, азартный лай другихъ, визги третьихъ — все смѣшалось съ хрюканьемъ свиней. Казакамъ остается бѣжать ско-

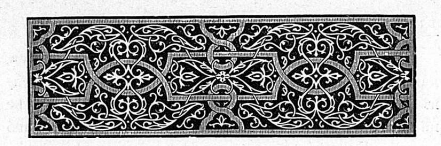
рѣе и, подкравшись осторожно, бить изъ винтовокъ кабановъ. Картина вообще непріятная.

Какъ ни плодовиты кабаны, но дѣло идетъ къ тому, что истребятъ ихъ до послѣдняго. И не жаль. Кромѣ вреда хозяйству, кабанъ намъ пользы приноситъ мало. Правда, мясо его несравненно вкуснѣе свиного; но подсчитавъ всѣ убытки, наносимые кабаномъ полямъ, окажется, что это мясо очѣнь дорого. И гораздо лучше всѣ съѣденные кабанами продукты отдавать нашей хавроньѣ съ ея потомствомъ...

Ошкуи.

Ошкуи.

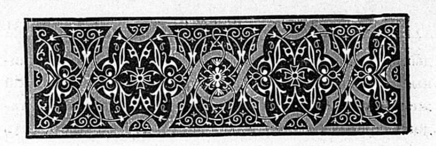
На отдѣльной приложенной картинкѣ представлены два бѣлыхъ медвѣдя, забравшихся въ ладью промышленниковъ. Теперь этихъ звѣрей не рѣдкость встрѣтить въ зоологическихъ садахъ. Прежде о нихъ мы знали только по книгамъ, да по рисункамъ путешественниковъ въ полярныя страны.

По правдѣ сказать, у немногихъ хватитъ охоты забраться въ тѣ сказочныя страны, гдѣ обитаетъ это животное; въ тѣ сказочныя страны, гдѣ солнце не заходитъ цѣлые мѣсяцы, но зато и не показывается вовсе въ другую половину года; гдѣ холодъ одѣлъ землю толстымъ слоемъ снѣга, растаивающаго на припёкѣ на какихъ-нибудь два мѣсяца; гдѣ, какъ рѣдкость, появляются въ іюнѣ кое-какія травки, цвѣтутъ, но такъ и застынутъ отъ мороза, не успѣвъ выростить сѣмячки; гдѣ, вмѣсто цвѣтковыхъ растеній, покрываютъ мѣстами почву олeній мохъ и другіе лишайники.

Эти-то страны и составляютъ царство ошкуя, какъ называютъ наши промышленники бѣлаго медвѣдя. Ошкуй обитаетъ на Новой Землѣ и далѣе на востокъ, по всему сибирскому берегу Ледовитаго океана. Кромѣ того, онъ встрѣчается по сѣверному берегу Америки, въ Гренландіи и на Шпицбергенѣ. Это самый громадный и могучій изъ всѣхъ нашихъ хищныхъ звѣрей, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, самый неповоротливый и нерасторопный. Онъ ниже обыкновеннаго медвѣдя на ногахъ, но гораздо длиннѣе его. Плаваетъ и ныряетъ ошкуй превосходно. Зато на землѣ движенія его очень медленны и, вопреки разсказамъ Фогта, человѣкъ, привыкшій хорошо ходить на лыжахъ, легко убѣгаетъ отъ него. Вообще, благодаря новѣйшимъ экспедиціямъ на Сѣверъ, разсказы Брэма и Фогта объ опасностяхъ, которымъ подвергаются промышленники при встрѣчѣ съ этимъ животнымъ, оказываются совершенно неосновательными. Раненый ошкуй дѣйствительно страшное животное, но, благодаря своей неповоротливости, даетъ возможность легко увернуться отъ нападеній. Живетъ онъ, смотря по времени года, частью на берегу, частью-же на плавающихъ льдинахъ, смотря по тому, гдѣ больше пищи. Пища эта состоитъ исключительно изъ животныхъ. Ничего растительнаго ошкуй не ѣстъ и достать ему негдѣ. Бродя по берегамъ океана, ошкуй собираетъ все, что выброситъ море: мертвую рыбу, мертвыхъ тюленей, моржей, китовъ; а нѣтъ этой пищи, онъ отправляется отыскивать гнѣзда морскихъ птицъ, поѣдая ихъ яйца и молодыхъ. Но не одна только мертвечина, или безпомощные птенцы чаекъ и гагъ попадаютъ въ медвѣжій желудокъ. Онъ мастерски подкрадывается къ стадамъ сонныхъ тюленей, моржей и другихъ морскихъ звѣрей и пируетъ тутъ, въ случаѣ удачи, до отвала. Что касается того, что онъ охотится за сѣверными оленями и песцами, какъ расказываетъ Фогтъ,— это чистѣйшая басня. Дикій сѣверный олень настолько-же чуткое, осторожное и быстрое въ движеніяхъ животное, насколько неповоротливъ ошкуй. А хитраго, ловкаго песца ему и подавно никогда не попробовать.

Но, вообще, ошкуй не упуститъ случая поѣсть всякую мертвечину, какая ему попадется. Поморамъ и самоѣдамъ, промышляющимъ на Новой Землѣ, онъ досаждаетъ нерѣдко тѣмъ, что поѣдаетъ добытаго звѣря или рыбу, которую не успѣли убрать на судно. Какъ говорятъ, онъ и самъ мастеръ ловитъ рыбу, когда она стадами идетъ изъ океана въ рѣки метать икру. Весной у медвѣдицы бываютъ одинъ, рѣдко два медвѣженка, къ которымъ она относится, какъ самая нѣжная мать и защищаетъ до послѣдней крайности.

Вотъ почти все достовѣрное, что мы знаемъ изъ наблюденій полярныхъ путешественниковъ и разсказовъ промышленниковъ о жизни этого громаднаго хищнаго звѣря. Значеніе его для человѣка ничтожно. Убитый ошкуй даетъ промышленнику нѣсколько пудовъ сала, да шкуру, которая цѣнится очень дешево.

Изъ лѣтописей зимы.

Снѣгъ валитъ хлопьями. Эхъ, еслибъ пересталъ подъ утро, пройтись-бы по порошѣ, посмотрѣть, что дѣлается, какъ живется кругомъ. Пороша, вѣдь, это лѣтопись жизни, правдивая, безпристрастная. Она выдаетъ всѣ секреты, все, и худое и хорошее, въ жизни звѣрей. Безъ этой лѣтописи многаго-бы не знали, чтó творится кругомъ. А тутъ, по свѣжимъ слѣдамъ, мы прочтемъ все, что дѣлалъ какой-нибудь звѣрокъ, мы прочтемъ даже, что волновало, что радовало его, отъ чего онъ бѣжалъ въ ужасѣ или кого преслѣдовалъ неотвязчиво цѣлыя версты.

И такъ, идемъ по порошѣ.

За селомъ, на гумнахъ и огородахъ снѣгъ, какъ узоромъ, испятнанъ слѣдами; одни маленькіе—начнутся въ одной снѣжной норкѣ и исчезнутъ въ другой. Это слѣды мышей и полевокъ. Вотъ слѣдочки покрупнѣе:, другіе еще крупнѣе: то горностаи, ласочки, хорьки—злые враги мышей. Все это перепутано такъ, что не сразу разберешься. А вотъ и слѣды собачьи; нѣтъ, очень велики. Эге, да это семейка волковъ разгуливала около деревни; то-то собаки всю ночь выли. Прекрасный случай! Мы такъ много слышали о волкахъ; съ самаго дѣтства намъ натолковали, что это страшный, лютый звѣрь. Надо-же съ нимъ познакомиться! Не бойтесь, волки насъ не съѣдятъ.

Волкъ, прежде всего, умница и очень любитъ себя. Человѣка онъ знаетъ прекрасно и рѣшается нападать на него лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ. Днемъ никогда онъ и близко не подойдетъ къ человѣку, потому что ужасно боится его. Только сильный, мучительный голодъ, который испытываетъ волкъ зимой, помрачаетъ его умъ, и онъ, остервенѣлый, бросается ночью на одинокаго путника. Чиркните спичкой, если найдется, и волкъ исчезнетъ во мракѣ ночи. Вотъ если въ зимнюю ночь повстрѣчаться съ голодной стаей—тутъ бѣда неминучая, и выручитъ развѣ счастливая случайность.

Однако, вернемся къ нашимъ волкамъ и прослѣдимъ, чтó они дѣлаютъ за ночь около села. Слѣдовъ много: пять, шесть, семь волковъ; это цѣлая семейка съ мамашей. Должно быть, рано съ вечера они подошли къ селу. Такъ и есть: слѣды идутъ съ поля прямо къ тому мѣсту за гумномъ, гдѣ, два дня тому назадъ, выбросили мертвую свинью. Очевидно, волки уже закусывали свининкой, а днемъ пировали деревенскіе псы, потому что остались однѣ косточки отъ хрюшки. Волки пришли вчера

съ разсвѣтомъ; они знали, что свинья покончена; но у нихъ на умѣ другая пожива. Старуха-волчица обошла сторонкой и расположилась въ самомъ переулкѣ, а молодцы пошли прямо къ костямъ свиньи. Но разсчетъ старухи не оправдался: ни одного деревенскаго пса на этотъ разъ у костей не оказалось.

Поглодали волки уже обглоданныя косточки, да только голодъ раздразнили. Обошли они дозоромъ все село. Нѣтъ нигдѣ поживы, вездѣ крѣпко заперто; только запахъ скотинки несется съ дворовъ. Подошли къ барскому дому и наткнулись прямо на псарню. Зачуяли ихъ гончія и подняли такой лай, что даже старуху покоробило. Эхъ, не ходить-бы ей лучше сюда! Проснулся доѣзжачій, выглянулъ въ окно и чуть раму не сломалъ отъ радости. Одѣлся и побѣжалъ съ докладомъ къ барину. Тѣмъ временемъ, волки были уже далеко, на другомъ концѣ села, направляясь къ рѣкѣ, чтобы попытать счастья на зайчикахъ въ камышахъ.

А косой тутъ какъ-тутъ. Ровными прыжками бѣжитъ онъ съ поля на гумно. Волки прилегли: добыча сама въ ротъ лѣзетъ. Но косой тоже не дуракъ; не добѣжавъ до волковъ, онъ сѣлъ и началъ вслушиваться. Зря тоже и ему на гумно ходить нельзя. Не вытерпѣлъ одинъ волкъ, приподнялся и со всѣхъ ногъ бросился къ зайцу. Косой, видя бѣду, побѣжалъ въ поле, и началась гонка. Къ семьѣ волковъ присоединился еще старый, огромный волчина-папаша и все это мчалось по полю, какъ вихрь.

Заяцъ былъ старый и опытный; зная, что въ чистомъ полѣ, какъ онъ ни бѣги, его, наконецъ, догонятъ, онъ свернулъ въ лѣсокъ и началъ вертѣть тамъ своихъ преслѣдователей: на полномъ скаку прыгнетъ въ сторону и пригнется подъ кустомъ; волки промчатся мимо, а онъ перевелъ духъ и скачетъ своимъ слѣдомъ назадъ. Пока замѣтятъ его хитрость, онъ ужь далеко. Но голодные враги не отстаютъ; снова слышится ихъ топотъ, снова они напали на его слѣдъ; мчится косой, прыгаетъ, путаетъ слѣды, вертится на кругахъ; не будь стараго волка, ушелъ-бы онъ цѣлъ-цѣлехонекъ. Но этотъ и самъ хитеръ, да и всѣ заячьи повадки знаетъ. Предоставляя стаѣ гоняться по лѣсу, онъ давно ужь залегъ на опушкѣ, въ мелкихъ кусточкахъ, и ждетъ друга милаго.

Долго-ли, коротко-ли, только зайчина наткнулся на старика и очутился въ старыхъ зубахъ. Захрустѣли кости; кусокъ за кускомъ, нежеванная зайчатина попадала въ волчье горло. Старый обжора торопился: прибѣгутъ дѣти, придется дѣлиться; а онъ этого недолюбливаетъ. Чтобы оттянуть время, онъ съ зайцемъ сдѣлалъ даже нѣсколько прыжковъ въ сторону.

Но вотъ и они. Съ высунутыми языками прибѣжали по заячьему слѣду, остановились на послѣднемъ его скачкѣ, учуяли кровь и мигомъ разбѣжались въ разныя стороны на поиски. Ворчаніе стараго волка быстро собрало всю стаю къ нему. Половины зайца уже не было, а остальную старикъ рѣшился защищать до послѣднихъ силъ. Придавивъ

зайца лапой, старый волкъ, съ оскаленными зубами, съ сверкающими глазами, стоялъ передъ семьей. Одинъ молодчикъ сунулся-было къ зайцу, но тотчасъ отскочилъ съ визгомъ; старикъ укусилъ его. Этотъ визгъ разсердилъ волчицу; прижавъ уши, бросилась она на стараго эгоиста. Это было сигналомъ; ея примѣру въ тотъ-же мигъ послѣдовали всѣ прочіе. Началась страшная драка, и старый волчина, какъ ни боролся, былъ задушенъ дѣтьми. Но, увы, наслѣдства послѣ папеньки не оказалось: одинъ почтительный сынокъ въ разгаръ свалки подцѣпилъ остатки зайчика и скушалъ. Когда общее остервенѣніе поулеглось, волки пришли въ себя и двинулись въ путь. Невесело имъ было: другія сутки голодать—не шутка. Въ погонѣ за зайцемъ и въ пылу драки они не замѣтили, какъ начало свѣтать; а днемъ вѣдь промышлять нельзя; оставалось только убраться куда-нибудь на покой.

Но, чу! раздался звукъ рога. Волки остановились; старая волчица насторожила уши. Сильно забилось у нея сердце; она знала этотъ ужасный сигналъ и бросилась къ опушкѣ. Вдали стояли по одиночкѣ, верхами на лихихъ коняхъ, охотники. Сколько ихъ—кажется ей, что и счету нѣтъ; весь лѣсъ окруженъ. Понурила голову старая разбойница, плохо дѣло!..

Вотъ раздался въ тишинѣ лѣсной тонкій, визгливый голосъ молодой гончурки.

«Слушай! вались къ нему!» заоралъ доѣзжачій.

И, какъ по командѣ, басы, баритоны, тенора, сопрано, цѣлый оркестръ грянулъ въ лѣсу. Чудная

музыка для охотника, страшная—для всякаго звѣринаго слуха.

Залилась вся стая по волчьимъ слѣдамъ, ближе, ближе; вотъ ужь мелькаютъ желтомордые, черные псы между деревьями. Не выдержалъ одинъ волкъ и поскакалъ въ поле; за нимъ другой, третій. Видитъ волчица, какъ тамъ одного за другимъ травятъ борзыми; какъ они валятся на землю и гибнутъ подъ кинжалами охотниковъ. Пора и самой на утекъ. Помчалась она старымъ своимъ лазомъ туда, гдѣ не разъ ей случалось обманомъ миновать охотниковъ и спасти свою шкуру. Видитъ, и теперь никого нѣтъ въ оврагѣ. Но не всегда-же вывезетъ счастье. За дубовымъ кустомъ стоялъ самъ баринъ-охотникъ съ парой лучшихъ борзыхъ. Лишь только поровнялась волчица съ кустомъ, оттуда, какъ изъ лука стрѣла, вылетѣли оба пса.

Что было силъ понеслась она по полю. Но уже поздно: псы скачутъ рядомъ. Обернулась она къ одному изъ нихъ, чтобы дать щипка, а другой въ тотъ-же мигъ ухватилъ ее, какъ клещами, за горло. Духъ сперло у несчастной, красные круги замелькали передъ глазами, что-то холодное влѣзло въ сердце.

Все было кончено. Доѣзжачій трубилъ въ рогъ, вызывая гончихъ. Поперекъ сѣдла лежали на его коренастомъ конѣ два волка: одинъ старый, заѣденный своими дѣтьми, другой—молодой, со шкурой, изорванной въ клочья. Это, кажется, былъ почтительный сынъ, съѣвшій остатки зайца.

Въ колосистой ржи.

Не шуми ты, рожь,
Спѣлымъ колосомъ,
Ты не пой, косарь,
Про широку степь.

Кольцовъ.

жали рожь. Сложили снопы: то какъ полѣнницу дровъ—скирдами, то круглыми снопами, то крестами. Въ каждой мѣстности складываютъ хлѣбъ на свой ладъ. Иной разъ нужно ему доспѣть — ну, и кладутъ такъ, чтобы колосъ былъ наружу. Большею-же частью прячутъ колосъ внутрь, чтобы предохранить его отъ дождя. Но какъ-бы ни была сложена рожь, а жнитво страшно измѣняетъ видъ поля и его животный міръ.

Нѣсколько дней назадъ, тишина царствовала въ

полѣ: шумѣли только колосья, волновалась поверхность спѣлой ржи, словно море, отъ каждаго вѣтерка. Въ этомъ шопотѣ колосьевъ, въ этомъ движеніи волнъ на поверхности поля было что-то усыпляющее, наводящее дремоту. Лишь немногія птички нарушали эту тишину. Взовьется жаворонокъ, выпорхнетъ перепелъ и опять нырнутъ въ волны хлѣбнаго моря. Даже ласточки, и тѣ рѣдко носятся надъ спѣлымъ колосомъ. Только одинъ неизмѣнный смотритель поля, сѣдой лунь, плаваетъ въ воздухѣ надъ самой поверхностью ржи, осматривая тщательно каждый загонъ, каждую десятину. И невольно подумаешь: эхъ, какая пустота въ полѣ! то-ли дѣло въ лѣсу! Сколько тамъ жизни, какой шумъ, сколько различныхъ животныхъ; а здѣсь тишь и больше ничего. Жатва какъ-будто оживляетъ поле. Лишь только сожнутъ хлѣбъ — тишина нарушается сразу: много птицъ слетается сюда изъ сосѣднихъ лѣсовъ и селеній; однѣ копны хлѣба чернѣютъ отъ галокъ, на другихъ сидятъ парами и стайками голуби. Тутъ увидишь и уличнаго голубя, и лѣснаго клинтуха, и крупнаго, бѣлокрылаго витютеня, и воркотунью горлицу; всѣ они прилетѣли пиръ пировать, готовый хлѣбъ воровать. Снуютъ по жнивѣ и порхаютъ надъ нею жаворонки; даже ворона, сѣрая карга, и та явилась попробовать свѣжей ржи. И этотъ пиръ идетъ цѣлый день, да еще ночи прихватитъ; улетятъ вечеромъ галки, голуби, вороны, а на мѣсто ихъ явятся другіе воришки. Съ наступленіемъ сумерекъ слышится въ воздухѣ свистъ, и какія-то темныя фигуры

быстро несутся стаями въ поле. Это дикія утки летятъ на кормежку, на жнивье.

Плакать-бы надо земледѣльцу отъ этихъ воровъ; но, странное дѣло, и не слыхалъ я, чтобъ жаловались на нихъ. А вѣдь рожь—насущный хлѣбъ русскаго народа, черный ржаной хлѣбъ—стародавняя, коренная пища настоящаго русака; ни мясо, ни рыба, ни лучшій пшеничный хлѣбъ не замѣнятъ этой привычной пищи, безъ которой русакъ не можетъ обойтись. Поэтому ржаное поле занимаетъ самое видное мѣсто въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ. Уродится рожь—земледѣлецъ счастливъ, хотя-бы остальные хлѣба и плохи вышли. Неурожай ржи—это бѣдствіе. Понятно, съ какой заботой и тревогой смотритъ крестьянинъ на ржаное поле, какъ зорко слѣдитъ онъ за всѣмъ, что можетъ повредить ржи. Почему-же онъ такъ равнодушно смотритъ на галокъ, голубей и другихъ грабителей, которые усѣяли ржаныя копны? Потому, что это не воры, а просто гости, гуляки, отъ которыхъ и вреда-то нѣтъ. Клюютъ они больше оставшіяся на землѣ зерна, которыя, стало быть, человѣку не впрокъ. Правда, поточатъ они и колосья въ снопахъ, но много-ли? Сущіе пустяки!

Есть враги поля болѣе важные, безусловно вредные, такіе, что съ ними и сладу нѣтъ. Сотни, тысячи десятинъ ржи и другихъ хлѣбовъ истребляютъ они въ нѣсколько дней, разрушая всѣ надежды хлѣбопашца. Это не голуби, не галки; это ничтожныя по величинѣ, незамѣтные глазу, но страшные бичи хлѣбопашества. Цѣлыя мѣстности опустошаютъ они, а

борьба съ ними человѣка до сихъ поръ безуспѣшна. Причина этого безсилія кроется отчасти въ незнаніи враговъ.

Давайте, прослѣдимъ жизнь ржанаго поля и присмотримся къ его обитателямъ.

Какъ-разъ около 1-го августа, на всей Руси сѣютъ рожь. Это время самаго кореннаго сѣва. Черными, сѣрыми, желтоватыми полосами выдаются среди другихъ хлѣбовъ озимые посѣвы. Ничего-то на нихъ нѣтъ: ни звѣрка, ни жучка, ни птички, ни бабочки.

Пройдетъ нѣсколько дней, и какъ щеткой зеленой покроются эти черныя пашни. То вышла молодая озимь *).

Время идетъ, покосили яровые хлѣба, подергали горохъ, намѣтали по загонамъ цѣлые ометы гречи. Осень идетъ своимъ чередомъ. Все блекнетъ, желтѣетъ, закраснѣлись листья на осинахъ, а озимь, наперекоръ осени, все зеленѣетъ да зеленѣетъ.

Вотъ и на озимяхъ появились живыя существа: пролетное стадо дикихъ гусей соблазнилось ихъ зеленью; опустились гуси на озимь и щиплютъ ее съ удовольствіемъ. Да и не одни гуси. Вонъ, посмотрите, цѣлая стайка, штукъ въ 300 красивыхъ птицъ, также опустилась на озимь и съ веселымъ крикомъ принялась щипать ее. Это ржанки или сивки, или такъ-называемыя, озимыя куры,—птицы изъ куличь-

*) Такъ зовутъ всходы ржи.

яго рода. Живутъ онѣ на дальнемъ сѣверѣ и гнѣздятся на холодныхъ тундрахъ. Теперь, отъ голода и холода, пустились онѣ въ дальній путь, въ южныя страны. Не даромъ русскій человѣкъ назвалъ ихъ озимыми курами и ржанками. Во время перелета, онѣ долго гостятъ въ средней и южной Россіи, кормясь на озимяхъ. Сивками-же ихъ назвали потому, что верхняя сторона ихъ—сиваго цвѣта, съ черными и золотистыми пятнышками. Съ каждымъ днемъ гостей на озимяхъ прибываетъ. Сюда слетаются покормиться дрофы, стрепеты, казарки и другія птицы.

Но что-же это такое? Вдругъ озимые всходы начали желтѣть, словно варомъ ихъ обварило; и странно, одинъ кустикъ пожелтѣетъ, а сосѣдніе попрежнему зелены. Если хотите узнать причину, выкопайте осторожно пожелтѣвшій кустикъ съ корнями. Еще осторожнѣе, надъ тарелкой, отряхните землю съ корней. Смотрите: червячокъ уцѣпился крѣпко за корень. Это личинка жука—одинъ изъ страшнѣйшихъ враговъ ржи. Онъ истребляетъ осенью цѣлые загоны ржи.

Осенніе утренники дѣлаются все сильнѣе и сильнѣе. На озимь начинаютъ выгонять гусей и домашнюю скотину, овецъ, коровъ, лошадей. Корни озимей настолько укрѣплены морозомъ, что не выдернуть ихъ скотинѣ, а зеленая озимь составляетъ превосходный кормъ.

Наступила зима, покрыла поля снѣгомъ, улетѣли сивки, дрофы, стрепеты; перестали гонять скотъ въ поля.

Не думаете-ли вы, что теперь опустѣло озимое поле? Посмотримъ. Съ вечера шелъ снѣжокъ до самой полуночи; по утру образовалось то, что называютъ охотники—*пороша*. Глазамъ больно отъ ослѣпительной бѣлизны снѣга. Но что-же это за пятна на немъ? Озимое поле словно узоромъ покрыто; кой-гдѣ снѣжокъ разрытъ до зеленыхъ озимей, до самой земли. Разсмотримъ эти узоры. Одни пятна имѣютъ форму лапокъ птицъ, другія—лапокъ звѣрей. Пойдемте по какому-нибудь слѣду. Вотъ здѣсь ходилъ русакъ; онъ не зря забрелъ сюда. Побродивъ по озими, оглядѣвшись кругомъ въ темнотѣ ночи, онъ разгребъ снѣжокъ и поѣлъ озимей, поѣлъ въ одномъ, въ другомъ, въ третьемъ мѣстѣ, наѣлся досыта и отправился спать въ какое-нибудь укромное мѣсто.

Проснулись по утру куропаточки, ночевавшія въ уремѣ рѣки, отряхнулись, перекликнулись и полетѣли дружной стайкой на озимое поле, именно на тѣ мѣста, гдѣ разрытъ снѣгъ русакомъ. Такъ очень часто одно животное помогаетъ кормиться другому. Безъ помощи русака не разрыть-бы куропаткамъ снѣжокъ, не наѣсться-бы сладкихъ озимей. Поэтому знайте, что гдѣ зимой есть русаки, тамъ могутъ быть и куропатки, а гдѣ есть куропатки, тамъ навѣрное есть русакъ.

Но не одни русаки и куропатки посѣщаютъ ози-

мое поле зимой. Подъ снѣжнымъ покровомъ прокопаютъ галлереи различныя полевки и мыши, которыя тоже кормятся озимью.

Наступитъ весна. Еще не успѣетъ зазеленѣть озимь молодыми всходами, какъ на нее явятся снова гости: тѣ-же ржанки, жаворонки, пиголицы, грачи, чайки, словомъ, все, что большей частью кормится не самой озимью, а личинками насѣкомыхъ, которыя выползаютъ погрѣться на солнышкѣ.

Въ началѣ мая, ржаное поле населяется прилетѣвшими перепелками. Пѣніе жаворонковъ, крики перепеловъ придаютъ особую прелесть этому зеленому ковру. Вотъ явились смотрители поля—сивые луни, полезнѣйшія изъ хищныхъ птицъ, которыя водятся у насъ. Цѣлый день лунь занятъ тѣмъ, что летаетъ надъ хлѣбами, отыскивая мышей и полевокъ, и истребляетъ ихъ въ страшномъ количествѣ. А это очень важно. Не будь луней, полевки и мыши поѣдали-бы весь хлѣбъ дочиста и земледѣліе было-бы невозможно. Пріютившись зимой въ озимяхъ, полевки и мыши, съ наступленіемъ весны, устраиваютъ себѣ здѣсь гнѣзда и мечутъ въ нихъ дѣтенышей. Мечутъ ихъ не разъ, а пять, шесть разъ въ теченіи лѣта. Мышиное населеніе умножается въ страшныхъ размѣрахъ и если-бы не луни, въ полѣ не осталось-бы ни одного колоса. Но справедливость требуетъ сказать, что и кромѣ луней, у насъ много друзей, которые занимаются истребленіемъ мышей. Къ сожалѣнію, мы также зовемъ ихъ врагами и истребляемъ при всякомъ удобномъ случаѣ.

Вотъ вамъ картинка изъ жизни поля:

Справа, внизу, ласочка кушаетъ мышь. Это одинъ изъ неутомимыхъ преслѣдователей мышинаго рода. Все лѣто, дни и ночи, особенно ночи, рыщетъ ласочка по хлѣбамъ, отискивая свою любимую пищу—мышей и полевокъ. Тихо крадется она по бороздамъ, обнюхивая кругомъ. Толстопузая полевка, сытая, отъѣвшаяся на даровомъ хлѣбѣ, вышла изъ норки съ цѣлымъ десяткомъ своихъ дѣтенышей, наѣлась и улеглась подъ листочкомъ понѣжиться на солнышкѣ. Откуда ни возьмись, ласочка скакнула и ухватила за шиворотъ воровку.

А выше другая сцена.

Канюкъ поймалъ крота. Смотритель поля, лунь, обидѣлся, какъ смѣли охотиться на его дачѣ, и храбро налетѣлъ, чтобы отнять свою добычу. Впрочемъ, канюкъ попалъ сюда случайно. Пока рожь стоитъ на корню, онъ не залетаетъ въ поле; онъ является позже, когда сожнутъ хлѣбъ. Тутъ ихъ ссоры съ лунями ведутся почти постоянно.

Кромѣ ласочки, въ колосистой ржи хозяйничаютъ горностай, хорекъ, куторы или землеройки. Частенько встрѣтишь тамъ н колючаго ежа. Порой заглянетъ сюда, и даже не рѣдко, кумушка-лисица. Угрюмому волку тоже хорошо во ржи. Здѣсь онъ прячется отъ человѣка, отсюда ему удобно высматривать стадо и подстерегать, когда уснетъ безпечный пастухъ, съ его лѣнивыми собаками. Въ колосистую рожь тащатъ волки овцу, добытую въ этомъ стадѣ. Вотъ сколько хищниковъ насчитали мы во ржи. Но не всѣ они таскаютъ овецъ, не всѣмъ служатъ приманкой мыши. Очевидно, тутъ есть еще не одна лакомая добыча. Да, въ колосистой ржи живутъ и плодятся русаки. Здѣсь выкапываютъ свои норы хомяки, овражки или суслики. Здѣсь гнѣздятся перепелы, жаворонки, коростели, иногда сѣрыя куропатки и дупеля. Высокая, густая рожь—это, въ своемъ родѣ, лѣсъ. Здѣсь живутъ птицы и звѣри, но не для того, чтобы наѣсться: многіе изъ нихъ и въ ротъ не возьмутъ ржаного зернышка; имъ нуженъ пріютъ для отдыха; имъ во ржи удобно подкарауливать свою добычу.

Трудно слѣдить за жизнью обитателей ржанаго поля. Для этого надо большое терпѣніе. Иной разъ спрячешься въ рожь, просидишь неподвижно часа два, три—и ничего не увидишь. За то порой наткнешься на такія сцены изъ жизни животныхъ, о какихъ не писано ни въ одной книгѣ.

По утру и въ сумерки идетъ во ржи самая кипучая дѣятельность. Дневные жители собираются на покой, волнуются, перепелочки скликаютъ своихъ выводковъ; собрала матка дѣтокъ и пробирается на межу, чтобы устроиться на ночь подъ листьями какого-нибудь лопуха. Откуда ни возьмись, черноглазый подсокольникъ: налетѣлъ стрѣлой, подхватилъ перепелку и несется съ ней дальше.

Мгновенно весь выводокъ разсыпался въ разныя стороны, перепелята замерли и притаились подъ листочкомъ. Далеко мчится хищникъ со своей добычей. Не вернуть матери своего дѣтища. Съ тревогой сзываетъ она остальныхъ дѣтокъ и еще осторожнѣе пробирается въ травѣ, чтобы спрятать ихъ хорошенько.

Солнце давно уже сѣло, потухаетъ короткая лѣтняя зорька, какія-то тѣни рѣютъ надъ полемъ. Это совы и полуночники вылетѣли на добычу. Полуночники явились изъ лѣсу поохотиться за хрущами и другими жуками, которые летаютъ надъ полемъ. Болотная сова прилетѣла смѣнить луня, уставшаго отъ дневной работы. Она цѣлую ночь будетъ ловить мышей и полевокъ, пока не проснется господинъ лунь. Трудна ихъ работа. Мыши и полевки увертливы: надо много ловкости, чтобы сло-

вить ихъ въ высокой ржи. Цѣлый день дремлетъ русакъ гдѣ-нибудь на межѣ, подъ кусточкомъ, наконецъ приподнялся со своего логовища, потянулся, почистилъ мордочку, всталъ на дыбки, повелъ длинными ушами, послушалъ и отправился въ рожь поужинать.

Гдѣ зайцевъ много, тамъ они протопчутъ дорожки въ полѣ, проходя каждый день на знакомыя мѣста покормиться. Но и тутъ отъ бѣды не спасешься: порой наткнется на такую дорожку кума лисынька, понюхаетъ заячьи слѣдочки, прогуляется по дорожкѣ, подумаетъ, сообразитъ, да и заляжетъ въ сторонкѣ. Вотъ идетъ жирный русакъ, то одинъ колосъ погложетъ, то другой; выждетъ его лисынька, бросится однимъ скачкомъ, придушитъ и поужинаетъ.

Но всего не перескажешь, что́ дѣлается во ржи. Надо самому видѣть, и не только этихъ крупныхъ звѣрей, но и птичекъ. Одни изъ нихъ наши друзья, другіе—враги, но враги не страшные. Во ржи живетъ множество такихъ мелкихъ существъ, которыя страшнѣе всякихъ полевокъ, сусликовъ и хомяковъ. Надъ ними-то и надо наблюдать намъ, чтобы охранитъ сколько-нибудь поле.

Но, повторяю, ихъ такъ много, что нельзя и перечислить.

Когда весной рожь выгоняетъ колѣнчатый стебель, надъ полемъ снуютъ въ безчисленномъ количествѣ крошечныя мушки, которыхъ почему-то называютъ гессенскими. Быстрокрылыя ласточки, въ

это время, взапуски носятся надъ хлѣбами, ловя гессенскихъ мухъ. Эти мушки наносятъ страшный вредъ ржи. Сами онѣ не ѣдятъ хлѣбъ, но проколютъ молодой стебель около сустава и положатъ туда яичекъ. Изъ каждаго яичка выйдетъ червячокъ, который начнетъ сосать сладкій сокъ, заключающійся въ стеблѣ, отчего тотъ сохнетъ и умираетъ. Когда нечнетъ наливаться зерно на ржаныхъ колосьяхъ появляется во можествѣ маленькій, красивый жучекъ, котораго прозвали на югѣ Россіи кузькой. Онъ любитъ вкусный сокъ молодого зерна и кущаетъ его до отвалу, а потомъ спустится на землю и положитъ туда свои яички, изъ которыхъ выведутся прожорливыя гусеницы. Вотъ два страшнѣйшіе врага ржи. Съ ними уже не первый годъ воюютъ, особенно на югѣ Россіи, земледѣльцы, но безуспѣшно, потому что жизнь ихъ до сихъ поръ мало извѣстна, а не зная врага, трудно бороться съ нимъ. Перечислять другихъ насѣкомыхъ, обитающихъ въ полѣ, мы теперь не будемъ; замѣтимъ только, что и стебель и колосъ, и листья—все служитъ пищей различнымъ насѣкомымъ и ихъ гусеницамъ, и если-бы ихъ никто не трогалъ, то, конечно, отъ хлѣбнаго поля ничего-бы не осталось въ теченіи лѣта. Однако, хлѣба спѣютъ, ихъ жнутъ и вымолачиваютъ массу зерна, стало быть, кромѣ человѣка, есть у поля и другіе друзья, которые берегутъ его. А такихъ друзей не мало. Насѣкомоядные звѣрки, куторы, ежи, кроты, летучія мыши, насѣкомоядныя птицы, жабы, множество насѣкомо-

ядныхъ насѣкомыхъ—вотъ эти друзья, которыхъ мы и знать не хотимъ, тогда какъ они-то и спасаютъ наши посѣвы отъ истребленія ихъ кузьками, гессенскими мухами и тому подобными воришками.

Потомъ въ цѣломъ рядѣ очерковъ я постараюсь разсказать вамъ, что знаю о каждомъ изъ друзей и враговъ поля; теперь-же буду доволенъ и тѣмъ, если вы убѣдитесь, что въ колосистой ржи идетъ живая кипучая дѣятельность, частью на пользу, частью во вредъ человѣку, если убѣдитесь, что въ русскомъ полѣ найдется много интереснаго для наблюдателя и если сознаете, что этими наблюденіями можно принести пользу земледѣльцу, а слѣдовательно, и самому себѣ, потому что каждый изъ насъ ѣстъ черный ржаной хлѣбъ.

Что такое птица?

Вамъ, вѣроятно, не разъ приводилось засиживаться дома, за скучными книгами, и послѣ долгаго затворничества васъ навѣрное сильнѣе тянуло изъ дома, туда, въ зеленые лѣса и степи, въ широкія поля, на красивые берега рѣкъ и озеръ, туда, гдѣ все живетъ вольною жизнію.

Тамъ хорошо, въ этихъ изумрудныхъ лугахъ, въ этихъ дремучихъ лѣсахъ и золотистыхъ поляхъ. Безчисленное множество разнообразнѣйшихъ животныхъ невольно обращаютъ на себя вниманіе: одни своими странными формами; другія—обычаями, привычками; третьи—яркими красками своего наряда; четвертыя—криками, пѣснями. Сначала голова идетъ кругомъ; не знаешь, за кого прежде взяться, кѣмъ увлечься; но потомъ, мало-по-малу, когда освоишься съ этимъ движущимся міромъ животныхъ, больше всего заинтересуютъ птицы. Это случилось со мной, и я увѣренъ, что то-же случится и съ вами. Да оно и понятно; покрытыя пестрыми,

блестящими перышками, вѣчно веселыя, довольныя, суетливыя, одаренныя дивными способностями летать по воздуху и пѣть веселыя пѣсни—птицы составляютъ украшеніе природы. Безъ птицъ казались-бы пустынными лѣса и степи. Уничтожьте птицъ—исчезнетъ та дивная музыка природы, которая доставляетъ намъ столько удовольствія. Я вовсе не намѣренъ расхваливать птицу для того, чтобы вы ее полюбили: вы и безъ того ее любите. Я самъ слышалъ не разъ, какъ вы говорили: «Ахъ, милая птичка!» «Ахъ! вольная пташечка!» Мало того, вы завидовали ей и тоже не разъ говорили: «Ахъ, если-бы я былъ птицей—я полетѣлъ-бы высоко, высоко, пронесся-бы съ быстротой ласточки, чтобы взглянуть на чудныя, сказочныя страны, о которыхъ пишутъ въ книжкахъ!»

Да, крыльямъ птицъ издавна завидуетъ человѣкъ. Со временъ глубокой древности людей занимаетъ мысль о томъ, какъ-бы сдѣлаться птицами, какъ-бы придѣлать себѣ крылья и летать по воздуху. Вы знаете, конечно, что мысль эта отчасти уже осуществилась. Ровно сто лѣтъ назадъ Пилятръ де Розье въ первый разъ поднялся на воздушномъ шарѣ Монголфьера. Въ эти сто лѣтъ много людей трудилось надъ улучшеніемъ воздушнаго шара. Искусство воздухоплаванія дошло уже до того, что не только такіе могучіе духомъ люди, какъ Пилятръ де Розье, но люди самые обыкновенные, даже робкіе, рѣшаются подняться на воздушномъ шарѣ. Однако, воздушный шаръ все-таки не крылья птицы. Онъ не можетъ идти даже въ сравненіе съ послѣдними. Человѣкъ не въ состояніи управлять самымъ лучшимъ шаромъ съ такой ловкостью, какъ какой-нибудь двухнедѣльный цыпленокъ управляетъ своими крылышками.

Между тѣмъ, какъ просто устроено это крыло. На косточкахъ передней конечности птицы, соотвѣтствующей нашей рукѣ, находится рядъ перьевъ, которыя и составляютъ крыло. Ихъ всего отъ двадцати до тридцати; они длиннѣе другихъ перьевъ тѣла. Сидятъ они на косточкахъ крѣпко и не гнутся въ сторону. Развернетъ птица крылья, взмахнетъ ими разъ, другой — поднимется съ земли и полетитъ. Какъ это просто! Казалось-бы, стоитъ только придѣлать къ нашимъ рукамъ искусственныя большія перья,—взмахнуть-бы ими и полетѣть за птицей. Правда, были такіе чудаки, которые придѣлывали себѣ крылья; но имъ и на полвершка не удавалось подняться отъ земли. Тогда они прибѣгали къ хитрости. Влѣзали на какое-нибудь высокое мѣсто, распускали крылья, размахивали ими и бросались внизъ; однако, всѣ эти попытки кончались очень плачевно: переломомъ рукъ или ногъ, а не то и просто смертью. Увы! лучше-бы было, еслибы эти бѣдняки узнали сначала секретъ птичьяго полета.

Я разскажу вамъ этотъ секретъ именно для того, чтобы вы не дѣлали себѣ крыльевъ и не пускались летать по-птичьему. Секретъ очень простъ. Сдѣлайте слѣдующій опытъ: зайдите въ кухню и

возьмите какую-нибудь птицу, которую ощипала, но еще не выпотрошила кухарка. Отрѣжьте ей крыло такъ, чтобы перерѣзать первую косточку, идущую отъ плеча; вставьте въ перерѣзанное раньше горло птицы стеклянную трубочку; положите птицу въ воду; дуньте сильнѣе въ стеклянную трубочку и смотрите: изъ перерѣзанной косточки крыла начали булькать въ воду пузырьки воздуха. Какъ только вы перестанете дуть, перестанутъ появляться и пузырьки. Очевидно, что воздухъ изъ дыхательнаго горла птицы легко проходитъ въ кость крыла. Если вы осторожно разрѣжете брюшко птицы, то черезъ этотъ разрѣзъ увидите въ полости ея тѣла желудокъ, кишки, печень и другіе внутренніе органы, а между ними замѣтите мѣшки съ тонкими, прозрачными стѣнками, наполненные воздухомъ. Вотъ тутъ-то и сидитъ секретъ птичьяго полета. Вся внутренняя полость тѣла птицы снабжена такими мѣшками; они занимаютъ всѣ пустыя мѣста между другими органами. Эти мѣшки, при помощи трубочекъ, сообщаются съ легкими; кромѣ того, отъ нихъ идутъ трубочки, которыя входятъ во внутреннія полости большихъ костей крыльевъ, ногъ и головы. Въ этихъ костяхъ вовсе нѣтъ жира, называемаго костнымъ мозгомъ, который мы такъ любимъ высасывать изъ костей млекопитающихъ.

Воздухъ, вдыхаемый птицей, проходитъ въ горло, оттуда въ легкія, изъ легкихъ-же въ воздушные мѣшки, а изъ нихъ въ пустыя кости крыльевъ и ногъ. Вотъ почему, когда вы вдунули воздухъ въ

горло мертвой птицы, онъ сталъ булькать въ воду изъ отрѣзаннаго конца плечевой кости.

Поэтому все тѣло птицы наполнено воздухомъ; чѣмъ больше надуется птица, чѣмъ больше она вдохнетъ въ себя воздуха, тѣмъ легче сдѣлается ея тѣло, такъ что она безъ труда можетъ двигаться по воздуху на своихъ крыльяхъ.

Вотъ вамъ и весь секретъ птичьяго полета. Вотъ почему человѣкъ не можетъ летать. Какъ-бы хитро онъ ни прилаживалъ себѣ крылья, онъ не можетъ наполнить свое тѣло воздухомъ.

Кромѣ воздушныхъ мѣшковъ для облегченія полета служатъ всѣ перья, покрывающія тѣло птицы. Вы, конечно, знаете, что когда стараются доказать легковѣсность какого-нибудь предмета, то говорятъ: «онъ легокъ, какъ пухъ», потому-что, дѣйствительно, пухъ и перо легки до чрезвычайности. Покрывая тѣло птицы, перья и пухъ увеличиваютъ его объемъ и, въ то-же время, уменьшаютъ вѣсъ. Сверхъ того, перья защищаютъ птицу отъ жара и холода. Перья имѣютъ у птицъ очень причудливыя формы и самую разнообразную окраску. Поэтому-то перьямъ птицъ всегда изумлялся и завидовалъ человѣкъ. Дикари Америки, Африки и Австраліи, эти несчастныя существа, не умѣющія ни ткать, ни обработывать металловъ, увлекаются красотою птицы; они стараются подражать ей и дѣлаютъ себѣ украшенія изъ птичьихъ перьевъ. Это самый первобытный нарядъ человѣка.

Да неужели и вы не любовались перьями птички? Неужели вы не собирали эти блестящія перышки? Неужели вы никогда не втыкали ихъ въ свою шляпу или шапочку? Неужели вы не заглядывались на эти прекрасные переливы цвѣтовъ птичьихъ перьевъ, съ которыми могутъ сравниваться только крылья бабочекъ да цвѣта радуги? Итакъ, когда васъ спросятъ, что такое птица, — скажите, что это *чудное существо, покрытое перьями и наполненное воздухомъ;* скажите, что это *дочь воздуха, которая движется съ изумительной быстротой въ воздушномъ океанѣ, окутывающемъ всю землю.*

Но я обманулъ васъ. Птица такое-же дѣтище земли, какъ и мы съ вами. Земля для нея нужна, какъ и для насъ. На какой-бы страшной высотѣ ни летала птица въ воздушной синевѣ, взоръ ея неизмѣнно прикованъ къ землѣ.

Видали-ли вы, какъ въ ясное лѣтнее утро громадный орелъ паритъ въ вышинѣ? Широкими кругами поднимается онъ все выше и выше. Слѣдите за нимъ. Лягте на спину на зеленой лужайкѣ и смотрите. Вотъ тамъ, далеко, по синему небу плывутъ бѣлыя облачка; орелъ поднялся уже до нихъ; взвился еще выше, выше; вотъ его едва видно. Это уже не громадная птица, а какая-то темная точка на лазури небесъ. Какая страшная вышина! Вѣдь, онъ выше насъ верстъ на пять. Знаете-ли, зачѣмъ онъ летаетъ тамъ? Просто-на-просто, онъ голоденъ и ему нужно высмотрѣть какого-нибудь зайчика или ягненка, которые копошатся въ травѣ.

Но не одна добыча привязываетъ птицу къ землѣ. На землѣ птица ищетъ отдыха. На землѣ или на растеніяхъ, покрывающихъ ее, птица устраиваетъ свой домъ. На землѣ самая быстролетная птица проводитъ свое дѣтство. Скажу вамъ больше: никто такъ крѣпко не привязанъ къ родной землѣ, какъ птица. Никто такъ не тоскуетъ по своей родинѣ, какъ она, которой человѣкъ завидуетъ за ея мнимую свободу.

Самая жизнь птицы полна глубокаго интереса для людей.

Многія особенности птичьей жизни невольно привлекаютъ къ себѣ вниманіе. Возьмемъ, напр., хоть ихъ гнѣзда. Сколько вкуса, сколько искусства въ постройкѣ этихъ гнѣздъ. Какъ много любви проявляетъ птичка къ своимъ птенчикамъ. Какъ старательно она отыскиваетъ и носитъ имъ кормъ. Сколько геройства проявляетъ она при защитѣ своихъ дѣтей отъ страшныхъ враговъ, съ которыми ей не подъ силу тягаться.

А развѣ не занимали васъ тѣ удивительные воздушные походы, которые птицы предпринимаютъ весной и осенью?

Кто былъ нашимъ первымъ учителемъ музыки? Кто познакомилъ насъ съ этими чудными переливами звуковъ, которыми полна природа? Все та-же птица.

Итакъ вы видите сами, что птица одно изъ тѣхъ живыхъ существъ, которыя играютъ особенную, выдающуюся роль въ нашей жизни. Въ птицѣ див-

ное сочетаніе такихъ свойствъ, какимъ не обладаютъ другія животныя. Вотъ почему во всѣ времена человѣкъ изучалъ и любилъ птицу. И не даромъ, потому что птицы всегда приносили человѣку только пользу и наслажденіе. Переберите птицъ—мірскихъ захребетниковъ. Есть-ли между ними хоть одинъ нашъ врагъ? Ни одного, рѣшительно ни одного.

Попробуемъ теперь припомнить, чѣмъ служатъ намъ птицы.

1. Онѣ доставляютъ человѣку вкусное мясо.

2. Пухъ и перья птицъ имѣютъ самое разнообразное примѣненіе въ нашей жизни.

3. Чѣмъ вы замѣните куриное яйцо въ вашей кухнѣ?

4. Птицы истребляютъ множество вредныхъ насѣкомыхъ въ садахъ, огородахъ, поляхъ и лѣсахъ.

5. Птицы доставляютъ намъ высокое удовольствіе своими пѣснями.

6. Птицы составляютъ предметъ охоты.

Этого довольно, чтобы сказать, что никакое другое животное не можетъ замѣнить человѣку птицу.

Да нѣтъ, нельзя сразу и передать все то, чѣмъ мы обязаны птицѣ. Для этого надо самому изучить ее; а это такъ просто и, вмѣстѣ, такъ пріятно и полезно.

У меня не было учителей, когда я, маленькимъ мальчикомъ, полюбилъ вольную птичку. Некому было разсказать мнѣ все то, что я сейчасъ вамъ разсказалъ.

Но, представьте себѣ, полюбивъ птичекъ, я надѣлалъ имъ столько зла, что мнѣ даже стыдно теперь. Я ихъ ловилъ десятками и сажалъ въ клѣтки.

«Какой жестокій мальчикъ, говорили родные и знакомые.—Зачѣмъ ты мучаешь птичекъ и лишаешь ихъ свободы? Хорошо-ли-бы тебѣ было, если-бы тебя самого засадили въ тюрьму?».

Я ужасно сердился на такія замѣчанія, а когда моихъ птичекъ выпускали изъ клѣтокъ на волю, я выходилъ изъ себя и ловилъ еще болѣе птицъ.

А знаете-ли! я былъ не правъ, что сердился; но не правы были и тѣ, которые меня бранили.

Не умѣя обращаться съ птицами, не зная какъ кормить ихъ, я, дѣйствительно, былъ причиной смерти многихъ изъ нихъ. Но, съ другой стороны, клѣтка для птицы вовсе не то, что тюрьма для человѣка, поэтому держать птицъ въ клѣткѣ—совсѣмъ не признакъ жестокаго сердца.

Прошу васъ припомнить мірскихъ захребетниковъ *). Сколько птицъ клѣтка можетъ спасти отъ смерти въ тяжелое зимнее время.

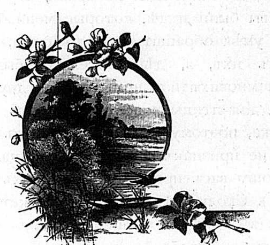
Когда я выросъ, мнѣ стало понятно, за что меня бранили старшіе. А за то именно, что я не умѣлъ обращаться съ птичками; что я, дѣйствительно, зря губилъ ихъ.

Теперь настала пора исправить вины моего дѣтства, вотъ я и завелъ съ вами рѣчь о птицахъ.

*) Здѣсь авторъ ссылается на его книгу „Мірскіе захребетники". *Ред.*

Если вы чувствуете за собою такіе-же грѣшки, т. е. любите ловить птицъ, держать ихъ въ клѣткахъ и т. д., то будемъ дальше бесѣдовать.

Я буду постепенно разсказывать вамъ въ цѣломъ рядѣ очерковъ, какъ ловить птицъ; какъ держать ихъ въ клѣткахъ, не мучая; какъ изучить ихъ на волѣ; какъ приручать къ себѣ птичекъ; какъ населять ими сады и огороды; какъ защищать ихъ отъ враговъ; какъ обучать птицъ пѣнію и пр.; разводить и улучшать домашнихъ. Много, много разскажу я вамъ о птицахъ, если вы захотите меня слушать.

Бесѣды о пѣвчихъ птичкахъ.

I.

Необходимыя объясненія.

овить птицъ, сажать ихъ въ клѣтку, лишать свободы—хорошо-ли это? Да, объ этомъ надо подумать. Быть жестокимъ дурно; а учить жестокости—еще того хуже, и я отнюдь не берусь за это. Всякая жестокость, всякое мученіе, истязаніе кого-бы то ни было—невыносимо противны. Поэтому я не сталъ-бы вамъ говорить о ловлѣ птицъ и о содержаніи ихъ въ клѣткахъ, если-бы это было, дѣйствительно, такое варварство, какъ многіе увѣряютъ.

Вотъ два примѣра. Въ клѣткѣ, подвѣшенной къ окну, прыгаетъ чижикъ. Ему, очевидно, весело, потому что онъ распѣваетъ съ самаго утра. Весь онъ такой кругленькій, чистенькій; перышки лежатъ гладко.

Взгляните теперь на улицу. По голымъ камнямъ мостовой, съ страшными усиліями, старая кляча везетъ тяжелый возъ. На каждомъ шагу она спотыкается. Ея копыта скользятъ по гладкимъ каменьямъ.

«Ну! ну!» кричитъ извозчикъ; и здоровый ударъ кнута кладетъ борозду на худые бока лошади. Она дѣлаетъ послѣднее усиліе и всей тяжестью своего тѣла падаетъ на переднія ноги. Ея морда ударилась о камни, изо-рта заструилась кровь.

Кого вамъ больше жаль: сытаго-ли чижа, или эту лошадь?

Намъ говорятъ: выпустите чижа на волю. А слыхали-ли вы когда-нибудь, что надо выпустить на волю эту несчастную клячу, эту безотвѣтную работницу? Нѣтъ, для нея воли не существуетъ. Довольно этихъ двухъ примѣровъ, чтобы оправдать нашу затѣю держать птицъ въ клѣткахъ, а если потребуется, то у насъ найдется много оправданій.

И эти оправданія не пустыя слова. Мы докажемъ на дѣлѣ, заботливостью о нашихъ плѣнникахъ, что мы заперли ихъ не для мученій.

Докажемъ... легко сказать! Это совсѣмъ не такъ просто, какъ кажется. Вы воображаете, что стоитъ только посадить птичку въ клѣтку, ставить ей въ урочный часъ питье и кормъ—и довольно. Попробуйте! Вы скоро убѣдитесь, что этого очень мало, и убѣдитесь тогда, когда уморите пропасть птицъ даромъ.

Вотъ въ чемъ именно и заключается варварство, противъ котораго совершенно справедливо возстаютъ нѣкоторые.

Варварами, какъ вы знаете, зовутъ издавна людей грубыхъ, необразованныхъ, которые, вслѣдствіе своего невѣжества, склонны мучить, истязать людей и животныхъ. Если вы посадили птичку въ клѣтку и не потрудились узнать, кто она, гдѣ живетъ, что ѣстъ, какія у нея привычки—извините, вы такой-же варваръ, невѣжда, и я вамъ не совѣтую быть птицеловомъ; я пожалѣю тѣхъ птичекъ, которыя попадутъ вамъ въ руки и, конечно, изъ одной любви къ птичкамъ я не сталъ-бы васъ учить, какъ ихъ ловятъ. Но я не считаю васъ, милый читатель, отпѣтымъ варваромъ, и думаю, что птичка, которую вы посадите въ клѣтку, принесетъ вамъ много пользы. Она доставитъ вамъ большое удовольствіе своимъ пѣніемъ; она развлечетъ васъ въ часы досуга и привяжетъ къ себѣ; она сдѣлаетъ изъ васъ добраго и заботливаго друга; она заставитъ васъ задуматься надъ тѣмъ, что безъ нея вамъ не пришло-бы и въ голову.

Я говорю вамъ это по собственному опыту. Еслибы не птица, если-бы не эта синичка, которую я поймалъ, когда мнѣ было лѣтъ восемь, вѣроятно, изъ меня не вышелъ-бы ученый. А вы знаете-ли, что такое ученый?

Когда я былъ маленькимъ мальчикомъ, я имѣлъ чрезвычайно странное понятіе объ ученыхъ. Читая книги, я всегда задавалъ себѣ вопросъ: кто ихъ пишетъ? Мнѣ говорили—ученые... «Какъ они могутъ знать, думалось мнѣ,—все то, что написано въ книгахъ?» Объ этомъ я даже и на спрашивалъ взро-

слыхъ, а въ книгахъ искалъ отвѣта. Конечно, я, какъ и вы, читалъ больше дѣтскія книги, а въ то время, когда я былъ маленькій, почти всѣ дѣтскія книги были наполнены сказками; въ этихъ сказкахъ разсказывались дивные подвиги богатырей. Но меня поражало то обстоятельство, что всѣ эти богатыри—Еруcланы Лазаревичи, Бовы-королевичи, побивая рати и полчища враговъ, въ трудную минуту шли за совѣтомъ къ волшебнику, кудеснику, чародѣю или знахарю. Этотъ кудесникъ или знахарь—непремѣнно старичокъ, живущій одиноко въ какой-нибудь лѣсной трущобѣ, въ пещерѣ.

Вотъ такими-то кудесниками, волхвами, чародѣями я и считалъ ученыхъ, пишущихъ книги. А теперь, когда я самъ сталъ ученымъ, я смѣло могу вамъ сказать, что мы не колдуны, что мы не живемъ въ пещерахъ и не прячемся отъ людей. Но вы, можетъ быть, спросите: что-же такое ученый, если онъ не колдунъ? На это я вамъ вотъ что отвѣчу: Каждый ученый — это такой человѣкъ, который ищетъ *истину*, который работаетъ, изучаетъ міръ, его природу, изучаетъ воду и землю, растенія и животныхъ, изучаетъ исторію человѣчества и т. д., для того, чтобы добыть знанія, могущія привести его къ уразумѣнію истины. Все это я вамъ передалъ, какъ доказательство, что заниматься птицей разумно вовсе не пустое дѣло; что это своего рода наука, которую надо изучать.

И такъ, заведите птицъ, а я буду вамъ добрымъ совѣтникомъ. Я берусь за это потому, что всякое

дѣло мастера боится, иначе, какъ-разъ напомнишь Крыловскаго медвѣдя, который пробовалъ изъ дерева дуги гнуть. Поэтому намъ надо прежде всего узнать, какъ слѣдуетъ ловить птицъ и держать ихъ въ клѣткахъ.

Въ клѣткахъ держатъ птицъ только мелкихъ и по преимуществу, такъ называемыхъ, пѣвчихъ. Иногда, впрочемъ, держатъ птицъ и не ради ихъ пѣнія, а за красоту перьевъ, за ловкость движеній, но это ужь исключеніе. Обитательницей клѣтки все-таки надо считать пѣвчую птицу.

Ученые дѣлятъ птицъ на *отряды*, по ихъ свойствамъ и признакамъ, и птичекъ, которыя обладаютъ музыкальной способностью, они соединили въ одинъ отрядъ—«пѣвчихъ». Къ этому отряду относится чуть не половина всѣхъ породъ птицъ, разсѣянныхъ по земному шару. Это, преимущественно, тѣ мелкія, юркія, одѣтыя въ блестящія перья птички, которыя оглашаютъ воздухъ чудными, неподражаемыми пѣснями.

Къ этимъ звукамъ человѣкъ до того привыкъ, что не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи слушать ихъ. Вотъ почему въ лавкѣ купца, въ мастерской ремесленника, въ комнаткѣ каждаго рабочаго человѣка, который, подобно имъ, долженъ жить среди шумнаго города, вдали отъ природы, вы чаще всего встрѣтите клѣтку съ птицей. Ея пѣніе нужно человѣку, какъ свѣжій воздухъ; птичка напоминаетъ ему вольную природу. Безъ этой птички его комната сдѣлалась-бы ему противна, какъ тюрьма.

Однако, мы увлеклись, пора потолковать и о дѣлѣ. Расположимъ наши бесѣды въ слѣдующемъ порядкѣ: прежде всего поговоримъ, какъ держать птицъ въ клѣткахъ, а затѣмъ разскажемъ, какъ ихъ ловить. Эти общія свѣдѣнія о содержаніи и ловлѣ птицъ намъ необходимы; а для того, чтобы успѣшно ловить и держать птицъ, нужно будетъ познакомиться съ каждымъ видомъ ихъ въ отдѣльности. Чтобы держать, напр., соловья, нужно узнать, что такое соловей, каковы его привычки, гдѣ онъ живетъ, что онъ ѣстъ, когда его лучше ловить.

Словомъ, постараемся быть *толковыми птицеловами*.

II.

Основныя правила содержанія птицъ въ клѣткахъ.

Прежде всего слѣдуетъ подумать о клѣткѣ, и рѣшить, гдѣ ее помѣстить. Обыкновенно на это не обращаютъ вниманія. Многіе разсуждаютъ такъ: «не все-ли равно птицѣ, какая будетъ у нея клѣтка? А мнѣ пріятнѣе такая клѣтка, которая-бы служила украшеніемъ комнаты». Это разсужденіе эгоиста, у котораго птица никогда не будетъ жить подолгу. Чтобы птицѣ хорошо жилось въ неволѣ, ее необходимо помѣстить въ удобную клѣтку. Красота клѣтки для птицы не имѣетъ равно никакого значенія. Поэтому для лѣсныхъ птицъ слѣдуетъ выбирать клѣтки высокія, а для жаворонковъ и другихъ полевыхъ птицъ, которыя привыкли бѣгать по землѣ, нужна, напротивъ, клѣтка хотя-бы низенькая, но ши-

рокая и длинная; потому что полевой птицѣ необходимо движеніе. Сообразуясь съ привычками птицы, слѣдуетъ размѣстить въ клѣткѣ и жердочки такъ, чтобы это было для нея удобно и чтобы она не засоряла нечистотами кормъ и воду. Для полевыхъ птицъ жердочекъ почти вовсе не нужно.

Клѣтки бываютъ самыя разнообразныя: есть деревянныя, съ деревянными-же прутиками—это самыя дешевыя; есть деревянныя съ желѣзными проволочными прутиками, есть совершенно металлическія, изъ жести и проволоки. Это самыя красивыя и дорогія. Каждый сортъ клѣтокъ имѣетъ свои достоинства и недостатки. Металлическія клѣтки,—не говоря уже о томъ, что онѣ красивѣе и прочнѣе,—хороши тѣмъ, что въ нихъ легче поддерживать чистоту, что очень важно для здоровья птицы. Въ такихъ клѣткахъ на птицъ менѣе нападаютъ паразиты, о которыхъ скажемъ впослѣдствіи. Но металлическія клѣтки пригодны только для ручныхъ и смирныхъ птицъ. Въ нихъ нельзя держать ни соловьевъ, ни жаворонковъ, ни другихъ робкихъ и пугливыхъ птицъ; онѣ изобьются тамъ до крови и скоро захирѣютъ, а при внезапномъ испугѣ размозжатъ себѣ головку и мгновенно умрутъ. Да и вообще никакую только что пойманную птицу не слѣдуетъ сажать въ металлическую клѣтку. Пытаясь вырваться на волю, она обобьетъ себѣ о желѣзные прутики всю голову до крови.

Поэтому опытные птицеловы всегда предпочитаютъ самыя простыя, деревянныя клѣтки, съ деревян-

ными-же прутиками. Правда, въ нихъ есть тоже неудобства; онѣ отъ нечистотъ птицы скоро загаживаются, пріобрѣтаютъ непріятный запахъ; на птицахъ легче заводятся паразиты, но за-то въ нихъ птицы живутъ дольше; нужно только держать ихъ чище. Къ тому-же, если деревянная клѣтка стоитъ рубль, то такихъ-же размѣровъ металлическая стоитъ пять рублей, слѣдовательно, мы имѣемъ возможность пять разъ обновить деревянную клѣтку. Размѣры клѣтки должны соотвѣтствовать величинѣ самой птицы и ея характеру. Смирная, лѣнивая птичка, какъ, напр., клестъ, легко уживается въ такой маленькой клѣткѣ, въ которой бойкая синичка скоро изведется. Любители птицъ утверждаютъ, что лучшихъ пѣвцовъ не слѣдуетъ держать въ просторныхъ клѣткахъ, потому, будто-бы, что они тогда хуже поютъ. Это совершенный вздоръ. Мы по себѣ можемъ судить, что въ просторной комнатѣ намъ гораздо удобнѣе, чѣмъ въ маленькой коморкѣ, а движеніе и просторъ для птицы болѣе необходимы, чѣмъ для насъ. И такъ надо заводить хотя-бы дешевыя деревянныя, но просторныя клѣтки.

Чтобы птичка чувствовала себя хорошо, ей необходимъ свѣжій воздухъ, поэтому не слѣдуетъ вѣшать клѣтки тамъ, гдѣ слишкомъ много курятъ, и, ни въ какомъ случаѣ, не слѣдуетъ подвѣшивать ее подъ самый потолокъ, гдѣ скопляется дымъ и разные вредные газы, какъ, напр., угаръ. Знайте, что угаръ для птицъ смертеленъ. Если въ комнатѣ угарно, у васъ заболитъ только голова, а птички ваши

непремѣнно умрутъ, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ выше вы подвѣсили клѣтку.

Лучше всего вѣшать клѣтки не окнахъ, какъ это, большею частію, и дѣлаютъ; но и тутъ зря поступать нельзя.

Нѣжныя птички: соловьи, малиновки и другія, которыя не выносятъ холода и отлетаютъ на зиму къ югу—въ клѣткахъ, подвѣшанныхъ на окнѣ, легко простужаются, хирѣютъ и умираютъ. Да и всѣ вообще птицы простужаются, если клѣтка виситъ около форточки, въ щели которой дуетъ на нихъ. Весьма важно обращать вниманіе на то, чтобы клѣтка была постоянно чиста, чтобы птичка имѣла свѣжую воду и хорошій кормъ. Каждый день обязательно вычищать выдвижное дно клѣтки и посыпать его свѣжимъ пескомъ, выбрасывать изъ кормушки остатки корма, вычищать ее и насыпать свѣжаго корма. Каждый день, а лѣтомъ даже два раза въ день, надо мыть стаканчикъ съ водой и наливать въ него свѣжей. Если вы будете выполнять все сказанное мною, то я ручаюсь, что ваши птички будутъ здоровы, веселы, проживутъ многіе годы и будутъ пѣть отлично. Но это еще не все: у каждой породы птицъ есть свои потребности, свои привычки, свой любимый кормъ. Очень многія птицы, какъ напримѣръ: скворцы, дрозды и другія, нуждаются въ водѣ не только для питья, но и для купанья. Вотъ у меня теперь два дрозда и скворецъ; они помѣщены не въ клѣткахъ, а въ особой комнатѣ, въ обществѣ маленькихъ курочекъ. Каждый день, съ утра, я открываю фор-

точку, чтобы освѣжить тамъ воздухъ и, несмотря на холодъ, дрозды и скворецъ акуратно каждый день купаются. Эти ванны необходимы птицамъ даже на волѣ: всѣ онѣ любятъ держать себя чисто. Наблюдая за вольной птицей — какая-бы она ни была—вы непремѣнно замѣтите слѣдующее: лишь только она наѣлась—первымъ дѣломъ ея почистить клювъ, т. е. вытереть себѣ ротикъ. Затѣмъ, она принимается чистить перышки. Своимъ клювомъ птичка переберетъ всѣ перышки на спинѣ, на груди, на крыльяхъ, на хвостѣ, пальчиками причешетъ ихъ на головкѣ и шейкѣ, разъ десять отряхнется, оглядится и только тогда начнетъ пѣть, когда весь туалетъ ея окажется въ порядкѣ. Я увѣренъ, что если вы обратите вниманіе на эту привычку птицъ, то и сами постараетесь быть опрятнѣе, чтобъ не краснѣть передъ ними. Не пріучайте-же вашихъ птичекъ къ неряшеству и ставьте имъ иногда блюдечко съ водой для купанья. Купаясь, онѣ не только очищаютъ свои перья, но и освобождаются отъ паразитовъ, которые заводятся вслѣдствіе нечистоты.

Поговоримъ теперь о кормѣ. Всѣ пѣвчія птички дѣлятся на двѣ группы: у однѣхъ клювъ тонкій, слабый и онѣ питаются исключительно мелкими животными—насѣкомыми, ихъ гусеницами и яичками, поэтому ихъ называютъ «тонкоклювыми», или «насѣкомоядными»; другія-же, главнымъ образомъ, питаются сѣменами, зернами, почками и растеніями, такъ-какъ имѣютъ клювъ короткій, толстый и

крѣпкій, почему ихъ и называютъ «толстоклювыми», или «зерноядными». Къ первому разряду принадлежатъ соловьи, малиновки, пѣночки и другія; ко второму—чижи, щеглы, клесты и проч. Но строго отдѣлить птицъ насѣкомоядныхъ отъ зерноядныхъ нельзя, потому что всѣ зерноядныя выкармливаютъ своихъ дѣтей насѣкомыми и ихъ гусеницами. Съ другой стороны, насѣкомоядная синичка, осенью и зимой, охотно ѣстъ зерна и почки, а насѣкомоядные дрозды, осенью съ жадностью нападаютъ на рябину, виноградъ и другія ягоды. Все это нужно знать птицеводу, чтобы каждой птичкѣ дать наиболѣе подходящій кормъ.

Для зерноядныхъ птицъ самый обыкновенный кормъ—конопляное сѣмя. Кромѣ того, имъ даютъ просо, торицу или сурѣпное сѣмя и канареечное сѣмя. Замѣтьте при этомъ, что всякій кормъ долженъ быть непремѣнно свѣжій, вкусный. Залежавшееся конопляное сѣмя дѣлается горькимъ и дѣйствуетъ вредно на птихъ. Не слѣдуетъ также кормить птичекъ исключительно только однимъ коноплянымъ сѣмечкомъ; надо непремѣнно разнообразить кормъ и, кромѣ сухого сѣмени, давать имъ или булочку, размоченную въ молокѣ, или салатъ, или вообще какую-нибудь зелень, которую птички клюютъ съ жадностью. Хотя разъ въ мѣсяцъ слѣдуетъ класть въ стаканчикъ съ водой маленькій кусочекъ сахару; это поправляетъ пищевареніе птичекъ. На дно клѣтки, кромѣ песку, бросайте иногда мелко-истолченную скорлупу куринаго яйца. У пти-

чекъ отъ твердыхъ зеренъ, на языкѣ дѣлается типунъ, который онѣ стираютъ яичной скорлупой и пескомъ.

Для насѣкомоядныхъ птицъ, лучшій кормъ—муравьиныя яйца, лѣтомъ—свѣжія, а зимой—сушеныя. Кромѣ того, ихъ кормятъ тараканами, мучными червяками и еще особымъ кормомъ, приготовляемымъ искусственно, о чемъ мы скажемъ впослѣдствіи. Вотъ главныя условія, и только при соблюденіи ихъ можно держать въ клѣткахъ здоровыхъ, веселыхъ и хорошо поющихъ птичекъ. Но помимо выполненія всего сказаннаго, необходимо постоянно слѣдить за птичками. Если птичка нахохлится, сдѣлается скучной, это значитъ, что она заболѣла. Надо узнать, чѣмъ она больна, и подать ей помощь. Болѣзни птицъ очень несложны; мы опишемъ ихъ послѣ и укажемъ лѣкарства, такъ что при нѣкоторомъ навыкѣ вы легко сдѣлаетесь птичьимъ докторомъ.

Прежде, чѣмъ закончить бесѣду о томъ, какъ держать птичекъ въ клѣткахъ, я обращу ваше вниманіе еще на одно обстоятельство. Птичекъ держатъ въ клѣткахъ или по одиночкѣ, или по нѣскольку вмѣстѣ, въ большихъ клѣткахъ, называемыхъ *садками*. Въ сакахъ держать птичекъ хорошо потому, что тутъ легче можно наблюдать ихъ привычки, движенія и, наконецъ, ихъ взаимныя отношенія. Въ садкахъ, обыкновенно, сажаютъ вмѣстѣ птицъ разныхъ породъ; но въ этомъ случаѣ очень важно знать ихъ характеръ. Между птицами вообще

есть добрыя, дружелюбныя, есть и злыя, сварливыя драчуньи, которыхъ рѣшительно нельзя держать съ другими, Напримѣръ: если въ садокъ, гдѣ живутъ чижи, щеглы, снигири и тому подобныя миролюбивыя птички, вы пустите хотя одну синицу, то на слѣдующее же утро ждите большой непріятности: въ садкѣ вы няйдете нѣсколько мертвыхъ птичекъ, съ проломленными головами и выѣденнымъ мозгомъ. Знайте, что это дѣло разбойницы синички. Въ садкахъ птицы, можетъ быть, благодаря разнообразной компаніи, поютъ обыкновенно плохо и мало, поэтому лучшихъ пѣвцовъ любители держатъ всегда въ клѣткахъ, по одиночкѣ.

Вотъ и всѣ главныя правила для того, чтобы умѣть держать птицъ въ клѣткахъ. Вы видите, какъ они просты. Всѣ они основаны на томъ, чтобы быть аккуратнымъ и знать привычки птицъ. Въ слѣдующій разъ побесѣдуемъ о томъ, какъ слѣдуетъ ловить птицъ.

Охота въ симбирскихъ садахъ.

Зачѣмъ я пѣть тебя не смѣю,
Симбирскъ, мой скромный городокъ,
И, какъ непризнанный пророкъ,
Молчу надъ лирою своею...

Не помню дальше, потому что эти стихи написаны давно; гдѣ напечатаны — не знаю. Написаны они однимъ изъ нашихъ любимыхъ учителей, Николаемъ Александровичемъ Гончаровымъ, братомъ знаменитаго писателя. Это былъ замѣчательный чудакъ. Добрый и честный, вѣчно задумчивый, безпамятный, но, въ то же время, общій любимецъ. Какъ теперь гляжу на его толстенькую фигуру, круглое лицо, коротко остриженную голову, на его добрые сѣрые глаза, постоянно блуждающіе, словно онъ не видитъ ничего, что дѣлается вокругъ. Да, онъ и вправду ничего не видѣлъ. Войдетъ, бывало, въ классъ: всѣ встанутъ, по обычаю, прочтутъ молитву, а Николай Александровичъ похаживаетъ въ это время по комнатѣ, заложивъ руки за спину и что-то бормочетъ про себя. Онъ имѣлъ странную привычку какъ-то

особенно вертѣтъ пальцами. Послѣ молитвы наступала мертвая тишина въ классѣ, но не надолго: то тамъ, то тутъ начиналась возня, говоръ, смѣхъ. Шумъ усиливался. Наконецъ Гончаровъ какъ-будто пробуждался отъ этого шума; круглая фигурка его быстро повертывалась на всемъ ходу, сѣрые глаза устремлялись на какого-нибудь ученика.

— Это ты, ты шумишь? Я тебя запишу!..

Гимназистикъ моментально исчезаетъ подъ лавкой.

— Гдѣ, гдѣ онъ? Подайте его сюда? вопилъ учитель. Виноватаго вытаскивали и подводили къ каѳедрѣ.

Учитель садился на стулъ и грозно требовалъ отвѣта.

— Отвѣчай, шалунъ!..

Отвѣты наши, обыкновенно, были не блестящи; но каждый неловкій отвѣтъ точно воодушевлялъ учителя. Онъ начиналъ разъяснять то или другое грамматическое правило и, нужно сознаться, мы заслушивались его тогда. Николай Александровичъ былъ поэтъ въ душѣ и эту поэзію онъ вносилъ въ грамматическую сушь. Мы любили часы уроковъ грамматики также и потому, что чувствовали себя какъ-то вольнѣе, свободнѣе, чѣмъ у другихъ учителей. Въ разныхъ углахъ класса шли разсказы, толки. Можно было сидѣть, какъ и гдѣ хочешь, можно было спорить и даже шалить; только иной разъ грозно раздается голосъ Николая Александровича:

— Тише, барышни, тише!

Величалъ онъ насъ барышнями потому, что давалъ уроки въ женскомъ Елизаветинскомъ училищѣ и, по разсѣянности, ему казалось иногда, что онъ тамъ, а не въ гимназіи.

Вы меня не осудите, что я вспомнилъ своего добраго учителя, начавъ разсказъ про наши былыя охоты въ томъ самомъ скромномъ городкѣ, который воспѣлъ тоже скромный и неизвѣстный поэтъ.

Тяжелое дѣло для школьника вернуться въ городъ осенью и засѣсть на школьную скамью. Трудно приниматься за ученье; свѣжи еще въ памяти лѣтнія забавы. Вотъ и собираются на лавкахъ кучками гимназисты: въ одномъ мѣстѣ—рыболовы, въ другомъ—голубятники, тутъ птицеловы, тамъ—наѣздники... да что, и не перечтешь этихъ кучекъ, не переслушаешь и разговоровъ, которые ведутся въ каждой изъ нихъ. Весь этотъ людъ дѣлится своими впечатлѣніями, разсказываетъ объ удачахъ и неудачахъ, хвалится своими пріобрѣтеніями. Тутъ идутъ мѣна и торгъ, идутъ сговоры на осеннія охоты. Какъ теперь помню, во время одного класса грамматики, около носатаго гимназиста, по прозванью турка, собрался кружокъ. Дѣло шло о большой охотѣ въ садахъ; турокъ подбиралъ артель и ораторствовалъ. Надо разсказать, что такое эти сады.

Симбирскъ, о которомъ идетъ рѣчь, стоитъ на Волгѣ, на высокой горѣ въ нѣсколько десятковъ саженъ. Крутой склонъ къ Волгѣ, окаймляющей городъ съ востока и съ юга на нѣсколько верстъ, покрытъ сплошными фруктовыми садами. Внизу, по берегу Волги, раскинулась слободка съ большими хлѣбными амбарами волжской пристани. Сады различныхъ владѣльцевъ отдѣлены другъ отъ друга плетнями. Напрасно искать въ этихъ садахъ аллей, усыпанныхъ пескомъ, тѣнистыхъ, высокихъ деревьевъ, бесѣдокъ и тому подобныхъ затѣй. Это цѣлые лѣса яблонь, грушъ, сливъ, вишень, вперемежку съ кустами смородины, крыжевника, барбариса и малины. Въ каждомъ садикѣ есть непремѣнно избушка или шалашъ, гдѣ живетъ сторожъ, онъ же и садовникъ. Въ иныхъ садахъ есть даже маленькіе домики, гдѣ постоянно живутъ сами хозяева. Эти сады—настоящій рай для птицелова. Подъ осень, когда соберутъ съ деревъ груши и яблоки, сады пустѣютъ совершенно; ихъ сторожа, садовники и владѣльцы переселяются въ городъ, потому что зимой ходить по крутому склону, покрытому снѣгомъ, почти невозможно. Вотъ туда-то, въ былое время, ежегодно, осенью, по праздникамъ отправлялись артели гимназистиковъ. Объ одномъ изъ такихъ походовъ я и хочу разсказать. Это было въ началѣ сентября. Въ тотъ годъ 8-е сентября (праздникъ Рождества Богородицы) приходилось на понедѣльникъ, слѣдовательно, у насъ было слишкомъ два дня для охоты. Вотъ по этому-то поводу и ораторствовалъ мой турокъ. Надо было выбирать людей. Иного возьмешь да и наплачешься съ нимъ, всю охоту испортитъ. На этотъ разъ мы подобрали испытанныхъ товарищей. Между ними, кромѣ птицелововъ, были два

рыбака, одинъ яблочникъ, одинъ кашеваръ, трое загонщиковъ и четверо ловцовъ. Кромѣ нашей, составились и другія артели, при чемъ не обошлось безъ ссоръ. Въ концѣ концовъ, однако, рѣшили не ссориться изъ-за мѣстъ, не мѣшать другъ другу, а главное въ случаѣ нападенія, стоять за своихъ крѣпко. Дѣло въ томъ, что въ сады зря ходить было опасно, несмотря на ихъ пустоту. Осенью тамъ нерѣдко укрывались разные бродяги, шлялись бурлаки, прокармливаясь недобранными фруктами. Иногда они обижали нашего брата, безъ церемоніи отбирая у насъ хлѣбъ и всякіе съѣстные припасы; поэтому мы не только не ходили туда въ одиночку, но каждая артель брала съ собой или ружьишко, или пистолетъ.

Сверхъ того, нерѣдко бывали стычки съ другими городскими птицеловами, иногда кончавшіяся крупной потасовкой; бились мы не разъ и съ семинаристами, которые шлялись по садамъ ради *стомаха* *), т. е., попросту, чтобы набить голодное брюхо даровыми яблоками и грушами. Война у насъ съ семинаристами была стародавняя. Тянулась она гораздо долѣе, чѣмъ осада Трои. Изъ-за чего и какъ началасъ она—того никто не помнилъ, но, по завѣту нашихъ предшественниковъ, мы ее продолжали стойко, какъ будто и впрямь не хотѣли посрамить земли русской. Она велась на улицахъ города, въ публичныхъ садахъ, словомъ, вездѣ, гдѣ только встрѣчались грамматики, философы и богословы съ «красной говядиной—какъ называли насъ семинаристы за красный воротникъ нашей форменной одежды. Драки эти принимали иногда видъ настоящей войны и бойцовъ разгоняла полиція.

*) Желудка.

Странно, что между семинаристами почти не попадалось птицелововъ и вообще охотниковъ. Въ сады ихъ загонялъ только голодъ, при чемъ, конечно, не обходилось безъ стычекъ съ сторожами. Наши же гимназистики этимъ дѣломъ не промышляли и потому мы всегда находили въ садахъ любезный пріемъ, а подчасъ и угощеніе.

Въ субботу, 6-го сентября, послѣ обѣда, наша артель отправилась въ путь; но, чтобы за нами не слѣдили, мы шли по одиночкѣ и только за городомъ сошлись въ условленномъ мѣстѣ. У каждаго былъ свой грузъ: одни несли снасти, другіе—удочки, третьи—провизію, посуду, оружіе. Двѣнадцатымъ нашимъ спутникомъ была лягавая собака одного изъ артельщиковъ, громаднаго роста и непомѣрной силы, которую мы неизмѣнно брали съ собой. Съ этимъ товарищемъ мы ничего не боялись, ни бродягъ, ни философовъ, ни богослововъ. Полчаса спускались мы въ одинъ изъ дальнихъ садовъ, который славился обиліемъ птицы; тамъ расположились въ большомъ, тепломъ, соломенномъ шалашѣ и живо принялись за работу. Рыбаки пошли на Волгу, остальные принялись расчищать точки, прилаживать снасти. Натаскали въ шалашъ сѣна; въ

сторонѣ, подъ крупнымъ обрывомъ, устроили очагъ. Яблочникъ отправился съ сумкой собирать яблоки и груши; затѣмъ, развели на очагѣ огонь и кашеваръ занялся приготовленіемъ ужина. На этотъ разъ ужинъ вышелъ роскошный. Рыболовы вернулись рано, съ порядочнымъ запасомъ разной рыбешки. Одинъ изъ нихъ съ торжествомъ показывалъ издали цѣлую связку жирныхъ стерлядокъ, купленныхъ у рыбака за гривенникъ. Сварили уху, заварили чайку, наѣлись, напились, спѣли хоромъ пѣсенку и залегли въ шалашѣ спать, накрывшись, вмѣсто одѣялъ, толстымъ слоемъ душистаго сѣна. Валетка улегся тутъ же, на сѣнѣ. Только что стали мы засыпать, какъ вдругъ кто-то закричалъ дикимъ голосомъ: «караулъ! караулъ! волкъ!» Валетка бросился въ садъ, мы схватили что́ попало—и за нимъ. Началась отчаянная гонка. Валетка лаялъ, кидался на кого-то съ ожесточеніемъ, но на кого — мы и понять не могли. Раздавалось странное рычанье, блестѣли чьи-то глаза. Наконецъ, послышался отчаянный крикъ и ворчанье Валетки. Тутъ мы только поняли, что мнимый волкъ—просто—котъ.

Лѣтомъ, пока работали въ садахъ, пока жили сторожа, тамъ разводилось много кошекъ. Онѣ истребляли птичьи гнѣзда и выводки и, подъ конецъ, совершенно дичали, такъ что съ осени ихъ не могли даже захватить съ собой хозяева. Осенью онѣ питались мышами, а зимой многія изъ нихъ гибли отъ голоду. Ночью эти воры подкрадывались къ нашимъ шалашамъ, разламывали клѣтки и пожирали птицъ, поэтому мы ихъ терпѣть не могли и, при помощи Валетки, преслѣдовали ихъ безпощадно. И на этотъ разъ громадному черному коту тоже пришлось поплатиться своей шкуркой. Остальная часть ночи прошла совершенно тихо.

Рано утромъ, едва показалось за Волгой солнышко, мы были уже на ногахъ, наскоро напились чаю и отправились каждый къ своему мѣсту. Загонщики разносили и расставляли западни, осыпали заросли репейника силковой снастью на щеглятъ. Мнѣ въ тотъ разъ выпалъ жребій ловить дроздовъ понцами. Понцо—это два полотнища тонкой филейной сѣтки. Концы ихъ привязаны къ палочкамъ, а вдоль длинныхъ боковъ протянуты бичевки. Ставятся они по обѣ стороны точка̀, параллельно. Внутреннія бичевки, обращенныя къ точку́, имѣютъ около палочекъ петли. При помощи кольевъ, вставленныхъ въ петли и вколоченныхъ въ землю, бичевки натягиваются туго. Наружный конецъ одной пары палокъ снабженъ короткой бичевкой, конецъ которой колышкомъ прикрѣпляется къ землѣ на одной линіи съ другими кольями. Концы двухъ противуположныхъ палочекъ тоже имѣютъ бичевки, связанныя вмѣстѣ, и отъ нихъ уже идетъ длинная веревка къ шалашу птицелова. Стоитъ только дернуть за эту веревку, какъ оба полотна понцевъ переметываются другъ къ другу и быстро накрываютъ точёкъ. Понцы — превосходная снасть для ловли птицъ и

далеко лучше лучкà. Они могутъ быть и маленькія, и большія, длиною даже въ нѣсколько саженъ. Ими ловятъ самыхъ разнообразныхъ птицъ, какъ мелкихъ, такъ и крупныхъ. Но для успѣха ловли необходимо выполнить два условія: во-первыхъ, понцы должны быть установлены правильно, а во-вторыхъ, ловецъ долженъ быть мастеръ своего дѣла, что вовсе не легко: надо дернуть веревку такъ, чтобы понцы перекинулись моментально, иначе всѣ птицы успѣютъ улетѣть.

Утро было чудно хорошо—ясное, теплое. Кругомъ стояли яблони, груши съ покраснѣвшими, пожелтѣвшими листочками. Передо мной раскинулась голая площадка, на которой, среди зелени, чернѣлъ точóкъ, а далѣе виднѣлась широкая полоса матушки Волги. Плыли суда, вился черный дымокъ отъ парохода, словно утки сновали по рѣкѣ рыбачьи челны. Кругомъ, въ пожелтѣвшей листвѣ, звонко раздавались голоса синичекъ, усердно очищавшихъ стволы яблонь отъ яичекъ бабочекъ. Порой проносились высоко въ воздухѣ стаи журавлей, лебедей, гусей, утокъ. Какъ ни хороша была картина, но солнышко грѣло такъ ласково, что я чуть не вздремнулъ, и непремѣнно заснулъ-бы, если-бы не подлетѣла стайка зеленыхъ чижей. Веселые звуки скрипки, на которую больше всего похожъ голосъ чижика, раздались слѣва, въ чащѣ яблонь. Ближе, ближе; вотъ, наконецъ, надъ вершиной яблони показался

чижъ-передовикъ и остановился тутъ съ подозрительнымъ чириканьемъ. Одинъ за другимъ, подвалили къ нему десятки чижей. Видъ чернаго точкá, усыпаннаго коноплей, сережками ольхи и ягодами рябины, около которыхъ скакали манные чижи, овсянки и дрозды, очевидно, смутилъ странниковъ. Между ними пошли бойкіе переговоры. Манный чижикъ безпокойно завертѣлся въ клѣткѣ, обрадовавшись своимъ родственникамъ, и зачирикалъ изо всѣхъ силъ, приглашая ихъ къ себѣ. Но гости церемонились и туго шли на приглашеніе. Они осторожно стали спускаться на нижнія вѣтви березы, подозрительно высматривая своего злополучнаго собрата. Это самая лучшая минута въ жизни птицелова. Тутъ рѣшается важный для него вопросъ; не подходите къ нему близко: онъ бросится на васъ, какъ звѣрь, кто-бы вы ни были. Это какой-то полоумный. Глаза его видятъ только птицъ и точóкъ; натянувшія бичевку руки дрожатъ, какъ въ лихорадкѣ. Онъ самъ себя не помнитъ отъ волненія и страха. А ну, какъ кто-нибудь испугаетъ птицъ?

На этотъ разъ, однако, этого не случилось. Одинъ голодный чижъ порхнулъ на точóкъ и сталъ ѣсть приваду; его примѣру не замедлили послѣдовать и другіе. Стая была огромная, по крайней мѣрѣ, штукъ въ полтораста. Я дернулъ веревку и выскочилъ изъ шалаша. Представьте-же мой ужасъ: одно полотно понцевъ стояло торчкомъ, а подъ другимъ билось только три или четыре чижа! Остальная стая летѣла уже далеко. Я до такой степени

опѣшилъ, что сразу не могъ даже понять, какъ это случилось; но причина неудачи скоро разъяснилась. Оправляя понцы, я задѣлъ ногой сломанный сукъ яблони, а онъ зацѣпилъ за наружный край сѣти. Оправивъ понцы и вынувъ чижей, я снова спрятался въ шалашъ. Но, увы! счастье какъ-будто отвернулось отъ меня. Стая за стаей—чижи, зяблики и разная другая птица — летѣли мимо меня и ни одна не присѣла на мой точо́къ. Такъ прошло добрыхъ два, три часа. Наконецъ-то судьба сжалилась надо мной; мнѣ удалось накрыть десятка полтора зябликовъ. Только что успѣлъ я управиться съ ними, какъ раздался звукъ свистка (нашъ условный сигналъ къ обѣду). Приведя въ порядокъ снасти и спрятавъ манныхъ птицъ въ укромное мѣстечко я, не спѣша, отправился къ шалашу; но едва сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ сигналъ повторился, а затѣмъ и еще разъ. Это ужь означало тревогу. Я бросился бѣгомъ, насколько позволяли силы. Едва я добрался до лагеря, какъ моимъ глазамъ представилась далеко не веселая картина. Горшокъ съ ухой былъ опрокинутъ; нашего кашевара повалили на землю два рослыхъ семинариста; двое другихъ товарищей съ отчаяніемъ отбивались палками отъ цѣлой шайки грамматиковъ. Схвативъ первую попавшуюся палку, я бросился на выручку кашевара. Ударомъ по головѣ мнѣ удалось оглушить здоровеннаго философа; но полугнилая палка тутъ-же разлетѣлась вдребезги. Не долго думая, я хватилъ другого по носу. Тутъ кашеваръ быстро вскочилъ

на ноги и насѣлъ на оглушеннаго. За то и я, въ свою очередь, очутился подъ философомъ и, пожалуй, плохо-бы мнѣ пришлось, если-бы въ эту минуту не подоспѣли наши. Сраженіе мигомъ приняло другой оборотъ: грамматики моментально дали тылъ, философы очутились въ плѣну. На счастье, одинъ изъ нихъ оказался землякомъ гимназистика, котораго мы звали кубаремъ, такъ что при его помощи битва закончилась-бы полнымъ примиреніемъ. Но на бѣду, одинъ изъ философовъ, ни съ того, ни съ сего, издали швырнулъ камнемъ. Камень попалъ въ кубаря, тотъ освирѣпѣлъ и покраснѣлъ какъ ракъ.

— А если такъ, то бей ихъ, братцы! Валетка, хватай ихъ!

Философы метнулись черезъ заборъ: но одинъ изъ нихъ задѣлъ за сучекъ своимъ длиннополымъ кафтаномъ, и въ одну минуту зубы Валетки впились въ полу нанковаго семинарскаго сюртука. Философъ рванулся отчаянно, но, увы! длинный хвостъ остался въ зубахъ у Валетки. Живо перескочили мы черезъ заборъ и бросились въ погоню. Валетка догналъ другого философа, который также поплатился полой кафтана. Грамматиковъ же и слѣдъ простылъ.

Собравъ семинарскія полы, мы вздѣли ихъ на палки, вернулись въ лагерь съ трофеями побѣды, подобрали съ земли рыбу, вынули изъ золы картофель, который, къ счастью, не замѣтили нападавшіе, и весело принялись за обѣдъ. Разговоръ шелъ, ко-

нечно, о побоищѣ и объ уловѣ птицы. Оказалось, что и прочіе товарищи были не счастливѣе меня. Птицы было много, валомъ валила, но стаи летѣли, не присаживаясь, спѣшили, словно завтра должна наступить зима. Утоливъ голодъ, мы вернулись на свои мѣста, въ надеждѣ, что авось будетъ удачнѣе ловъ подъ вечеръ. Но тутъ насъ ждали новые сюрпризы.

Грамматики воспользовались нашимъ отдыхомъ и у двухъ ловцовъ сломали лучки, выпустили манныхъ птицъ, разрушили шалаши. Снова тревога, снова пустились мы на поиски за разбойниками, но безуспѣшно: они скрылись, какъ въ воду канули. Мы знали, что они тутъ, близко, знали также, что они не оставятъ насъ въ покоѣ и потому рѣшились съ наступленіемъ сумерекъ перебраться на другое мѣсто, выслѣдить враговъ и ночью напасть на нихъ. Такъ и сдѣлали. Я остался у понцовъ, турокъ засѣлъ у уцѣлѣвшаго лучка, западни мы сняли, манныхъ птицъ припрятали, въ разныхъ углахъ сада выставили скрытыхъ часовыхъ. Ловля не удалась, да и птица не шла; такой ужь вѣрно день выдался. Только что я хотѣлъ снимать понцы, какъ вдругъ изъ-за яблони порхнулъ прямо на точо́къ черный дроздъ, за нимъ другой, третій; я не вытерпѣлъ, дернулъ, понцы взвились и закрыли дорогую добычу. Да, это искупило всѣ неудачи: черный дроздъ былъ цѣнное пріобрѣтеніе! Связавъ имъ крылышки и посадивъ въ кутейку, я снова юркнулъ въ шалашъ. Прошло съ полчаса или больше, но дрозды не по-

казывались, а стайки другихъ птицъ летѣли все также безостановочно мимо. Наступалъ уже вечеръ; со стороны Волги донесся до меня звукъ знакомой пѣсни. То шли наши рыболовы. Наконецъ, показались и ихъ фигуры. Я снялъ понцы, уложилъ ихъ и хотѣлъ идти въ лагерь, какъ вдругъ одинъ изъ рыболововъ закричалъ отчаяннымъ голосомъ: «караулъ!» На нихъ опять напали грамматики; но на этотъ разъ грамматикамъ не удалось улизнуть: наши съ разныхъ сторонъ бросились къ мѣсту драки, примчался и кубарь съ Валеткой. Исписали же мы имъ бока! Съ ревомъ и плачемъ враги просили прощенья, клялись никогда больше не тревожить насъ. На этомъ условіи имъ дана была полная свобода. Оборванная, украшенная синяками, удалилась изъ сада разбитая армія. Безполыхъ философовъ тутъ уже не было; они ушли домой, какъ увѣряли грамматики, но зная по опыту ихъ коварство, мы рѣшили перекочевать въ другой садъ и въ сумерки отправились туда тихомолкомъ. Тамъ была пасѣка; пчелякъ, нашъ старый знакомый, радушно пріютилъ насъ въ мшаникѣ, куда прячутъ пчелъ на зиму. Весело запылалъ костеръ, снова сварили уху изъ принесенной съ Волги рыбы, приготовили яичницу, починили лучки и завалились спать.

На утро, лишь только начало разсвѣтать, мы принялись за работу. Мигомъ расчистили точки́, уставили снасти; но день былъ пасмурный и на

удачную охоту мы не разсчитывали. Оказалось же какъ-разъ наоборотъ. Птицы такъ и валили на точки; изъ западней едва успѣвали вынимать ихъ. Это былъ, просто, баснословный уловъ. Достаточно сказать, что въ половинѣ дня мы не знали, куда дѣвать птицу; все было полно. Тогда, волей-неволей, пришлось прекратить ловлю. Вотъ что мы добыли:

133 зяблика,
92 чижа,
15 рѣполововъ,
21 лѣсная канарейка,
17 щеглятъ,
3 черныхъ дрозда,
48 дроздовъ, рябинниковъ, дрябъ и бѣлобровиковъ,
2 синицы князька,
17 долгохвостыхъ синицъ и 2 сычика.

И такъ, рѣшено было прекратить ловлю, пообѣдать, а затѣмъ вернуться домой, разсортировать и подѣлить между собой добычу. Однако, и этотъ день не обошелся безъ приключенія.

Между нами былъ одинъ товарищъ—толстякъ, котораго мы брали, главнымъ образомъ, какъ охранную стражу и какъ веселаго болтуна. Встрѣтивъ насъ съ добычей, толстякъ презрительно усмѣхнулся.

— Стоило, говоритъ, на эдакую дрянь время терять.

— А ты-то что поймалъ?

— Я-то, конечно, не такую дрянь.

И съ этимъ словомъ онъ вытащилъ изъ-подъ сѣна большущаго русака.

Мы такъ и ахнули отъ удивленія, потому что, хотя у насъ и было ружье, но выстрѣла мы не слыхали, да и толстякъ вовсе не мастеръ былъ стрѣлять.

— Ну, такъ и быть, разскажу, садитесь чинно въ кругъ. Пока вы тамъ ловили воробьевъ, я тоже отправился на охоту съ Валеткой. Бродили, бродили мы съ нимъ по садамъ, только вдругъ выскакиваетъ изъ куста этотъ самый господинъ заяцъ. Я отъ него, а Валетки за нимъ. Обернулся—нѣтъ ни русака, ни Валетки. Зову, зову я Валетку—нѣтъ его. Ну, думаю, пропалъ! Вдругъ слышу—гдѣ-то далеко онъ залаялъ. Эге! дѣло плохо! Вырѣзалъ я дрючекъ и иду себѣ потихоньку къ нашему лагерю. Вдругъ смотрю, этотъ самый заяцъ, какъ скакнетъ черезъ заборъ прямо ко мнѣ, сѣлъ на заднія лапы и слушаетъ. Слушалъ, слушалъ, потомъ сдѣлалъ прыжокъ, другой, третій. А тутъ у забора былъ сложенъ хворостъ; глядь—мой заяцъ маршъ туда и пропалъ. Немного погодя, прибѣгаетъ Валетка, повертѣлся и кинулся совсѣмъ въ другую сторону. Зову, зову его—нѣтъ, дуетъ себѣ во всѣ лопатки, обѣжалъ вокругъ сада и опять вернулся ко мнѣ. Тогда я схватилъ его за ошейникъ и подвелъ къ хворосту. Въ эту минуту, прямо на насъ выскочилъ русакъ, а Валетка—цапъ его за бокъ. Вотъ и словили друга милаго.

— Да, замѣтилъ стоявшій тутъ пчелякъ,—русаки

любятъ прятаться въ хворостѣ. Вотъ погоди, начнутся пороши, сколько ихъ тутъ разведется въ садахъ—и не счесть. Ночью гуляютъ, гложутъ яблони, а къ утру и залягутъ въ бурьянъ или подъ хворость. Кабы было ружье, сколько-бы я ихъ набилъ.

Запали эти слова намъ въ голову. Новая страсть пробудилась въ душахъ охотниковъ, новыя надежды, новыя радости.

— А что, братцы, не вытерпѣлъ кубарь,—дождемся пороши, да и въ походъ на косыхъ. Не все намъ съ бурсой биться.

Эта мысль всѣмъ пришлась по сердцу: рѣшили приняться за вооруженіе. Пчелякъ одобрилъ наше намѣреніе и обѣщалъ всякую помощь. Распростившись съ нимъ, нагруженные богатой добычей, усталые, но веселые, вернулись мы домой. Всю ночь мнѣ снились тогда зайцы.

На „косыхъ“.

Я живо помню тотъ день, когда мы явились въ гимназію послѣ охоты въ садахъ. Молва о необычайномъ уловѣ птичекъ, о битвѣ съ семинаристами, о русакѣ, пойманномъ Валеткой—мигомъ облетѣла всю гимназію.

Въ большую перемѣну, въ 12½ ч., на площадкѣ, гдѣ висѣли наши шинели, насъ обступили гимназисты всѣхъ классовъ.

— Какъ? Что? Кого? Когда? Да ты не путай, разсказывай порядкомъ,—слышалось со всѣхъ сторонъ, и наша артелька должна была отдавать подробный отчетъ. Шумъ усиливался, кричали разсказщики, кричали допрощики, даже часовые, и тѣ увлеклись.

Герой-толстякъ началъ разсказывать, какъ Валетка схватилъ русака.

— Только что мы подошли, говорилъ онъ,— заяцъ какъ прыгнетъ изъ хвороста, а Валетка, не будь плохъ—цапъ его!..

— Ай!! раздалось въ эту минуту.

Никогда не забуду этого—*ай.* Оказалось, что къ намъ на площадку незамѣтно пробрался Александръ Дмитріевичъ, нашъ инспекторъ. Часовые прозѣвали его, а потому намъ оставалось только молчать; предупредить разсказчика не было возможности, и въ то самое время, когда его разсказъ дошелъ до подвига Валетки, рука инспектора грузно опустилась на плечо толстяка. Нужно было видѣть, какъ мгновенно измѣнился нашъ герой-богатырь: онъ вдругъ какъ-то осѣлъ, сморщился, губы и щеки у него дрожали, на глазахъ показались слезы.

— Ага! ты, Демосѳенъ, о чемъ тутъ ораторствуешь? Пойдемъ-ка со мной!

— Я, Александръ Дмитріевичъ, право, ничего... я только сонъ разсказывалъ... я такъ... право, такъ...

— Ну, ну, увидимъ, какой тамъ сонъ... Валетка.

Что сталось съ слушателями? спросите вы. Попробуйте бросить горсть гороху на гладкій мраморный полъ. Вся эта толпа, какъ горохъ, мигомъ разсыпалась въ разныя стороны.

Минутъ черезъ пять начались классы. Былъ урокъ исторіи. Еще до прихода учителя къ намъ набралась куча гостей; но ихъ не замѣтилъ бы самый зоркій глазъ. Плотной кучкой упрятались они подъ задней лавкой. Пришелъ учитель. Урокъ исторіи тянулся своимъ чередомъ, а назади шла своя исторія. Подъ лавками и столами устроился настоящій клубъ. Разсказъ о битвѣ съ семинаристами чередовался съ разсказами объ охотѣ и, въ то-же время, шелъ горячій торгъ птицами. Чижи, зяблики и прочая птаха продавалась за булки, карандаши, за листъ бумаги. Но больше всего волновала исторія съ зайцемъ. Кажись, кликни только кто кличъ—вся гимназія, въ первый же праздникъ, пошла бы въ походъ на косыхъ.

Почти такъ и случилось. Въ слѣдующее воскресенье, съ полсотни гимназистовъ отправились въ сады, кто съ ружьемъ, кто съ собакой, а кто и просто, съ палкой. Конечно, зайцевъ и въ глаза не видали, постреляли въ цѣль, убили двухъ-трехъ галокъ, да съ тѣмъ и вернулись, словно дѣло сдѣлали. Мы съ ними не пошли, потому что на умѣ у насъ было другое. Крѣпко запали намъ въ голову слова пчеляка, что надо идти, когда будетъ пороша. Ждемъ—пождемъ, а снѣгу все нѣтъ. Прошелъ сентябрь, наловили мы пропасть птицъ; начались заморозки, вперемежку съ дождями. Наконецъ, какъ разъ за день до Покрова, увидали мы первые снѣжинки. Словно бѣлыя мушки крутились онѣ въ воздухѣ, падали на землю и мгновенно таяли. Но вотъ этихъ мушекъ стало падать все больше и больше, закрутились онѣ цѣлымъ роемъ. Мелкія снѣжинки превратились въ цѣлые хлопья. «Прикати, желанная», говорили мы и не могли оторваться отъ окна. Наступилъ вечеръ, а снѣгъ такъ и валитъ, не унимается. Радости нашей не было мѣры. Дѣло было какъ разъ съ пятницы на субботу. Долго, долго не могли мы заснуть, мечтая о завтрешнемъ днѣ.

Настало утро, и радостно забились наши охотничьи сердца. Бѣлый, чистый, пушистый снѣгъ покрылъ ровной пеленой и улицы, и крыши домовъ. Кончился, наконецъ, классъ, длинный предлинный, какъ намъ казалось, и вотъ мы разбѣжались по домамъ, пообѣдали наскоро, а затѣмъ вся компанія собралась въ условномъ мѣстѣ, на Вѣнцѣ (такъ называется край Симбирской горы, гдѣ начинается спускъ къ Волгѣ). Узкими переулочками между садами добрались мы до жилища пчеляка. Наступили сумерки; объ охотѣ, ужь, конечно, нечего было и думать. Старикъ встрѣтилъ насъ, какъ старыхъ друзей, притащилъ молочка, хлѣба, медку сотоваго, потомъ принесъ цѣлую охапку сѣна и бросилъ ее на полу избушки. Поѣли мы, поболтали и завалились спать на душистомъ сѣнѣ. На утро старикъ разбудилъ насъ ранехонько.

— Ну, ужь, говоритъ, задачливы же вы. Съ вечера опять потрусилъ снѣжокъ. Пороша мертвая, печатная; зайца бери хоть руками. Только какъже вы пойдете?

— А что?

— Да артелью-то идти не ладно. А вы разбейтесь по двое: одинъ слѣдитъ, другой блюдетъ. Вотъ и будетъ толкъ.

Такъ мы и сдѣлали. Всѣхъ насъ было семь человѣкъ, поэтому бросили жребій, кому съ кѣмъ идти. По жеребьевкѣ я оказался заштатнымъ одиночкой. Дѣлать нечего, пошелъ одинъ.

Пороша была, дѣйствительно, рѣдкая. Рыхлый снѣгъ укрылъ землю вершка на два. Чудный, свѣжій воздухъ такъ и врывался въ грудь. Въ садахъ была мертвая тишина. Прошелъ я одинъ садъ, перелѣзъ въ другой — нѣтъ ничего, только кое-гдѣ виденъ мышиный слѣдокъ. Ага, вотъ и онъ, вотъ и русачина! Бойкими прыжками пробѣжалъ онъ ночью по саду. Я нагнулся и сталъ разсматривать его слѣдъ. Печатный, какъ есть печатный! Всѣ ноготки видны. Ну, косой, не уйдешь!

О, я былъ увѣренъ въ этомъ! Мнѣ казалось, что стóитъ только пойти по слѣду, и непремѣнно дойдешь до логова зайца. Вѣдь онъ не птица, летать не можетъ. И я зашагалъ по слѣду; онъ привелъ меня къ плетню, къ тому самому мѣсту, гдѣ заяцъ пролѣзъ сквозь большую дыру. Я перелѣзъ черезъ плетень и очутился въ огородѣ. Заяцъ, очевидно, приходилъ сюда поужинать; слѣды указывали, какъ онъ гулялъ по грядамъ, грызъ обрубленный кочень капусты, листья брюквы, затѣмъ слѣды такъ перепутались, что я добрыхъ полчаса напрасно проходилъ по капустнику, отыскивая ихъ нить. Тогда я попробовалъ обойти гряды кругомъ и сейчасъ-же напалъ на выходъ зайца. Лѣнивыми скачками косой направился по огороду, присѣлъ передъ плетнемъ, перескочилъ черезъ него въ сосѣдній садъ и прошелъ по немъ ровными прыжками. Но что-же это такое? На встрѣчу моему зайцу, по тому-же слѣду какъ будто шелъ другой, и какъ ловко, лапка въ лапку. Иду дальше и держу въ памяти пословицу, что за двумя зайцами погонишься—ни одного не

поймаешь. Вдругъ, что за чудо! слѣды пропали совсѣмъ: ни того, ни другого зайца слѣдовъ какъ не бывало. Туда, сюда! нѣтъ ничего. Вернулся назадъ да ну-ка разбирать. Эге! наконецъ-то понялъ. Шелъ, шелъ мой зайчина, да и поворотилъ назадъ тѣмъ же слѣдомъ, а потомъ скакнулъ въ сторону и пошелъ опять мелкими скачками. Саженъ черезъ десять повторилась та-же исторія: вернулся заяцъ назадъ по своему слѣду и снова сдѣлалъ скачекъ въ сторону, а еще саженъ черезъ двадцать онъ выкинулъ такую штуку, что я не зналъ, что и дѣлать.

Слѣды опять совсѣмъ перепутались. Остановился я въ раздумьи и читаю эту заячью грамоту. Не знаю, гдѣ искать косова. Вдругъ за моей спиной, невдалекѣ, раздался выстрѣлъ. Я обернулся. Между яблонями стелется дымокъ, а за нимъ, словно призракъ, стоитъ высокій, сутуловатый старикъ. Бѣлая окладистая борода, странный, скомканный картузъ съ большимъ козырькомъ, засаленный старый полушубчишко, въ рукахъ ружье. Признаться, я растерялся, струсилъ въ первую минуту. Я думалъ, что передо мной видѣніе. Но страхъ мой сейчасъ же разсѣялся. Видѣніе заколыхалось, закинуло ружье на плечо, лѣвая рука потянулась за пазуху и вытащила оттуда тавлинку, правая щелкнула по крышкѣ ея, захватила щепоть табаку и поднесла ее къ носу. Медленно втягивалъ этотъ носъ, то той, другой ноздрей, любимое зелье, отъ удовольствія шевелилась сѣдая борода. Наконецъ, рука оторвалась отъ носу, щелкнула пальцами, тавлинка исчезла за пазухой, видѣніе крякнуло, диковинный картузъ приподнялся съ головы.

— Добраго здоровья, сударь, произнесъ старческій голосъ, и незнакомецъ зашагалъ ко мнѣ, подошелъ и снова крякнулъ.

— Зайчика изволите слѣдить? И сѣрые глаза старикашки забѣгали по снѣгу. Я чувствовалъ себя неловко, точно на экзаменѣ.

— Да, зайца, да вотъ не знаю, куда онъ дѣлся, не разберу.

— Надо полагать, сударь, что въ первый разъ изволите охотиться?

Я такъ и вспыхнулъ. Какъ это онъ узналъ? Вѣрно я какую-нибудь глупость сдѣлалъ.

— А что?

— Да такъ, видать. Надулъ васъ куцый.

— Какъ надулъ?

— Да такъ, напуталъ вамъ тутъ тарабарску грамоту; пока вы ее разбираете, а его и слѣдъ простылъ.

Я окончательно растерялся.

— Да гдѣ-же онъ?

Улыбнулся старикъ, снова досталъ тавлинку и зарядилъ носъ.

— А вы, баринокъ, чьи?

Я назвалъ себя.

— Давы, значитъ, внучекъ Надежды Алексѣевны?

— Да.

— Ахъ, батюшки-свѣты! вотъ привелось когда увидѣть. Вѣдь я вашему прадѣдушкѣ служилъ, да и дѣдушкѣ Борису Петровичу.

— Какъ-же тебя, дѣдушка, звать-то?

— Егоръ Степановъ я, батюшка, чать слышали? Тридцать лѣтъ у вашего дѣдушки доѣзжачимъ былъ и на волю онъ меня, царство ему небесное, передъ смертью отпустилъ. Ахъ, баринокъ мой! видно, вы по охотѣ-то въ дѣдушку пошли. Коль довелось, такъ послужу и вамъ. Только простите окаяннаго: не зналъ, согрѣшилъ передъ вами. Зайчика-то вашего я убилъ.

Я рѣшительно ничего не понималъ.

— Ну, вотъ теперь за то отслужу. Косой-то васъ надулъ. А вамъ и невдомекъ, что онъ вонъ гдѣ лежалъ.

Я взглянулъ, и дѣйствительно, саженяхъ въ двухъ отъ насъ, въ кустахъ малины, чернѣло свѣжее логово зайца.

— Пока вы тутъ слѣды его разбирали, а онъ, не будь плохъ, и далъ стрѣчка мягкими ногами. Пойдемте-ка со мной.

Мы двинулись по слѣду, прошли саженъ десять, глядь лежитъ мой русакъ на снѣгу, большущій такой, глаза на выкатѣ, бѣлая шерсть взъерошена, а на спинѣ курчавый бурый ремень.

— Ну, и русачекъ-же! сказалъ Егоръ Степановъ, поднимая зайца:—въ немъ фунтовъ пятнадцать будетъ. На другого-бы я и не позарился.

Привязалъ онъ русака себѣ за спину, зарядилъ ружье, да кстати и носъ, и мы двинулись въ путь.

— Я ужь вамъ, сударь, предоставлю русачка, говорилъ Егоръ Степановъ.

Прошли мы два сада, перелѣзли въ третій.

— Ну, вотъ, сударь, и маликъ (такъ называется у охотниковъ заячій слѣдъ). Только по немъ не ходите, чтобъ не затоптать. Это не по-охотничьи.

Держась заячьяго слѣда, я увидѣлъ опять ту-же исторію. Русакъ бродилъ, разрывалъ снѣгъ, поѣдалъ травинки, грызъ кору на деревьяхъ и шелъ дальше. А въ одномъ мѣстѣ слѣдъ опять спутался.

— Вотъ, сударь, остановилъ меня Егоръ Степановъ,—вы и знайте: какъ начнетъ русакъ метать петли, значитъ, онъ высмотрѣлъ себѣ логово и хочетъ ложиться, сдѣлаетъ на снѣгу петлю, а затѣмъ и прыгнетъ въ сторону. Это по-нашему называется смётка. Вы по петлѣ-то не ходите, а какъ дойдете до нея, такъ и ищите смётки.

И дѣйствительно, заглянулъ я направо, а смётка тутъ какъ тутъ. На добрую сажень отпрыгнулъ зайчина и пошелъ дальше.

— Послѣ первой петли, продолжалъ Егоръ Степановъ,—онъ сдѣлаетъ вторую, а спустя немного, и третью. Послѣ третьей, почитай, всегда ужь ложится.

Слова старика вполнѣ оправдались, и я невольно подивился его знанію. Подошли мы къ третьей петлѣ.

— Ну, теперь, баринокъ, сказалъ мнѣ шопотомъ Егоръ:—смётку искать нечего; надо напередъ осмотрѣться: гдѣ удульчикъ снѣга, гдѣ кустикъ бурьяна, либо кочка какая—тутъ безпремѣнно и лежитъ заяцъ. Ну, баринокъ, гдѣ-же нашъ русакъ?

Какъ я ни разглядывалъ кругомъ—нигдѣ ничего не видалъ, ни бурьяна, ни кочекъ. Старикъ смотрѣлъ на меня съ усмѣшкой, потомъ наклонился, взялъ меня за плечо, повернулъ и указалъ рукой.

— Видите? Ну, теперь стрѣляйте, да только не торопитесь.

Сначала я ничего не могъ разобрать; потомъ вдругъ вижу, около забора, подъ срѣзанной вѣткой яблони, укрытой снѣгомъ, двигаются уши.

— Не торопитесь, не торопитесь! шепчетъ Егоръ Степановъ,—прицѣльтесь хорошенько.

Я прицѣлился; но руки дрожатъ, пальцы не слушаются. Поднялъ ружье опять, раздался выстрѣлъ.

— Ай-да, сударикъ! крикнулъ Егоръ Степановъ и побѣжалъ къ зайцу. Я тоже, но, конечно, поспѣлъ раньше его и крѣпко ухватилъ мою первую добычу.

— Ну, вотъ починъ мы и сдѣлали. Правда, заяцъ-то прибылой (такъ называются зайцы, родившіеся въ текущемъ году),—да это ничего: на такомъ-то и учиться. Прибылой еще глупъ, не такъ вороватъ, какъ старый.

Второчилъ я съ торжествомъ зайца за спину и мы двинулись дальше. Однако, въ тотъ день поохотиться намъ больше не удалось: снова пошелъ снѣжокъ, запорошилъ старые слѣды. Я уже хотѣлъ проститься съ Егоромъ, чтобы вернуться къ своимъ, но онъ такъ меня упрашивалъ зайти къ нему, что отказать не было никакой возможности.

— Переночуйте у меня, баринокъ:—вѣдь, не чужой вы мнѣ. Покажу вамъ свою охотку, а на утро и еще зайчиковъ найдемъ.—И мы зашагали къ его саду.

Егоръ Степановъ былъ типичный дворовый стараго времени. Отпущенный на волю моимъ дѣдушкой, онъ перепробовалъ всякое дѣло: и торговалъ, и землю снималъ, и пахать пытался, и сады арендовалъ, но никакого изъ этого проку не выходило, такъ что, въ концѣ концовъ, онъ пристроился сторожемъ въ одномъ изъ самыхъ большихъ яблоновыхъ садовъ Симбирска, у купца Карташова. Сторожъ вышелъ изъ него примѣрный. Обзавелся онъ домкомъ, купилъ тёлку, выростилъ изъ нея корову; устроилъ себѣ огородикъ, а главное—занялся охотой. Были у него двѣ гончія собаки, былъ у него брылястый лягашъ, и все свободное время онъ проводилъ на охотѣ. Ради такой-то охоты и дорожилъ имъ хозяинъ. У другихъ, за зиму, зайцы такъ обгложатъ молодыя яблони, что всѣ онѣ погибнутъ; но къ Егору Степанову въ садъ лучше и не суйся: живо подцѣпитъ косого вора. Лѣтомъ, когда въ иныхъ садахъ двуногіе зайцы по ночамъ нагружаютъ цѣлые мѣшки ворованными яблоками, къ Егору Степанову за этимъ лучше и не ходи. Шумило и Громило (такъ назывались его гончія собаки) да лягашъ Трезоръ такую зададутъ трепку, что яблокамъ радъ не будешь. Охотиться-же старику было въ волю. Весной спускался онъ къ Волгѣ съ Трезоркой, садился на челнокъ, переѣзжалъ въ поповскіе луга и стрѣлялъ тамъ жирныхъ дупелей до-

сыта. Придетъ іюнь мѣсяцъ — въ тѣхъ-же лугахъ увидишь Егора Степанова съ дудочкой и съ сѣтью. Это онъ перепеловъ кроетъ. Около Казанской, онъ бродитъ по зарямъ, вынашиваетъ ястреба, а въ августѣ травитъ на поляхъ ястребами перепеловъ. Наступитъ сентябрь—звонко трубитъ его рогъ по окрестнымъ лѣсамъ и садамъ: то работаютъ его гончія, добывая и зайца, и лису. Наступитъ зима—бродитъ старый по порошамъ или разставляетъ капканы, а не то цѣлыя морозныя ночи просиживаетъ на привадѣ, поджидая волковъ. Придетъ весна — вынесетъ онъ на озеро свою круговую уточку и пострѣливаетъ красивыхъ селезней. Тепло и уютно жилось старику многіе годы. Что добудетъ—снесетъ знакомымъ господамъ, а ихъ у него было чуть не весь городъ: кто дастъ денегъ за дичь, кто гороху, кто овсеца, кто мучки. Между купцами онъ слылъ за перваго знатока соловьевъ и перепеловъ; и платили они ему за добрыхъ пѣвцовъ не малыя деньги. Вотъ къ этому-то Немвроду *) судьба и толкнула меня въ обученіе.

Все разсказанное я узналъ потомъ, а въ то время, какъ мы шли, я только дивился, глядя на эту колоссальную, загадочную фигуру.

Долго пришлось намъ шагать; хлопья снѣга залѣпляли глаза, таяли на лицѣ. Начало вечерѣть; ноги мои постепенно тяжелѣли, заяцъ тянулъ плечо.

*) Немвродъ—древній вавилонскій царь, славившійся какъ охотникъ.

Наконецъ, мы перелѣзли черезъ какой-то заборъ, при чемъ не мало покряхтѣлъ мой Степанычъ.

— А вотъ, батюшка, и моя берлога, объявилъ онъ.

Между яблонями свѣтился огонекъ и мы направились къ нему. Какъ ни мягокъ былъ снѣгъ, а добрые псы Степаныча почуяли насъ. Звонкимъ теноромъ залилась одна собаченка, ей тотчасъ-же подтянули баритонъ и густой басъ. Надъ моимъ ухомъ раздался богатырскій посвистъ Степаныча. Онъ свистнулъ, словно сказочный Соловей-Разбойникъ со своихъ семи дубовъ.

— Сюда, сюда, собаченьки! гаркнулъ онъ.

Я такъ и вздрогнулъ. Никогда въ жизни не случалось мнѣ слышать такого человѣчьяго голоса. Ужь не къ сказочному-ли колдуну я попалъ? Съ шумомъ распахнулась калитка и оттуда хлынула какая-то черная масса. Раздался въ воздухѣ визгъ, вой. Я окончательно растерялся. Кругомъ насъ бѣгали какія-то черныя фигуры, толкались, визжали, одна лизнула мнѣ носъ.

— Ого-го-оо! загудѣлъ надъ моимъ ухомъ тотъ-же могучій, волшебный голосъ. Черезъ минуту, мы очутились въ уютной, теплой комнаткѣ, слабо освѣщенной сальной свѣчкой. Сгорбленная, худенькая старушка, съ краснымъ носомъ, съ лицомъ, напоминающимъ индюшку, оглядывала меня съ недоумѣніемъ.

— Чего глядишь, Ивановна? Это внучекъ Бориса Петровича. Ставь самоваръ скорѣе, да раскошеливайся, давай намъ поѣсть.

Ивановна такъ руками и развела.

— Ахъ, батюшка! и видѣть-то не чаяла!

— Ну, ну, послѣ наглядишься, теперь некогда.

Старикъ живо разоблачился и принялся за меня.

— А вы, батюшка, сапожки снимите, чать, ножки-то промокли. Ивановна, дай-ка чулки шерстяные.

Только теперь я почувствовалъ, что я и усталъ, и озябъ. Старикъ теръ мои ноги, надѣвалъ на нихъ чулки и ворчалъ на старуху, зачѣмъ у ней самоваръ не кипитъ. Точно во снѣ напился я чаю, да кажется тутъ-же и заснулъ. Проснувшись утромъ, я съ удивленіемъ осматривался, не понимая, гдѣ это я. На окнахъ клѣтки, на потолкѣ клѣтки, въ сосѣдней каморкѣ что-то шуршитъ. Вотъ отворяется дверь, тихонько входитъ Степанычъ.

— Чтó, барёкъ, изволили проснуться? Только задачи намъ нѣтъ, поэтому я и не будилъ вашу милость.

— А что?

— Да непогодь, будь ей неладно! То дождикъ, то крупа. Хоть носъ не кажи на дворъ.

Я сталъ одѣваться, Степанычъ усердно помогалъ мнѣ. Явилась Ивановна съ самоварчикомъ. И чего только не натащила тутъ: и варенья, и калачиковъ, и сотоваго медку, и сливочекъ такихъ, что въ нихъ ложка вязла. Досадно мнѣ было, что охота пропала, но съ другой стороны, было чего посмотрѣть тутъ. Показалъ мнѣ Степанычъ своихъ знаменитыхъ соловьевъ, изъ которыхъ одинъ жилъ у него седьмой годъ.

— Пятьдесятъ рублей, батюшка, даютъ, да развѣ когда помру отдамъ, говоритъ Степанычъ,—потому въ деньгахъ сытости нѣтъ. Сколько ни давай—все мало, а такого соловья не найдешь.

Были у него тутъ и жаворонки, и перепела отборные; а въ сѣняхъ, въ чуланчикѣ, сидѣли ястреба перепелятники.

— Это, батюшка, еще при покойномъ вашемъ прадѣдушкѣ Алексѣѣ Маркелычѣ у насъ заведеніе было. Я да Ванька косой, Василій Филипповъ, трое мы къ этому дѣлу приставлены были. Въ Бекшанкѣ, гдѣ вы изволите жить, цѣлая изба у насъ была для ястребовъ-то. И сколько мы этого перепела травили, что и счету нѣтъ.

Вышли мы на дворъ, а тамъ другая охота. Окружили насъ собаки, утки, съ чердака слетѣлись голуби. Такъ цѣлое утро провозились мы съ Степанычемъ. Пора было собираться и домой.

— Нѣтъ, батюшка, я васъ самъ представлю бабушкѣ, сказалъ Степанычъ.

Запрегъ онъ въ телѣгу старую, сивую лошадку и потащила она насъ на крутую Смоленскую гору.

Подавленный новыми впечатлѣніями, я нѣсколько дней не могъ придти въ себя. Степанычъ, самъ того ни вѣдая, открылъ мнѣ новый міръ. Птицеловъ сдѣлался охотникомъ, и многому, многому научился я у этого стараго слуги моего дѣда.

Птицеловы.

Клѣтки у насъ готовы. Какъ держать птицъ—мы теперь знаемъ. Остается только добыть птичекъ. Для этого есть разные способы. Легче всего — купить ихъ въ птичной лавкѣ; но въ томъ удовольствія мало. Толи дѣло, самому поймать птицу; а поймать, пожалуй, и не трудно: стоитъ только запастись разными ловушками, простыми и мудреными, разставить ихъ тамъ и сямъ — и клѣтки наши живо наполнятся. А все-таки птицеловомъ я васъ не назову до тѣхъ поръ, пока вы не сдѣлаетесь мастеромъ этого дѣла. Но въ чемъ-же тутъ мастерство, если ловлей птицъ можетъ заниматься и маленькій мальчикъ, и сѣдой старикъ? А вотъ въ чемъ.

Иной разъ деревенскимъ мальчикамъ вздумается половить птицъ. Одинъ притащитъ рѣшето, другой—

мотокъ нитокъ, третій—горсточку коноплянаго сѣмечка, и пошли наши ловцы на добычу. Пришли на гумно, расчистили на току мѣстечко, посыпали тутъ зернышекъ, выломали изъ плетня прутикъ вершковъ въ пять, привязали къ одному концу его ниточку, прикрыли рѣшетомъ сѣмячки и одинъ край его подперли прутикомъ. Протянули осторожно ниточку къ омету соломы, спрятались въ немъ и сторожатъ. Около гумна зимой постоянно держатся снигири, чечотки и другія птички. Увидали чечотки сѣмячки, и съ голодухи маршъ къ рѣшету; повертѣлись кругомъ, поболтали; одна, посмѣлѣе, порхнула подъ рѣшето, схватила сѣмячко и такъ аппетитно стала его грызть, что прочихъ зависть взяла. Другъ за дружкой голодныя бѣдняжки собрались подъ рѣшетомъ и завтракаютъ. Посмотримъ, что дѣлается въ это время въ ометѣ соломы. Ваньки и Гришки въ ужасномъ волненіи. Одинъ—главный коноводъ—держитъ ниточку, а рученка такъ и пляшетъ. Руки другихъ невольно протягиваются къ этой-же ниткѣ; слышится усиленный шопотъ: «Дергай, дергай!!»—«Погоди, еще навалятъ».—«Дергай, идолъ! наклюются—улетятъ». Идолъ дернулъ, палочка отскочила и рѣшето накрыло птичекъ. Съ криками торжества бѣгутъ мальчишки къ рѣшету, запускаютъ туда окоченѣлыя рученки и хватаютъ чечотокъ; привязали къ ихъ ногамъ ниточки и потащили домой.

Ну, вотъ вамъ и ловля птицъ, вотъ и ловцы. Да развѣ это ловцы? Это, просто, глупцы, мучители.

Если и принесетъ который птичку въ избу, такъ и той не сдобровать: сразу попадетъ она кошкѣ въ лапы, а ловцу надерутъ хохолъ. «Ты, дескать, не бездѣльничай!» А другимъ чечоткамъ еще горше придется: поломаютъ имъ крылья, отвертятъ ноги, да и бросятъ искалѣченныхъ умирать въ снѣгу.

А вотъ и другіе ловцы. По дорогѣ идетъ старичекъ съ мѣшкомъ за спиной, а на мѣшкѣ какой-то странный лукъ. Впереди его бодро шагаетъ мальчуганъ.

Дорога, видно, не ближняя. Оба устали. Вдали чернѣетъ дремучій, старый лѣсъ.

— Въ этомъ лѣсу, дѣдушка? спрашиваетъ мальчуганъ?

— Тутъ, тутъ. Или усталъ? Не надо-бы тебя брать-то.

— Нѣтъ, нѣтъ, дѣдушка, я не усталъ, только-бы скорѣе. Я хоть бѣгомъ, и то побѣгу.

— Ну, не торопись, дойдемъ въ свое время. Дня черезъ два будемъ тамъ. — Старикъ шутилъ надъ внукомъ; правда, до лѣсу было еще далеко, но не туда онъ велъ его на ловлю.

Не прошли они и полуверсты, какъ ихъ глазамъ представилась широкая долина. Отлогіе склоны поросли мелколѣсьемъ; зеленый лугъ разстилался по дну долины, а посреди его прихотливо вилась маленькая, но быстрая рѣчушка; ивы и ольхи тѣснились по ея берегамъ; кое-гдѣ по луговинѣ засѣли

рощицами заросли тѣхъ-же ольхъ, ивъ и тополей, словно садики. Синѣли мѣстами озерки, обросшія по берегамъ тростниковъ и кугой; кое-гдѣ полосками тянулись различныя болотинки—сухія, кочковатыя, водянистыя.

Такія долины производятъ чарующее впечатлѣніе на каждаго. Видъ сжатыхъ полей утомляетъ глазъ однообразіемъ, а тутъ зелень, вода, лѣсъ и кипучая жизнь: на лугахъ, на болотахъ и озеркахъ, по берегамъ рѣчки, въ кустахъ и въ лѣсочкахъ сновали различныя птицы—утки, кулики, гагары, скворцы и много, много другихъ.

Вся эта картина открылась сразу передъ нашими путниками, какъ только они подошли къ спуску дороги въ долину.

— Дѣдушка, какъ здѣсь хорошо! а птицъ-то, птицъ сколько! Неужели въ лѣсу больше?

Старикъ разсмѣялся.

— Можетъ, и больше, а ты постой-ка, отдохнемъ здѣсь. Вотъ тутъ и родничекъ есть подъ ракитой; переведемъ духъ, закусимъ—и въ путь.

Усѣлись путники подъ ракитой, закусили, испили свѣжей воды и тронулись дальше.

Дорога шла по откосу склона, поросшаго лиственнымъ лѣсомъ. Дѣло было подъ осень. Августовскіе утреники (морозы) уже наложили свою печать: пожелтѣли листья клена, зарумянилась осина. Станички разныхъ птичекъ перепархивали съ дерева на дерево. Зналъ старый птицеловъ, когда выбрать время, чтобы научить любимаго внука своему завѣт-

ному искусству. Да, птицеловство было для него дѣйствительно искусствомъ.

Старый Иванъ Парфенычъ считался въ городѣ лучшимъ сапожникомъ; его мастерская была завалена заказами. Но это было ремесло, и какъ только подросли сыновья, онъ сдалъ имъ мастерскую. «Я васъ выростилъ, выкормилъ, обучилъ, теперь дайте душу отвести». Съ тѣхъ поръ птицы да внучата— только и было заботы у Парфеныча. Мы его встрѣтили какъ-разъ въ тотъ день, когда онъ велъ своего любимца Гришутку въ школу птичьяго дѣла.

Долго-ли, коротко-ли шли наши странники, только Гришутка и не замѣтилъ, какъ они миновали озерки и болотца и подошли къ зеленому лѣсочку. Вошли въ опушку; узенькая тропочка вилась частой зарослью между старыхъ липъ и дубовъ. На одномъ изъ поворотовъ тропинки открылась широкая поляна, установленная пчелиными ульями, окруженными незатѣйливой изгородью. Кое-гдѣ на высокихъ шестахъ изгороди висѣли лошадиные черепа. За пчельникомъ виднѣлась избушка, крохотная, но уютная. По пчельнику и на полянѣ расхаживали куры и индѣйки. На крышѣ избушки сидѣла стая голубей.

Гришутка былъ пораженъ невиданной картиной. Все тутъ было ему ново; вѣдь онъ выросъ, бѣдняга, въ каменномъ домѣ большого города; вѣдь онъ ходилъ только по мощеной землѣ; вѣдь природа представлялась ему въ видѣ городского сада, подчищеннаго, подстриженнаго, гдѣ деревья стояли чинно

въ рядъ, гдѣ даже воробей считался важной птицей.

А тутъ вдругъ полное отсутствіе порядка: всѣ деревья перемѣшались зря; между старыми, на лѣсномъ привольѣ, повыросли изъ земли ихъ дѣтки— стройныя, зеленыя, большія и маленькія. Ни одного воробья не видать въ ихъ зелени, но за то копошатся десятки, сотни другихъ птичекъ; наконецъ, тутъ еще пчельникъ съ ульями и избушкой на курьихъ ножкахъ. Гришутка былъ рѣшительно ошеломленъ, очарованъ. При видѣ незнакомыхъ людей, пѣтухъ, разгуливавшій по пчельнику, поднялъ тревогу; всполошились и куры, и индюшки; гвалтъ сдѣлался общимъ. Вслѣдъ затѣмъ, выскочили изъ сѣней двѣ бѣленькія, косматыя собаченки и залились лаемъ, а изъ-за избушки лѣниво выступилъ главный урядникъ собачьей стражи, огромный косматый овчаръ. Гришутка струсилъ и прижался къ Парфенычу; но собаченки лишь только добѣжали до нихъ, какъ совсѣмъ перемѣли тонъ: лай смѣнился визгомъ, пискомъ, прыжками, лизаньемъ рукъ.

На лай собакъ изъ шалашника, устроеннаго среди пчельника, вылѣзъ высокій худощавый старикъ, съ бѣлыми волосами и бородой.

— Никакъ куманекъ пожаловалъ?

— Онъ самый, да еще съ хвостомъ. Добраго здоровья, Кузьма Лукичъ!

— Просимъ пожаловать, просимъ. Давно ждали. Что это нынче ты запоздалъ, Парфенычъ?

— Что запоздалъ? теплынь стояла.

И гости, и хозяинъ вошли въ избу. Старикъ снялъ свои доспѣхи и начались разговоры. Въ это время явилась старуха, жена Кузьмича, и какъ курица-насѣдка накинулась на Гришутку:

— Ахъ ты, мой соколикъ, Гришенька, самъ пришелъ своими ножками?

— Ну, полно причитывать-то, говоритъ Лукичъ,—лучше попотчуй чѣмъ ни на есть гостенька.

— Ладно, Ивановна, ты ужь владѣй Гришуткой, а мы съ Лукичемъ пойдемъ сначала въ мой дворецъ,—и, взваливъ на плечи мѣшокъ, Парфенычъ съ хозяиномъ пошли въ другую избушку, которую иначе Парфенычъ не величалъ, какъ «мой птичій дворецъ»; а и весь-то дворецъ имѣлъ три шага въ длину, да три шага въ ширину, два оконца для свѣта, да дверь для входа. Но войдя въ него, можно было подумать, что онъ, дѣйствительно, построенъ для птицъ, а не для человѣка: окна затянуты сѣтками, половина жилья отгорожена тоже сѣткой, вдоль стѣнъ лавки, на которыхъ уставлены разныя клѣтки; въ заднемъ углу широкая лавка съ настланной на ней соломой. Войдя во дворецъ, Парфенычъ перекрестился на образъ и оглядѣлся кругомъ съ видимымъ удовольствіемъ.

— Все, все, кумъ, цѣлёхонько, замѣтилъ Лукичъ.—Муравьиныхъ яицъ я тебѣ насушилъ цѣлый мѣшокъ. Нынче урожай былъ муравью; яица первый сортъ, словно отборная пшеница. Сѣмя тоже внучекъ привезъ по твоему заказу. Лови теперь, знай.

— Спасибо, куманекъ; попытаемъ счастья, отвѣтилъ Парфенычъ и началъ опоражнивать свой мѣшокъ. Чего, чего тутъ не было: клѣтки съ живыми птичками, западни, пряди лошадиныхъ волосъ, какіе-то узелки, бумажные свертки, баночки, стклянočки, столярные и слесарные инструменты, сѣти, капканы, чай, сахаръ, табакъ, разная провизія. Лукичъ только дивился.

— И какъ это ты дотащилъ, Парфенычъ?

— А что-же? обидѣлся Парфенычъ:—ужь развѣ я такъ старъ? Кажись, мы ровесники. И оба старика засмѣялись.

Разговаривая, Парфенычъ приводилъ въ порядокъ свой походный магазинъ: насыпалъ птицамъ кормъ, налилъ воды. Управившись, пошелъ съ Лукичемъ къ старухѣ чаи распивать. Пришли—у старухи пиръ горой. Угощенья полонъ столъ. Тутъ и яичница, и кислое молоко, и цѣлый сотъ меда. Гришка уже всего напробовался и теперь уписывалъ за обѣ щеки сладкій медъ. Долго-ли, коротко-ли шло пированье, только Гришутка не вынесъ: такъ съ кускомъ меда и заснулъ на лавкѣ.

Напились старики чайку, закусили, потолковали, уложили Гришутку спать, а Парфенычъ отправился въ свой дворецъ. Дѣла у него тамъ было еще по горло: слѣдовало привести въ порядокъ доспѣхи—западни, ловушки и сѣтки. Наконецъ, и онъ угомонился на своей соломенной постели.

Еще задолго до свѣту проснулся Парфенычъ, зажегъ свѣчку, поставилъ самоварчикъ, осмотрѣлъ свою птичью команду: кому далъ корму, кому водицы влилъ. Все это дѣлалось внимательно, не коекакъ; оно и понятно: птички, принесенныя изъ города въ маленькихъ клѣткахъ, были помощницы Парфеныча. Безъ нихъ ему ловля не въ ловлю. Это все старыя, сидѣлыя птички, испытанныя. Ихъ птицеловы называютъ *манными* (отъ слова манить). Птичекъ этихъ сажаютъ въ западни или ставятъ около *точковъ*, или же привязываютъ на свободѣ, на самомъ точкѣ, на *шпарокъ*. Передъ ловлею манныхъ птицъ держатъ, обыкновенно, въ одиночествѣ и въ темнотѣ, гдѣ, конечно, имъ очень скучно; поэтому, почуявъ вольный воздухъ, лѣсъ и поля, онѣ дѣлаются очень крикливы, а какъ только заслышатъ голосъ птичекъ своей породы, то кричатъ безъ умолку; тѣ же, въ свою очередь, также летятъ на знакомый голосъ, подлетаютъ къ западнѣ или къ точку. Увидавъ кормъ, онѣ смѣло бросаются на него и попадаются въ руки хитрому птицелову. Вотъ почему манныя птицы и дороги ему; вотъ почему онъ вамъ ни за что не продастъ хорошаго манка.

Напившись чайку, Парфенычъ снялъ западни, въ одну посадилъ чижа, въ другую — реполова, а въ третью зяблика, прихватилъ съ собой скребокъ и отправился на охоту.

На заборѣ пчельника онъ пристроилъ западню съ реполовомъ и пошелъ дальше. Рощица, въ которой былъ пчельникъ, оканчивалась на сѣверѣ острымъ

мысочкомъ; дальше разстилался болотистый лугъ, а за нимъ, въ полуверстѣ, снова виднѣлся лѣсокъ. Этотъ мысокъ былъ любимымъ мѣстомъ охоты Парфеныча. Почти пятьдесятъ лѣтъ онъ ловилъ на немъ каждую осень. Чтобы объяснить вамъ, почему именно онъ облюбовалъ это мѣсто, скажу слѣдующее: съ наступленіемъ осени, бо́льшая часть нашихъ птичекъ отправляются на югъ. Собравшись стаями, онѣ пускаются въ дальный путь; но этотъ перелетъ совершается не зря, не очертя голову: у каждой породы птицъ есть свои знакомыя дороги, съ которыхъ онѣ ни за что не своротятъ въ сторону. Для лѣсныхъ птицъ такими дорогами служатъ лѣса и лѣсочки; для полевыхъ—поля; для водяныхъ и болотныхъ—рѣчныя долины. А такъ-какъ въ рѣчныхъ долинахъ часто находятся и лѣса, то онѣ составляютъ главный путь самыхъ разнообразныхъ птицъ, особенно, если рѣчки текутъ съ сѣвера на югъ или наоборотъ. Какъ только стая перелетитъ черезъ луга и доберется до лѣсу, то непремѣнно остановится. На опушкѣ отдыхаетъ и кормится.

Вотъ такое-то мѣсто отдыха и кормежки птицъ Парфенычъ отыскалъ на мысочкѣ, куда пришолъ теперь. Старый точокъ его порядочно заросъ травой и коноплями; шалашъ у опушки полуразвалился. Осмотрѣвшись кругомъ, Парфенычъ повѣсилъ западню съ чижомъ и зябликомъ на деревья, расчистилъ скребкомъ точокъ, обсадилъ его свѣжими березками, насыпалъ конопли, а затѣмъ принялся за шалашъ: нарѣзалъ свѣжихъ вѣтвей, густо укрылъ

его съ трехъ сторонъ и, понюхавъ табачку, усѣлся на солнышкѣ. Но ловля еще не началась, онъ только высматривалъ, какъ летятъ птицы. Чижъ и зябликъ кричали безъ умолку. Прошло съ полчаса; издали показалась стайка птичекъ. Завидѣвъ ихъ, чижъ вошолъ, просто, въ азартъ; но птички пролетѣли мимо. Другая, третья стайка—все мимо да мимо. Но вотъ по луговымъ кустамъ, одна за одной, стали перепархивать какія-то крупныя птички. Ближе и ближе.

— Ага, говорилъ самодовольно Парфенычъ,—дрозды Ивановичи тронулись въ путь! Ладно, и вамъ найдемъ угощенье.

Погодя немного, онъ побрелъ по опушкѣ лѣса, высматривая и примѣчая все, что дѣлалось кругомъ въ птичьемъ мірѣ. Едва онъ вышелъ на полянку къ пчельнику, какъ на встрѣчу ему бѣжалъ уже Гришутка, съ радостнымъ крикомъ.

— Дѣдушка, дѣдушка! реполовъ попался!

— Ну, починъ полю есть, сказалъ птицеловъ:—тащи его, Гришутка, домой, да пойдемъ рябину промышлять.

— Чего промышлять, отозвался Лукичъ съ пчельника:—или не видалъ, сколько я тебѣ ее наготовилъ.

— Ай-да кумъ, и рябины не забылъ.

Парфенычъ забралъ рябины, захватилъ понцы и отправился опять къ своему точку. Уставивъ понцы на точкѣ, онъ развѣсилъ кой-гдѣ кругомъ рябину и разсыпалъ ее на точкѣ, клѣточку съ однимъ маннымъ дроздомъ поставилъ поодаль, а другого, на

шпаркѣ, пустилъ на точекъ. Протянувъ аккуратно веревочку въ шалашъ, онъ забрался въ него съ Гришуткой.

— Ну, ты у меня смотри, ни гу-гу, чтó-бы ни увидалъ.

Манный дроздъ кричалъ безъ умолку. Прошло нѣсколько минутъ; съ луговъ откликнулись ему товарищи, направились къ точку́, усѣлись на окрестныхъ деревьяхъ—и пошла перекличка. Вотъ одинъ подлетѣлъ поближе, чуть не къ самой клѣткѣ маннаго дрозда, и завелъ съ нимъ разговоръ, пристально взглядываясь и въ клѣтку, и въ точóкъ. Красныя ягоды рябины сильно манили его. Вспарочный дроздъ ихъ такъ аппетитно ѣлъ; но дикарь былъ остороженъ. Пролетѣла мимо какая-то хищная птица; онъ испугался и далъ тягу, а за нимъ улетѣли и остальные. Парфенычъ крякнулъ отъ досады.

— Сыты еще, волкъ ихъ ѣшь! Нынче, видно, толку не будетъ. Пойдемъ, Гришутка, грибы собирать.

Снялъ онъ вспарочнаго дрозда съ точка, маннаго въ клѣткѣ прицѣпилъ повыше на дерево, и отправились они въ дальній лѣсъ, что виднѣлся за лугомъ. Но не грибы были на умѣ у Парфеныча: тотъ лѣсъ, куда они шли, лежалъ какъ разъ на пути птичьяго перелета; его не могла миновать ни одна стайка; но наѣвшись тамъ, птички, конечно, не позарились-бы на закуску, приготовленную для нихъ Парфенычемъ. Зналъ это онъ и захватилъ съ собой топоръ, ножикъ и мѣшокъ, чтобы очистить лѣсокъ отъ ягодъ и другой птичьей пищи.

Добравшись до лѣса, старый птпцеловъ принялся за дѣло, но напрасно: рябины, калины, черемушины—все ужь было очищено.

— Ну, это Лукича работа. Ай-да другъ!

— Дѣдушка, дѣдушка, смотри-ка! Бѣлка, бѣлка!

Черезъ поляну неуклюже скакала бѣлочка. Испугавшись крика мальчика, она живо взобралась на деревцо и усѣлась на вѣткѣ, поглядывая внизъ.

— А хочешь, поймаемъ?

— Дѣдушка! да вѣдь ее не догонищь.

— Ну попытаемъ счастья.—Подойдя къ дереву, старикъ стукнулъ по немъ топоромъ. Бѣлочка испугалась, скакнула на другое дерево, съ другого на третье. Постукивая, покрякивая птицеловъ загналъ ее въ чащу. Должно быть, бѣлочкѣ надоѣла эта погоня и она юркнула въ дупло старой липы.

— Ну, теперь, Гришутка, не зѣвай: вотъ тебѣ топоръ, и какъ только я махну—ты что есть мочи стукни обухомъ по липѣ.

Старикъ разулся, заткнулъ за поясъ мѣшокъ и, кряхтя, сталъ карабкаться на дерево. Съ трудомъ добрался онъ до сучьевъ, уцѣпился за нихъ, приложилъ отверстіе мѣшка къ дуплу и махнулъ мальчику.

Гришутка стукнулъ по липѣ.

— Стой! крикнулъ ему Парфенычъ;—наша!

Съ этимъ словомъ, онъ проворно завязалъ мѣшокъ и бросилъ его на землю. Въ мѣшкѣ что-то билось, къ немалому удивленію Гришутки.

— Дѣдушка, дѣдушка! она тутъ!

— Знаю, что тутъ, а ты не тронь.

Спустившись съ дерева, старикъ взялъ мѣшокъ съ бѣлкой и заткнулъ топоръ за поясъ.

— Бѣжимъ, Гришутка, домой. Ишь ты, какой счастливый! ничего не видя, бѣлку поймалъ. Только бѣжимъ скорѣе, а то прогрызетъ твое счастье мѣшокъ; въ другой разъ ужь не словишь.

Стали подходить къ точкý, а изъ-за куста словно выросъ Лукичъ: одной рукой манитъ, а другой грозитъ—тише, дескать.

— Что такое?

— Эхъ, Парфенычъ, дроздовъ-то налетѣло къ тебѣ — сила, рать могучая! Другъ по дружкѣ на точкѣ прыгаютъ.

Всѣ отправились обходомъ къ шалашу. Дѣйствительно, не только точокъ, вся поляна, березы, осинки, кусты и кусточки—все было усѣяно дроздами. У Парфеныча такъ руки и заходили.

Сунулъ онъ мѣшокъ Лукичу.

— Сидите тутъ, говоритъ.

До шалаша было еще неблизко, а главное—мѣсто открытое. Парфенычъ растянулся на землѣ и поползъ потихонечку, чтобы не испугать птицъ. Вотъ уже до шалаша не далеко; вотъ и конецъ веревочки отъ понцевъ; какихъ-нибудь пять шаговъ проползти, дернуть—и добрая сотня дроздовъ трепеталась-бы въ сѣткѣ понцевъ.

Но не такъ рѣшила судьба.

Лукичъ съ Гришуткой скрылись въ кустахъ и, затаивъ дыханіе, слѣдили оттуда за Парфенычемъ.

Вдругъ Лукичу показалось, что у него что-то зашевелилось на колѣняхъ. Онъ машинально опустилъ туда руку и закричалъ отчаяннымъ голосомъ и лишь только вскрикнулъ онъ, какъ вся стая дроздовъ разомъ взвилась на воздухъ. Что сдѣлалось съ Парфенычемъ—описать трудно. Онъ поднялся съ земли блѣдный, съ пòтомъ на лбу; глаза его вытаращились и блуждали, какъ у сумасшедшаго.

— Ахъ, кумъ, ахъ, Лукичъ, что ты надѣлалъ!

— А ты что со мной сдѣлалъ? Какого лѣшаго ты мнѣ въ мѣшкѣ подсунулъ?

Пока старики объяснялись, бѣлочка не дремала, прогрызла дырку и... прыгъ, прыгъ изъ мѣшка, прямо подъ ноги Гришкѣ. Тотъ закричалъ благимъ матомъ.

— Дѣдушка, бѣлка, бѣлка, дѣдушка!—А той и слѣдъ простылъ.

Суматоха поднялась общая. Прежде всѣхъ опомнился Парфенычъ.

— Ну, говоритъ:—видно, такой день выдался; пойдемте лучше домой.

— И то пора, подтвердилъ Лукичъ:—старуха заждалась съ обѣдомъ. Какой я тебѣ пеструхи наловилъ, куманекъ!

— Дѣдушка, дѣдушка, въ западню птичка попалась.

— У! востроглазый! я и забылъ о западняхъ.

Посмотрѣли: въ одной пара зябликовъ, а гдѣ сидѣлъ чижъ, туда попалась лѣсная канарейка.

— Ну, молвилъ старикъ:—все-же нашему реполову компанія.

— Нѣтъ, замѣтилъ Лукичъ:—я туда штукъ семь пустилъ реполововъ. Валомъ валили на пчельникъ, только успѣвай вынимать.

Досада старика нѣсколько смягчилась.

— Постойте, говоритъ,—господа дрозды, устрою я вамъ банкетъ.

— Какой это банкетъ, дѣдушка?

— Вишь, любопытный. Дай срокъ, узнаешь.

Старуха, завидя гостей, вышла на крылечко.

— Добро пожаловать, ловцы-молодцы. Много-ли промыслили?

— Промыслили не мало, отвѣчалъ Парфенычъ,—только одна бѣда: твоему старику лѣшій палецъ откусилъ.

Глянула старуха на Лукича—и подлинно: рука завязана тряпицей, а тряпица вся въ крови.

— Батюшки свѣты! да какъ-же такъ?

Съ этими словами, старуха побѣжала по ступенькамъ крыльца, споткнулась и турманомъ повалилась на землю. Едва, едва удалось поставитъ ее на ноги и успокоить, что всѣ пальцы у Лукича цѣлы.

— Вотъ ты какой, кумъ! ты всегда заведешь Лукича въ недоброе мѣсто.

Старики хохотали до упаду. Не смѣялся только Гришутка; крѣпко жаль было ему бѣлочки.

Вотъ это настоящій птицеловъ.

Если-бы мы могли походить съ Парфенычемъ только одну недѣльку и присмотрѣться, какъ и что

онъ дѣлаетъ, мы-бы, конечно, изловчились ловить птицъ; но ждать, чтобы старикъ научилъ насъ этому—безполезно: у него свои причуды. Русскій птицеловъ—тотъ-же знахарь. Онъ съумѣетъ поймать каждую подмѣченную птичку; онъ будетъ слѣдить за нею цѣлые дни, потерпитъ не разъ неудачу, а все-таки поймаетъ. А попробуйте обратиться къ нему съ вопросомъ.

— Разскажи намъ, какъ ты поймалъ эту птичку? Научи, какъ ловить ее?—Ничего не узнаете. Какъ сказочный магъ и волшебникъ, онъ облекаетъ свое искусство таинственностью. Въ немъ, въ этомъ искусствѣ, онъ видитъ что-то такое недоступное другимъ.

Опять припоминаются мнѣ мои дѣтскіе годы. На окраинѣ Симбирска, въ полуразвалившемся домикѣ, жилъ старикъ птицеловъ Николай Иванович Лодочниковъ. Каждую субботу, какъ только меня отпустятъ изъ гимназіи домой, къ бабушкѣ, я пробѣгалъ добрыхъ двѣ версты, чтобы побесѣдовать съ этимъ Лодочниковымъ. Единственная комната его избушки была полна птицами и клѣтками. Онъ считался первымъ ловцомъ и знатокомъ птицъ. Чего, чего только я не дѣлалъ, чтобы вывѣдать у него великую тайну ловли птицъ! Но всѣ мои подходы пропали даромъ; всѣ мои попытки, чтобы онъ взялъ меня съ собой на ловлю, ни къ чему не привели.

— Куда, говоритъ,—вамъ, барчукъ; устанете, озябнете, только мнѣ помѣшаете.

Что я ни придумывалъ — ничто не помогало. Прочитаю, напримѣръ, въ книжкахъ о ловлѣ птицъ, приду и заведу разговоръ:

— А въ книгахъ, говорю,—пишутъ то-то и то-то.

— Ну, тамъ что пишутъ, я не знаю, громотѣ не обученъ; только я безъ книгъ птицъ ловлю; а вы ловите по книгамъ.

Я помню, что эти слова меня ужасно конфузили. Я уходилъ отъ него въ сильномъ раздумьи, самъ не свой.

Гдѣ-же научиться птицеловному искусству: у Лодочникова или по книгѣ, которая была у меня тогда? Можетъ быть, я долго-бы не разрѣшилъ эту загадку, если-бы не помогъ мнѣ отецъ. Какъ-то разъ я повѣдалъ ему свои сомнѣнія.

— Глупый ты мальчикъ, сказалъ онъ:—зачѣмъ-же ты учишься? Для чего я плачу за тебя въ гимназію? Неужели для того, чтобы ты ходилъ на поклоненіе къ птицеловному знахарю? Да онъ тебѣ ровно ничего не скажетъ, во-первыхъ, потому, что это ему невыгодно, такъ-какъ вмѣсто того, чтобы самому поймать птицу, ты придешь къ нему и купишь; а во-вторыхъ, онъ и объяснить тебѣ не съумѣетъ, почему ловитъ тутъ или тамъ, въ то или другое время. Все это онъ дозналъ слѣпымъ опытомъ; всѣ охотничьи пріемы его ничто иное, какъ дѣло привычки, а потому онъ тебѣ и объяснить ничего не можетъ.—Вотъ что я тебѣ скажу. Если

ты хочешь быть птицеловомъ толковымъ и разумнымъ, читай книги, гдѣ пишутъ о птицахъ. Всѣ западни и снасти, которыми ловятъ птицъ, очень просты и несложны. Самая ловля основана на томъ, чтобы привлечь голодную птицу въ западню или на точòкъ. Съ голода она бросается на приманку; въ западни и самоловы она попадается сама собой, стòитъ только спустить сторожокъ, а на точкàхъ птицеловъ кроетъ ее лучкомъ или понцами, въ ту минуту, какъ она начнетъ ѣсть брошенное тутъ сѣмя. Чтобы умѣть ловко накрыть птицу, нужна только снаровка; главное-же дѣло въ томъ, чтобы знать привычки птицъ, чтобы знать, гдѣ какую ловить и въ какое время года. Это знаніе дается только тѣмъ, кто самъ слѣдитъ за птицами, внимательно изучаетъ ихъ привычки, ихъ образъ жизни.

И дѣйствительно, съ тѣхъ поръ я сталъ внимательно изучать жизнь птицъ. Сначала мои ловы были неудачны; но вскорѣ я могъ-бы потягаться въ искусствѣ съ знаменитымъ Лодочниковымъ, а потомъ уже онъ у меня спрашивалъ совѣта. Въ этомъ-то и разница между знахарствомъ и знаніемъ. Знахарство скрытно, таинственно; знаніе-же не прячется и легко дается каждому, кто пожелаетъ.

Съ тѣхъ поръ прошло три десятка лѣтъ; много видѣлъ я птицъ, много ловилъ ихъ, много застрѣлилъ, много собралъ свѣдѣній объ ихъ житьѣ-бытьѣ на широкомъ просторѣ земли русской и въ чужихъ

странахъ; но никакъ не могу оторваться отъ этого дѣла. Въ жизни птицъ столько интереснаго, что онѣ будутъ привлекать къ себѣ ученыхъ, пока существуютъ на землѣ люди и птицы.

Поэтому, если хотите сдѣлаться птицеловомъ (или, можетъ быть, вы уже заправскій птицеловъ?), то читайте и наблюдайте; а наблюдая птицъ, думайте да гадайте сами, какъ лучше ихъ ловить.

Орудія птицеловства очень просты. Прежде, когда знахарство преобладало надъ знаніемъ, птицеловныя орудія были многочисленнѣе и сложнѣе. Самые пріемы лова были гораздо хитрѣе. Теперь, благодаря знанію, все значительно упростилось, многіе способы ловли даже совсѣмъ забыты. Прежде, напримѣръ, жаворонковъ ловили *на зеркальце*—сложный и недобычливый способъ; теперь о зеркальцѣ никто и не поминаетъ, а жаворонковъ ловится больше.

Прежде въ Западной Европѣ въ большомъ употребленіи была ловля на прутики, обмазанные липкимъ составомъ, такъ-называемымъ *птичьимъ клеемъ*. Садясь на эти прутики, птицы прилипали къ нимъ ногами и перьями, и дѣлались добычей птицелова. Приготовленіе этого клея составляло секретъ опытныхъ птицелововъ; но нѣтъ вѣдь секрета, который-бы не узнали. Какъ приготовлять клей—мы теперь знаемъ. Но говорю вамъ по опыту, что овчинка не стоитъ выдѣлки. Приготовлять клей хлопотливо, ловить на клей еще хлопотливѣе; въ теплое время онъ дѣлается жиже и не держитъ птицу, въ холод-

ное онъ стынетъ и птица не прилипаетъ къ нему, а пряснетъ дождь — и того хуже. Время на это потратится много, а толку маловато.

Простыя ловушки и сѣтки—самое милое дѣло.

Купите *западню*, достаньте *лучокъ* и *понцы*—больше ничего и не нужно. Всякую птицу вы поймаете этими снастями, при знанiи и снаровкѣ. Объ устройствѣ и употребленiи ихъ мы поговоримъ въ другой разъ.

Осеннiй перелетъ птицъ.

Передъ нами картина страшнаго бѣдствiя. Тысячи птицъ кружатся около маяка, ударяются въ сѣтки его оконъ и падаютъ, оглушенныя, въ клокочущiя волны. Штормъ въ полномъ разгарѣ; тучи заволокли все небо; дождь льетъ какъ изъ ведра; тьма раскинулась надъ поверхностью разбушевавшагося моря.

Бѣдные странники, горемычныя птички! Десятки, сотни тысячъ ихъ гибнутъ въ такiя минуты. Усталыя, намоченныя крылья отказываются слу-

жить. Страшные порывы вѣтра разбрасываютъ стаю въ разсыпную. Стоны и крики несчастныхъ раздаются въ темнотѣ надъ моремъ, а впереди, словно звѣздочка, свѣтитъ маякъ. Туда, туда! послѣдній крикъ несчастныхъ. Но, увы! тамъ ждетъ ихъ не спасеніе, а гибель. Лишь только налетитъ стайка на маякъ, птички ударятся объ него съ разлета головками и посыплются, какъ камешки, въ клокочущія волны. А на завтра солнышко освѣтитъ множество самыхъ разнородныхъ птичьихъ труповъ. Да, подобныя минуты ужасны въ жизни птицъ, а между тѣмъ, онѣ повторяются ежегодно и можно положительно сказать, что никакія враги не истребляютъ столько птицъ, какъ эти осеннія бури, захватывающія перелетныя стаи надъ моремъ.

Спрашивается, зачѣмъ-же птицы покидаютъ мѣста, гдѣ жизнь ихъ шла тихо и спокойно? Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ улетаютъ птицы?

Каждый годъ, уже въ августѣ, лишь только появятся первые признаки осени, наши птицы отправляются въ путь. Семьи собираются въ стаи. Бродятъ эти стаи какъ-будто безъ толку: то вдругъ увидишь стайку малиновокъ на лугу, гдѣ имъ и быть не надо, то встрѣтишь стайку какихъ-нибудь степныхъ птичекъ на полянѣ, среди обширнаго лѣса. А въ садахъ, въ огородахъ, въ виноградникахъ также каждый день сюрпризы. Вотъ когда раздолье птицеловамъ: только выбери мѣсто съ толкомъ, да знай свое дѣло. И какихъ, какихъ птицъ не наловятъ они за осень! Кромѣ своихъ мѣстныхъ птахъ, птицеловъ накроетъ понцами и лучками, наловитъ западнями и силками такихъ диковинныхъ птицъ, какихъ не найдешь на тысячи верстъ кругомъ. Коротко сказать, во Франціи попадаются осенью птицы, живущія только въ нашей далекой Сибири; въ Англіи не разъ ловили американскихъ птицъ.

Что-же это такое? Словно осенью наступаетъ въ жизни птицъ какая-то неурядица, какая-то непостижимая страсть къ кочеванью? И несутся сибирскія птицы во Францію, а американскія — въ Европу. Да каждую осень передъ нашими глазами совершаются въ птичьемъ мірѣ великія передвиженія. Издавна они обращали на себя вниманіе ученыхъ, но лишь въ послѣднее время удалось разгадать ихъ.

Я разскажу вамъ теперь, какъ совершается этотъ перелетъ птицъ, куда и зачѣмъ онѣ улетаютъ, а вы займитесь наблюденіемъ надъ перелетами въ томъ мѣстѣ, гдѣ живете. Это дастъ вамъ возможность сдѣлаться хорошимъ птицеловомъ. Мало того, со временемъ вы придумаете, можетъ быть, какъ облегчить для бѣдныхъ птичекъ тяжелый и длинный путь—и кто знаетъ—можетъ быть, сбережете многія тысячи ихъ отъ гибели.

За ягодами, за грибами и за разными другими лѣтними потѣхами мы не замѣтили, какъ постепенно смолкали веселыя птичьи пѣсни. Лѣса и рощи, поля и степи еще не пусты, еще много тамъ

птицъ; но теперь онѣ только щебечутъ и суетятся, словно разучились пѣть. Многія даже попрятались. На что развеселая баба-кукушка, а и та куда-то скрылась; соловья и въ поминѣ нѣтъ: да и мало-ли кого не досчитаешься. А между тѣмъ, всѣ эти птицы тутъ еще, у насъ. Онѣ исполнили свое дѣло, вывели дѣтокъ, воспитали ихъ, кто какъ умѣлъ, осталось только самимъ перелинять: перушки поизносились, надо сбросить съ себя старое платье и замѣнить его новымъ, свѣжимъ и болѣе теплымъ. Вотъ этимъ-то и занимаются птицы въ серединѣ лѣта. Старыя перушки, одно за другимъ, начинаютъ выпадать, птичкѣ нездоровится, она дѣлается нервной, боязливой и прячется отъ всѣхъ въ чащѣ травы и въ листьяхъ. Она чувствуетъ свою слабость и боится выдать себя не только пѣснями, но даже и крикомъ.

Линяніе птицъ—чрезвычайно интересное явленіе. Словно по-волшебству, въ какія-нибудь двѣ-три недѣли, всѣ старыя перья съ птички спадаютъ, а вмѣсто нихъ выростаетъ новый пушистый, перяной нарядъ. У многихъ птицъ этотъ новый нарядъ окрашенъ совершенно иначе, нежели весенній. Послѣдній иногда отличается роскошью красокъ, бьющихъ въ глаза; осеннее же платье скромное: тусклое, буренькое или сѣренькое. У иныхъ птицъ черные цвѣта смѣняютъ бѣлые. Можно подумать, что птицамъ удобнѣе зимой ходить въ скромномъ траурномъ платьѣ. И дѣйствительно, такъ. Весной и лѣтомъ зеленые листья деревьевъ и травъ даютъ надежный пріютъ птичкѣ, какъ-бы она ни была ярко окрашена. Безчисленные цвѣты, еще болѣе яркіе, чѣмъ ея перья, пестрятъ зелень луговъ и лѣсовъ. Юркнула птичка подъ кустъ или листочекъ, прикрылась цвѣткомъ и обманула хищника.

Иное дѣло осенью. Побурѣютъ и прилягутъ травы, пожелтѣетъ и осыплется листъ съ деревьевъ; голо въ степи и въ лѣсу. Не найти пріюта пестрому франту, а у враговъ его глазъ зорокъ. Понятно, чѣмъ скромнѣе осенній нарядъ, чѣмъ больше онъ подходитъ къ желтому листу, къ бурой отавѣ, къ цвѣту почвы, тѣмъ выгоднѣе птицѣ. Вотъ и причина перемѣны наряда. Неправда-ли, какъ это разумно? Одѣвшись въ осеннее платье, птички дѣлаются бодрѣе, суетливѣе. Линяніе ужасно ослабляетъ птицъ, а когда оно кончится, въ нихъ пробуждается такой аппетитъ, какъ послѣ выздоровленія отъ болѣзни. И вотъ для того, чтобы найти пищу, имъ приходится работать безъ устали; но какъ мы уже сказали, осенью защита изъ листьевъ и травы постепенно исчезаетъ, такъ что птичкамъ надо также позаботиться и о своей безопасности. Враги ихъ не дремлютъ; у нихъ тоже проснулся осенній аппетитъ. По этой причинѣ, тѣ птички, которыя жили весной особнякомъ, ссорились другъ съ другомъ, теперь встрѣчаются какъ друзья; старыя и малыя одинаково чувствуютъ потребность жить обществомъ. И вотъ онѣ собираются въ стайки. Сойдутся двѣ—и словно уговорятся промышлять вмѣстѣ; къ нимъ примкнетъ третья, встрѣчная, за

нею четвертая, пятая, такъ что десятки превращаются въ сотни, а сотни въ тысячи. Диву даешься, откуда взялись эти тысячныя стада. Словно полки солдатъ на маневрахъ, стройно движутся эти стада по лѣсамъ и полямъ, по лугамъ и равнинамъ. Вспугнешь стаю—поднимается одна, другая, третья птичка или разомъ всѣ, и полетятъ сомкнутымъ строемъ, куда одна, туда и всѣ. Эти полеты особенно поражаютъ у нѣкоторыхъ породъ птицъ. Кто не видалъ, какъ летятъ журавли стройнымъ треугольникомъ, какъ летятъ гуси угломъ въ голубой вышинѣ? Выстрѣлите въ стаю: дробь, конечно, не достанетъ до нихъ, но журавлиный полкъ, все-таки разстроится, журавли въ испугѣ замечутся въ разныя стороны, собьются въ кучу и начнутъ подниматься на кругахъ кверху. Громкое курлыканье обличаетъ ихъ безпокойство. И вотъ они поднялись высоко, высоко. Вожаки убѣдились, что опасность миновала; въ воздухѣ рѣзко раздается ихъ крикъ: это они приглашаютъ товарищей къ порядку. Стая начинаетъ строиться въ треугольникъ; журавли одинъ за другимъ занимаютъ свои мѣста, а впереди треугольника снова тотъ-же опытный старый журавль. И полетѣлъ журавлиный батальонъ своей дорогой; безъ шуму, безъ лишняго крика двигается онъ въ воздухѣ. Должно быть, и впрямь на тропу попалъ: вотъ уже его еле видно, а вмѣсто него, съ сѣвера появляются новые батальоны, которые летятъ по тому-же направленію. Ну, и пусть ихъ летятъ, куда хотятъ, а мы разузнаемъ, зачѣмъ собираются стаи

птицъ къ осени, передъ отлетомъ. Неужели у нихъ, въ самомъ дѣлѣ, есть полки и батальоны съ командирами? Неужели перелетъ птицъ, въ самомъ дѣлѣ, военный походъ? Нѣтъ, птицы войнъ не ведутъ; не для войны собираются эти воздушные полки. Имъ не съ кѣмъ воевать. Это странники. Гонимые невзгодой изъ родной стороны, они толпами улетаютъ на далекую чужбину.

Когда птичка занята отыскиваніемъ пищи, она не видитъ, что дѣлается кругомъ, и врагу легко подкрасться къ ней. Если-же соберутся двѣ, три или нѣсколько птичекъ, то пока однѣ ищутъ кормъ, другія сторожатъ ихъ. Понятно, что при такомъ раздѣленіи труда гораздо легче уберечься отъ опасности. Это самый простой обращикъ взаимной помощи, который мы встрѣчаемъ и у птицъ, и у многихъ другихъ животныхъ. Вотъ для чего онѣ и собираются въ стада. Но, кромѣ того, есть и еще одна цѣль.

Осенью, съ каждымъ днемъ пища все убываетъ. Голодныя стаи птицъ бродятъ съ утра до ночи, отыскивая себѣ кормъ. Въ концѣ-концовъ, имъ пришлось-бы умереть съ голоду; но не дожидаясь этой ужасной минуты, онѣ покидаютъ родину и летятъ въ другія страны. Въ каждой стаѣ есть нѣсколько опытныхъ, старыхъ птицъ, которыя уже не разъ улетали зимовать. Онѣ-то и становятся вожаками. Припомните, какъ насѣдка водитъ своихъ цыплятъ, какъ кличетъ она ихъ, найдя кормъ, какъ предупреждаетъ объ опасности. Такую-же обязанность

несутъ и вожаки. Они ведутъ летящую стаю по знакомымъ имъ дорогамъ. По ихъ командѣ стая опускается въ извѣстномъ мѣстѣ на кормежку, въ другомъ на водопой, въ третьемъ — на ночлегъ. Устанетъ вожакъ на полетѣ—его замѣняетъ другой, другого—третій. Точно также и на станціяхъ: пока птички заняты отыскиваніемъ корма, вожаки стоятъ поочередно на сторожѣ, оберегая остальныхъ.

Есть мѣста, излюбленныя птицами, гдѣ онѣ останавливаются и живутъ по нѣскольку дней, покуда ихъ не прогонитъ непогода. Напротивъ, иногда рядомъ есть другія мѣста, гдѣ ни за что не остановится стая.

Это извѣстно каждому охотнику, каждому хорошему птицелову; а объясняется это очень просто. Вожаки не зря останавливаютъ стаю въ томъ или другомъ мѣстѣ: они узнали еще въ молодости отъ своихъ вожаковъ-отцовъ выгоды даннаго мѣста, его кормовыя богатства, и это передается изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Очевидно, у птицъ также существуютъ преданія, память о давно прошедшемъ. Да иначе и быть не можетъ.

Представьте себѣ, что птицы, собравшись въ стаю, при первомъ морозѣ, при первомъ снѣгѣ покинули-бы свою мѣстность и полетѣли-бы куда-нибудь зря. Большая часть изъ нихъ, если не всѣ, непремѣнно-бы погибли отъ голода и холода. Повторяясь изъ года-въ-годъ, такое явленіе привело-бы птичій міръ къ совершенному уничтоженію. Къ счастію, на дѣлѣ этого нѣтъ.

Мы видѣли у птицъ образованіе стай съ цѣлью взаимной помощи; мы видѣли, что эти стаи поступаютъ подъ команду вожаковъ, старыхъ, опытныхъ птицъ, летавшихъ уже не разъ зимовать подъ начальствомъ своихъ отцовъ и дѣдовъ. Руководясь собственнымъ опытомъ и дѣдовскимъ преданіемъ, вожаки ведутъ стаи по извѣстнымъ мѣстамъ, обильнымъ кормомъ и, наконецъ, приводятъ ихъ въ такія мѣста, гдѣ онѣ могутъ прокормиться цѣлую зиму, до слѣдующей весны.

Теперь, когда мы познакомились съ причиной птичьихъ перелетовъ, когда мы узнали, какъ и зачѣмъ птички собираются въ стаи, какъ молодыя довѣряются старымъ, опытнымъ вожакамъ, увѣренныя, что тѣ ихъ спасутъ отъ опасности, отъ голода, холода и злыхъ враговъ, какъ онѣ пускаются за ними въ путь въ далекія, невѣдомыя страны,— теперь попробуемъ разсказать, какъ совершается перелетъ птицъ на широкой Руси.

Конечно, въ короткомъ разсказѣ нельзя передать всего, что происходитъ на безконечномъ пространствѣ нашей родины, и потому я хочу только помочь птицелову, а вы наблюдайте сами. Кстати признаться, вѣдь, и я всего не знаю, а ужь вамъ и подавно предстоитъ много дѣла. Широка русская равнина, необъятны ея лѣса, поля и степи, широкими лентами катятся рѣки по ней. Не сплошной тучей несутся птичьи стаи надъ этой равниной. Нѣтъ, у каждой породы птицъ есть свои пути, и не одинъ, а десятки. Жаворонки, напр., изъ Московской губер-

ніи летятъ однимъ путемъ, изъ Архангельской—другимъ. Многія изъ птицъ, обитающихъ по берегамъ Бѣлаго моря, улетаютъ на годъ; но вы ихъ никогда не увидите летящими надъ Тульской губ., потому что путь ихъ лежитъ черезъ Балтійское море. Изученіе этихъ путей не легко дается и птицелову, и ученому, но за то такая работа, какъ вы узнаете впослѣдствіи, не будетъ напрасная.

Чтобъ облегчить нашъ бѣглый обзоръ птичьяго движенія, перенесемся мысленно въ разныя мѣстечки Россіи, взглянемъ на птичью жизнь тамъ. Еще не кончился іюль, какъ на холодной тундрѣ сѣвера уже наступила осень. Едва успѣли подрости куличата, какъ ужь начался отлетъ. Бекасы, песочники, поручейнички и другіе мелкіе кулички пускаются въ путь по Печорѣ и Двинѣ. Около Ильина дня, или даже раньше, голоса разныхъ куличковъ, гнѣздившихся на сѣверѣ, раздаются на берегахъ Волги, Камы и Оки. Они даже проникли далеко на югъ, въ Украйну, и будутъ тутъ гостить до конца августа. Одинъ за другимъ поднимаются съ сѣверной тундры разные виды птицъ, чтобъ погостить на благодатныхъ поляхъ и широкихъ рѣкахъ средней и южной Россіи. Но тундра еще не опустѣла; много разныхъ птичекъ тамъ продолжаютъ разгуливать и останутся тамъ до глубокой осени; когда въ средней Россіи выпадетъ снѣгъ, тогда и онѣ простятся со своей родиной. Такъ и вездѣ; никогда птицы

разомъ не покидаютъ родной край, а улетаютъ стайка за стайкой, по породамъ, стараясь пробыть дома какъ можно дольше.

Движеніе птицъ начинается не въ одной только тундрѣ, но и во всѣхъ другихъ полосахъ Россіи. Въ то время, какъ изъ тундры пускаются въ путь кулички, въ теплой Малороссіи начинаютъ собираться въ дорогу золотистые щурки, такъ что движеніе птицъ начинается почти разомъ вездѣ, и у береговъ Бѣлаго моря и береговъ Чернаго.

Въ общемъ, порядокъ птичьяго движенія таковъ. Первыя пускаются въ путь насѣкомоядныя, которыя питаются избранной пищей; таковы, напр., щурки, охотящіеся за пчелами и другими летучими перепончато-крылыми. Рано также пускаются въ путь кукушки и другія птицы, питающіяся гусеницами насѣкомыхъ. За ними слѣдуютъ соловьи, варакушки, горихвостки, славки, кузнечики, камышевки, пѣночки и другія насѣкомоядныя птички. Всѣ онѣ летятъ по вечернимъ и утреннимъ зарямъ маленькими стайками, перебираясь изъ лѣска въ лѣсокъ, гдѣ прячутся на день для отдыха и кормежки. Въ это-же самое время звонко раздаются по берегамъ рѣкъ, озеръ и болотъ крики куличковъ, чаекъ и утокъ, которые съ шумомъ кочуютъ по Россіи, словно цыгане. Позднѣе улетаютъ скворцы, дрозды, плисочки, журавли, гуси, утки и цѣлыя толпы зерноядныхъ птицъ. Однѣ летятъ днемъ, съ шумомъ и крикомъ, другія, крадучись, по вечерамъ и по ночамъ. Для однѣхъ дорогами служатъ рѣки,

путь другихъ лежитъ по водораздѣламъ рѣчнымъ, по широкимъ полямъ и степямъ; третьи—колесятъ по равнинамъ, выбирая мѣстности лѣсистыя, потому что перебраться черезъ степь или черезъ широкое поле имъ такъ-же трудно, какъ черезъ море.

Во время осенняго перелета особенно оживляются берега рѣкъ, прудовъ и озеръ, степные сады и балки, обросшія лѣсомъ. Какой-нибудь садикъ, заброшенный въ балку среди безлѣсныхъ степей Новороссіи, кишитъ въ это время различными птицами, какихъ не увидишь въ немъ въ теченіи всего лѣта. Стайки соловьевъ, варакушекъ, пѣночекъ появляются въ саду, чтобы отдохнуть, покормиться и улетѣть дальше. Отлетѣвшія стаи смѣняютъ десятки другихъ. Тутъ птицелову раздолье, у него мѣста не хватитъ для всѣхъ пойманныхъ птицъ, не хватитъ корму, чтобъ пропитать ихъ.

Перенесемся мысленно на устье Волги. Вотъ гдѣ поистинѣ птичье царство. Лѣтомъ здѣсь такъ много птицъ, что, поднимаясь отъ выстрѣла, онѣ затемняютъ солнце. Представьте себѣ, что тутъ дѣлается осенью, когда къ мѣстнымъ обывателямъ подлетятъ еще сѣверные гости. Крики птицъ заглушаютъ человѣческіе голоса, такъ что вы не услышите вашего товарища, ежели онъ будетъ въ ста шагахъ отъ васъ. Какихъ, какихъ птицъ тутъ нѣтъ! Стаи бѣлоснѣжныхъ лебедей, утокъ, гусей, нырковъ покрываютъ всѣ озера и притоки рѣки. Между ними

чинно плаваютъ стада пеликановъ, ныряютъ черныя бакланы. Надъ поверхностью воды рѣютъ разныя чайки и мартышки. Берега усѣяны пестрыми группами журавлей, колпицъ, куликовъ, цапель, короваекъ. Все это наперерывъ ловитъ рыбу, съ крикомъ, шумомъ, драками. Дунетъ сѣверный вѣтеръ, хлынетъ дождь съ изморозью—и вся эта пестрая толпа птицъ съ шумомъ поднимается на воздухъ, разобьется на стаи, по породамъ, и полетитъ вдоль каспійскаго берега на югъ. Однѣ заторопятся, поднимутся раньше, другія собираются не спѣша; однѣ построятся правильными линіями, углами, треугольниками, другія полетятъ безпорядочной, сомкнутой стаей, третьи—разсыпнымъ строемъ.

День и ночь, во время перелета, на западномъ берегу Каспія шумъ и крики летящихъ стай нарушаютъ тишину осенняго воздуха, безпокоятъ жителей городовъ и невольно вызываютъ на охоту. Но какая это охота,—это, просто, бойня. Да и что охотиться, когда усталыхъ птицъ можно бить палками и хватать руками.

Но не однѣ только названныя птицы собираются на берега Каспія. Изъ бо̀льшей части западной Сибири, съ Уральскихъ горъ, изъ Печорскаго края, со всего Поволжья летятъ сюда всѣ мелкія пѣвчія птицы. Однѣ изъ нихъ черезъ Каспій направляются въ Персію, другія—на Кавказъ. Безчисленные виноградники вдоль Терека и Кубани переполняются перелетными птицами, которыя гостятъ и отдыхаютъ здѣсь послѣ труднаго перелета по степямъ.

Отдохнувъ, стайки пускаются въ дальнѣйшій путь. Дорогами имъ служатъ горныя ущелья Кавказа. Поднявшись по нимъ, они сразу перелетаютъ черезъ вѣчные ледники Кавказа и быстро опускаются въ привѣтливыя, веселыя долины Кахетіи и Грузіи. Погостивъ здѣсь, однѣ улетаютъ дальше на югъ, въ Арменію, другія остаются тутъ зимовать.

Все это самыя счастливыя изъ нашихъ птицъ. Каспійская птичья дорога, также какъ и Кавказъ, самая удобная, самая безопасная для перелета. Не то ждетъ птичекъ, направившихся черезъ Крымъ. Имъ предстоитъ опасный тяжелый путь черезъ Черное море, гдѣ осенью свирѣпствуютъ страшныя бури. Палубы судовъ и пароходовъ, во время штормовъ, иногда сплошь покрываются бѣдными путниками, которые, завидѣвъ огонь, собираютъ послѣднія силы и летятъ туда, довѣрчиво отдаваясь въ руки человѣка. Много птицъ ежегодно погибаетъ въ волнахъ Чернаго моря; много другихъ, достигшихъ случайно береговъ Сиріи, ловятъ руками мѣстные жители.

Особенно достается отъ нихъ перепеламъ и коростелямъ. Еще немного дальше на западъ, по берегу Чернаго моря, движется тоже птичья армія изъ средней и западной Россіи. Перелетѣвъ Дунай, онѣ тянутся черезъ Болгарію и Балканы въ Грецію, а оттуда въ Египетъ. Изъ этой птичьей колонны много гибнетъ птицъ въ Греціи и Средиземномъ морѣ, доставляя даровую пищу грекамъ и жителямъ острововъ Архипелага. Но все-таки участь этой арміи еще не очень горька. Много птицъ ея, достигнувъ страны фараоновъ, отдохнутъ и перезимуютъ безбѣдно на берегахъ Нила.

А вотъ кому достается—это птицамъ сѣверозападной Россіи, Скандинавіи, Германіи, которыя держатъ свой путь на благословенную Италію. Нѣтъ такихъ истребителей птицъ въ цѣлой Европѣ, какъ итальянцы. Лѣнивые, безпечные итальянцы большей частью употребляютъ растительную пищу. Мясо въ ихъ странѣ дорого, а потому осенью они, какъ дикіе звѣри, накидываются на перелетныхъ птицъ. Въ темную ночь, осыпавъ сѣтями кусты, итальянцы зажигаютъ факелы, берутъ въ руки трещетки и начинаютъ безпощадно истреблять усталыхъ, голодныхъ птицъ, искавшихъ пріюта въ кустахъ и на деревьяхъ, въ травѣ и на жнивьѣ. Тутъ никому нѣтъ пощады: ни жирному перепелу, ни соловью, ни кукушкѣ, ни крошечной пѣночкѣ, ни дроздамъ, ни скворцамъ: всякое птичье мясо прекрасно переваритъ желудокъ лѣнтяя лазарони. Итальянцы рѣшительно не хотятъ знать, какой вредъ они наносятъ своимъ сѣвернымъ сосѣдямъ, хозяйство которыхъ охраняли эти птицы. Эта жестокая бойня ведется изстари. Граждане великой Римской Имперіи почти двѣ тысячи лѣтъ назадъ упражнялись въ такой безчестной охотѣ. У богатыхъ римлянъ были особыя помѣщенія, называвшіяся *авіаріями*, гдѣ они тысячами держали и откармливали дроздовъ, скворцовъ, коростелей. Исторія говоритъ о Лукуллѣ, прославившемся своими пирами, на которыхъ, меж-

ду изысканнѣйшими кушаньями, подавались соловьиные языки. Какое утонченное и глупое варварство! Кто повѣритъ, чтобы соловьиный языкъ могъ быть особенно вкусенъ. Понятно, что подобное нелѣпое блюдо приготовлялось изъ желанія блеснуть своимъ богатствомъ.

Теперь итальянцы—одинъ изъ бѣднѣйшихъ народовъ Европы, и соловьиныхъ языковъ, конечно, не ѣстъ ни одинъ изъ благородныхъ потомковъ патриціевъ Рима; но варварское истребленіе птицъ продолжается въ Италіи своимъ чередомъ.

Весной 1886 года, въ Вѣнѣ, собрался первый конгрессъ ученыхъ, съ цѣлью принять мѣры противъ итальянскаго варварства. Къ чему приведетъ эта попытка — увидимъ потомъ, теперь-же мы съ гордостью можемъ сказать, что нигдѣ въ Россіи нѣтъ такой безчестной охоты, какъ итальянская. Вотъ почему берега Каспія, лѣса и долины Кавказа кишатъ безчисленнымъ множествомъ птицъ, которыя мирно проводятъ здѣсь зиму.

Правда, и у насъ перелетъ птицъ не обходится безъ громадныхъ жертвъ: пропасть ихъ гибнетъ отъ голоду, когда послѣ дождей вдругъ ударитъ морозъ. Много также птицъ разбивается во время ночныхъ бурь о телеграфныя проволоки; много истребляютъ ихъ разныя хищники, летя за ними по пятамъ на зимовье. Птицеловствомъ же у насъ занимаются такъ мало, что иной ястребъ уничтожитъ больше птичекъ, чѣмъ поймаютъ ихъ птицеловы цѣлаго города.

И такъ, снаряжайте лучки и понцы, западни и тому подобныя ловушки, заберите нашихъ манныхъ птичекъ и пойдемъ ловить. Впрочемъ, ловите ужъ вы одни, а я научу васъ лишь тому, что узналъ самъ и чему выучился у добрыхъ людей. Прежде всего, въ саду, въ лѣсу, на полянѣ или на опушкѣ, или же въ лугахъ, съ разсѣянными по нимъ болотами, кустами и лѣсочками, надо высмотрѣть, гдѣ летаютъ птицы, гдѣ опускаются на кормежку. Тутъ расчистите точокъ, какъ это дѣлаютъ для молотьбы хлѣба—ровный и гладкій, и бросьте привады. Привады бываютъ различныя. Для дроздовъ самыя лучшія—рябиновыя ягоды; для зерноядныхъ же птичекъ: чижей, щегловъ, овсянокъ, снигирей лучше всего конопляное сѣмя и даже необмолоченные колосья конопли. Вокругъ точка́ хорошо выставить нѣсколько манныхъ птицъ (убирая ихъ, конечно, на ночь). Пройдетъ дня два, три, птички привыкнутъ къ точку и повадятся летать на кормъ; тогда можно ставить понцы или лучекъ и начинать ловлю.

Одновременно съ точкомъ надо устроить и засаду. Саженяхъ въ десяти или пятнадцати ставится шалашъ, плотный, укрытый вѣтками такъ, чтобы въ немъ могъ спрятаться птицеловъ. Лучшее время для ловли—это рано утромъ или подъ вечеръ. Въ полдень птица сыта и не пойдетъ на приваду. Особенно хорошо онѣ идутъ на точокъ послѣ долгаго ненастья. При ловлѣ не слѣдуетъ торопиться. Чѣмъ сдержаннѣе птицеловъ, чѣмъ терпѣливѣе, тѣмъ больше налетитъ на точокъ птичекъ. Но черезъ-

чуръ тоже медлить не слѣдуетъ. Птички наѣдаются быстро и улетятъ раньше, чѣмъ ихъ закроютъ сѣткой. На все это требуется снаровка, которая дается личнымъ опытомъ. Покрывъ стаю птицъ, нужно осторожно вынимать ихъ изъ-подъ сѣтки, чтобы не помять перьевъ, у каждой птички связать концы крыльевъ и пустить въ особенную, обтянутую полотномъ клѣтку, называемую *кутейкой*. Со связанными крыльями птицы не такъ бьются и скорѣе привыкаютъ къ неволѣ.

Пойманныхъ птицъ на другой день сортируютъ; у самокъ и самцевъ, которые похуже, развязываютъ крылышки и выпускаютъ на волю. Лучшая ловля начинается въ концѣ августа, когда дрогнетъ листъ на деревьяхъ, и продолжается весь сентябрь и октябрь, до первозимья. Затѣмъ уже наступаетъ малодобычливая зимняя ловля, о которой мы поговоримъ въ другой разъ, а также поговоримъ при случаѣ о самыхъ обыкновенныхъ нашихъ птицахъ, которыхъ чаще всего держатъ въ клѣткахъ, каковы, напр., чижи, щеглы, рѣполовы и проч. Для ловли каждой породы имѣются свои особые пріемы. Мы укажемъ ихъ въ свое время, а теперь попытайтесь половить, какъ сами придумаете. Не тотъ мастеръ, кого выучили, а тотъ кто самъ выучился.

Соловей.

И въ прекрасную майскую ночь
Сладко пѣлъ соловей Туркестана.

Слова́ эти принадлежатъ знаменитому персидскому поэту Гафизу, стихи котораго въ Иранѣ въ такомъ-же почетѣ, какъ и пѣснь соловья.

Дѣйствительно, май мѣсяцъ, эти чудныя теплыя ночи послѣ шумнаго майскаго дня—лучшее время въ году и въ Персіи, и въ Испаніи, и на обширныхъ равнинахъ Россіи, и на зеленыхъ лугахъ Ирландіи.

Мартъ и апрѣль—это время борьбы между холодомъ и тепломъ, борьбы зимы съ весной и только къ концу апрѣля весна одолѣваетъ. Все, что спало долгимъ зимнимъ сномъ—просыпается, вылѣзаетъ

изъ норокъ, снимаетъ свою зимнюю шубку, чистится, наряжается и выходитъ на свѣтъ Божій погрѣться, пообсушиться, посмотрѣть на солнечный лучъ. Да, въ это время жизнь сказывается на землѣ во всей ея полнотѣ. Лѣзутъ травки изъ оттаявшей земли; лопаются почки на деревьяхъ; пробуждаются насѣкомые — жучки, бабочки, мушки; вылѣзаютъ изъ норъ звѣрки, спавшіе глубокимъ сномъ. Возвращаются съ далекаго юга послѣднія птицы на родину.

Посмотрите — все это суетится, бѣгаетъ, ползаетъ, летаетъ, кричитъ и поетъ, и вамъ невольно приходитъ въ голову, что должно быть всѣ эти маленькія и большія твари счастливы. Да, это правда; майскіе дни и ночи—это праздникъ всего живого, это дни великаго міровогo счастья; а кто счастливъ, тотъ смѣется и шумитъ. Оглянитесь въ майскій день кругомъ. Въ лѣсу шумъ, въ полѣ шумъ. На рѣкѣ словно базаръ; даже въ темномъ оврагѣ—и тутъ шумъ. Шумятъ всѣ, кто только можетъ. У кого есть голосъ, тотъ кричитъ, а у кого его нѣтъ, тотъ шумитъ, чѣмъ попало. Всѣ шумятъ и кричатъ, слѣдовательно, всѣ счастливы. Но, однако, прислушайтесь: въ этомъ шумѣ, въ этихъ крикахъ порой слышится что-то странное, увлекающее. Это пѣсня, это музыкальное сочетаніе звуковъ; а музыканты майскаго оркестра—птицы, именно тѣ птицы, которыхъ мы называемъ пѣвчими.

Въ глуши лѣсовъ, среди обширныхъ полей и степей, по берегамъ рѣкъ, на высокихъ вершинахъ

горъ, всюду въ умѣренномъ и сѣверномъ поясѣ Стараго и Новаго Свѣта, куда-бы ни закинула насъ судьба, мы услышимъ эту птичью музыку; всюду раздаются разнообразнѣйшіе концерты, вездѣ самый пестрый оркестръ. Стройные хоры прерываются чудной мелодіей солистовъ. Ни одинъ музыкальный критикъ не въ состояніи написать намъ рецензію объ этомъ великомъ хорѣ природы, да и кстати замѣтить, нигдѣ тутъ не найти капельмейстера. Всякъ поетъ какъ умѣетъ, поетъ тогда, когда ему особенно весело. Ему нѣтъ дѣла, слушаютъ его пѣсню или нѣтъ, онъ не ждетъ похвалы, онъ поетъ самъ для себя, поетъ для своей милой. Тѣмъ-то и хорошъ этотъ хоръ, что въ немъ нѣтъ фальши.

Соловей.

Послушаемъ-же этихъ пѣвцовъ и начнемъ съ лучшаго.

Какъ и всегда, воспоминанія переносятъ меня на берега Волги. Давно это было. Нѣсколько гимназистиковъ сговорились читать всю ночь, чтобы приготовиться къ экзамену изъ исторіи. Добыли мы сальный огарокъ и по очереди читали по учебнику о походахъ Александра Македонскаго. Какъ ни занятны были геройскіе подвиги Македонскаго, но господинъ сонъ былъ еще занятнѣе. Поминутно то одинъ, то другой клевалъ носомъ, такъ что чтецъ даже разсердился. Чтобы помочь горю, открыли окно; но тутъ-то и стряслась бѣда: хлынулъ майскій воздухъ въ комнату, освѣжилъ сонныя мордочки, но не помогъ нашему горю, а только испортилъ дѣло.

Съ струями свѣжаго воздуха прилетѣлъ ароматъ цвѣтущихъ яблонь и грушъ. Пронеслись чудные звуки соловьиной пѣсни. Сонъ улетѣлъ. Переглянулись историки. «А не пройтись-ли на Волгу?» сказалъ одинъ изъ нихъ тихо. Предложеніе было заманчиво, никто не спорилъ, и если-бы пансіонскій сторожъ проснулся, то замѣтилъ-бы, какъ черезъ стѣны пансіонскаго двора перелѣзло нѣсколько обезьянъ въ курточкахъ и въ шапкахъ съ краснымъ околышемъ. Это была одна изъ лучшихъ ночей, какія я только помню. Утренняя зорька едва загорѣлась, въ воздухѣ стояла полнѣйшая тишина. Было чуть-чуть свѣжо, но не холодно. Симбирскъ спалъ глубокимъ сномъ. На соборѣ, на гладкой поверхности Волги, отражались первые отблески зари. Весь крутой склонъ къ Волгѣ

бѣлѣлъ, какъ отъ снѣга; то цвѣли яблони непрерывныхъ садовъ, окаймлявшихъ симбирскую гору. Узкой тропинкой спустились мы до небольшой площадки, раскинувшейся на половину горы. Среди цвѣтущихъ яблонь, на лужайкѣ стояла убогая хижина, словно сказочная избушка на курьихъ ножкахъ.

— А что, братцы, разбудимъ-ка пріятеля Савельича.

— Разбудить, такъ разбудить, отвѣчали другіе.

— Да ты его знаешь, что-ли? спросилъ кто-то.

— Какъ не знать, отвѣчалъ коноводъ нашъ, Александровъ.—Я у него и весну, и осень станую, да и лѣтомъ заглядываю.

— Что-жъ онъ тебѣ крестный дядя, что-ли?

— Ну, дядя не дядя, все будете знать—плохо будете спать; а молокомъ васъ угощу, да еще съ чернымъ хлѣбомъ.—Съ этимъ словомъ, Александровъ постучалъ въ окошко.

— Кто тутъ? отозвался старческій голосъ.

— Я, Трофимъ Савельичъ, Ваня Александровъ, чай, помните?

— Ахъ, ты, непутный, опять, поди, соловьевъ слушать пришолъ?

— Такъ точно, Савельичъ, только ты впусти насъ, маленечко проголодались, побалуй молочкомъ.

Въ хижинѣ что-то зашуршало, скрипнула дверь, звякнулъ засовъ, отворилась другая дверь, показалось что-то сѣрое.

— Ну, полуночникъ, что вздумалъ, когда пришелъ? послышался голосъ старика.

Переговоры въ этомъ родѣ тянулись еще нѣсколько минутъ, а кончилось тѣмъ, что мы очутились за кривоногимъ столомъ въ хижинѣ. Посреди стола Савельичъ поставилъ большую деревянную чашку молока, накроилъ цѣлый десятокъ ломтей хлѣба, сунулъ каждому изъ насъ деревянную ложку—и пошла писать губернія.

— Ну, что, Савельичъ, какъ соловьи? молвилъ нашъ Ванька-атаманъ.

— Что соловьи, поютъ, — тебя, дурня, ждутъ. Придетъ, говорятъ, нашъ ловецъ Иванушка, хвостъ ему покажемъ.

— Ну, это они врутъ! У насъ соль есть, чтобы хвостомъ не кичились.

— Ну, ну, возразилъ Савельичъ, — смотри, не осрамись, какъ прошлаго года.

Надо замѣтить, что у насъ Александровъ считался присяжнымъ птицеловомъ, поэтому слова Савельича, что онъ осрамился прошлаго года, привлекли общее вниманіе.

Но лукавый старикъ ловко предупредилъ наши вопросы.

— Твой обидчикъ-то здѣсь. Третьяго дня запѣлъ въ томъ-же самомъ кустѣ.

Надо было видѣть Александрова. За минуту передъ тѣмъ, обиженный шуткой Савельича, онъ готовъ былъ поссориться съ нимъ, а теперь... онъ стоялъ передъ обидчикомъ готовый расцѣловать его.

— Здѣсь? не шутишь, правда, здѣсь?

— Чего шутить, пойдемъ слушать!

И вотъ мы отправились гуськомъ за старикомъ и Александровымъ.

Молча слѣдовали мы за вожаками по садовымъ тропинкамъ, между яблонь и грушъ, спускались подъ гору, перелѣзали черезъ заборы, карабкались снова на гору. Наконецъ, старикъ остановился.

— Ну, команда, садись. Уговоръ—ни гугу!

Мы усѣлись и стали ждать. Ночь была чудно хороша. Отъ запаха цвѣтущихъ яблонь чуть не кружилась голова. То тамъ, то тутъ раздавались пѣсни соловьевъ, и только однихъ соловьевъ. За Волгой кое-гдѣ мерцали огоньки рыбачьихъ костровъ. Утренняя зорька румянила уже восточный край неба. Все, все это было чудно хорошо, но безсонная ночь сказывалась. Знаменитый соловей еще молчалъ, а ужь нѣкоторые его слушатели клевали носомъ. Не дремалъ только Александровъ.

Съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣлъ онъ въ кусты крыжовника, гдѣ скрывался пѣвецъ, и вотъ, наконецъ, какъ мнѣ показалось тогда, надъ самымъ моимъ ухомъ раздался первый звукъ соловьиной пѣсни. Куда дѣвалась моя дремота! За первымъ звукомъ послѣдовалъ другой, третій, и полилась, какъ потокъ, чудная мелодія. Какъ описать эту пѣснь! Какъ разсказать, что я слышалъ, что я испыталъ тогда!..

Возвращаясь съ концерта, музыкальный критикъ самоувѣренно произноситъ свой судъ, говоря, что

эти ноты пѣвца были слабы, на другихъ нотахъ голосъ его дрожалъ, такія-то ноты выполнены превосходно. Да, для оцѣнки человѣческаго голоса есть ноты, а пѣсню соловья и вообще всѣ пѣсни птицъ ни одинъ изъ величайшихъ композиторовъ не съумѣлъ еще переложить на ноты. То, что я слышалъ въ эти минуты, не поддавалось сужденію; но мы всѣ были очарованы, поражены полнотой, свѣжестью звуковъ, силой музыкальной мелодіи. Наконецъ, соловей замолкъ.

— Ну, что? онъ, что-ли? раздался голосъ Савельича.

— Онъ, онъ, молчи, дѣдушка! скороговоркой отвѣтилъ Александровъ.

— Чего молчать, пойдемте домой. Пугать попусту нечего; приходи скорѣй ловить добрымъ порядкомъ.

Мы снова двинулись той-же дорогой. Поднявшись наверхъ, мы остановились, точно по уговору, чтобы перевести духъ. Чудная картина раскинулась внизу передъ нами. Румяная заря освѣтила розовымъ свѣтомъ красавицу Волгу. Широко разлилась она на луговой сторонѣ. Десятки плотовъ съ красивыми домиками, въ перемежку съ судами, тихо спускались внизъ по теченію. Острова и луга были залиты водой, и только высокія гривки, какъ громадныя пятна, выступали на зеркальной поверхности рѣки.

— Однако, братцы, пора и Александра Македонскаго вспомнить. Пойдемте-ка домой! замѣтилъ одинъ изъ насъ.

Не одинъ вздохъ вырвался тутъ изъ груди школьниковъ, но дѣлать было нечего. Черезъ нѣсколько минутъ снова раздалось монотонное чтеніе въ классной комнатѣ гимназіи; но увы! его никто не слышалъ. Склонились школьничьи головушки на деревянные столы, обуялъ ихъ неумолимый сонъ.

Наступила суббота; Александровъ потихоньку шепнулъ мнѣ утромъ:

— Собирайся въ походъ на соловья; только ни гугу!

Послѣ обѣда, когда насъ распускали по домамъ, мы нарочно замѣшкались съ Александровымъ, чтобы не подать виду, что собираемся на охоту. Но за то потомъ чуть не бѣгомъ отправились въ садъ, къ Савельичу.

— Ага, ловцы-молодцы явились; ну въ добрый часъ.

— Что соловей? спросилъ Александровъ.

— Соловей-то ничего, а ловцовъ-то тутъ понабралось за эти дни. — И началъ Савельичъ пересчитывать этихъ ловцовъ. Александрова била лихорадка.

— Какъ! и Лодочниковъ тутъ, и соловья слушалъ?

— Какъ-же, тутъ, и соловьевъ слушалъ. Только нашего-то имъ не удалось услыхать, потому я въ кустахъ Орелку привязалъ.

— Ну, и что-же?

— Ахъ, ты чудной! какъ что-же? Орелка лаетъ,

соловей и молчитъ. А вотъ ты иди теперь и лови его.

И начались толки, какъ ловить соловья, Александровъ настаивалъ, что надо поставить лучокъ.

— Чего лучокъ; поди, онъ, думаешь, не помнитъ, какъ ты промахнулся. Нѣтъ, парень, его лучкомъ не заманишь; давай, метнемъ сѣть.

Такъ и порѣшили. Захвативъ сѣтку, мы отправились къ кустамъ, гдѣ держался соловей.

— А гдѣ-же Орелка? спросилъ Александровъ.

— Эхъ ты, турка (турка это было школьное прозвище Александрова); вѣдь я зналъ, что ты теперь придешь. Орелка давно дома. Ну а ты—какъ тебя звать-то, обратился ко мнѣ старикъ: — поди, смотри, да ни гугу, а то чуприну навертимъ.

Развернули они сѣть, обошли кусты крыжовника и накинули на нихъ съ одной стороны эту сѣтку полукругомъ; затѣмъ скрылись между яблонь. Я сидѣлъ въ своей засадѣ за густымъ кустомъ вишни и наблюдалъ.

Мнѣ показалось, что на землѣ, между кустами крыжовника что-то мелькнуло. Всматриваюсь—прыгаетъ какая-то бурая птичка. «Неужели это онъ, этотъ знаменитый пѣвецъ?»

Вдругъ, слѣва появилась фигура Александрова, а подальше выставилась голова Савельича. Они тихо подвигались къ кустамъ крыжовника, пристально всматриваясь въ нихъ.

Соловей вскорѣ замѣтилъ враговъ и сдѣлалъ нѣсколько скачковъ по направленію къ сѣти. Охотники

наступали осторожно, потихоньку. Соловей слѣдилъ за каждымъ ихъ движеніемъ и постепенно приближался къ сѣткѣ. Наконецъ, Александровъ замѣтилъ соловья, быстро сдѣлалъ шага три впередъ, взмахнулъ шапкой—и дорогая добыча была наша: соловей запутался въ ячейкахъ сѣтки. Вынуть его оттуда, связать ему крылья и посадить въ *кутейку* было дѣломъ одной минуты.

Счастливые вернулись мы въ хижину Савельича.

Это одинъ способъ ловли и, кажется, простой. Но простота обусловливается умѣньемъ птицелова; однимъ неловкимъ движеніемъ, торопливостью можно отогнать соловья прочь отъ сѣтки; а это случается частенько.

Другіе способы лова тоже несложны; но скажемъ кое-что о соловьѣ, именно то, что необходимо знать для успѣха лова и для хорошаго содержанія пѣвца въ неволѣ.

Соловей—одна изъ самыхъ обыкновенныхъ пѣвчихъ птицъ у насъ. Его знаетъ, болѣе или менѣе, всякій, по его чудной пѣснѣ и по замѣчательной простотѣ наряда. Всѣ перышки его окрашены въ однообразный бурый цвѣтъ, который на брюшкѣ свѣтлѣе и переходитъ въ буровато-бѣлый; ни яркихъ пятенъ, ни полосъ нѣтъ у соловья. Большіе темные глаза придаютъ особую прелесть физіономіи соловушки.

Питаясь только насѣкомыми, соловей на зиму улетаетъ на югъ (обыкновенно, въ концѣ августа), зимуетъ въ сѣверной Африкѣ, въ Аравіи и южной Персіи. Весной соловей прилетаетъ на родину въ то время, когда деревья и кустарники начнутъ одѣваться листьями, т. е. въ концѣ апрѣля (въ сѣверныхъ мѣстностяхъ — въ началѣ мая). Перелеты свои на югъ и обратно соловьи совершаютъ по зарямъ и даже ночью. Вернувшись домой, соловей отыскиваетъ свое старое жилище и начинаетъ пѣть, поджидая соловьиху, которая, обыкновенно, является недѣлей позже. Затѣмъ, оба они принимаются вить гнѣздо, которое помѣщается около земли, на корняхъ какого-нибудь куста—смородины, крыжовника, боярышника и т. п. Особенно любятъ соловьи смородину, такъ какъ она ростетъ, большею частью, въ мѣстахъ сырыхъ и тѣнистыхъ; а это излюбленное жилище соловья. Онъ держится по опушкамъ лѣсовъ, по долинамъ рѣкъ и по склонамъ овраговъ, тамъ, гдѣ много кустарниковъ и земля влажная, обильно покрытая опавшей листвой. Соловей любитъ бѣгать по землѣ, отыскивая въ листвѣ личинки насѣкомыхъ, улитокъ, червячковъ и т. п. Высокихъ деревьевъ соловей не любитъ, а глухихъ старыхъ лѣсовъ избѣгаетъ. Поэтому онъ охотно держится въ садовыхъ кустахъ, въ цвѣтничкахъ, гдѣ растутъ розаны и другіе цвѣтущіе кустарники.

Во второй половинѣ мая самка кладетъ 5—6 яичекъ однообразнаго зеленоватаго цвѣта, безъ пятенъ и точекъ. Насиживаніе продолжается двѣ недѣли. Молодые соловьятки выходятъ изъ яицъ голые и слѣпые. Самецъ помогаетъ самкѣ высиживать яйца и кормитъ молодыхъ, распѣвая въ то-же время свои чудныя пѣсни.

Во второй половинѣ іюня соловьята уже покидаютъ гнѣздо, а соловей перестаетъ пѣть. Для него, въ это время, наступаетъ пора линянья. Всю остальную часть лѣта соловьи ведутъ тихую, скрытную жизнь и не поютъ.

Такова, въ немногихъ словахъ, скромная жизнь перваго пѣвца въ мірѣ пернатыхъ.

Во всемъ свѣтѣ нѣтъ никакой пѣвчей птички, которая пѣла-бы лучше соловья. Потому-то поэты всѣхъ временъ и народовъ и старались воспѣть этого дивнаго пѣвца; потому-то всюду, гдѣ живетъ соловей, его любятъ и, не довольствуясь пѣніемъ его на свободѣ, держатъ въ клѣткахъ.

Кромѣ указаннаго выше способа, соловья ловятъ лучкомъ и самоловомъ. Лучокъ состоитъ изъ двухъ прутьевъ, согнутыхъ другой; черезъ концы дугъ протянута бичевка на̀-туго. Къ дугамъ прикрѣплена сѣтка въ видѣ мѣшка. Одна дуга прикрѣпляется къ землѣ тремя колышками, другая остается свободной и отъ нея идетъ бичевка, которая протягивается въ шалашъ птицелова; когда лучокъ настороженъ, на разчищенной землѣ, внутри дугъ, насыпаютъ «приваду»—муравьиныхъ яицъ или таракановъ. Иногда тутъ-же привяжутъ соловья, употребляемаго для приманки дикаго. Когда этотъ послѣдній слетитъ на точо́къ, то стоитъ только

птицелову дернуть бичевку—свободная дуга лучка перегнется на другую сторону и покроетъ соловья. Лучокъ ставятъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ держится соловей; предварительно надо высмотрѣть его.

Устройство самоловов тоже очень просто. Возьмите ивовую корзину, безъ крыши, переверните ее вверхъ дномъ—вотъ и самоловъ. Настораживается онъ слѣдующимъ образомъ: срѣзавъ прутъ въ палецъ толщины, оба конца заостряютъ и, согнувъ прутъ дугой, втыкаютъ ихъ въ землю. Къ дугѣ на тонкой бичевкѣ привязываютъ сторожокъ. Къ одному краю корзинки привязываютъ узенькую и тонкую дощечку, или дрань, длина которой равна ширинѣ корзины; на свободномъ концѣ дощечки, называемой язычкомъ, съ боку дѣлаютъ глубокую зарубку. Поставивъ корзинку около дуги на землю, край ея приподнимаютъ и подпираютъ верхнимъ концомъ сторожка, а нижній конецъ сторожка закладываютъ за зарубку язычка. Подъ корзину насыпаютъ муравьиныхъ яицъ, мертвыхъ муравьевъ и тараканов. Соловей, подойдя подъ корзину, непремѣнно толкнетъ язычекъ, сторожокъ соскочитъ и корзина покроетъ птичку.

Теперь скажемъ, какъ обращаться съ соловьемъ.

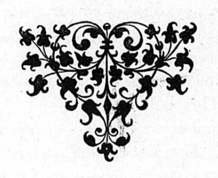
Первымъ дѣломъ, надо связать осторожно концы его крыльевъ и посадить птичку въ клѣтку, обтянутую полотномъ или другою тканью и, бросивъ туда немного муравьиныхъ яицъ, поставить клѣтку

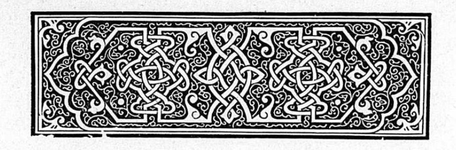
въ тихое, укромное мѣсто, гдѣ соловья не пугали-бы; иначе онъ изобьется до смерти. На другой день дать ему чашечку съ водой и насыпать кормъ. При осторожномъ обращеніи, соловей дня въ два освоится съ неволей и примется за кормъ. Тогда надо крылышки ему развязать. Черезъ нѣсколько дней онъ навѣрное запоетъ.

О дальнѣйшемъ уходѣ говорить нечего. Кормить лучше всего муравьиными яйцами—свѣжими, пока они есть, а зимой—сушеными. Сушеныя яйца размачиваютъ предварительно въ тепломъ и свѣжемъ молокѣ. Недурно изрѣдка давать соловью мелкіе кусочки вареной говядины; даютъ ему тоже булочки, размоченной въ молокѣ. Надо какъ можно остерегаться, чтобы молоко и булка не были кислы и потому яицъ не надо много размачивать: они киснутъ и дѣйствуютъ вредно на здоровье птицы. Хорошо также подкармливать соловья тараканами, мухами и гусеницами, особенно во время линьки. При хорошемъ уходѣ соловей живетъ въ клѣткѣ лѣтъ пять или шесть. Съ каждымъ годомъ пѣсня его становится лучше и онъ запѣваетъ раньше. Сидѣлый соловей начинаетъ пѣть уже въ февралѣ и поетъ до Петрова дня.

Ловятъ соловьевъ только съ прилета и до половины мая. Когда соловей сталъ вить гнѣздо, его ловить уже не стоитъ—онъ умретъ отъ тоски. Можно ловить соловьевъ въ іюлѣ и августѣ, особенно молодыхъ. А еще лучше вынуть молодую птичку изъ гнѣзда и выкормить. Это не легкое

дѣло, но за то вырощенные въ неволѣ соловьи дѣлаются ручными и живутъ дольше. Выкармливаютъ ихъ мушками, червячками, гусеницами и муравьиными яйцами. Только для нихъ нуженъ учитель, т. е. старый, хорошо поющій соловей. Иначе ручные соловьи никогда не будутъ пѣть хорошо. Какъ обучаютъ птицъ пѣть—мы поговоримъ въ другой разъ, а теперь замѣчу только, что и на волѣ соловьи учатся другъ у друга, молодые у старыхъ. Поэтому въ каждой мѣстности въ соловьиной пѣснѣ есть свои особенности. Есть мѣстности, гдѣ всѣ соловьи поютъ плохо; есть, наоборотъ, и такія, гдѣ живутъ лучшіе артисты. Такъ прежде славились соловьи Курской губерніи, а теперь лучшими пѣвцами считаются соловьи Кіевской губерніи, именно живущіе около Бердичева. За хорошихъ пѣвцовъ въ этой мѣстности любители платятъ по 100, по 200 и болѣе рублей.

Синичка.

(Моему Олегу).

скорѣ послѣ Покрова мы переселились въ новый домикъ, построенный отцомъ, какъ разъ около стараго прадѣдушкина сада. По комнатамъ въ безпорядкѣ стояла мебель, лежали вещи. Въ дѣтской у насъ тоже все разбросали кое-какъ, наскоро. Весело пылали дрова въ каминѣ. Тепло разливалось по комнатамъ, усиливая ароматный запахъ сосны, которымъ отдавали стѣны. Усталый отъ тревогъ дня, поужинавъ наскоро, я улегся въ кроватку и мигомъ заснулъ.

— Вставай, сонуля. Зима пришла, раздался надъ моимъ ухомъ голосъ отца.

Открывъ глаза, я былъ ослѣпленъ съ непривычки. И въ правду зима. Нежданная, ранняя. Весь дворъ, крыши, деревья, дрова—все было покрыто чистымъ, пушистымъ снѣжкомъ.

Деревенскому мальчику, не то что городскому, первый снѣгъ осенью, первыя лужи весной—важное событіе. Деревенскій мальчикъ стоитъ ближе къ природѣ, и каждое время года отражается рѣзко въ его играхъ, въ его затѣяхъ; зимой одно, лѣтомъ другое.

Напился я наскоро чайку съ свѣжей сдобной лепешкой и присѣлъ къ окну полюбоваться молодой зимой. Кстати надо было подумать о салазкахъ, горѣ, лыжахъ и мало-ли о чемъ. Заботъ у нашего брата вѣдь много, чуть-ли не больше, чѣмъ у большихъ. Только странно какъ-то вышло: вмѣсто салазокъ меня заняли слѣды людей, собакъ, скотины, птицъ, слѣды, которыми, пестрымъ узоромъ, былъ расписанъ молодой снѣгъ.

Пинь, пинь, таррарахъ, звонко раздалось за окошкомъ.

Прямо противъ окна были сложены дрова. Быстро повертывая хвостикомъ, встряхивая крылышками, на дровахъ вертѣлась прехорошенькая птичка. Всѣ движенія ея были порывисты, быстры, неожиданны. То она юркнетъ между полѣньевъ, то вскочитъ наверхъ, взмахнетъ крылышками; вернется изъ стороны въ сторону; порхнетъ неожиданно внизъ; клюнетъ разъ, другой щепочку; глядишь, снова на полѣнницѣ, повернулась, подпрыгнула и уже на заборѣ; а тамъ порхнула, и слѣдъ ея простылъ.

Ждать, пождать — нѣтъ птички. Я бѣгомъ къ отцу. Разсказываю ему о диковинной птичкѣ.

— Какая же она собой?

— Брюшко, говорю, жолтенькое, а по серединѣ черный ремень до горлышка. Щеки бѣлыя. На головкѣ черная шапочка. Спинка зелененькая.

— Эка невидаль. Это простая, обыкновенная синичка. Такія-ли есть въ лѣсу.

Простая, обыкновенная синичка! Кому какъ, а меня такъ и приковала къ окну. Но синичка какъ на зло не являлась.

Около амбара суетились голуби и воробьи. Къ нимъ присосѣдилась галка. На заборѣ сидѣла ворона. Сорока помахивала хвостомъ на вѣткѣ старой липы. Синичка все не показывалась.

Позвали насъ завтракать, а Никаноровна мнѣ на ушко шепчетъ: «васъ барёкъ, Михайла плотникъ ждетъ въ прихожей».

Я мигомъ туда.

— Гостинчику, Николаичъ, прими на новоселье, и онъ подалъ мнѣ какую-то самодѣльную игрушку.

— Что же это такое, Михайло?

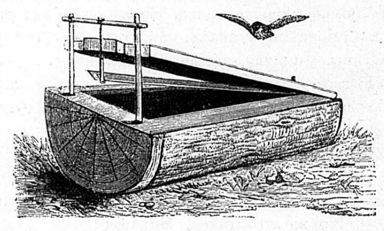
— А, вотъ, слышь-ты, возьми подними крышку-то такъ; подопри ее сторожкомъ, задѣнь имъ за язычекъ; насыпь въ корытцо-то сѣмячка — и шабашъ, готово; только ставь гдѣ-либо. Пичужка, какая ни на есть, прилетитъ, увидитъ сѣмячко и туда, прыгъ, прыгъ; задѣла язычекъ, щолкъ—и наша.

Не берусь разсказать подробно, что я чувствовалъ тогда. Только отчетливо помню, что я былъ счастливъ; и это чувство счастья было вызвано мыслью—теперь синичка будетъ моя.

Можетъ быть вы посмѣетесь надъ этимъ счастьемъ. Конечно, кому что нравится! Вотъ посмотрите на подарокъ Михайлы.

Вы городской мальчикъ, вы не дадите за этотъ неуклюжій обрубокъ послѣдняго обломка самой плохой игрушки.

Деревенскій мальчикъ сдѣлалъ иначе. Спряталъ бережно подарокъ Михайлы подъ свою кроватку; позавтракалъ наскоро и, вернувшись въ дѣтскую, я торжественно преподнесъ Зинѣ всѣ свои игрушки.

Слопцы.

Прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ, но и теперь я съ благодарностью вспоминаю Михайлу за его незатѣйливый подарокъ. Много послѣ того я получалъ подарковъ, и дорогихъ, и дешовыхъ, но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ такого значенія, какъ слопцы, поднесенныя мнѣ Михайлой.

Насторожившъ слопцы, какъ научилъ Михайла, и насыпавъ въ нихъ коноплянаго сѣмечка, я поставилъ ихъ на дрова, гдѣ прыгала синичка.

Прошолъ часъ, другой, я сижу у окна и жду, а синички нѣтъ, какъ нѣтъ. Должно быть и не будетъ.

Пинь, пинь, таррарахъ! и моя красавица тутъ, какъ тутъ. Прямехонько таки на дрова и пожаловала. Туда, сюда повернулась и къ ловушкѣ.

Чики, чики, чики... пинь, пинь и прыгъ на край. Еще два, три прыжка. Хлопъ. *Пинь, пинь* и скрылась моя синичка; только хвостъ остался, защемленный крышкой ловушки. Представьте мою досаду. А тутъ обернулся, смотрю, стоитъ отецъ и смѣется.

— Ай-да птицеловъ! говоритъ.—Ловко же ты ловишь... синичьи хвосты.

Я готовъ былъ расплакаться.

— Принеси слопцы.

Я принесъ.

— Какъ ты настораживалъ?

Я показалъ ему.

— Ну, мастеръ. Пробуй язычекъ.

Ловушка едва спускала.

— Видишь-ли. Всякое дѣло требуетъ знанія. Смотри какъ надо дѣлать. Тащи и поставь теперь.

Горячо поцѣловалъ я своего папку-насмѣшника и побѣжалъ ставить слопцы. Счастье повернулось ко мнѣ самымъ носомъ. Не прошло пяти минутъ—новая синичка.

Пинь, пинь, таррарахъ!

Разъ, два, три; хлопъ и готово! Не помня себя, я побѣжалъ къ дровамъ; взялъ слопцы; приподнялъ крышку—тамъ. Тащить-бы домой. Нѣтъ. Закрылъ полой слопцы, запустилъ руку и вытащилъ синичку,

съ ожесточеніемъ щипавшую мои пальцы. Держу, любуюсь. Вдругъ моя синичка головку повѣсила, глазки закрылись—умерла! Что я сдѣлалъ? вѣрно помялъ бѣдняжку. Открылъ руку—лежитъ моя синичка недвижима. Ахъ, досада! Первая—и убилъ. Глянулъ на окно дѣтской—стоитъ отецъ и смѣется. Фу, гадость какая. Совсѣмъ осрамился.

Вдругъ надъ ухомъ—*пинь*. Смотрю на ладонь—пусто! Мертвая улетѣла. Гланулъ на окно дѣтской,—а тамъ уже не одинъ отецъ—мать, Зина, нянька и всѣ-то покатываются со смѣху.

Чуть не разбилъ я свои слопцы. Сѣлъ на крыльцѣ и заплакалъ горькими слезами, слезами злой досады.

— Полно, дурашка! Вѣдь самъ виноватъ, слышу за спиной голосъ отца.—Пойдемъ, одѣнься, отыщемъ въ кладовой клѣтки. Ты даже не подумалъ куда-бы синицъ сажать. Плохъ, плохъ. Пятками думаешь.

Въ кладовой дѣйствительно нашлись клѣтки, о которыхъ я и не зналъ.

— А вотъ это, говорилъ папка,—не твоимъ слопцамъ чета. Это настояшая западня или чапки. Эти боковыя отдѣленія—ловушки, устроенныя по тому-же плану, какъ слопцы. Оттяни дверку внизъ, верхнимъ концомъ сторожка задѣнь за перекладину, нижнимъ—за поперечную палочку. Насыпь въ ловушку коноплянаго сѣмячка. Готово! Теперь ставь и увидишь, что это много лучше слопцовъ. И птица не такъ боится, поэтому ловится скорѣе.

— Зачѣмъ-же среднее отдѣленіе?

— Сюда сажаютъ птичку, чтобы приманивала своихъ вольныхъ товарищей. Когда-то еще синички увидятъ твою западню, когда-то подлетятъ къ ней и захотятъ полакомиться зернами. А если здѣсь сидитъ птичка, то, видя своихъ товарищей, она кричитъ,—зоветъ ихъ. Заслышавъ голосъ, они быстро летятъ къ западнѣ и, не понимая, что она въ плѣну,—довѣрчиво бросаются ѣсть зерна, а тутъ хлопъ и—попались!

Разсказывая мнѣ все это, отецъ приводилъ западню въ порядокъ. Наконецъ, когда все было готово, мы поставили ее на дрова. Не прошло четверти часа, явилась синичка. *Пинь, пинь, таррарахъ!*

Прыгъ, скокъ. Два, три раза кругомъ обошла западню. Вскочила на верхъ. Глядь—зеренъ цѣлыя горсти. *Тинь, тинь*—и она уже на откинутой дверкѣ. Еще минута—синичка скакнула на поперечину. Хлопъ—и заметалась въ ловушкѣ! Не помня себя отъ радости, я прибѣжалъ въ дѣтскую съ своей добычей. Пересадили мы, съ папкой, синичку въ клѣтку. По его совѣту, закрылъ я клѣтку платкомъ, чтобы не очень билась и пугалась моя плѣнница. Прошло съ полчаса—синичка стала долбить сѣмячко. Мы повѣсили клѣтку надъ окномъ.

Синичка такъ усердно долбила и поѣдала зерно за зерномъ, какъ-будто вѣкъ жила тутъ.

— А будетъ она пѣть?—спросилъ я отца.

— Будетъ, только не скоро; когда обсидится, привыкнетъ. Впрочемъ, она плохая пѣвунья. Ты

поймай щегла, чижа или овсянку. Вотъ это настоящіе пѣвцы. И то пѣвцы не перваго сорта, а такъ себѣ. Зимой пѣвцовъ у насъ мало. Они теперь далеко, гдѣ нибудь въ Египтѣ. Придетъ весна и они прилетятъ.

И рѣчи папки, и подарокъ Михайлы, и эти синички,—словомъ, все свершившееся въ тотъ день имѣло глубокое вліяніе на всю мою жизнь. Скучная, обыденная забота исчезла для меня навсегда. Ни игрушки, ни игры, ни удовольствія общественной жизни не прельщали меня болѣе. Лѣса и степи, озера и рѣчки, съ ихъ лугами, болотами и кустами приковали съ той поры всѣ мои помыслы. Таинственной и чудесной, вѣчно новой и заманчивой представлялась мнѣ жизнь ихъ обитателей—звѣрковъ, птичекъ, ящерокъ, улитокъ, лягушекъ, жучковъ, рыбъ и т. д. Каждый походъ въ лѣсъ, въ поле, на рѣчку кончался знакомствомъ съ новымъ, невиданнымъ животнымъ. Каждый день передъ моими глазами развертывались новыя картины природы, картины живыя, подвижныя, перемѣнчивыя, гдѣ ни одна фигура не оставалась праздной, безучастной. Сцены жестокой борьбы между животными, вызываемыя голодомъ и враждой, смѣнялись сценами счастья, привязанности и самоотверженія. Природа открыла мнѣ доступъ въ свои завѣтные тайники.

Тамъ я видѣлъ, какъ мать жертвуетъ жизнью, при нападеніи врага, чтобы спасти своихъ дѣтей.

Я видѣлъ, какъ другая мать поѣдаетъ своихъ дѣтокъ.

Я видѣлъ, какъ защищаютъ раненаго товарища, забывая свою безопасность.

Я видѣлъ, какъ братъ заѣдаетъ брата изъ-за кусочка пищи.

Но, я видѣлъ также, какъ другъ приноситъ пищу другу, чужому, не родному ему. Словомъ, я находилъ человѣчность тамъ, гдѣ ее никакъ не хотятъ признать люди.

Я не художникъ по ремеслу. Но та-же природа научила меня уважать искусство. Потому-то я видѣлъ искусство тамъ, гдѣ трудно его допустить.

Да нѣтъ, пересказать все, что я видѣлъ въ природѣ, чему научила она меня, сразу нельзя.

На этотъ разъ передамъ кое-что о своей любимкѣ-синичкѣ и нѣкоторыхъ ея родственницахъ, живущихъ у насъ на Руси.

Обыкновенная или *большая синичка* мѣстами у насъ зовется *зинькой, зинзиверемъ, слѣпухомъ* или *кузнечикомъ;* и каждая кличка ей не даромъ дана. Она больше всѣхъ своихъ родственницъ. Она обыкновеннѣе ихъ и чаще попадается. Зинькой и зинзиверемъ ее прозвали по ея крику. Кузнечикомъ зовутъ по манерѣ долбить зерна. А почему зовутъ слѣпухомъ, на Уралѣ, сказать не могу; глазки у нея хоть куда, живые, веселые, блестящіе. Да и вся-то синичка сложена статно, красиво, а по движеніямъ—сущая егоза. Нѣтъ минуты, кажется, въ теченіи дня, чтобы синичка посидѣла на мѣстѣ чинно, неподвижно, какъ

другія птички,—всегда въ движеніи, вѣчно суетится. Но, какъ только наступитъ вечеръ—егоза превращается въ неподвижный пуховый шаръ, не видать ни головы, ни крыльевъ,—только кончикъ хвоста торчитъ. Такъ не спитъ ни одна наша птичка.

Одѣта синичка франтовато. Черносизая блестящая шапочка прикрываетъ ея головку. Черныя ленты, окаймляя бѣлыя щечки, идутъ на горло; какъ концы франтовскаго галстуха, идетъ отъ горла на грудь черная полоса. Спинка нѣжнаго и тусклаго зелено-сѣраго цвѣта. Грудь и брюшко лимонно-желтыя. Хвостъ и крылышки голубо-сѣрые, а на послѣднихъ еще бѣленькія полосы.

Синичка—житель деревьевъ. Гдѣ нѣтъ лѣсовъ или садовъ, ее не увидишь, потому что только на деревьяхъ она находитъ свой обычный кормъ. Она не любитъ стараго дремучаго бора, гдѣ однѣ только сосны и ели. Но всякій высокій лѣсъ, состоящій изъ смѣси разныхъ лиственныхъ деревьевъ и даже съ примѣсью хвойныхъ—настоящее жилище синички. На выборъ деревьевъ синичка неприхотлива: чѣмъ разнообразнѣе лѣсъ, тѣмъ ей болѣе любъ онъ. Поэтому она водится въ лѣсахъ почти всей Россіи и Сибири, отъ Архангельска до Крыма и Кавказа, отъ Польши до отдаленной Сибири и Туркестана. Въ степныхъ садахъ Украйны ей такъ-же хорошо, какъ въ обширныхъ лѣсахъ Урала, если только тамъ и тутъ она найдетъ пищу. Ни холодъ архангельской или сибирской зимы, ни астраханскіе лѣтніе жары синичкѣ ни почемъ, лишь-бы было чего поѣсть.

Что она ѣстъ? какая любимая пища синички?

Въ клѣткахъ ее кормятъ коноплянымъ сѣменемъ. Она очевидно любитъ его, потому что изъ-за этого лакомства попадается въ ловушки. Но еслибъ конопляное сѣмя составляло ее любимую и главную пищу, конечно синичка жила-бы постоянно на коноплянникахъ, а не въ лѣсахъ. Слѣдовательно, главная пища синички другая.

Чтобъ узнать, чѣмъ питается какое-нибудь животное, есть два средства: или надо наблюдать его жизнь и видѣть,что оно ѣстъ, или-же вскрыть убитое животное, разрѣзать его желудокъ и разсмотрѣть недоваренные еще остатки пищи. Обыкновенно ученые употребляютъ оба эти способа, чтобы судить правильно о пищѣ животныхъ.

Будемъ-же слѣдить за синичкой въ разное время года, чтобы познакомиться хорошенько съ ея жизнью и дѣятельностью.

Лѣтомъ синичку не увидишь ни въ городѣ, ни въ деревнѣ. Развѣ только пара или двѣ живутъ въ большомъ саду. Лѣтомъ почти всѣ синички живутъ въ глуши лѣса.

Какъ только наступитъ осень, опадетъ листъ съ деревьевъ, начнутъ замерзать по утрамъ лужи,—если есть вблизи лѣсъ,—синички по одиночкѣ появляются въ садахъ, на огородахъ, на коноплянникахъ и дворахъ. Съ утра до вечера онѣ обыскиваютъ деревья, кусты, заборы: каждую вѣтку куста или дерева, каждую щель въ заборѣ синичка подвергаетъ самому тщательному осмотру. Насѣкомое, забрав-

шееся въ трещину бревна, окоченѣвшее отъ холода, гусеница или куколка, захваченныя морозомъ на вѣткѣ дерева—все это идетъ на пропитанье синичкѣ. Яички бабочки, бисернымъ кольцомъ приклеенныя на вѣтку, изъ которыхъ весной вывелись-бы гусеницы, отыскиваются синичкой съ особеннымъ усердіемъ и составляютъ ея любимую пищу. Но всего этого мало и глубокой осенью съ каждымъ днемъ становится меньше и меньше; аппетитъ-же синички съ холодами ростетъ. Нужно искать другую пищу. Она летитъ къ полѣнницѣ дровъ; подъ отставшей корой полѣньевъ богатая пожива: жуки-короѣды,—точильщики, ихъ гусеницы и яички; на поверхности коры—личинки и яички бабочекъ. Но и это не можетъ удовлетворить голодъ синички; она принимается за конопляныя зерна, долбитъ брошенныя въ кучу обмолотки подсолнечниковъ. Веселое «пинь, пинь, таррарахъ» раздается въ морозномъ воздухѣ, значитъ сыта наша синичка, или завидѣла поживу.

Зима совсѣмъ осилила осень. Толстымъ слоемъ укрылъ снѣгъ мерзлую землю. Трескучіе морозы чередуются съ выогой-мятелицей. Плохо синичкѣ, плохо всѣмъ, на комъ нѣтъ чужой шкурки, кто не ѣстъ готовый хлѣбъ. Закрутитъ мятель—все прячется куда попало. По цѣлымъ днямъ нельзя отправляться на промыселъ. И сидятъ, голодаютъ, отсиживаются отъ студеной бѣды и звѣри, и птицы.

Первой-бы тутъ пропасть нашей синичкѣ. Но не даромъ она плутъ. Закутайтесь теплѣе, пойдемъ въ

самую глушь сосноваго бора: «пинь, пинь, таррарахъ!»—здѣсь наша плутовка. Злится, воетъ мятель; воля ей въ чистомъ полѣ, но набѣжала на лѣсъ—тутъ не то. Плотной стѣной, словно образцовая армія, стоятъ деревья дремучаго бора. Набѣжала мятель, налетѣла и разбилась о крѣпкую вѣковую стѣну сплошной хвои. Завязалась борьба. Воетъ, злится вьюга; тучи снѣга несетъ она съ поля на лѣсъ, словно засыпать его хочетъ. Зашумѣли кудрявыя вершины сосенъ; точно говоръ какой пошелъ по лѣсу, но стоятъ онѣ крѣпко и не осилить ихъ вьюгѣ. Цѣлые сугробы намела она на опушкѣ. А внутри лѣса не шелохнется; ровной пеленой лежитъ снѣгъ. Крѣпко стоитъ эта сосновая армія за своихъ гражданъ. Иной изъ нихъ замерзъ-бы въ полѣ; а тутъ, смотришь, летаетъ, прыгаетъ, стучитъ въ деревья, покрикиваетъ,—цѣлъ, дескать, и сытъ. Тутъ наша синичка, кажется, первое лицо. Въ сотый разъ она обыщетъ каждую вѣтку—глядишь, что-нибудь и досталось на завтракъ. Не нашлось ничего вкуснаго—ну долбитъ почку березки, сѣмя сосны или что-нибудь такое. Много, однако, умретъ синичекъ за зиму отъ голода, холода и враговъ. Наткнулась ночью куница на пуховой шарикъ—пропала синичка! Забралась-ли она въ трескучій морозъ въ дупло дерева—глядь туда-же лѣзетъ погрѣться бѣлка—опять смерть неминучая! Повисла синичка на вѣткѣ, усердно отыскивая на корѣ ея и въ почкахъ насѣкомыхъ. — откуда ни возьмись ястребъ-перепелятникъ: цапъ!.. и только

перышки полетѣли по воздуху. Поэтому она и летитъ зимой къ жилью человѣка, гдѣ и сытѣе и безопаснѣе, куда собирается много подобныхъ ей попрошаекъ изъ лѣсовъ, съ полей и луговъ. Ну, пусть поймаютъ въ западню. Экая важность! Въ клѣткѣ и тепло и сытно, а тамъ, авось, можно будетъ и удрать. Не подумайте, что я зря говорю, будто птицы, разъ побывавъ въ клѣткѣ, не боятся неволи. Много разъ я выпускалъ на волю снигирей, чечетокъ и другихъ птичекъ, долго сидѣвшихъ въ клѣткѣ: онѣ нѣсколько дней вертѣлись около дома, влетали въ двери, въ форточки, а потомъ и совсѣмъ пропадали.

Когда ловъ синицъ шелъ черезъ-чуръ удачно и дѣвать ихъ было некуда, я отмѣчалъ ихъ, напр. обрѣзывалъ разнымъ фасономъ хвостики, чтобы лучше отличать одну отъ другой, и выпускалъ на волю. Въ тотъ же день мои куцыя первыми попадались въ западни.

Зима на исходѣ; появились проталинки на пригрѣвахъ; почки деревьевъ надулись. Одна за другой синички покидаютъ деревни. Онѣ снова снуютъ по лѣсу. Звонко несутся ихъ крики, смѣняемые трелями, какихъ не услышишь зимой.

Мутными ручьями побѣжала вода. Таетъ снѣгъ съ каждымъ днемъ. Весна пришла и все оживаетъ. Теперь и въ лѣсу для синички пищи много. Забыты зерна и древесныя почки. Ея столъ состоитъ исключительно изъ насѣкомыхъ. Синичка нашла себѣ подругу. Сообща отыскали дупло. Свили тамъ

гнѣздышко. Положила самка 8 — 10 маленькихъ бѣлыхъ яичекъ, съ красными крапинками. Въ двѣ недѣли высидѣли дѣтокъ. Новая забота матери и отцу. Съ ранняго утра до сумерокъ, безъ устали, снуютъ они по лѣсу, ловя гусеницъ на кормъ своимъ малюткамъ. Забыты пѣсни и громкіе крики. Молча работать покойнѣе—не такъ скоро замѣтитъ врагъ въ зеленой листвѣ.

Наконецъ малютки подросли, оперелись, вылѣзли изъ дупла. Старики учатъ ихъ летать съ вѣтки на вѣтку, все дальше и дальше, съ дерева на дерево. Найдя гусеницу, мать кричитъ нѣжно, тихо, а сама не трогаетъ добычи, подлетѣлъ птенчикъ—она укажетъ ему. Съѣлъ онъ разъ, другой такъ уже и слѣдитъ за движеніями матери. Скоро и звать его не надо, самъ подхватитъ гусеницу или жучка, едва только старуха замѣтила ихъ. Веселой толпой кочуетъ семейка синицъ по лѣсу, пока молодые не выросли и не выучились сами добывать пропитаніе. Подходитъ осень; теперь имъ не нужны заботы старыхъ. Выводокъ разсыпался врозь, кто куда, по лѣсу. Пора жить своимъ трудомъ. Замѣтивъ, что старые начали летать изъ лѣсу въ деревни, молодые туда-же за ними.

Такъ изъ году въ годъ идетъ синичья жизнь. Лѣтомъ синичка сыта и довольна насѣкомыми; пришла зима лютая—надо и постнымъ закусить, дѣлать нечего, голодъ не тетка. Поэтому-то зимой ловить синичекъ такъ-же легко, какъ трудно поймать ихъ лѣтомъ. Въ клѣткѣ синичка одна изъ самыхъ веселыхъ.

и занятныхъ птицъ. Вѣчно подвижная, веселая, бойкая, долбитъ, кричитъ и шумитъ цѣлый день. Пришелъ февраль — она угоститъ васъ пѣсней, незатѣйливой, правда, куда до соловья, но трели ея очень музыкальны.

Выпустишь ее изъ клѣтки—синичка обшаритъ всѣ стѣны, обыщетъ всѣ трещины; горе клопамъ, паукамъ, тараканамъ, соннымъ мухамъ, спрятавшимся туда,—острый клювъ синички вытащитъ ихъ оттуда исправнѣйшимъ образомъ. Какъ добрый садовникъ, она осмотритъ всѣ растенія на окнахъ; правда, при этомъ пощиплетъ кое-гдѣ листочки, но за то уничтожитъ всѣхъ насѣкомыхъ, которыя живутъ на нихъ.

Есть однако и дурныя черты у моей любимки. Она зла и сварлива. Драки и ссоры закипятъ мигомъ, если посадить двухъ синичекъ въ одну клѣтку. А съ другими птицами сажать ее вовсе нельзя. Въ нѣсколько дней синичка изведетъ цѣлый птичникъ, каждое утро придется вынимать изъ него снигирей, чечетокъ, чижей и другихъ птичекъ съ пробитыми черепами:—синичка съ яростью нападаетъ на этихъ мирныхъ птичекъ, долбитъ имъ черепъ, убиваетъ и выѣдаетъ мозгъ, какъ лакомство.

Такова наша обыкновенная или большая синичка, та самая, которая надула меня.

— Такія-ли есть синицы въ лѣсу! говорилъ мнѣ отецъ.

Кромѣ обыкновенной синицы, извѣстны еще: *Лазоревка*, *Князекъ*, *Московка*, *Гаичка* и *Хохлатая синичка*. Это наиболѣе обыкновенныя русскія синички. (Кромѣ ихъ, есть еще нѣсколько видовъ, но о нихъ въ другой разъ потолкуемъ). Въ узорѣ и цвѣтѣ ихъ перьевъ много сходства, но не мало и разницы.

Лазоревка очень похожа на обыкновенную синичку;—это хорошенькая миніатюра ея. Спинка у лазоревки такая-же зеленоватая, брюшко и грудка такія же лимонно-желтыя. Черная, узкая полоска идетъ по брюшку, исчезая на груди. Но всюду въ остальныхъ мѣстахъ черный цвѣтъ замѣненъ превосходнымъ лазурнымъ. Черезъ глазокъ идетъ черно-лазоревая полоска. Круглая лазоревая шапочка накрываетъ бѣленькую головку. Отъ задняго края ея въ обѣ стороны идутъ ленточки черно-лазоревыя, завязанныя подъ горломъ. Крылья и хвостъ лазорево-сѣраго цвѣта.

Князекъ. Нашъ народъ зоветъ *князьками* всѣхъ выродковъ *бѣлаго цвѣта*, встрѣчающихся между разными животными. Князьками зовутъ бѣлыхъ стерлядей, бѣлыхъ крысъ, бѣлыхъ выродковъ птицъ.

Въ 1769 году въ Симбирскѣ остановились зимовать двое ученыхъ—Палласъ и Лепехинъ. Весь городъ былъ въ переполохѣ. Мои прадѣдушки и прабабушки, вѣроятно, не мало волновались по поводу пріѣзда невиданныхъ гостей. Не то начальство, не то фокусники наѣхали изъ самаго Петербурга. Задолго до пріѣзда имъ отвели почетныя квартиры. Самъ губернаторъ не зналъ какъ принять нежданныхъ гостей. Бумаги у нихъ были такія, что просто передъ ними ни пикни, а дѣлай, что прикажутъ.

— Вы намъ, ваше превосходительство, говорилъ Палласъ, пришлите рыбаковъ, намъ нужно видѣть птицелововъ-охотниковъ.

Сердце правителя Симбирска сжималось. Не вѣрилось ему, что матушка Екатерина пошлетъ для такихъ пустяковъ столь важныхъ чиновниковъ. Но дѣлать было нечего. Рыбаки, охотники, птицеловы были притащены къ ихъ рыбьимъ и птичьимъ превосходительствамъ. Обласкали они рыбаковъ, птицеловъ, охотниковъ и убѣдили ихъ, что бѣды имъ не будетъ, если только скажутъ правду: какіе звѣри, птицы, рыбы живутъ тамъ и какъ ихъ ловятъ они.

Одинъ птицеловъ расхрабрился до того, что объявилъ, будто на Волгѣ, въ талахъ, живетъ птица *князекъ* — красоты неописанной. Объявилъ онъ это, да и напугался. Пошли ему допросы, какая такая птица, можетъ-ли онъ ее доставить. Только что вышелъ птицеловъ отъ пріѣзжихъ нѣмцевъ, подцѣпили его стражники по приказу коменданта и къ губернатору. Здѣсь снова допросъ о птицѣ-князькѣ. Божился, клялся птицеловъ, что есть князекъ и взялся доставить его.

Для вѣрности губернаторъ велѣлъ приставить къ нему часовыхъ. Забралъ старикъ-птицеловъ свои снасти, испуганный, подавленный нежданной бѣдой, подъ конвоемъ пошелъ черезъ сады къ Волгѣ, на Поповъ островъ. Счастье улыбнулось бѣднягѣ: слѣдующимъ утромъ радостный, торжествующій, принесъ онъ шесть или семь князьковъ къ Палласу. Щедро одарили его ученые за князьковъ, такъ щедро, что на всю зиму можно на печь залѣзть старикашкѣ. Губернаторъ приказалъ отпустить его изъ-подъ стражи. И всѣ были довольны. Лепехинъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «Другая птичка называется князіокъ подъ Симбирскимъ и принадлежитъ къ роду синичекъ, водится по большей части въ мелкомъ дубнякѣ, и только зимнимъ временемъ примѣчается. Красота перьевъ пожаловала его между синичками въ князьки».

Дѣйствительно князекъ-синичка очень красива. Спинка ея свѣтлая, голубенькая. Крылья, хвостъ и ленточки на шеѣ и щекахъ яркаго лазурнаго цвѣта. Всѣ остальныя перья бѣлыя, какъ снѣгъ.

Московка окрашена пестро, но цвѣта ея не яркіе, только спинка голубо-сѣрая. Брюшко свѣтло-буроватое. Шапочка и ея ленты черныя.

Гаичка, которую зовутъ также *болотной синичкой*, еще менѣе нарядна. У нея нѣтъ даже пестроты московки. Шапочка черная, безъ лентъ. Щеки бѣлыя, а все остальное сѣровато-бураго цвѣта.

Хохлушка по окраскѣ походитъ на московку, но вмѣсто черной шапочки у нея на головкѣ перья длинныя, пестрыя, которыя она поднимаетъ хохломъ.

Лазоревка любитъ густые, старые лиственные лѣса, гдѣ липа и дубъ. Тамъ въ самой глуши, подъ тѣнью старыхъ деревьевъ, живетъ она все лѣто, питаясь насѣкомыми. Осенью-же, собравшись въ табунки, кочуетъ по лѣсамъ и кустамъ рѣчныхъ долинъ, залетая нерѣдко въ сады деревень и городовъ.

Князекъ населяетъ всю Сибирь и сѣверо-восточныя губерніи Европейской Россіи. Эта синичка любитъ кустарники и лѣса рѣчныхъ долинъ, называемые *уремой,* гдѣ вьетъ гнѣзда въ дуплахъ и кочуетъ цѣлый годъ.

Московка и *хохлушка* предпочитаютъ хвойные лѣса, гдѣ среди сосенъ и елей ростутъ березы и осины. Обѣ онѣ встрѣчаются во всѣхъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Европейской Россіи и Сибири.

Гаичка не даромъ зовется болотной синичкой—она очень любитъ воду, больше всякой другой синички. Поэтому, живя въ самыхъ разнообразныхъ лѣсахъ, она выбираетъ тамъ мѣста, гдѣ есть болота, рѣчки или роднички, на которые лѣтомъ часто летаетъ пить.

Всѣ эти синички образомъ жизни, нравами, пищей, манерой ея добыванія—очень похожи на обыкновенную синичку. Но онѣ гораздо общественнѣе и больше привязаны къ лѣсу. Даже зимой ихъ гораздо рѣже встрѣтишь въ саду, а около домовъ и на дворахъ почти никогда; потому что онѣ питаются по преимуществу насѣкомыми и конопляное сѣмя ѣдятъ только въ крайнихъ случаяхъ. Однако, въ глухую осень и зимой онѣ охотно бросаются на эту пищу, давая птицелову легкую возможность ловить ихъ.

Въ жаркіе лѣтніе дни я часто ловилъ нѣкоторые виды этихъ синичекъ, въ глуши лѣсной, около родниковъ. Для этого я закрывалъ родникъ вѣтвями и хворостомъ, а около—ставилъ *лучокъ* (особый птицеловный снарядъ изъ двухъ полуобручей, на которые натянута сѣтка), подъ которымъ, вмѣсто зеренъ, вкапывалъ въ землю корытцо съ водой. Тутъ ловились не только синички, но даже дятлы.

Зимой-же я любилъ ловить разныхъ синичекъ, тѣмъ-же лучкомъ, или западней, у не замерзающихъ родниковъ. Въ нихъ мочатъ конопли, обмолоченныя осенью, и вымочивъ складываютъ снопы въ кучи по близости. Синички съ голода являются сюда искать уцѣлѣвшія сѣмечки.

Вообще всѣ синички, подобно обыкновенной, есть жители лѣса и дерева. Въ дуплахъ старыхъ деревьевъ онѣ вьютъ гнѣзда. Въ густой листвѣ вѣтвей спятъ. На корѣ и на листьяхъ круглый годъ ищутъ свою пищу, состоящую изъ насѣкомыхъ, ихъ гусеницъ и яичекъ. Особенно любятъ всѣ синички яйца насѣкомыхъ и въ искусствѣ отыскивать ихъ едва-ли не превосходятъ всѣхъ другихъ нашихъ птичекъ. Лѣтомъ живутъ онѣ въ глуши лѣсовъ, осенью и зимой кочуютъ въ лѣсу, показываясь на его опушкахъ, или перелетая по кустамъ рѣчныхъ долинъ и садовъ. Дѣятельностью и яркостью онѣ превосходятъ обыкновенную синичку, да и пѣсни ихъ музыкальнѣе. Поэтому въ клѣткахъ очень пріятно держать этихъ птичекъ. Но онѣ долго не выдерживаютъ неволи—клѣтка стѣсняетъ ихъ движенія и онѣ хирѣютъ. Кормъ по вкусу подобрать имъ тоже трудно. Сѣмя конопляное онѣ, правда, ѣдятъ, но долго питаться имъ не могутъ—заболѣваютъ. Надо имъ давать сѣмя раздавленное и прибавлять сухихъ муравьиныхъ яичекъ. Однако и на этомъ кормѣ, при тщательномъ уходѣ,

названные виды синичекъ рѣдко выживаютъ подолгу. Поэтому, примите совѣтъ,—ловите ихъ осенью, зимой—это доставитъ много удовольствія: пѣніе ихъ, живость движеній—сократитъ вамъ не одинъ скучный зимній день. Но, какъ только наступитъ въ серединѣ марта день Алексѣя, когда побѣжитъ съ горъ вода, а изъ омутовъ поднимется рыба,—выпустите на волю всѣхъ вашихъ синичекъ въ садъ. За то что вы прокормили ихъ зимой, онѣ отплатятъ вамъ сторицей—на обтаявшихъ деревьяхъ и кустахъ онѣ поѣдятъ сотни и тысячи яичекъ насѣкомыхъ и спасутъ не только будущую листву, но и многіе плоды и ягоды сада, которыми вы-же полакомитесь.

Придетъ осень, снова вернутся наши знакомки и тогда наловимъ ихъ сколько угодно.

О чемъ горевали птички.

Только что проснулось солнышко на новый годъ, подъ старой сиренью, на пушистомъ снѣгу, собралась цѣлая толпа птичекъ. Были тутъ воробышки—буйныя головушки; были тутъ чечотки—воробышкамъ тетки; были тутъ снѣгурочки — красненькія дурочки; были тутъ синички—птички мастерички. Собрались толпою, судятъ что имъ дѣлать.

Старый годъ убрался—новый наступилъ. Дѣдушка морозецъ думалъ какъ-бы лучше встрѣтить новый годъ. Заглянулъ онъ въ окна; видитъ всѣ хлопочутъ, чистятъ и метутъ. Догадался старый; созываетъ тучи и велитъ посыпать землю свѣжимъ снѣгомъ. Тучамъ то́ и на руку, чтобъ освободиться отъ снѣжинокъ лишнихъ. Всю-то ночь работали; къ утру на покой ушли. Какъ проснулось солнышко, видитъ все чистенько, бѣло на землѣ. Только

его дѣточкамъ, пташкамъ и звѣрушечкамъ, этотъ снѣгъ бѣда. Травы позасыпало; на вѣтвяхъ присѣсть нельзя. Голодаютъ бѣдные — нечего поѣсть.

Собрались пичужечки и ведутъ совѣтъ.

— Чуть-живъ, чуть-живъ, говоритъ воробей.

— Фью, фью, фью, фью, отвѣчаетъ снѣгурочка.

— Можно-бы почекъ поѣсть, да на вѣтку нельзя присѣсть.

— Пинь, пинь, таррарахъ, кто голоденъ, тотъ дуракъ! смѣется синичка.

— Чего-жъ поѣсть, чего-жъ поѣсть? спрашиваетъ чечоточка.

— Подождите, друзья! говоритъ овсяночка,— новый снѣгъ непроченъ. Солнышко заразъ его растаетъ; тогда найдемъ и зернышекъ.

— Да, говоритъ воробей, жди, кума, если сыта, а намъ голодъ не тетка.

Толковали, толковали, а все ничего не придумали.

— Постойте, говоритъ синичка, я всѣхъ васъ выручу.

Порхнула она и полетѣла на окно. Стукъ, стукъ въ стекло. «Пинь, пинь, таррарахъ». Бѣлая занавѣсочка не колыхнется. Подождала она, да опять стукъ, стукъ въ окошко. «Пинь, пинь, таррарахъ, таррарахъ», громче прежняго закричала синичка.

Вдругъ занавѣсочка колыхнулась, поднялась и хорошенькая, черноглазенькая дѣвочка появилась передъ синичкой. Синичка до того испугалась, что скорѣй порхнула прочь.

А птички подняли ее на смѣхъ.

— Что, говорилъ воробей, — сунулась ворона въ барскія хоромы, да и бѣжать скорѣй.

— Ахъ ты насмѣшникъ, конопляный воришка, обидѣлась синичка,—похожа-ли я на старую каргу-ворону. Я тебѣ сейчасъ покажу, что я не трусиха, и порхнула на окно. Дѣвочка даже руками захлопала отъ удовольствія.

— Митя, кричитъ,—Николушка, поглядите, какая хорошенькая птичка прилетѣла ко мнѣ!

— Тише, тише, говоритъ Митя,—не то она улетитъ.—Прибѣгаютъ оба мальчика и пошли у нихъ толки. Коля говоритъ: я поймаю птичку.—Нѣтъ, не поймаешь, дразнитъ Митя.—Нѣтъ, поймаю.—А синичка такъ и вертится—пинь, пинь, таррарахъ! Заглянула Леля внизъ, тамъ цѣлая толпа птичекъ. Нахохлились, прищурили глазки, сидятъ въ снѣгу.

— Ахъ вы глупые мальчики, говоритъ Леля, чѣмъ спорить вамъ, давайте накормимъ птичекъ. Видите онѣ голодныя озябли.

— Накормимъ, накормимъ, повторили мальчики,—только какъ это сдѣлать? форточки открывать намъ не велѣно.

— А знаете-ли какъ? говоритъ хитрый Митя.— Мы попросимъ Григорья. Онъ намъ все сдѣлаетъ.

Старый поваръ Григорій устроилъ живехонько. Передъ окномъ на снѣгу онъ поставилъ ящикъ вверхъ дномъ, насыпалъ на него песку, а на песокъ всякаго птичьяго лакомства: коноплянаго сѣмячка, проса, овса, хлѣбныхъ крошекъ. Дѣти такъ и припали къ стекламъ окна. Прошло нѣсколько минутъ.

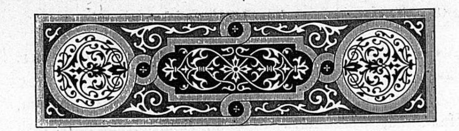
«Пинь, пинь, таррарахъ!», кричитъ синичка. Повертѣлась на деревѣ, порхнула на ящикъ и пуще прежняго закричала отъ радости. Никогда еще не ѣла она такого хорошаго обѣда. Скачетъ синичка по столику какъ добрая хозяйка и гостей созываетъ. «Слетайтесь воробышки — голодныя утробушки; слетайтесь чечоточки — веселыя трещоточки; слетайтесь снѣгурочки, овсяночки, просяночки; слетайтесь щеглята—веселые ребята. Слетайтесь синички—милыя сестрички!»

И слетались пичужечки на богатый столъ, пиръ пировать, низко кланялись синиченькѣ. А поѣвшія собрались, затянули хоромъ пѣсенку, кто во что гораздъ.

Съ той поры Григорью сторожу, баловнику дѣтскому, прибавилась новая заботушка. Какъ начнется утро, глядь Митя пискунъ, или Коля крикунъ бѣгутъ къ нему съ крошками, а Леля черноглазка тащитъ сѣмечки—«милый Гриша, отнеси завтракъ птичкамъ».

Съ тѣхъ поръ не о чемъ было горевать птичкамъ на нашемъ дворѣ. Каждый день въ урочный часъ слетались онѣ къ окну дѣтской и пировали на столикѣ-ящикѣ. Съ каждымъ днемъ на пиръ слеталось все больше и больше гостей. Съ каждымъ днемъ птичій хоръ пѣлъ лучше и лучше.

— А, вѣдь хорошо, Леля, что ты придумала кормить птичекъ. — говаривалъ Николка, цѣлуя свою маленькую сестренку.

Скворушко.

аетъ снѣгъ на поляхъ подъ лучами яркаго весенняго солнышка. Тамъ и сямъ на припекѣ проталинки. Гомозится на улицѣ грачъ. Старый дѣдъ мастеритъ на завалинкѣ, а кругомъ ребятишки глядятъ.

— Что ты, дѣдушка, дѣлаешь?

— Другу домъ тороплюсь смастерить.

Переглянулись Машка съ Филаткой и лукавый вопросъ старику:

— Что-же, дѣдъ, у тя другъ-то крылатенькій? Какъ онъ въ домикъ полѣзетъ, скажи?

Какъ моргнетъ на нихъ дѣдка горбатенькій.

— Что пристали, пострѣлы!—Уйди.

Холодно, звучно мартовскимъ утромъ. Ярко блеститъ посинѣлый снѣжокъ. Вышелъ Гришутка за маткой на улицу.

— Дѣдушка, дѣдушка, кличетъ: соколикъ, глянь-ка, скворецъ прилетѣлъ!

Выползъ старикъ Аввакумъ, выползли Машка, Палашка; выскочилъ Федька, Иванъ дурачекъ. Всѣ поглядѣли. Доподлинно скворчикъ.

— Дѣдушка, дѣдушка! будетъ весна?

Старый Аввакумъ прищурился, глянулъ, воздухъ понюхалъ и важно сказалъ:

— Видите-ль, внучки, что мастерилъ вамъ. Богъ намъ скворушку далъ.

Нѣтъ на великой Руси ни одной деревушки, гдѣ-бъ на воротахъ корявой избушки не торчала скворешница, да еще съ березовой вѣточкой. Гдѣ бѣдно, а лѣску много, привѣшена на шестикѣ осиновая, а не то и липовая дупляночка. А гдѣ побогаче, да побойчѣе, гдѣ изба глядитъ хороминой, а мужикъ купцомъ, гдѣ карнизъ избы узорчатый, тамъ и дуплышко досчатое, крыто тесомъ какъ хоромина, а предъ входной круглой дырочкой есть и крыльчико-лопаточка.

Для кого-же эти дуплышки? для кого эти хороминки?

Все для друга, для любимчика, для скворушки болтливаго.

Никого не любитъ такъ мужикъ, какъ того-же все скворушку.

Есть не мало нахлѣбниковъ добрыхъ, еще больше мірскихъ захребетниковъ *) у крестьянина въ русской глуши.

Подъ повѣтью **), въ застрехахъ ***) и подъ поломъ, на гумнѣ, въ старой банѣ, на выгонѣ— все семьями живутъ захребетники эти.

Темной ночью воруютъ и тащатъ трудовое зерно на расхватъ; грабятъ утромъ и въ свѣтлые полдни. Горя много, добра-же не видать.

Не таковъ нашъ скворецъ; и изъ всей этой братіи по дѣломъ мужикомъ отличенъ.

Было время, на русскихъ равнинахъ широко разстилались лѣса, а въ широкихъ прирѣчныхъ долинахъ привольно зеленѣли луга.

Было дико, вольготно водиться звѣрю, птицѣ въ лугахъ и лѣсахъ.

Только меря, мордва, черемиса ***) нарушала природы покой.

На рѣкахъ они рыбу ловили; на прудочкахъ бобра сторожили, били бѣлку, куницу стрѣлой.

---

*) Мірскими захребетниками народъ зоветъ тѣхъ, кто ничего не дѣлая живетъ на чужой счетъ.

**) Повѣтью называется открытый съ одной стороны сарай, какіе встрѣчаются въ крестьянскихъ домахъ средней Россіи.

***) Застреха то-же, что карнизъ.

****) Народы, жившіе въ средней Россіи и въ Поволжьѣ до прихода русскихъ. Меря исчезла совершенно. Мордва и черемисы до сихъ поръ существуютъ еще.

Споръ съ медвѣдемъ за борть *) заводили. За оленемъ гонялись порой. И скворецъ нашъ видалъ тѣ картины.

Жилъ тогда онъ въ рѣчной уремѣ; не терпѣлъ отъ злодѣевъ обиды, какъ гнѣздился въ ольховомъ дуплѣ.

Много дѣтокъ тогда погибало отъ куницъ, ястребовъ и сорокъ.

Въ некошеной травѣ луговой хоть улитокъ водилось не мало, но достать ихъ скворчикъ не могъ. Путались ножки въ зеленой муравкѣ; а за кустомъ сторожилъ его злой хорекъ.

Вотъ пришолъ богатырь-хлѣбопашецъ. Мигомъ онъ выгналъ мерю, мордву; выпалилъ лѣсъ; выкосилъ лугъ. Вспарилъ онъ пашеньку. Избу построилъ. Выбилъ куницъ и бобровъ. И опустѣло приволье лѣсное. Все разбѣжалось врозь.

Богатѣлъ мужичекъ на привольѣ.

Рыбы въ постъ не въ проѣдъ; меду, пива запасено вдоволь; а скотинушки столько, что мяса не ѣсть.

Но недолго попраздновалъ онъ.

Подошли тутъ удѣльныя ссоры, а за ними нахлынулъ монголъ...

*) Бортемъ называется улей дикихъ пчелъ въ дуплѣ. Медвѣди большіе охотники до меда. Найдя борть, медвѣдь влѣзаетъ на дерево, разламываетъ борть и поѣдаетъ медъ.

Вышелъ на рѣчку, взгрустнулося пахарю, и безъ конца-бъ онъ пѣсню тянулъ, но на сосѣднюю ольху дуплястую скоро скворецъ прилетѣлъ. Сѣлъ, отряхнулся, чирикнулъ—изъ дуплышка разомъ шесть скворчиковъ рты поразинули. Сунулъ онъ червя въ ротъ крикуну; усѣлся на вѣточкѣ, перья почистилъ и пѣсню запѣлъ, пѣсню бойкую, развеселую. Призамолкъ мужичекъ; позаслушался, и пришлась ему по сердцу пѣсенка та. Да и пѣлъ-то всего скворецъ лишь про то, какъ живетъ онъ со своею скворчихою, какъ не сѣютъ, не жнутъ и не пашутъ земли, а она имъ даетъ все, чѣмъ жизнь весела. Но случилась бѣда. Изъ-за ольхи кудрявой юркнулъ ястребъ, скворца подхватилъ. Тутъ впервые нашъ пахарь его полюбилъ, а какъ глянулъ онъ въ кустъ — изъ дупла скворчата кричатъ, просятъ ѣсть сироты. Сжалось сердце мужичье. «Ну-тка я ихъ пригрѣю». Взялъ топоръ, подрубилъ онъ ольшину и принесъ то дупло къ себѣ во дворъ. Охали, охали со старухою дома, какъ-бы скворчиному горю помочь. Дики скворчата, кричатъ, а не ѣдятъ; и изъ дупла ихъ не вынуть ничѣмъ. «Надо быть къ вечеру бѣдные сгинутъ». И положилъ онъ ольху на повѣть.

Всталъ по утру, глядитъ и дивится. Весело такъ скворчата пищатъ. Мать подъявилась и стала кормить ихъ. — «Божье велѣнье, значитъ тутъ есть!», молвилъ мужикъ, и съ тѣхъ поръ, какъ только избу себѣ онъ построитъ, такъ и пріютъ скворцу тутъ устроитъ.

Съ первымъ вѣяньемъ весны, какъ только появятся проталинки, издалека, съ полудня, другъ за другомъ летитъ разная птица. Первымъ является грачъ на навозѣ деревенской улицы. Черезъ день, черезъ два паритъ надъ проталинкой невзрачная птичка—жавороночекъ: звонко гудитъ ея пѣсня веселая. Легкой трелью по полю раскатится и весельемъ въ душѣ отзывается.

Какъ закутается въ снѣгъ земля русская, все, что голодъ не терпитъ, уйдетъ. Улетятъ птицы за море. Ляжетъ рыба на дно. Влѣзутъ въ нору барсукъ и сурокъ. Останется мужикъ да хорекъ, сѣрый волкъ, лиса-кумушка, дятлы, воронъ да сычъ. И одна у нихъ только лишь думушка: какъ погрѣться, поѣсть и прожить. Поневолѣ весну встрѣтить весело: и тепло, и ѣда, и покой.

Лишь одинъ мужикъ не покоится,
Одному ему сонъ лишь нейдетъ.
Въ поле зернышко бросить неволится,
А кто знаетъ, какое взойдетъ?
И довольство, и счастье мерещится,
Что щебечетъ болтливый скворецъ,
А сѣмянъ соберешь-ли ты къ осени?—
Про то знаетъ Единый Творецъ.

Вслѣдъ за жаворонкомъ, тянутся съ юга на сѣверъ гуси, утки, гагары, нырки.

Вотъ летитъ стайка сомкнутой кучкой, поднялась ужь надъ самымъ селомъ; встрепенулась, свернула въ сторонку, закружилась, вскричала за-разъ.

Какъ горохъ тутъ посыпались скворчики изъ той стайки въ родное село. Полетѣли къ скворешницамъ, заняли каждый дачку свою, оглянулися, отдохнули и маршъ на рѣку.

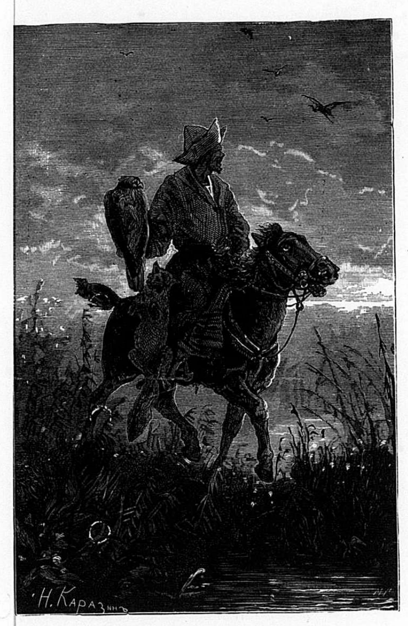
На припекахъ луга оголились, зашныряли жуки и сверчки. Зашагали скворчики въ зелени и пошли собирать свою дань. Понасытились, вымылись въ лужицѣ, а затѣмъ—по домамъ отдыхать. Отдохнувшиже пѣсенку грянули, а на утро опять работать. Такъто съ ранней весны вплоть до осени, и скворецъ, и мужикъ заодно отправляются утромъ на пашню, а подъ-вечеръ домой прибредутъ. И работа идетъ у нихъ общая. Пашетъ пашню мужикъ, а скворецъ за сохой. Тотъ кидаетъ зерно, этотъ червя тащитъ. Мужикъ сѣно коситъ—и скворецъ на луга. Мужикъ травку гребетъ—онъ кузнечика ѣстъ. Мужикъ стадо пасти—а скворецъ тутъ какъ тутъ; межъ коровъ и овецъ онъ какъ свой зашагалъ. Влѣзетъ на спину имъ, копошится въ шерсти, ищетъ въ травкѣ, въ землѣ. Что-же ищетъ онъ тамъ? Говорятъ, что скворецъ ѣстъ улитокъ, червей, ѣстъ стрекозъ и жучковъ, ѣстъ кузнечиковъ, мухъ; ѣстъ все то, что точитъ у крестьянина хлѣбъ.

Еслибъ счесть мужику, что зерна-то ему скворецъ сохранитъ, такъ палаты-бъ построилъ ему.

Орлиная дума.

Если вы бывали въ зоологическомъ саду, то я знаю, что привлекло ваше вниманіе — могучій левъ, звѣрямъ всѣмъ царь, свирѣпый тигръ, слоны, обезьяны, красивые фазаны и такъ далѣе, словомъ—всѣ тѣ, кто славится силой, ростомъ, нарядомъ или веселой суетливостью. Въ то-же время, я увѣренъ, вы почти не взглянули на тѣ молчаливыя фигуры, которыя по цѣлымъ днямъ неподвижно сидятъ въ своихъ узкихъ клѣткахъ. Вы подошли къ одной изъ этихъ тюремъ—«а! тутъ орлы»—и пошли дальше. Напрасно; вернитесь ыъ орлу; всмотритесь пристальнѣе въ эту гордую фигуру. Неподвижно, какъ статуя, сидитъ царственная птица, голова склонилась на сторону, зоркій глазъ упорно ищетъ чего-то въ небесной синевѣ. И

Исетъ ѣдетъ съ поля.

такъ по цѣлымъ часамъ, изо дня въ день. Сколько думъ пролетитъ въ головѣ этого невольнаго мечтателя. Однако, интересно узнать, что высматриваетъ орелъ въ вышинѣ, о чемъ онъ думаетъ по цѣлымъ днямъ? Смотрите,—въ его глазахъ сверкнула молнія, хриплый крикъ вырвался изъ груди, размахнулись могучія крылья, еще секунда—и орелъ бросился-бы съ своего сучка; но крыло ударилось о желѣзную рѣшетку; бѣдная птица, какъ бы очнувшись, тихо подобрала крылья и снова усѣлась неподвижно, погрузясь въ свои глубокія думы. Еслибъ вы слѣдили за орлинымъ взглядомъ, вы узнали бы причину волненія орла: то высоко въ небѣ пронеслась стая утокъ. Закипѣло орлиное сердце, взвился бы онъ въ вышину... но крѣпка рѣшотка желѣзная. Нахохлился несчастный и задумался.

Вспомнилась ему широкая Волга-рѣка. На крутомъ берегу, на горѣ, стоитъ дубъ-великанъ, а въ кудрявой вершинѣ орлицы гнѣздо. Тамъ сидятъ они съ братомъ и смотрятъ кругомъ. Дивенъ кажется міръ. Вонъ, за Волгой, вдали, зеленѣютъ луга; озерки и старицы ихъ зелень пестрятъ. Тамъ орелъ и орлица кружатъ высоко надъ лугами; а орлята за ними все время слѣдятъ. Уже жаръ настаетъ, а орлы все кружатъ. Пастухи подогнали стада къ водопою. Чу!—орелъ закричалъ и стрѣлой, сложивъ крылья, на низъ упадаетъ. У земли уже онъ, за кустомъ не видать, вотъ поднялся, — въ когтяхъ забѣлѣлось. Ближе, ближе, о, радость! будетъ пиръ: онъ ягненка тащитъ, и орлята тутъ крикнули разомъ.

Такъ веселые дни шли одинъ за другимъ. Мать съ отцомъ своихъ птенчиковъ малыхъ баловали то гусемъ, то драхвой, то ягненкомъ, то зайцемъ, то уткой. И не знали они какой голодъ на свѣтѣ живетъ. Но стряслася бѣда; въ одинъ день подошелъ къ тому дубу крестьянинъ. «А, разбойничье племя, такъ вотъ гдѣ вашъ станъ! Погодите-жъ!» и къ дубу; влѣзъ къ гнѣзду и орлятъ съ высоты вышвырнулъ. Съ дуба слѣзъ и домой онъ орлятъ поволокъ. Увидала орлица бѣду, налетѣла съ размаху на вора, когти въ дѣло пустила; но отнять ей дѣтей не пришлось, только шапку въ когтяхъ утащила. Догадался мужикъ еще раньше того и дубинкой на случай запасся. Какъ орлица къ нему—онъ дубинкой махнетъ, ничего не подѣлаетъ птица. Проводила она мужика до села и тамъ, клушку схвативъ, улетѣла.

Вспоминаетъ орелъ, какъ потомъ онъ къ татарамъ попалъ въ обученье; какъ на палкѣ носили его по зарямъ, не кормили и спать не давали; какъ надѣли на лапы ремни, а глаза колпачкомъ завязали. И носили его до тѣхъ поръ, пока дичиться совсѣмъ пересталъ и по зову къ рукѣ за кускомъ прилеталъ. А потомъ тотъ татаринъ повезъ его въ степь и тамъ продалъ киргизу Исеткѣ.

У Исета совсѣмъ жизнь иная пошла. Тотъ кормилъ его вдоволь; холилъ, гладилъ, по степи носилъ и возился онъ съ нимъ словно нянька. Въ этой жизни орелъ возмужалъ; глянцемъ перья покрылись и глазъ заигралъ. Только робокъ онъ

былъ, какъ ребенокъ: отъ Исета ни шагу. Засѣдлаетъ каурку Исетъ, а орелъ—тутъ какъ тутъ, на лукѣ и катаются по степи оба. Только разъ, уже осень была, рано утромъ, Исетъ ѣдетъ степью съ орломъ, а въ дали, за бархaномъ, лисица мелькнула. Мигомъ сдернулъ колпакъ онъ съ орла, снялъ съ луки, приподнялъ, показалъ ему звѣря. Еще мигъ—и

Исетъ съ орломъ.

орелъ на свободѣ совсѣмъ очутился, а Исетъ далеко за лисицей умчался. Тутъ вскипѣло орлиное сердце. Поднялся съ земли и пошелъ на кругахъ выше, выше. И широко подъ нимъ все степное раздолье открылось. Вонъ Исетъ на кауромъ лисицу гоняетъ. Какъ увидѣлъ орелъ, сложивъ крылья, стрѣлой онъ на низъ полетѣлъ. Не успѣла лиса запримѣтить орла, какъ въ когтяхъ у него очутилась. Тутъ Исетъ подскакалъ; холитъ, гладитъ орла, на сѣдло

усадилъ, лисьей печени далъ. И пріятна орлу эта ласка была, какъ отца вѣдь любилъ онъ Исета.

Много лѣтъ прожилъ онъ у киргиза. Много лисъ и волковъ, корсаковъ, сайгаковъ онъ доставилъ Исету. И изъ бѣднаго тотъ сталъ богатъ, завелись табуны лошадей и отары овецъ. Объ орлѣ-же удаломъ по всей степи молва пробѣжала. Пріѣзжали къ Исету киргизы не разъ верстъ за двѣсти и больше, чтобъ орла посмотрѣть, его удаль узнать; и дивилъ орелъ ихъ, какъ волковъ матерыхъ, словно зайцевъ, хваталъ и въ когтяхъ задушалъ. Но случилась бѣда, какъ къ Исету султанъ Баймурза самъ пріѣхалъ; и присталъ-же къ нему, чтобъ орла онъ продалъ,—давалъ лошадь любую изъ своихъ табуновъ, двухъ верблюдовъ и стадо барановъ. «Не богатъ я, султанъ, говоритъ ему бѣдный Исетка,— если надо тебѣ, ты возьми у меня табунокъ лошадей и отару овецъ; ты возьми у меня и кибитку мою; а орла моего я живой не отдамъ. Онъ дороже всего мнѣ на свѣтѣ.

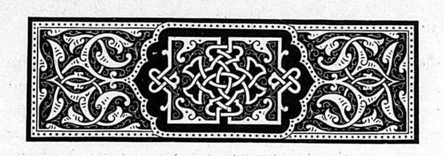
Разсердился султанъ. «Если такъ, будешь помнить, собака, какъ султану ты смѣлъ отказать», и уѣхалъ со свитою вдаль; только пыль по степи закружилась. «Ну, бѣду пронесло», думалъ батырь Исетъ и отправился въ степь на охоту. Не успѣлъ сайгака второчить, какъ султанъ налетѣлъ изъ бархановъ. Онъ ударилъ Исета чеканомъ въ лицо; повалился несчастный со стономъ. Онъ къ орлу. «Ага, мой, наконецъ!», и за путы схватилъ. Тутъ очнулся орелъ, видитъ мертвый Исетъ облитъ

кровью лежитъ, съ страшной яростью птица рванулась и впустила всѣ когти султану въ лицо. Какъ ни бился султанъ, а отбиться не могъ и въ когтяхъ у орла задохнулся. Но орлиная месть еще дальше пошла. Острымъ клювомъ своимъ онъ вспоролъ ему грудь, вынулъ сердце султана и съѣлъ. Посмотрѣлъ онъ кругомъ, опостылѣла степь безъ Исета. Покружилъ, покружилъ онъ надъ трупомъ его и взвился въ облака, чтобы горе размыкать. Чуденъ міръ показался ему съ высоты; въ первый разъ онъ взлетѣлъ такъ высоко. Подъ нимъ молчалива, сѣра и угрюма пустыня,—съ ней онъ свыкся давно; но вдали край виднѣлся иной; тамъ холмы и лѣса, села, пашни пестрѣли, равнины; межъ холмовъ по долинамъ вились рѣчки, ручьи, ручейки; въ котловинахъ озера, болота; надъ ними пестрымъ роемъ, какъ пчелы, птицы съ крикомъ сновали. Приковала картина орла новизной и туда онъ полетъ свой направилъ. Ближе, ближе,—вотъ Волга вдали; не узналъ онъ сначала родную. Подлетѣлъ къ Жегулямъ и присѣлъ отдохнуть на утесѣ. Широко разлилася кормилица русской земли, далеко затопила луга и лѣса, и несетъ она Каспію старому дань— всѣ продукты земли. Вотъ плыветъ дубъ могучій; выросъ онъ слишкомъ къ берегу близко. Посмѣяться хотѣлъ надъ волной и смѣялся безъ мала лѣтъ двѣсти. Но осилили волны и вырвали дубъ, и несутъ его въ Каспій далекій. А на дубѣ плыветъ пассажиръ — сѣрый заяцъ прижался межъ сучьевъ.

Не сочтешь всѣхъ даровъ, что весной въ Каспій Волга несетъ—трупы, хворостъ, ладьи, словомъ—все, что захватитъ волна. А на встрѣчу вереницею съ юга птицы летятъ. И припомнилъ орелъ, что и самъ онъ на Волгѣ рожденъ. Точно, вонъ и скала—Молодецкій курганъ, а на ней старый дубъ, гдѣ гнѣздо было ихъ. Вскрикнулъ радостно онъ, вкрикнулъ такъ, что кругомъ во всѣхъ клѣткахъ замолкли и птицы, и звѣри. Тутъ очнулся отъ думы орелъ; передъ нимъ нѣтъ ни Волги рѣки, ни скалы, ни гнѣзда, только клѣтки все, клѣтки, и клѣтки; а межъ клѣтками сотни зѣвакъ. Тутъ и мы межъ зѣвакъ замѣшалися съ вами. Всѣхъ смутилъ крикъ орла, а кто понялъ его? Разгадалъ-ли изъ васъ кто орлиную думу?

Глухарь.

Глухарь.

Передъ нами на рисункѣ одна изъ живыхъ картинокъ весны. Картинка рѣдкая, которая не всякому доступна. Чтобъ увидать ее, нужно подняться задолго до разсвѣта; одѣться такъ, чтобъ было и легко, и тепло. Нужно забраться въ глушь стараго лѣса, подвязать къ ногамъ лыжи и отправиться въ чащу. Затѣмъ слушайте внимательно. Чуть забрезжится зорька и начнутъ пробуждаться лѣсные жители, гдѣ-нибудь справа, слѣва, спереди—все равно—вдругъ послышится глухой шумъ, какъ будто взлетѣла тяжелая, большая птица. На нѣсколько минутъ снова воцарилась въ лѣсу тишина. Но, чу, — раздается какой-то глухой звукъ. Стойте смирно. Съ минуты на минуту звукъ на-

чинаетъ повторяться чаще и чаще. Отрывочные звуки начинаютъ сливаться въ какое-то глухое бормотанье. Время отъ времени, бормотанье прекращается, смѣняясь тишиной, затѣмъ раздается съ новой силой. Это первая пѣсенка весны. А пѣвецъ ея, глухарь или глухой тетеревъ, представленъ вамъ на рисункѣ. Если вы неопытны, неосторожны, не надѣйтесь на его глухоту и не пытайтесь лучше увидать его. Послушаемъ и поѣдемъ домой.

Теперь, когда вы смотрите на эту картинку, приходитъ конецъ зимѣ, конецъ суровой мачихѣ всего живого. Солнечный лучъ, съ каждымъ часомъ, ускоряетъ ея гибель. Отъ теплоты этого луча снѣгъ въ поляхъ и лѣсахъ начинаетъ таять и превращаться въ воду. Вода растаявшихъ верхнихъ снѣжинокъ просачивается внизъ все дальше и глубже, до самой земли. Наступитъ ночь, скроетъ солнечный лучъ, морозъ скуетъ растаявшій снѣгъ, и образуется сверху ледяная корочка, которую называютъ «на́стомъ». На утро, какъ только взойдетъ солнышко, лучи его быстро растопятъ эту ледяную кору, и пойдетъ опять то-же превращеніе снѣга въ воду. Кое-гдѣ, наконецъ, оголяется земля и появляются первыя проталинки. Однако, надо замѣтить, что таяніе снѣга въ одной и той-же мѣстности идетъ далеко неравномѣрно. Прежде всего первые признаки весны можно замѣтить въ деревняхъ и городахъ. Начинаетъ капать съ крышъ, обнажаются навозныя кучи, темнѣетъ и рыхлѣетъ снѣгъ по дорогамъ. Въ средней Россіи это время совпадаетъ

съ началомъ марта. Народъ свои наблюденія надъ разными явленіями природы, повторяющимися изъ года въ годъ, любитъ выражать въ присловкахъ, въ поговоркахъ, пріурочивая въ то-же время послѣднія къ именамъ святыхъ, которые празднуются въ эти дни. Такъ, напр., 28-го февраля, день Василія Капельника, т. е. значитъ въ этотъ день начинаетъ капать съ крышъ; особенно богато такими присловками 1-е марта, когда празднуется память св. Евдокіи, почему говорятъ: «Евдокія Плющиха, подмочи порогъ». «Евдокія весну снаряжаетъ», «на Евдоху свиснетъ бобачекъ», говоритъ малоросъ (байбакъ или сурокъ будто-бы въ этотъ день вылѣзаетъ изъ норы). 4-го марта чтится память Герасима Грачевника, потому что въ этотъ день ждутъ прилета грачей. 9-го марта, въ день сорока мучениковъ, пекутъ фигурки птицъ, напоминающія жаворонковъ, такъ какъ въ этотъ день ожидаютъ прилета этихъ птичекъ.

Все это, конечно, условно, особенно на огромномъ пространствѣ русской равнины. На югѣ ужь, глядишь, весна въ полномъ разгарѣ, зеленѣютъ травы, тамъ и сямъ появляются ранніе цвѣты, сѣютъ и пашутъ; а гдѣ-нибудь въ Олонецкой, въ Вологодской губ. стоитъ суровая зима, безъ малѣйшихъ признаковъ весны. Въ одной и той-же мѣстности весна наступаетъ неодновременно и идетъ неровно. Но каковъ-бы ни былъ ходъ весны, признакъ ея и порядокъ явленій неизмѣнны. Пѣсни осѣдлыхъ птичекъ становятся громче; перышки

ихъ съ каждымъ днемъ блестящѣе, движенія живѣе. Мало-по-малу, покидаютъ онѣ зимніе пріюты, переселяясь кто въ ближайшій лѣсъ, кто въ кусты. Зимнія стайки разсыпаются и исподволь образуются парочки, у которыхъ явилась какая-то новая забота. Вонъ, полюбуйтесь на крышу, всѣ галки размѣстились парочками и что-то переговариваются другъ съ другомъ. Роясь въ навозѣ или на дорогѣ, онѣ ищутъ, кромѣ пищи, еще чего-то, вовсе не съѣдобнаго: прутики, тряпки, шерсть, обрывки котомки — все это подбирается и сносится куда-нибудь подъ крышу, въ застрѣху, какъ матеріалъ для будущаго гнѣзда.

Зимніе гости постепенно начинаютъ исчезать. Первыми скрываются подорожники. Они не дождутся даже и Василія Капельника. А куда торопятся, зачѣмъ летятъ? Тутъ-ли имъ на широкихъ степяхъ и поляхъ не прокормиться, когда явятся проталинки! Нѣтъ, стая за стаей стремятся они на далекую Большеземельскую тундру. За подорожниками собираются въ путь снигири и чечотки, въ далекіе лѣса сѣвера. Да и мало-ли еще—свиристели, щуры, клесты— все цыганъ-народъ—тоже исчезли до Капельника. За ними, пролетая съ дальняго юга, летятъ несмѣтныя стада вьюрковъ—и все туда-же, на дальній сѣверъ. Солнышко грѣетъ сильнѣе съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ. Побурѣли дороги, проваливается въ намокшій снѣгъ нога лошади. Тамъ и сямъ на улицѣ появились лужи. Наступилъ купальный сезонъ для воробьевъ и голубей. Полощутся

они въ лужахъ, рядомъ съ домашними утками и гусями.

Ба! настоящій посолъ весны—грачъ, въ новомъ блестящемъ мундирѣ чернаго цвѣта, который такъ и отливается на солнцѣ фіолетовымъ и зеленоватымъ оттѣнками. Лицо бѣло и чисто, осанка военная. Осмотрѣлся кругомъ, видитъ—все старые знакомцы; а за прудомъ, на высокихъ ветлахъ, чернѣютъ гнѣзда его общины. Поискалъ въ навозѣ, пошарилъ по дорогѣ, отдохнулъ и исчезъ, куда и зачѣмъ—это мы въ другой разъ узнаемъ. Прошло еще нѣсколько дней, побѣжали по землѣ ручейки, или разрослись проталины, и вотъ взвился къ небу съ одной изъ нихъ жаворонокъ; но до пѣсни ему еще далеко. Въ половинѣ марта дороги портятся совсѣмъ, грачей давно полна улица. Явились еще новые гости—веселые шуты-скворцы. Летятъ стада жаворонковъ, овсянокъ. Покрикиваютъ по опушкамъ уже зяблики, но крѣпится еще снѣгъ въ лѣсу.

Трудно пробраться въ чащѣ солнечному лучу до его поверхности. Однако, и лѣсъ пробуждается. Раздаются звонкія трели синицъ, курлыкаютъ сойки, съ азартомъ стучатъ по деревьямъ дятлы, взамѣнъ пѣсни, которой природа обдѣлила ихъ.

Вотъ въ это-то время въ лѣсу начинается бормотанье глухаря. Онъ встрѣчаетъ имъ весну, токуетъ, какъ говорятъ охотники. Оставимъ весну идти своимъ чередомъ и займется этой птицей. Она интересна во многихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, это дичь, уважаемая охотниками по трудно-

сти охоты на нее; во-вторыхъ, глухарь, особенно молодой, зажаренный хорошимъ поваромъ, составляетъ вкусное блюдо; въ третьихъ, добыча глухаря для продажи его въ большіе города составляетъ часть дохода сѣвернаго жителя и кормитъ многія сотни тысячъ семействъ; въ-четвертыхъ, самая жизнь глухаря и его двоюроднаго братца—тетерева-косача, представляетъ много интереснаго. Но прежде чѣмъ говорить о привычкахъ и нравахъ птицы, надо познакомиться съ ней самой.

Глухарь одна изъ самыхъ крупныхъ птицъ у насъ. Ростомъ онъ съ годовалаго индюка, а вѣсомъ 12—15 ф. Курочка-глухарка на одну треть меньше, но все-же съ добрую курицу и до 6—7 ф. вѣса. По наружности они вовсе не похожи другъ на друга. У самца голова и шея темно-сѣраго цвѣта, спина коричнево-сѣрая и всѣ перья на этихъ частяхъ исчерчены тонкими черными черточками. Зобъ одѣтъ черными перьями съ яркимъ зеленымъ металлическимъ отливомъ. Хвостъ черный съ бѣлыми и сѣрыми пятнами къ корню. Подъ крыльями и бока туловища одѣты перьями съ сѣрыми и бѣлыми пятнами. Ноги до самыхъ пальцевъ оперены коричневыми, похожими на стриженый пухъ, перьями. Но главная особенность глухаря это—красная и морщинистая кожа, окружающая глазъ. Къ веснѣ верхній край этой кожи надувается отъ прилива крови и выдается кверху, словно бровь. Въ такомъ нарядѣ мы видимъ глухаря на току. Впрочемъ, при линяніи, онъ не измѣняетъ его, а только

всѣ цвѣта, съ каждымъ годомъ, становятся ярче. Зато подруга его одѣта въ скромный нарядъ, въ которомъ, по рыжему фону, разсѣяны въ извѣстномъ порядкѣ черныя и бѣлыя пятнышки. Глухарь водится у насъ во всѣхъ сѣверныхъ и среднихъ губерніяхъ и распространенъ по всей лѣсной полосѣ Сибири, до Енисея и Лены, гдѣ его смѣняетъ другой видъ — каменный глухарь. Главное условіе для жизни глухаря—это вообще старые хвойные лѣса съ моховинами, болотинами, съ свѣтлыми полянками. Необходимо, чтобы эти полянки и моховины изобиловали ягодами, каковы, напр., брусника, черника, куманика, земляника, клубника, которыя составляютъ лѣтомъ главную пищу глухаря. Глухарь, впрочемъ, водится не въ исключительно чистыхъ борахъ, онъ даже предпочитаетъ, особенно въ лѣтнее время, смѣшанные лѣса, т. е. такіе, гдѣ сосны, ели и пихты растутъ въ перемежку съ березами, осинами, липами, дубами и проч. Но все-таки предѣлъ хвойнаго лѣса есть настоящій предѣлъ этой птицы, потому что зимой главную пищу глухаря составляютъ мягкіе, смолистые концы хвойныхъ вѣтокъ, съ зачатками будущихъ побѣговъ.

Но вернемся къ токующему глухарю. Начинаютъ токовать раньше всего самые старые, сильные глухари. Имъ принадлежитъ и право выбора токовища, потому что токованье идетъ не зря, гдѣ попало, а въ извѣстныхъ мѣстахъ лѣса. Обыкновенно токовищемъ бываетъ какая-нибудь полянка или гарь, на возвышенномъ мѣстѣ, среди густого лѣса. Облюбо-

вавъ такое мѣстечко, старый токовикъ начинаетъ вылетать по зарямъ, и, помѣстившись на какой-нибудь развѣсистой соснѣ, онъ принимается за свою бормотню. Сначала бормочетъ вяло, изрѣдка; высматриваетъ и выслушиваетъ, что дѣлается кругомъ. Но съ каждымъ днемъ токовикъ все больше и больше входитъ въ свою роль, бормотанье становится громче, продолжительнѣе, антракты короче. Далеко кругомъ разносятся эти звуки, и вотъ постепенно появляются другіе глухари на токовище, разсаживаются по соснамъ и начинаютъ токовать всѣ разомъ. Глухари токуютъ съ такимъ азартомъ, что не слышатъ приближающейся опасности, а она тутъ какъ тутъ. Ловкій, опытный охотникъ давно уже крадется по насту. Когда они токуютъ, онъ смѣло бѣжитъ впередъ и останавливается въ туже минуту, какъ они замолчатъ.

Такимъ образомъ онъ подкрадывается на самое близкое разстояніе. Теперь его дѣло—стрѣлять на выборъ; но онъ медлитъ, медлитъ потому, что надо узнать, который токовикъ. Если убить токовика, то охота испорчена. Остальные глухари разлетятся и уже болѣе не вернутся на это токовище. Поэтому стрѣляютъ тѣхъ, которые явились на состязаніе. Ихъ можно перебить всѣхъ, а токовикъ останется вѣрнымъ своему токовищу.

Глухариные тока продолжаются весь апрѣль, до первой половины мая. Много глухарныхъ головъ ляжетъ за это время подъ выстрѣлами охотниковъ, не мало пойдетъ на обѣдъ кумушкамъ-лисицамъ, но

отъ этого глухариное населеніе не погибнетъ. Какъ только растаетъ совсѣмъ снѣгъ въ лѣсу, появится зеленая травка, глухарка шныритъ по знакомымъ мѣстамъ, тщательно осматриваетъ ихъ. Ей нужно, во-первыхъ, найти укромное мѣстечко, какую-нибудь ямку, въ густой травѣ; нужно, чтобы эта трава скрывала ее въ ямкѣ отъ враговъ, которыхъ у нея очень много. Она натаскаетъ въ яму сухихъ травинокъ, и одно за другимъ снесетъ туда отъ 5—12 яицъ. Кромѣ безопасности гнѣзда, глухарка старается устроить его въ такомъ мѣстѣ, гдѣ много ягодниковъ, безъ которыхъ ей не выростить своихъ цыплятокъ. Наконецъ, гнѣздо полно яицъ, и глухарка садится высиживать ихъ, какъ наша курица. Только въ теплый полдень сходитъ она съ гнѣзда, чтобы наскоро поѣсть травки и, вообще, что попадется на глаза, и снова садится на яйца, а въ холодные, дождливые дни бѣдняга не сходитъ съ гнѣзда дня по два, томится голодомъ, ради того, чтобы не погибли въ яйцахъ зародыши ея дѣтокъ. Три недѣли продолжается высиживаніе; наконецъ счастливая мать слышитъ первые стуки цыплятъ, старающихся пробить скорлупу. Одинъ за другимъ выходятъ они изъ яичекъ, мокрые, слабые, какъ цыплята нашей курицы. Глухарка прижимается еще плотнѣе къ землѣ, чтобы обсушить своихъ дѣтокъ. Еще день, и она поднимается на ноги, шатаясь отъ слабости. Теперь ей новая забота. Ей нужно въ первые дни ловить насѣкомыхъ, муравьевъ, доставать ихъ яйца и учить глухарятокъ какъ надо ѣсть ихъ.

Въ тотъ-же день она выводитъ ихъ изъ гнѣзда въ другое укромное мѣстечко, которое запримѣтила раньше, изъ опасенія враговъ. Съ этого момента начинается для глухарки жизнь, полная труда и самопожертвованія. Ягоды еще не поспѣли, да и цыплятки малы, поэтому она водитъ ихъ по лѣсу, розыскивая, гдѣ больше насѣкомыхъ, личинокъ и муравейниковъ. Разбросавъ ногами верхній слой муравейника, она обнажаетъ тѣ галлереи, гдѣ находятся муравьиныя яйца или, правильнѣе, муравьиныя куколки въ ихъ оболочкахъ. Глухарята съ жадностью набрасываются на нихъ, наѣдаются вволю, тогда глухарка ведетъ свой сытый выводокъ въ густую траву, и тамъ счастливая семья располагается на отдыхъ до вечера, когда снова пойдетъ на кормежку. Глухарята растутъ чрезвычайно быстро. Черезъ нѣсколько дней послѣ выхода изъ яйца у нихъ выростаютъ уже крыловыя перья, и они начинаютъ перепархивать. Пройдетъ еще нѣсколько дней и они способны уже летать и садиться на деревья. Вскорѣ также они принимаются пощипывать травку, цвѣточныя почки, а когда появятся раннія ягоды, тутъ уже выводкамъ полное раздолье. Правильно, два раза въ день, на утренней и вечерней зарѣ, матка выводитъ ихъ то на тотъ, то на другой ягодникъ, на кормежку. Въ это время ея клохтанье чрезвычайно характерно, и каждый звукъ имѣетъ особое значеніе, что отлично понимаютъ глухарята. Чу, послышался въ лѣсу топотъ шаговъ—глухарка вытянула свою шею кверху и слушаетъ. Да, она

не ошиблась: шаги приближаются. Глухарка кокнула тихонько, глухарятъ какъ не бывало. Они распластались тутъ-же на землѣ и лежатъ, не шевелясь. Но опытная мать знаетъ, что ей дѣлать. Она быстро бѣжитъ на встрѣчу выскочившей изъ чащи собакѣ и залегаетъ ей на пути. Красавецъ-сетеръ на полномъ скаку, шаговъ за сто, почуявъ добычу, остановился, какъ вкопанный. Онъ окаменѣлъ въ одно мгновеніе; это не животное, а статуя. Только легкая дрожь пробѣгаетъ по тѣлу, да глаза горятъ такимъ блескомъ, который ни съ чѣмъ не сравнится. Выходитъ охотникъ и посылаетъ своего любимца впередъ. Послушный песъ идетъ тихо, крадучись, направя все свое вниманіе на одно мѣстечко. Чѣмъ ближе подходитъ онъ къ нему, тѣмъ болѣе какъ-то осѣдаетъ на ногахъ, припадаетъ къ землѣ, словно хочетъ уйти въ нее, и вотъ, не доходя до завѣтнаго мѣстечка, умный песъ снова останавливается. Еще ярче горятъ его глаза, сильнѣе треплетъ его лихорадка. Наконецъ, послушный волѣ господина, онъ бросается впередъ. Но, увы, завѣтное мѣсто пусто; собака смутилась; однако, не надолго. Дивное чутье раскрыло ей продѣлку глухарки. Самоотверженная мать вступила съ врагомъ въ опасную для себя игру. Пользуясь стойкой собаки, она вскочила и быстро побѣжала въ сторону, противоположную отъ своего выводка, напутала своихъ слѣдовъ, чтобы сбить съ толку собаку. Послѣдняя, напавъ на слѣдъ, быстро помчалась по немъ, выслѣдила бѣглянку и встала такъ близко,

что уже той повторить свою продѣлку не было возможности. Тутъ идетъ послѣдняя ставка. Глухарка съ шумомъ взлетаетъ кверху. Горячiй, глупый охотникъ второпяхъ выпускаетъ два выстрѣла безъ всякаго толку. Глухарка, тѣмъ не менѣе, прикидывается раненой, летитъ, ковыляя, надъ самой землей, по временамъ даже падаетъ. Разгоряченная собака бѣжитъ, чтобы схватить раненую птицу; но та снова поднимается чуть не изъ-подъ самаго носа собаки, летитъ дальше, ковыляя; обманутый песъ за ней. Дальше да дальше. Ни крики, ни свистки не въ состоянiи вернуть разгоряченнаго сетера. За версту, за двѣ уведетъ его умная птица, собьетъ съ толку, а сама затѣмъ, окольными путями, облетитъ кругомъ, посмотритъ, гдѣ охотникъ, и тихо, съ торжествомъ побѣды, порхнетъ къ своимъ дѣтямъ. Тотчасъ-же весь выводокъ поднимается на ноги, безъ шума, безъ крика, что есть мочи бѣжитъ за своей матерью. Добравшись до чащи, запутавъ слѣды, глухарка перепорхнетъ нѣсколько десятковъ саженъ, а за нею тоже сдѣлаютъ и глухарята и залягутъ всѣ въ такой трущобѣ, гдѣ ихъ и не добудешь. Побѣда на этотъ разъ на ея сторонѣ. Раздосадованный охотникъ выместитъ свою неудачу на оплошавшемъ псѣ и уйдетъ домой. Не всегда удается отдѣлаться глухаркѣ такъ счастливо. Хорошiй охотникъ ея не тронетъ, а отзоветъ собаку, пойдетъ въ противоположную сторону и переберетъ одного за другимъ глупыхъ глухарятъ.

Кромѣ человѣка, много найдется въ лѣсу охотниковъ попробовать глухаринаго мясца. Но лѣто подходитъ къ осени, глухарята ростутъ, и добыть ихъ становится труднѣе. Что же дѣлалъ за это время старый болтунъ глухарь? Неужели онъ не позаботится никогда о своей семьѣ? Да, видно такъ. Кончилось токованье, забрался онъ въ самую чащу лѣса, роется въ муравьиныхъ кучахъ, отъѣдается молодыми побѣгами, ягодами и начинаетъ линять. Онъ линяетъ, т. е. мѣняетъ перья, копается въ гнилушкахъ деревьевъ, въ пескѣ, стараясь освободиться отъ старыхъ перьевъ, взамѣнъ которыхъ ростутъ новыя. Осенью онъ не прочь познакомиться со своимъ семействомъ и полетать нѣкоторое время, сбившись въ большiя стаи, съ другими глухарями и глухарками, въ ближайшiя поля, гдѣ еще остался несвезеннымъ овесъ, или ометы гречневой соломы, а не то и на озимяхъ, чтобъ попировать насчетъ человѣка.

Зимой рѣдко живетъ онъ въ стаяхъ; больше въ одиночку. Грызетъ почки деревьевъ, молодые побѣги сосенъ и ели, да поджидаетъ весны, чтобы снова встрѣтить ее своими громкими пѣснями.

„По гнѣзда, по яица!“

Весна отживаетъ; тихо, исподволь, незамѣтно идетъ на смѣну ей румяное лѣто.

Природа полна жизни и звуковъ; но зелень не бьетъ въ глаза, звуки не поражаютъ слухъ — все это стало дѣломъ привычнымъ, обыкновеннымъ.

Въ половинѣ мая, добрый птицеловъ прячетъ свои лучки и ловушки. Ловля кончена. Ловить птицъ въ это время безразсудно, потому что всякая пойманная птаха дня черезъ два умретъ въ неволѣ. Неправда-ли, вѣдь это странно? Пойманныя недѣлю назадъ птички живы, здоровы, веселы, поютъ; а пойманныя сейчасъ—и дня не выживаютъ.

Эту загадку разгадать немудрено; стоитъ только посмотрѣть, что дѣлается кругомъ.

По берегамъ рѣки, въ муравѣ луговъ, въ густой чащѣ деревьевъ идетъ суетливая дѣятельность. Присмотритесь къ птицамъ: каждая изъ нихъ съ

утра до вечера суетится, летаетъ, скачетъ по землѣ, гоняется за чѣмъ-то, чего-то ищетъ на пескѣ, среди травы, а затѣмъ, вдругъ куда-то порхнетъ и исчезнетъ. Но вотъ она опять чего-то ищетъ, найдетъ—и опять исчезнетъ.

Если мы прослѣдимъ за нею, то секретъ этихъ поисковъ понять не трудно. Въ развилкахъ сучьевъ дерева или на землѣ мы отыщемъ гнѣздышко, а въ немъ нѣсколько голыхъ, слѣпыхъ птенчиковъ. При всякомъ шумѣ слѣпцы эти открываютъ желтые рты и пищатъ.

Спрячьтесь за кустъ или дерево и сидите смирно.

Пройдетъ минута, другая—къ гнѣзду порхнетъ птичка, сунетъ въ желтый ротъ птенчика червячка и снова исчезнетъ въ зеленой листвѣ.

Вотъ и разгадка той суетливой дѣятельности птицъ, которая бросается въ глаза въ исходѣ весны. Понятно-ли теперь, отчего умираетъ въ неволѣ птичка, пойманная въ эту пору? У нея есть домъ, есть дѣтки, которыхъ она горячо любитъ; тоска по нимъ убиваетъ бѣднягу. Хорошо, весело ловить птицъ ранней весной, съ прилета; увлекаетъ эта ловля и стараго и малаго; въ ней нѣтъ ничего предосудительнаго; доказательство на-лицо: птички бодры, здоровы и весело распѣваютъ въ клѣткахъ.

Но какое-же удовольствіе ловить ихъ на вѣрную смерть, въ то время, когда у нихъ дѣти?

Вмѣсто ловли, займемся теперь другимъ дѣломъ; оно можетъ быть и хорошо, и дурно, смотря по тому, какъ его поведешь; но, во всякомъ случаѣ,

оно увлекательно не менѣе ловли птицъ. Это особаго рода охота, для которой не надо ни снастей, ни ловушки, ни оружія, и которая существуетъ вездѣ, гдѣ есть ребятишки, а гдѣ только ихъ нѣтъ?

Ежели хотите, я васъ познакомлю съ этими охотниками. Оно и небезполезно.

Раннимъ утромъ, на деревенской улицѣ шумъ, крикъ и суета. То въ одномъ, то въ другомъ дворѣ отворяются ворота и на улицу выбѣгаютъ овцы съ ягнятами, коровы, свиньи; онѣ мычатъ, хрюкаютъ; а за ними съ кнутиками гонятся босоногіе ребятишки. Все это быстро движется по улицѣ, ростетъ, ростетъ и превращается въ стадо; стадо это уже ждутъ пастухи у околицы, принимаютъ его подъ свою команду и угоняютъ въ поле; а непрошенные пастухи—мальчишки остаются у околицы.

Тутъ сейчасъ-же устраивается у нихъ сходка и идутъ толки о томъ, что дѣлать.

Ни въ полѣ, ни въ лѣсу нѣтъ еще ничего съѣдобнаго: ни ягодъ, ни гороху, ни грибовъ. Остается одно—промышлять *яичницу*. Вотъ и толкуютъ—гдѣ промышлять? Одни тянутъ въ лѣсъ, другіе на болото, третьи на рѣку, гдѣ и рыбки можно промыслить. Крики и споры нерѣдко кончаются потасовкой; но въ концѣ-концовъ, дѣло улаживается; разбившись на партіи, разбойники отправляются изъ села на промыселъ. Много горя несутъ они въ птичій міръ.

Какъ добрыя ищейки, осмотрятъ ребятишки поля и луга, берега рѣкъ и болотъ, опушки лѣсовъ и полянъ и всюду соберутъ свою дань. Тоскливо, невыразимо жалобно кричатъ птички, порхая надъ разоренными гнѣздами. А подъ берегомъ рѣчки, въ укромномъ уголкѣ, вьется уже дымокъ. Здѣсь разбойничій станъ; этотъ дымокъ есть маякъ, къ которому съ разныхъ сторонъ сходятся грабители.

Изъ кармановъ, изъ-за пазухи выкладывается добыча: зеленыя, бѣлыя, сѣрыя, пятнистыя яички разной величины. Каждому хочется похвастаться добычей; одинъ нашелъ много, у другого меньше, но за то есть рѣдкости, диковинки. Разсказамъ нѣтъ конца. Затѣмъ появляется сковорода, стащенная потихоньку у какой-нибудь слѣпой «бабушки», и начинается выпусканье яицъ. Много ихъ собрано, но на сковороду попадетъ развѣ четвертая часть, потому что остальныя насижены и ихъ безжалостно бросаютъ въ рѣку. Яичница поспѣла, съѣдена и разбойники разбрелись на новые промыслы.

Не во всякой деревнѣ существуетъ этотъ промыселъ. Но гдѣ разъ набаловались ребята, тамъ окрестности опустошаются изъ года въ годъ.

Нужно-ли говорить, какое это гадкое дѣло—безъ пользы для себя истреблять птичекъ такимъ варварскимъ способомъ!

Послѣ этого вы, конечно, не взлюбили деревенскихъ мальчиковъ; вы увѣрены, что всѣ они злые, гадкіе. Подождите такъ думать. Вѣдь это маленькіе дикари; имъ никто никогда не сказалъ, что они занимаются нехорошимъ дѣломъ.

А вотъ и другіе охотники. По фуражкамъ видно, что одинъ гимназистикъ, а другой лицеистъ. Тихо бродятъ они по опушкѣ лѣса, заглядывая подъ кусты, въ чащу вѣтвей деревьевъ. Цѣль охоты все та-же—птичьи гнѣзда.

Съ криками торжества укладываютъ они гнѣзда въ корзиночки, ящички. Наконецъ, все полно, пора домой.

Зачѣмъ они собрали столько яицъ? Неужели также для яичницы? Какъ можно! конечно, нѣтъ; вѣдь, это образованные мальчики, съ тонкимъ вкусомъ; станутъ-ли они кушать такую гадость!

Нѣтъ, яйца собраны для *коллекціи*. Вы, вѣроятно, не знаете, что такое коллекція? Такъ спросите самихъ коллекторовъ. Они важно сидятъ и сверлятъ булавками дырки на каждомъ боку яйца; затѣмъ, когда начнутъ дуть въ одну дырку, изъ другой вытекаетъ бѣлокъ и желтокъ. Свѣжее яйцо выдувается скоро. Изъ насиженнаго, вмѣстѣ съ бѣлкомъ выходятъ тонкія пленки съ кровью.

— Негодится, говоритъ гимназистъ, и швыряетъ яйцо въ окошко.

— Зачѣмъ вы, господа, выдуваете яйца?

— Для коллекціи, важно отвѣчаютъ они.

— А для чего вамъ эта коллекція?

— Да такъ, яички очень красивы, особенно, если собрать побольше отъ разныхъ породъ птичекъ.

— Что-же вы будете дѣлать съ коллекціей?

— Ничего. Соберемъ и будемъ любоваться.

— И только?

— Что-же, по вашему, дѣлать еще? Можетъ быть продадимъ товарищу; у насъ есть одинъ, очень богатый любитель.

Подобныя коллекціи птичьихъ яицъ, жуковъ, бабочекъ, осенью найдешь въ каждой гимназіи, въ каждомъ училищѣ. Ими хвастаются, ими любуются, ими ведутъ мѣну и торгъ. Между коллекторами есть промышленники-торгаши, есть и настоящіе любители, которые готовы отдать послѣднія деньги за рѣдкостное яичко.

Многимъ эта потѣха скоро надоѣдаетъ, но иные сохраняютъ страсть къ коллекціямъ на всю жизнь; только коллекціи яицъ замѣняются впослѣдствіи коллекціями картинъ, древнихъ вещей, монетъ, оружія, старинныхъ книгъ и т. д. Занимаясь долгіе годы собираніемъ этихъ предметовъ, такіе любители становятся знатоками; ихъ коллекціи получаютъ извѣстность, иногда очень громкую, даже всемірную; за нихъ платятъ подчасъ огромныя суммы и, въ концѣ концовъ, онѣ поступаютъ въ государственные музеи.

Когда иностранецъ, если онъ человѣкъ образованный, пріѣдетъ въ какой-нибудь городъ или столицу, то первое, что онъ ищетъ осмотрѣть, это музеи. Въ одномъ онъ надѣется увидѣть природныя богатства страны: минералы, драгоцѣнные камни, руды, металлы; въ другомъ — гербаріи туземныхъ растеній; въ третьемъ—чучелы, скелеты и т. п. коллекціи животныхъ; въ четвертомъ — произведенія сельскаго хозяйства, фабрикъ и заводовъ; въ пя-

томъ — древнюю и новую утварь, одежду, оружія, типы народовъ, обитателей страны. Онъ непремѣнно зайдетъ также въ библіотеки, въ художественные музеи и т. д.

Въ два, три, четыре дня заѣзжій иностранецъ познакомился въ этихъ музеяхъ съ природой, жителями и ихъ бытомъ въ разныхъ странахъ; для него стало понятно все окружающее; онъ пріобрѣлъ много такихъ знаній, какихъ не дадутъ даже книги. Вотъ въ чемъ заключается значеніе музеевъ. Однако, вернемся къ нашимъ охотникамъ.

Васъ, конечно, возмутили крестьянскіе ребята, съ ихъ яичницей. Дѣйствительно, это варварство. Но развѣ лучше поступаютъ тѣ образованные, благовоспитанные гимназистики, лицеистики и пр., которые собираютъ *коллекціи?* Они тѣ-же варвары; они также безжалостно убиваютъ множество зародившихся въ яицахъ птичекъ, чтобъ пополнить свои коллекціи; они даже не съумѣютъ отвѣтить, зачѣмъ собираютъ коллекціи, на что онѣ нужны. И вотъ, отвѣчая за нихъ, я разсказалъ вамъ, на основаніи собственнаго опыта, къ чему ведетъ это коллекторство, это собираніе яицъ, связанное съ безжалостнымъ истребленіемъ зарождающихся въ яичкахъ птицъ.

Теперь я вамъ вотъ что скажу: обѣ эти охоты глупы, если ихъ ведутъ безъ смысла; онѣ приносятъ много вреда хозяйству. Заниматься этимъ стыдно.

Но кому стыднѣе: дикарю-ли—деревенскому мальчику, или гимназистику? Рѣшите сами. Скажите только, кто противнѣе и злѣе: тотъ-ли, кто не знаетъ, что онъ дѣлаетъ зло, или тотъ, кто знаетъ это?

Да, и тѣ и другіе поступаютъ нехорошо, но вовсе не потому, что они злые; ихъ не слѣдуетъ и наказывать, какъ совѣтуютъ иные. Нѣтъ, лучше объясните имъ, что это нехорошо, что это безцѣльное убійство; тогда они устыдятся и прекратятъ свои поиски за яицами. Разскажите имъ, чѣмъ полезны намъ птички, какъ много приносятъ онѣ добра полямъ, лѣсамъ, садамъ, огородамъ—и каждый деревенскій мальчикъ сочтетъ за грѣхъ разорить гнѣздо птички.

Но вѣдь вы звали насъ «по гнѣзда, по яица»? Да, звалъ и зову, только, конечно, не на убійство, не на напрасную смерть нашихъ общихъ друзей. Пойдемте на охоту.

Видите, какъ боятся насъ всѣ птички, словно какихъ-нибудь чудовищъ. Но отчего-же онѣ насъ боятся? Вѣдь мы имъ не сдѣлали никакого зла?

А безцѣльное истребленіе гнѣздъ и яицъ—развѣ это не зло? Развѣ этого недостаточно, чтобы птичка видѣла въ человѣкѣ врага? Вотъ почему пойманныя птички бьются въ клѣткахъ и только съ большимъ трудомъ, послѣ долгой неволи, кое-какъ привыкаютъ къ хозяину. Но дикая птичка никогда почти не будетъ такъ довѣрчива, какъ домашнія пти-

цы. Кто виноватъ въ этомъ: человѣкъ или птица? Я вамъ докажу, что человѣкъ. Если-бы люди испоконъ вѣка не разоряли птичьихъ гнѣздъ, дикія птицы не боялись-бы ихъ. Когда мореплаватели открывали неизвѣстные дотолѣ необитаемые острова, они находили тамъ множество птицъ и удивлялись, что эти птицы нисколько не боялись ихъ и подпускали такъ близко къ себѣ, что ихъ можно было бить палками. Онѣ не боялись потому, что не видѣли въ человѣкѣ врага. Но это довѣріе скоро проходило, когда грубые матросы начали избивать ихъ тысячами также безцѣльно, какъ мальчики истребляютъ яица для яичницы, и теперь на этихъ островахъ птицы уже боятся человѣка, какъ и вездѣ.

«По гнѣзда, по яица!» Идемъ на охоту. Всмотритесь пристальнѣе, хорошенько въ развилки вѣтвей. Видите-ли вы тамъ кучку лишаевъ? Это гнѣздо зяблика.

Сколько труда употребила птичка, чтобъ изъ сухихъ травинокъ и изъ волосъ свить себѣ это гнѣздышко! Стѣнки его снаружи искусно убраны лишаями, тѣми самыми, которые растутъ на корѣ дерева. Она убрала ими свое гнѣздышко не для франтовства, а для того, чтобы скрыть его отъ глазъ враговъ. Въ немъ лежатъ четыре хорошенькія, сѣроватыя яичка, съ красноватыми крапинками. Зяблица только что вернулась и хочетъ сѣсть на нихъ, что-бы согрѣть ихъ своимъ тѣльцемъ, а зябликъ сидитъ на вѣткѣ и распѣваетъ. Оставимъ ихъ пока и пойдемъ дальше.

Вотъ и другая находка. Видите-ли еще гнѣздышко въ густой чащѣ вѣтвей?

Что за прелесть это гнѣздышко! Оно также убрано снаружи, но уже иначе: листочками и лишаями съ того дерева, на которомъ свито. Пять голубоватыхъ яичекъ, съ мелкими бурыми пятнышками, лежатъ на днѣ его; на краю, взъерошивъ перышки, сердито покрикивая, сидитъ прехорошенькая птичка, а на лѣво, въ чащѣ, видна рожица дятла. На него-то и сердится этотъ щегленокъ— самая красивая изъ всѣхъ нашихъ пѣвчихъ птицъ. Не пугайте его, пойдемъ дальше. Вотъ мы забрели на свѣтлую полянку, окаймленную развѣсистыми дубами, липами, березами, кленами и ясенями. Какъ здѣсь весело! По зеленой лужайкѣ скачутъ дрозды, расхаживаютъ скворцы; около кустиковъ танцуютъ въ воздухѣ мухоловки, перелетаютъ съ вѣтки на вѣтку веселыя пѣвуньи-синички. Самыя разнообразныя пѣсни птицъ раздаются со всѣхъ сторонъ.

Гнѣздо зяблика.

Эге! да это настоящій птичій городокъ. Вотъ-бы куда забраться разбойникамъ мальчишкамъ. Тутъ въ рѣдкомъ кустѣ нѣтъ гнѣздышка; на вѣтвяхъ дубовъ цѣлая колонія гнѣздъ дроздовъ, искусно свитыхъ изъ травинокъ и оштукатуренныхъ изнутри коровьимъ навозомъ. Въ дуплахъ старыхъ липъ, осинъ и вязовъ устроили свои гнѣзда скворцы, вертиголовки, дятлы, синицы; въ кустахъ—гнѣзда пѣночекъ и мухоловокъ. А вонъ, въ развилкѣ двухъ вѣтвей березы, словно шарикъ, оклеенный клочками бумаги. Что̀ это такое?

Я увѣренъ, что вы двадцать разъ пройдете мимо этой кучки и не замѣтите ее. Это гнѣздо иволги, убранное снаружи кусочками бересты (березовой коры); въ немъ лежатъ бѣленькія яички, съ рѣдкими, бурыми точками. Да нѣтъ, нельзя и перечислить всего, что мы нашли бы въ лѣсу, въ лугахъ, въ поляхъ, на рѣкѣ, вокругъ дома. Вы устали бы читать описанія всѣхъ этихъ красивыхъ, разнообразныхъ гнѣздышекъ, куда кладутся пестренькія яички. Эта-то именно пестрота, это разнообразіе и привлекаютъ истребителей гнѣздъ—дѣтей. Будь всѣ яица и гнѣзда схожи между собой, никто бы и не подумалъ составлять коллекцій.

Стало быть, скажете вы, птички убираютъ гнѣзда во вредъ себѣ. Нѣтъ; полюбопытствуйте узнать жизнь каждой птички, узнать, кто ея враги, и тогда вы убѣдитесь, какъ много ума и искусства у каждой изъ этихъ малютокъ. Вы увидите, что онѣ украшаютъ свои гнѣзда за тѣмъ, чтобы скрыть

ихъ отъ глазъ враговъ, и украшаютъ именно съ тѣхъ сторонъ, откуда ждутъ нападеній.

И такъ, не успѣли мы выйти на охоту, какъ тотчасъ же увлеклись ею. Болѣе двухсотъ видовъ пѣвчихъ птицъ, да столько же видовъ другихъ, не пѣвчихъ, вьютъ гнѣзда на свой ладъ. Какое обширное поле для наблюденій! Тутъ мы встрѣтимъ и вражду, и дружбу, и взаимную помощь и самый нахальныйграбежъ. Чтобы познакомиться съ жизнью этого міра, надо много времени, но зато сколько пользы и удовольствія получится отъ такого знакомства. Однако, мы пошли на охоту, отыскали гнѣзда и ничего не взяли. Спрашивается, зачѣмъ же мы ходили? А вотъ зачѣмъ.

Гнѣздо щегла.

Видите это гнѣздо? Въ немъ всего три яичка берите одно изъ нихъ, берите смѣло, безъ укора совѣсти, потому что кладка еще не окончена, число яичекъ неполное. Каждая птичка знаетъ, сколько она въ силахъ выкормить птенчиковъ, поэтому она снесетъ лишнее яичко на мѣсто взятаго вами. Всѣ

эти яички свѣжія, ненасиженныя; мы можемъ взять одно изъ нихъ для коллекціи и никто насъ не назоветъ грабителями. Такъ, со временемъ, мы составимъ богатую полную коллекцію, а когда выведутся птенцы и вылетятъ изъ гнѣздышка, мы имѣемъ право и его прикарманить, потому что оно уже никому не нужно. Будущей весной птичка совьетъ новое. Такимъ образомъ, мы можемъ набрать цѣлую коллекцію гнѣздъ и яицъ, ничуть не обижая птичекъ. Но этого мало; возьмемъ изъ этихъ гнѣздъ птенчиковъ къ себѣ домой, выкормимъ, воспитаемъ, обучимъ ихъ, и за это насъ никто не осудитъ. Но надо дѣлать все умѣючи. Неумѣлый ловецъ вытащитъ птенчика изъ гнѣзда, станетъ кормить его чѣмъ попало, глядь—тотъ и ножки протянулъ. Нужно непремѣнно знать, чѣмъ кормить птичку и какъ кормить ее, а для этого слѣдуетъ побродить по полямъ и лѣсамъ и наблюдать за птицами, когда у нихъ есть птенчики. Внимательно слѣдя за ними, мы убѣдимся, что всѣ онѣ—и насѣкомоядныя, и зерноядныя, въ это время, т. е. въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ, заняты отыскиваніемъ насѣкомыхъ и ихъ личинокъ, которыми сами питаются и кормятъ своихъ дѣтей. Мы знаемъ потомъ, что птенчики зерноядныхъ птицъ, когда они еще очень малы, питаются гусеницами, личинками и взрослыми насѣкомыми, а зернышекъ не ѣдятъ никакихъ, пока совсѣмъ не выростутъ. Но согласитесь, что при всемъ усердіи, мы съ вами не въ состояніи наловить столько мушекъ и отыскать столько гусеницъ,

чтобы досыта накормить хотя одну птичку. Какъ же быть? Значитъ намъ нечего и браться за это дѣло? Нисколько. Мы съ вами вдвоемъ накормимъ не одну птичку, а цѣлую стаю ихъ. Берите мѣшокъ, только новый, крѣпкій, безъ малѣйшей дырочки, захватите рѣшето и бичевку, а потомъ лопату и четыре дощечки. Идемъ въ лѣсъ. Между деревьями муравьиная куча. Я осторожно сгребаю ее съ боковъ, а вы откройте мѣшокъ и держите его наготовѣ. Посреди кучи устроены галлереи и залы, въ которыхъ разложены муравьиныя яица. Я зачерпываю лопатой часть этихъ галлерей съ яицами, черпаю въ другой, въ третій разъ. Успѣвайте только отряхаться, не то васъ заѣдятъ муравьи. Я черпаю кучу до самаго дна. Завязывайте скорѣе мѣшокъ, тащите его дальше отъ кучи, отряхните хорошенько снаружи. Теперь надо расчистить точокъ до самой земли и обложить его досками плашмя. Вытряхнемъ все, что было въ мѣшкѣ, на середину точка, а сами отойдемъ въ сторону. Спустя полчаса или часъ, въ высыпанной кучѣ

Гнѣздо иволги.

не окажется ни одного яичка. Куда-же они дѣвались? Дайте рѣшето, которое мы захватили съ собой, и поднимите доску. Всѣ яица здѣсь. Сгребите ихъ скорѣе и кладите въ рѣшето. Муравьевъ не бойтесь. Покусаютъ васъ немножко—не важность. Подъ другой доской, подъ третьей, подъ четвертой—вездѣ яица. Сгребайте ихъ въ рѣшето, скорѣй, скорѣй! Не бѣда, что они съ землей; встряхнемъ раза два рѣшето, земля просѣется, всѣ муравьи попадаютъ. Теперь побѣжимъ скорѣй домой. Вотъ мы и съ кормомъ. Какую бы птичку изъ гнѣзда ни взяли—мы выкормимъ ее муравьиными яичками не хуже родной матери. Но у васъ въ запасѣ есть и дома кормъ на подспорье. Это свѣжая булочка бѣлаго хлѣба. Помочите маленькій кусочекъ булки въ молокѣ и тотчасъ же начните кормить птенчиковъ, а остатки бросьте другимъ птицамъ или кому хотите, потому что кормъ этотъ быстро закисаетъ, птички же отъ кислаго корма умрутъ. Итакъ, муравьиныя яица и бѣлый хлѣбъ съ свѣжимъ, не кислымъ молокомъ—вотъ лучшая пища для нашихъ воспитанниковъ.

Однако, уходъ за ними ужасно хлопотливъ. Нужно вставать рано, безпрестанно кормить ихъ, иначе они умрутъ съ голоду, потому что разомъ не могутъ съѣсть много. Наконецъ, надо знать, когда взять птичекъ изъ гнѣзда. Если взять ихъ рано, когда онѣ еще очень малы и слѣпы, то выкормить будетъ трудно; а взять поздно, когда онѣ уже оперились и готовы вылетѣть, опять-таки нехорошо: онѣ не сдѣлаются совсѣмъ ручными и

постоянно будутъ робки. Самое лучшее — брать птичку тогда, когда она начнетъ одѣваться перышками и на головѣ у нея еще есть пухъ. Такой птенчикъ не боится человѣка и скоро привыкаетъ принимать пищу изъ его рукъ. Помѣстите его въ какой-нибудь ящикъ или клѣточку, положивъ туда, предварительно, войлочекъ или ваты, вмѣсто гнѣзда, поставьте птичку въ укромный уголокъ, гдѣ бы ее не пугали, а главное, куда не могли бы пробраться кошки. Подходя къ птенчику и поднося ему кормъ, разговаривайте съ нимъ, о чемъ вамъ вздумается, только не громко и безъ порывистыхъ движеній руками. Давая кормъ, роняйте часть его на дно ящика; птичка скоро пойметъ, въ чемъ дѣло и, черезъ нѣсколько дней, сама начнетъ клевать. Какъ только она примется за кормъ, радуйтесь: теперь можно будетъ нѣсколько разъ въ день ставить ей пищу на блюдечкѣ. Затѣмъ посадите вашего воспитанника въ настоящую клѣтку. Немного погодя, когда онъ начнетъ порхать и летать, дрессируйте его, какъ хотите, вѣдь онъ васъ любитъ, какъ родную мать. Поманите къ себѣ—и онъ вспорхнетъ къ вамъ на руку, будетъ летать за вами повсюду; садиться на вашу голову, плечи; въ толпѣ другихъ людей онъ безошибочно отличитъ васъ, и съ довѣріемъ отнесется только къ вамъ однимъ. Идите съ нимъ на балконъ, въ садъ, на дворъ—онъ не улетитъ, а если и улетитъ, то непремѣнно вернется. Тутъ васъ невольно поразитъ разница между дикой и прирученной птицей.

Такіе выкормыши имѣютъ особую цѣну для любителя птицъ. Они здоровѣе и долговѣчнѣе; ихъ привязанность къ человѣку высказывается во всемъ. Недалеко ходить за примѣромъ. У меня есть дроздъ-рябинникъ, котораго я выкормилъ прошлымъ лѣтомъ; когда я вхожу въ птичникъ, онъ летитъ ко мнѣ, садится на ближайщій предметъ, глядитъ мнѣ въ глаза, машетъ отъ удовольствія крылышками и распѣваетъ пѣсню. Недавно я уѣзжалъ недѣли на двѣ, а когда вернулся, дроздъ обрадовался мнѣ не меньше моихъ мальчиковъ и цѣлые дни слѣдилъ все за мною; сяду пить чай—онъ тутъ какъ тутъ, щиплетъ булку, пьетъ чай изъ блюдечка; лягу на диванъ—дроздикъ садится мнѣ на грудь, и пока я сплю, не слетитъ хотя-бы цѣлую ночь. А между тѣмъ, я не особенно занимался имъ.

Видите-ли, какъ просто и легко сойтись съ птицами; какъ нетрудно побороть ихъ недовѣрчивость; какъ мало нужно денежныхъ затратъ и хлопотъ, чтобъ окружить себя друзьями искренними, веселыми, невзыскательными.

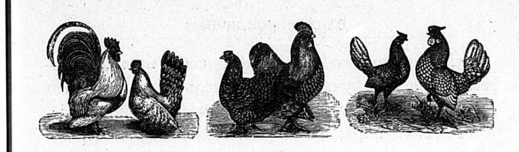
Я много выростилъ такихъ крылатыхъ друзей и близко познакомился съ характеромъ различныхъ видовъ птицъ. Подѣлюсь съ вами тѣмъ, что далъ мнѣ опытъ. Однѣхъ птицъ воспитывать легко, другихъ—труднѣе. Особенно трудно выращивать мелкихъ, тонкоклювыхъ птичекъ, питающихся насѣкомыми. Оно еще ничего, пока есть свѣжія муравьиныя яицы; но зимой прокормить ихъ ужасно трудно. Зерноядныя птицы, напротивъ, легко выносятъ неволю, легко воспитываются; легче-же всего воспитывать такихъ птицъ, которыя на волѣ питаются разнообразнымъ кормомъ и называются всеядными. Чѣмъ умнѣе птица, тѣмъ она менѣе пуглива, тѣмъ она скорѣе привыкаетъ и привязывается къ хозяину. Поэтому я рекомендую вамъ попробовать на первый разъ воспитать: скворца, различныхъ дроздовъ, галку, щегла, рѣполова, овсянку, зяблика. Это будетъ прекрасная коллекція.

Галка—самая глупенькая изъ этихъ птицъ; но она замѣчательна своей привязанностью. Воспитавъ галочку, вы смѣло можете выпустить ее на свободу, потому что лишь только вы выйдете изъ дому, она сейчасъ-же явится по первому вашему зову и будетъ летать за вами, куда-бы вы ни пошли. Скворца можно выучить произносить слова и пѣть любую пѣсню. У дроздовъ хороши и свои пѣсни. Особенно хорошо поютъ черный дроздъ и пѣвчій; но и ихъ можно также выучить разнымъ пѣснямъ. Зяблики, щеглята, рѣполовы, овсянки — это уже всѣми признанные пѣвцы. Хвалить ихъ нечего.

Такимъ образомъ, вмѣсто пугливыхъ, дикихъ птичекъ, вы можете населить вашъ домъ ручными птицами, которыя будутъ любить васъ, какъ дѣти отца, которыхъ не надо держать въ неволѣ, въ тѣсныхъ клѣткахъ, съ которыми вы можете свободно гулять по саду. Берегите ихъ только отъ кошекъ да отъ злыхъ людей. Если у васъ есть садикъ, а въ домѣ лишняя комнатка, то при любви и терпѣніи вы можете развести въ вашемъ садикѣ мно-

жество птичекъ. Выростивъ ихъ и пріучивъ къ себѣ, весной дайте имъ свободу. Многія изъ нихъ совьютъ свои гнѣздышки тутъ-же, въ саду, и выведутъ дѣтокъ. Тогда вы возьмите гнѣздо съ птенчиками и перенесите въ свой птичникъ. Ваши ручныя птички смѣло станутъ летать туда, въ свое старое жилище, и выкормятъ дѣтокъ, а эти дѣтки будутъ еще ручнѣе, еще привязаннѣе къ вамъ, чѣмъ ихъ отцы и матери.

Пасхальное яичко.

Скоро наступитъ Свѣтлый праздникъ. Во всѣхъ христіанскихъ храмахъ соберутся толпы народа и, ровно въ полночь, служитель алтаря провозгласитъ радостныя слова: «Христосъ Воскресе!». Звонко загудятъ колокола и разнесутъ вѣсть о томъ далеко по окрестности.

Велика, торжественна эта минута въ жизни всего христіанскаго міра. Больной, измученный болѣзнію, почувствуетъ себя легче, потому что звонъ колокола принесетъ ему надежду на выздоровленіе. Бѣднякъ, изнуренный нуждой, услышавъ эти два слова, укрѣпится духомъ; они дадутъ ему надежду на лучшее будущее, и онъ готовъ будетъ на новый трудъ, на новую борьбу съ нуждой.

Да, великъ смыслъ этихъ двухъ словъ, потому что съ тѣхъ поръ, когда впервые были произнесены они, жизнь человѣчества пошла по пути правды, добра и взаимной любви.

«Люби другого какъ самого себя; прощай врагамъ своимъ», училъ Искупитель міра и своими страданіями подалъ лучшій примѣръ всепрощенія.

Съ тѣхъ поръ, какъ произнесено было впервые «Христосъ Воскресе», борьба добра и любви со зломъ, съ черствымъ эгоизмомъ и неправдой не прекращалась и долго еще не прекратится; но злу положенъ предѣлъ; торжество добра выступаетъ ярче и ярче; міръ добрѣетъ на погибель злу.

Подъ покровомъ великаго ученія Христа развились науки. Знанія, добытыя ими, съ каждымъ днемъ даютъ болѣе и болѣе средствъ доброй, честной половинѣ человѣчества противодѣйствовать нуждѣ и злу, спасать слабыхъ и поддерживать ихъ въ жизненной битвѣ.

«Христосъ Воскресе!» говоримъ мы другъ другу, и эти слова звучатъ радостно для насъ, потому что это символъ будущей жизни, символъ надежды, безъ которой жизнь невозможна.

«Тамъ, за гробомъ, училъ Христосъ, есть жизнь безконечная, жизнь безъ болѣзней и печалей; но творите добрыя дѣла, потому что каждому тамъ воздастся по дѣламъ его».

Въ память этого, въ первыя времена христіанства установился обычай: когда наступитъ Свѣтлый день, встрѣчаясь, люди радостно восклицаютъ: «Христосъ Воскресе!» и дарятъ другъ другу яичко.

Какой смыслъ въ этомъ подаркѣ? Почему дарятъ именно яичко, а нечто другое?

Подождите, и вы получите нѣсколько яичекъ:

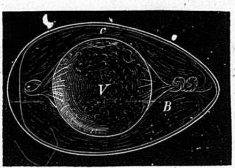
тутъ будутъ сахарныя, стеклянныя, фарфоровыя, бумажныя, будутъ и простыя куриныя, крашеныя яички. Какое самое лучшее изъ нихъ?

Конечно, куриное, потому что только въ немъ одномъ заключается истинный смыслъ пасхальнаго подарка.

Разбейте скорлупу, облупите красное яичко. Подъ скорлупой бѣлое, упругое вещество—бѣлокъ (*B*); а въ немъ лежитъ желтый шарикъ (*V*), называемый желткомъ.

Какъ-бы ни разрѣзали бѣлокъ и желтокъ, мы не найдемъ тамъ никакихъ признаковъ живого существа.

Возьмемъ другое красное яичко и положимъ его куда-нибудь. Оставимъ его въ покоѣ на болѣе или менѣе долгое время, а потомъ разобьемъ скорлупу. Попрежнему, въ яичкѣ окажется бѣлокъ и желтокъ; и то, и другое съежилось, высохло и издаетъ непріятный запахъ; яичко протухло, жизни въ немъ нѣтъ и признаковъ.

Продольный разрѣзъ яйца. Тѣло есть желтокъ, а вверху его видно бѣлое пятнышко *c*. Отъ желтка вправо и влѣво идутъ канатики.

Возьмемъ свѣжее, невареное яичко и разобьемъ скорлупу: бѣлокъ жидокъ, прозраченъ, желтый шарикъ, плавающій въ немъ, состоитъ также изъ жидкаго вещества. Выпустимъ содержимое яйца на блюдечко: бѣлокъ расплывется неправильно во

всѣ стороны, а желтокъ только сплюснется въ лепешечку, но не расплывется. Очевидно, онъ покрытъ оболочкой, но она такъ тонка и прозрачна, что мы не видимъ ее. Смотрите, на желткѣ какое-то маленькое, круглое, бѣлое пятнышко (с). Замѣтьте его. Послѣ узнаемъ, что это такое.

Возьмемъ теперь нѣсколько самыхъ свѣжихъ яицъ и положимъ ихъ какъ-разъ туда, куда клали красныя пасхальныя яички.

Спустя мѣсяцъ, разобьемъ одно изъ нихъ. Никакой почти перемѣны. Только желтокъ сталъ чуть-чуть пожелтѣе, отчего бѣлое пятнышко видно яснѣе.

Разобьемъ другое, спустя три мѣсяца: бѣлокъ слегка помутился, желтокъ сталъ еще болѣе желтымъ, а пятнышка не видать. За то пустота въ тупомъ концѣ яйца стала больше.

Разобьемъ третье, спустя полгода: фу, какой мерзкій запахъ! Бѣлокъ совсѣмъ мутный, желтокъ расплывается. Бѣлаго пятна и слѣдовъ нѣтъ. — «Яйцо протухло, говоримъ мы. Ѣсть его нельзя: во-первыхъ, запахъ противенъ: во-вторыхъ, — оно вредно».

Разобьемъ четвертое яицо, спустя годъ или два: запаха нѣтъ; но яичко почти пусто; только у остраго конца его высохшій бѣлокъ, а въ немъ комочекъ сухого желтка.

Что-же, спросите вы, мы клали вареныя и сырыя яички: они протухали, высыхали, портились. Почему-же куриное яичко, какъ пасхальный подарокъ, лучше стеклянаго, фарфороваго, сахарнаго? Куриное яичко портится, а эти я положу куда-нибудь и они сохраняются неизмѣнно пять, десять, двадцать лѣтъ и болѣе, сохраняются безконечно, пока ихъ кто-нибудь не разобьетъ.

Да, вы правы, искусственныя яички прочнѣе; а положите ихъ и свѣжее куриное яичко подъ курицу: искусственныя яички и тутъ сохраняются вполнѣ, только запачкаются. Изъ куринаго-же выйдетъ черезъ двадцать одинъ день прехорошенькій живой цыпленокъ.

Откуда онъ взялся? На двадцатый день мы смотрѣли яички: скорлупы ихъ были цѣлы. Никто не могъ посадить туда цыпленка. Ясно, что въ эти двадцать одинъ день, въ яичкѣ, подложенномъ подъ курицу, произошло нѣчто, чего не было въ яичкахъ, которыя мы клали просто на полку.

Куда дѣвались бѣлокъ и желтокъ? Ихъ не осталось и слѣда въ яичкѣ, изъ котораго вышелъ цыпленокъ. Съѣсть ихъ никто не могъ. Слѣдовательно, изъ желтка и бѣлка, въ которомъ мы не замѣчали никакихъ признаковъ жизни, образовалось живое существо—цыпленокъ.

Сдѣлаемъ еще опытъ. Возьмемъ сырыя и вареныя яица, а въ числѣ сырыхъ возьмемъ самыя свѣжія и такія, которыя снесены мѣсяцъ назадъ. Подложимъ ихъ подъ насѣдку. Будемъ ее кормить, поить, холить, чтобы она хорошо высиживала.

Пришелъ двадцать первый день. Вареныя яички остались такими-же, только поусохли и протухли.

Въ сырыхъ яичкахъ, въ старыхъ, залежавшихся, все перепуталось. Противный запахъ указываетъ, что они совсѣмъ испортились. Напротивъ, въ свѣжихъ яичкахъ почти во всѣхъ хорошенькіе живые цыплятки.

Вы скажете, можетъ быть, что цыплятки завелись въ нихъ оттого, что мы подложили ихъ подъ курочку?

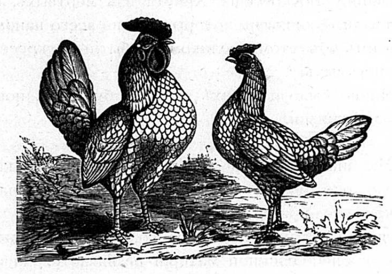
Сдѣлаемъ еще опытъ. Положимъ свѣжее яичко въ такой ящикъ, который можно-бы было нагрѣвать до теплоты нашего собственнаго тѣла. Будемъ стараться только объ одномъ, чтобы въ ящикѣ эта теплота не увеличивалась и не уменьшалась. И ровно на двадцать первый день изъ яичка выйдетъ цыпленокъ.

Вотъ видите-ли, для того, чтобы желтокъ и бѣлокъ куринаго яичка превратились въ цыпленка, нужна только небольшая, но постоянная теплота.

Этого мало; нужно, чтобы самое яичко было свѣжее, неиспорченное; нужно, чтобы въ желткѣ было непремѣнно то *бѣлое пятнышко*, о которомъ мы говорили. Это бѣлое пятнышко и есть зачатокъ будущаго цыпленка. Оно все состоитъ изъ двухъ слоевъ мелкихъ, прозрачныхъ пузырьковъ, съ еще болѣе мелкими крупинками внутри. Кромѣ этихъ пузырьковъ, ничего тутъ нѣтъ. Но, тѣмъ, не менѣе, это живое существо. Въ немъ невидимо для нашего глаза природа собрала всѣ части цыпленка, но его нѣтъ еще. Жизнь дремлетъ въ этомъ существѣ. Оно погружено въ глубокій сонъ.

Положите яичко подъ курочку. Едва оно согрѣлось, прошелъ часъ, два—бѣлое пятнышко не узнаваемо. Живнь забила въ немъ живымъ ключемъ. Пройдетъ еще нѣсколько часовъ, если только яичко не остыло отъ нашей небрежности, и въ бѣломъ пятнышкѣ мы увидимъ первыя неясныя очертанія цыпленочка.

Пройдетъ еще немного времени, и мы увидимъ глаза, мозгъ; мы увидимъ сердце, бьющееся, живое

Сибрайтовыя бентамки.

сердце, съ прозрачными трубочками, идущими отъ него, въ которыхъ течетъ алая кровь.

Скажите-же мнѣ теперь, неужели стеклянное, фарфоровое и другія подобныя дорогія яички лучше этого простого, куринаго? Какъ-бы они ни были разукрашены, но въ нихъ нѣтъ и не можетъ быть жизни. Это тѣ-же камни

А сколько чуднаго, какія волшебныя превращенія находимъ мы въ простомъ куриномъ яичкѣ! Бѣлое, неподвижное пятнышко, какъ-будто мертвое, плаваетъ въ желткѣ нѣсколько недѣль и, вдругъ, подъ вліяніемъ тепла, оно начинаетъ превращаться въ живое существо.

Вотъ почему только сырое куриное яичко можетъ назваться настоящимъ пасхальнымъ.

Древніе христіане, поздравляя другъ друга въ годовщину Воскресенія Христа изъ мертвыхъ, обмѣнивались яичками, которыя лучше всего напоминали имъ объ этомъ великомъ событіи воскресенія изъ мертвыхъ.

Яичко было для нихъ знакомъ будущей, новой молодой жизни.

Мы знаемъ теперь смыслъ пасхальнаго яичка и каково оно должно быть, чтобъ напомнить намъ Воскресеніе Христово. Мы должны сознаться, что это яичко открыло намъ дивную тайну природы—какъ изъ неподвижной матеріи развивается жизнь.

Было-бы непростительно, если бы мы ни слова не сказали о томъ существѣ, которое даетъ это яичко, т. е. о нашей домашней курицѣ.

Никто такъ не оживляетъ природу, какъ птицы. Быстро носятся онѣ по воздуху на своихъ легкихъ крыльяхъ. Блестящіе цвѣта ихъ мелькаютъ въ зелени лѣсовъ и луговъ. Крики и пѣсни ихъ наполняютъ воздухъ. Неисчислимое множество разныхъ птицъ населяетъ землю; всѣ онѣ принадлежатъ къ

12—13 тысячамъ видовъ, въ которые группируются птички, сходныя между собой, какъ группируются племена человѣческія.

Между людьми мы различаемъ нѣмцевъ, французовъ, русскихъ и др.; такъ между птицами мы различаемъ голубей, воробьевъ, гусей, воронъ, утокъ, и т. д. И вотъ, въ числѣ этихъ 12 тысячъ видовъ курочка составляетъ одинъ видъ. Но если мы познакомимся хорошенько съ этой курочкой, то должны будемъ сознаться, что она одна приноситъ намъ больше пользы, чѣмъ тысячи другихъ видовъ птицъ.

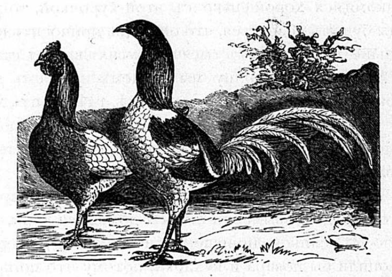
Домашнюю курицу мы найдемъ на всемъ пространствѣ земли, въ любомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ хотя бы бѣднѣйшая хижинка. Всюду и вездѣ курочка, подобно собакѣ, составляетъ неизмѣннаго спутника сколько-нибудь цивилизованнаго человѣка.

Представьте себѣ необычайный случай. Вдругъ, въ одинъ день, вымерли-бы всѣ домашнія куры. Это было бы великое лишеніе для человѣчества. Первые завопили бы повара и кухарки, потому что по крайней мѣрѣ половину нашихъ обыкновенныхъ блюдъ нельзя бы было приготовить. Какъ огорчились бы ребятки, и бѣдные, и богатые, не получивъ на завтракъ куринаго яичка или яишенки. Да, это было бы великое несчастіе, потому что нѣтъ другой птицы, которая могла-бы намъ замѣнить курочку. Нѣтъ другой птицы, которая довольствовалась-бы столь малымъ, какъ курочка, и давала-бы такъ много.

Вотъ на краю деревни стоитъ маленькая, полуразвалившаяся избенка. Тамъ живетъ бѣдная, ни-

щая старушка. Она не въ силахъ зарабатывать себѣ хлѣбъ, но добрые люди не даютъ ей умереть съ голоду: одинъ дастъ мучки, другой—хлѣба, третій сунетъ ей пирожка, чтобы она помолилась за грѣхи его.

Около избенки копошатся курочки: это единственное богатство убогой старушки. Она дѣлитъ съ ними свою милостыню зимой, чтобъ онѣ не умер-

Малайскія (бойцовыя) куры.

ли съ голоду; но какъ только наступитъ весна, растаетъ земля вокругъ избенки, выростутъ травки, цвѣточки, курочкамъ не нужно больше хозяйскаго хлѣба. Онѣ сами добудутъ себѣ пищу. Онѣ нанесутъ старушкѣ много, много яицъ; высидятъ и выростятъ цыплятокъ, которыхъ старуха продастъ и запасется деньжонками, чтобы купить шубенку на зиму.

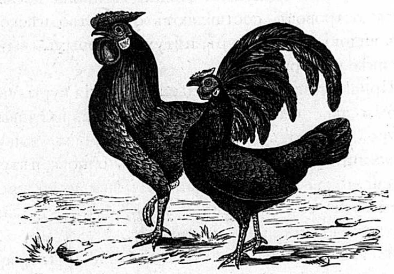
Обратите вниманіе на вашъ завтракъ, обѣдъ, ужинъ; часто ли бываютъ случаи, когда на столъ къ вамъ не попадетъ курочка или ея яичко? Вкусныя булки, сухарики, хлѣбцы рѣдко могутъ быть приготовлены безъ яичка. Безъ него не обойдется почти ни одинъ пирогъ или пирожное. Ни одинъ, самый искусный поваръ не приготовитъ обѣда, не употребивъ для него нѣсколько яичекъ. Говорятъ, что два яйца по своей питательности равны фунту мяса. Куриный супъ намъ даютъ послѣ тяжкой болѣзни, считая его самымъ легкимъ кушаньемъ. А жареные цыплята, цыплята подъ соусомъ и т. д. развѣ это не любимыя наши кушанья? Курникъ, этотъ національный русскій пирогъ, развѣ онъ не вкусенъ? Да, вѣдь, это имянинный пирогъ богатаго и бѣднаго. Этого мало, не будь куринаго яичка, мы не могли бы носить красивыя платья изъ ситцевъ, потому что не были бы въ состояніи придать ситцамъ пестрый узоръ и укрѣпить на нихъ краски. Изъ бѣлка куринаго яйца добывается особое вещество, называемое «альбуминомъ». Стоитъ только бумажную ткань пропитать этимъ веществомъ, и она удержитъ всякую краску, которую наложатъ на нее самыми причудливыми узорами. Безъ этого альбумина фотографъ не можетъ укрѣпить намъ портретъ на бумагѣ. Однако, мнѣ не перечислить всего полезнаго, всѣхъ тѣхъ удобствъ, которыя доставляютъ намъ въ жизни курочка и ея яички. И она сама, а тѣмъ болѣе ея яйца стоятъ очень дешево. Поэтому курочка служитъ и богатому, и

бѣдному; но, при этой дешевизнѣ, курица и яйца играютъ громадную роль въ торговлѣ. Въ Россіи насчитываютъ теперь до 100 милліоновъ жителей. Только у кочевыхъ самоѣдовъ и другихъ жителей сѣвера, да у нѣкоторыхъ племенъ бродячихъ киргизовъ не разводятъ куръ. У всѣхъ остальныхъ осѣдлыхъ жителей мы непремѣнно найдемъ эту птицу. Положимъ, что на каждаго жителя приходится только двѣ курицы, слѣдовательно, въ Россіи существуетъ около 200 милліоновъ куръ. Эти куры среднимъ числомъ дадутъ по пятидесяти яицъ и высидятъ, кромѣ того, по пяти циплятъ; тогда получимъ десять милліардовъ яицъ и одинъ милліардъ цыплятъ. Допустимъ, что сотня яицъ стоитъ 50 к., а цыпленокъ только 5 коп., слѣдовательно, двѣсти милліоновъ куръ даютъ дохода Россіи 100 милліоновъ рублей. Вы, конечно, согласитесь, что всѣ эти расчеты ниже дѣйствительности и по такимъ цѣнамъ рѣдко гдѣ можно купить яйца и цыплятъ. Но, по крайней мѣрѣ, вы видите, какое значеніе имѣетъ домашняя курочка въ торговлѣ и въ жизни.

И этого еще мало: пѣтухъ принадлежитъ къ числу самыхъ красивыхъ птицъ. Кто изъ насъ не любовался бойкими и хорошенькими цыплятами? Кто изъ насъ не видалъ, какъ заботливо водитъ ихъ насѣдка? Кто изъ насъ не смѣялся, глядя на дерущихся пѣтуховъ? Полуночный крикъ пѣтуха служитъ крестьянину, вмѣсто часовъ, указателемъ времени. И такъ вы видите теперь, что курица очень

важная персона въ нашей обыденной жизни. Позвольте же мнѣ разсказать, откуда она взялась.

На югѣ отъ Гималаевъ лежитъ обширная страна, называемая Индіей. Теплый тропическій климатъ, множество большихъ и малыхъ рѣкъ, дивная растительность, разнообразный животный міръ дѣлаютъ

Банкивскія куры.

эту страну земнымъ раемъ. Здѣсь сосредоточены прекрасныя условія для жизни человѣка. А потому нечего удивляться, что исторія указываетъ намъ на Индію, какъ на колыбель цилизаціи, какъ на ту страну, изъ которой вышли арійскіе народы, населившіе Азію, Африку и Европу, и развели съ собой домашнихъ животныхъ. Въ этой-то странѣ, по берегамъ рѣкъ, ростутъ цѣлые лѣса бамбука и камышей, называемыя *джунглями*. Различныя деревья

и кустарники пестрятъ непроходимыя чащи джунглей, составляющихъ прiютъ множества животныхъ. Здѣсь прячется страшный тигръ, подкарауливая бродящiя стада кабановъ и антилопъ; здѣсь раздается непрiятный крикъ дикаго павлина; здѣсь живетъ множество другихъ красивѣйшихъ птицъ, и изъ этой-то чащи раздается знакомый всѣмъ намъ крикъ пѣтуха. Джунгли Индiи, Цейлона и Зондскихъ острововъ составляютъ отечество нѣсколькихъ видовъ дикихъ куръ, пѣтухи которыхъ—одинъ красивѣе другого.

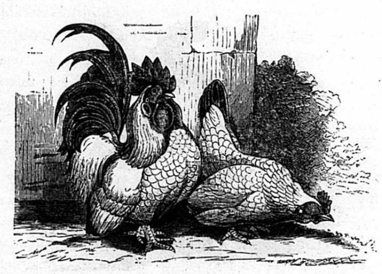
Привычками и образомъ жизни дикiя куры очень похожи на домашнихъ; но онѣ дики, пугливы и быстро убѣгаютъ отъ человѣка. Курочки живутъ стайками, подъ покровительствомъ одного пѣтуха. Весной дикая курица устраиваетъ гнѣздо на землѣ, среди густыхъ джунглей, и, положивъ 7—10 яицъ, выводитъ въ три недѣли циплятъ.

Во времена глубокой древности, индусы приручили *банкивскаго* пѣтуха и его курочку. Отъ этихъ-то куръ произошли всѣ разнообразныя породы домашнихъ куръ. Время прирученiя банкивскаго пѣтуха неизвѣстно съ точностью; но, по всей вѣроятности, это было не менѣе какъ за 2000 лѣтъ до Рождества Христова. Китайскiя лѣтописи, писанныь за 1400 лѣтъ до Рождества Христова, упоминаютъ уже о домашней курицѣ, а такъ-какъ въ Китаѣ дикихъ куръ нѣтъ, то, слѣдовательно, домашняя курица привезена туда изъ Индiи и, конечно, долго уже спустя послѣ ея прирученiя. Изъ

Индiи домашняя курица распространилась постепенно на западъ—въ Авганистанъ, Персiю, на Кавказъ, въ Сирiю, а отсюда въ Европу и Африку.

Теперь домашняя курица встрѣчается буквально на всемъ земномъ шарѣ, гдѣ только живетъ осѣдло человѣкъ.

Оцѣнивъ пользу курицы, человѣкъ всегда старался отбирать на племя лучшихъ циплятъ; одни

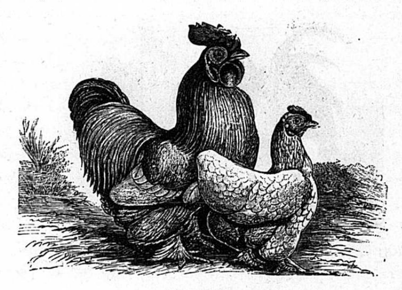

Корольки.

оставляли на племя цыплятъ тѣхъ курочекъ, которыя несли больше яицъ; другiе—подбирали болѣе крупныхъ куръ; третьи—самыхъ красивыхъ. Такимъ образомъ, въ каждой странѣ курица измѣнялась подъ влiянiемъ искусственнаго подбора, и произошли самыя разнообразныя породы.

Есть породы, пѣтухи которыхъ вѣсятъ 15—17 фунтовъ; есть другiя, пѣтушокъ которыхъ вѣситъ

не болѣе 1 фунта; есть породы куръ, которыя несутся почти цѣлый годъ, но зато совсѣмъ отвыкли насиживать яйца. И всѣ эти особенности породъ выработаны искусственнымъ подборомъ и умѣньемъ куроводовъ. Въ этомъ отношеніи англичане не имѣютъ соперниковъ. Никто не привезъ въ Европу столько породъ домашнихъ куръ изъ Азіи, Африки и Америки, какъ англичане. Никто не умѣетъ такъ

Кохинхинки.

улучшить существующія породы нли вывести новыя, какъ тѣ-же англичане. Страсть къ домашнимъ животнымъ дошла у англичанъ до крайности. Они платятъ за хорошихъ животныхъ баснословныя деньги; достаточно сказать, что иногда за пѣтуха какой-нибудь цѣнной породы платили 2000—3000 рублей. Ежегодно по всей Англіи устраиваются куриныя выставки и за лучшихъ птицъ даютъ цѣнные

призы. Поэтому куроводы всѣми мѣрами стараются улучшить породы своихъ птицъ, чтобы получить за нихъ призы. Многіе, наиболѣе знающіе и счастливые куроводы, составили себѣ этимъ большое состояніе.

Настоящая англійская породы—это *Доркингъ*, у которой пять пальцевъ. Доркинги очень цѣнятся за свое вкусное мясо.

Изъ Индіи давно уже англичане вывезли мѣстную полудикую породу, отличающуюся красотой перьевъ и тѣмъ, что пѣтухи этой породы отчаянно дерутся между собою. Страстно любя зрѣлища, англичане воспользовались этимъ и устроили пѣтушиные бои, а самую породу назвали *Бойцовой*.

Среди комнаты устраиваютъ круглую загородку и пускаютъ туда двухъ пѣтуховъ. Увидавъ другъ друга, пѣтухи вступаютъ въ жестокій бой, кончающійся смертью одного изъ бойцовъ. Побѣдитель даетъ хозяину иногда очень цѣнный призъ. Такъ, напр., у нѣкоего Джемса Фильда былъ знаменитый пѣтухъ-боецъ Варіоръ, который своими побѣдами доставилъ владѣльцу 200,000 шиллинговъ. Не довольствуясь улучшеніемъ бойцовой породы, англичане вывели еще *бойцовыхъ бентамокъ*—крошечнаго роста, но замѣчательной храбрости. Одинъ изъ такихъ карликовъ, по имени Джекъ, побѣдилъ 52 большихъ бойцовыхъ пѣтуховъ. Фильдъ предложилъ хозяину Джека пустить его въ бой съ Варіоромъ. И—крошка Джекъ убилъ знаменитаго бойца, доставивъ хозяину призъ въ 5,000 шиллинговъ. Конечно, это за-

бава глупая и недостойная образованнаго человѣка; но мы говоримъ о томъ, что есть.

Англичане улучшили *Испанскихъ* и *Гамбургскихъ* куръ, которыя несутъ по 200—250 яицъ въ годъ. Они вывезли изъ Шанхая знаменитыхъ *Кохинхинокъ* и изъ Америки громадныхъ *Брамапутра*, у которыхъ пѣтухъ вѣситъ до 17 фунтовъ, а курица болѣе 10 фунтовъ.

Брамапутра.

Англичане вывели нѣсколько породъ куръ-карликовъ величиной почти съ голубя, которыхъ называютъ *Бантамками*, а у насъ въ Россіи *Корольками*. Изъ бантамокъ порода *Сибрайтова* славится своей дивной красотой. Мы прилагаемъ здѣсь рисунокъ пѣтушка и курочки. Посмотрите, какъ они милы. Это крошки — немного больше голубя. Перышки ихъ серебристо-бѣлаго цвѣта и каждое обведено черной каемкой. Нарисовать эти перышки легко:

но, поймите, сколько труда и знанія употребилъ Сибрайтъ, чтобы вывести эту красивѣйшую породу. Это знаютъ хорошо куроводы, которымъ съ большимъ трудомъ удается удержать окраску перьевъ сибрайтовыхъ бантамокъ. Къ сожалѣнію, у насъ этихъ курочекъ пока почти нельзя достать; да и въ Англіи онѣ продаются дороже всѣхъ другихъ породъ. Впрочемъ, кромѣ этой рѣдкой породы, есть другія, тоже красивыя бантамки, которыхъ легко достать въ любомъ городѣ.

Бантамки самыя миловидныя и красивыя изъ куръ. Ихъ можно держать въ комнатѣ, просто, въ большой клѣткѣ. При хорошемъ уходѣ, курочки начинаютъ нести яйца уже въ ноябрѣ. Яички ихъ маленькія, небольше голубиныхъ, съ гладкой, розоватой скорлупкой. За то они превосходнаго вкуса.

Но довольно, всего не перескажешь вамъ о своихъ любимцахъ.

Если васъ заинтересовалъ разсказъ о яичкѣ и курочкѣ, купите весной, вмѣсто дорогаго фарфороваго яйца или ни на что негодной игрушки, пару курочекъ бантамокъ и хорошенькаго пѣтушка: они доставятъ вамъ много удовольствія. Зимой онѣ будутъ угощать васъ вкусными яичками, а лѣтомъ выведутъ крохотныхъ прехорошенькихъ цыплятъ. И съ какой гордостью, на будущую Пасху, христосуясь, вы дадите кому-нибудь яичко отъ вашей собственной курочки.

Колюшка.

Если вы пойдете гулять по берегамъ Невы, или одного изъ ея рукаковъ (Невокъ), то вамъ не трудно будетъ замѣтить, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мелко, маленькую проворную рыбку.

Зовутъ ее *колюшкой*. Величиной эта рыбка вершокъ, или много, если 1½ вершка. Каждый рыболовъ, каждый любитель уженья знаетъ колюшку; но ни въ садкѣ рыболова, ни въ сѣткѣ удильщика ее не найти. Никому она не нужна, никому не интересна. Для ловли удочкой колюшка черезъ-чуръ мала. Рыболову она не въ прокъ, если и попадетъ въ сѣти. Ѣсть ее никто не станетъ — мала и колюча. Даже самыя хищныя рыбы, какъ щука, и тѣ не ѣдятъ колюшки, а если проглотятъ невзначай, такъ дорого приходится

Колюшка.

платиться за это, иной разъ даже жизнью, потому что, при своемъ маломъ ростѣ, колюшка имѣетъ такую защиту отъ враговъ, какой нѣтъ даже у ерша.

Ея тѣло не покрыто чешуйками; за то на бокахъ лежитъ рядъ костяныхъ пластинокъ. Такія-же пластинки прикрываютъ переднюю часть брюшной стороны тѣла, начиная отъ горла. Головка тоже одѣта костяными пластиночками, хоторыя простираются отъ нея по спинѣ до спинного плавничка. Это настоящая кираса, защищающая всѣ чувствительныя мѣста рыбки. Кромѣ того, на спинныхъ пластинкахъ сидятъ нѣсколько острыхъ, костяныхъ иголъ — колючекъ (откуда произошло и названіе рыбки). На брюшной части кирасы тоже есть пара иголъ. Колючки эти прикрѣплены такъ, что могутъ двигаться по желанію рыбки; при видѣ опасности, она приподнимаетъ ихъ; въ спокойномъ состояніи колючки отклоняются назадъ и прижимаются къ тѣлу.

Благодаря этимъ колючкамъ, рыбку никто почти не ѣстъ, даже и самыя хищныя рыбы.

Никому не охота уколоться ея острыми иглами. Поэтому жизнь колюшки, какъ говорится, должна течь какъ по маслу. И тамъ, гдѣ этимъ рыбкамъ удобно, онѣ живутъ во множествѣ. Въ жизни ихъ, какъ и вообще въ жизни рыбъ, много страннаго, неразгаданнаго. Въ самой прозрачной, чистой водѣ озера или рѣки нашъ глазъ можетъ видѣть лишь на ничтожной глубинѣ—не болѣе двухъ-трехъ ар-

шинъ. А жизнь водныхъ животныхъ, самое число ихъ особей и видовъ въ глубокихъ водахъ значительнѣе, чѣмъ на мелководьи.

Поэтому не удивительно, что жизнь рыбъ и другихъ водныхъ животныхъ до сихъ поръ мало извѣстна. Такъ, напр., не болѣе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ назадъ узнали одно изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій въ жизни рыбъ — *гнѣздованіе колюшки*. Мы привыкли видѣть гнѣзда птицъ, искусство которыхъ въ витьѣ ихъ нерѣдко изумляетъ насъ. Но витье гнѣздъ рыбами—явленіе исключительное, необычное для насъ. Это-то необычное явленіе и существуетъ въ жизни колюшки.

Въ маѣ мѣсяцѣ у колюшки наружность рѣзко измѣняется. Спинка ея дѣлается блестящей, зеленоватой, а брюшко и плавники дѣлаются красными. Движенія рыбки становятся еще болѣе живыми, быстрыми, чѣмъ прежде.

Колюшка выбираетъ на днѣ какую-нибудь ямку, углубляетъ ее, разрывая песокъ, разбрасывая камешки. Затѣмъ, она начинаетъ таскать стебельки водяныхъ растеній, укладываетъ ихъ въ ямку, искусно укрѣпляетъ камешками, пескомъ, переплетаетъ между собой и, наконецъ, изъ этого матеріала строитъ красивое гнѣздышко, съ двумя входами, похожее на муфту.

Когда гнѣздо готово, колюшка плыветъ въ стадо, выбираетъ подругу и уводитъ въ гнѣздо. Тамъ самочка выметываетъ икру и уплываетъ прочь. Самецъ-строитель, напротивъ, остается у гнѣзда и

бережетъ икру отъ враговъ, пока изъ нея не выклюнутся молодыя колюшки. Это одинъ изъ немногихъ примѣровъ заботливости рыбъ о своихъ дѣтяхъ, составляющій рѣзкую особенность колюшки.

Къ сожалѣнію, эту особенность наблюдали мало. А между тѣмъ, сдѣлать это очень легко.

Если есть у васъ акварій порядочной величины, въ которомъ разрослась валиснерія *), пустите въ него, въ концѣ мая или іюня, нѣсколькихъ колюшекъ. Только знайте напередъ, что колюшки не дадутъ пощады ни какому животному изъ тѣхъ, которыя обыкновенно содержатся въ акваріяхъ. Колюшки истребятъ всѣхъ улитокъ; они объѣдятъ хвосты и плавники золотымъ рыбкамъ, гальянамъ и плотичкамъ, замучаютъ ихъ до смерти и объѣдятъ мертвыхъ. Пересадите мирныхъ обитателей въ другой акварій. Кормите колюшекъ рыбьимъ мясомъ, улитками, рачками, насѣкомыми—и можно навѣрное сказать, что колюшка совьетъ гнѣздо; особенно, если кромѣ валиснеріи, будутъ въ акваріѣ клѣтчатыя водоросли и другія мелкія растенія, живущія въ озерахъ, рѣкахъ и болотахъ.

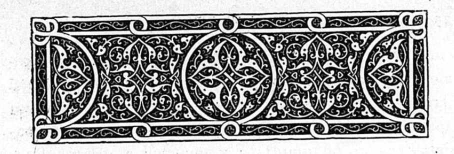
Тогда вы полюбуетесь, какъ рыба строитъ гнѣздо не хуже самой искусной птички. А въ концѣ-концовъ, вы увидите, какъ рыбки мечутъ икру; какъ изъ этой икры потомъ выйдутъ крошечныя колюшки и расплывутся по акварію, таская съ собой, словно

*) Самое обыкновенное водяное растеніе, разводимое въ акваріяхъ.

грузило, желточные пузыри. Черезъ нѣсколько дней, эти пузыри всосутся въ тѣло, исчезнутъ, и бойкія колюшки будутъ гоняться за дафніями, циклопами и другими крохотными рачками.

Это много занятнѣе, чѣмъ держать однѣхъ только глупыхъ золотыхъ рыбокъ. И вашъ акварій будетъ тогда маленькимъ уголкомъ рѣки, гдѣ вы потомъ познакомитесь съ жизнью того воднаго міра, который скрытъ отъ нашихъ глазъ непрозрачностью толстыхъ слоевъ воды.

Жозефъ Реми.

Вода, говорятъ, краса природы. Нѣтъ, не только краса—это первое условіе жизни на землѣ, и тамъ, гдѣ нѣтъ воды, жить невозможно. Водой можно любоваться въ самыхъ разнообразныхъ ея формахъ, и это дѣло вкуса. Одному нравится сердитый, старый океанъ въ страшныя минуты гнѣва, когда его взволнуетъ штормъ. Другой любитъ тихіе заливы лазурнаго моря. Третьему нравится горное озеро, съ его гладкой, зеркальной поверхностью. Отъ четвертаго вы услышите: «нѣтъ, не люблю я эти стоячія воды; то ли дѣло широкая рѣка, съ ея островками, ко-

сами и отмелями. Тутъ и просторъ моря и движеніе». Да, а иной говоритъ: «нѣтъ лучше ручейка. Это ребенокъ между водами—бойкій, веселый, шаловливый». И правда, ребенокъ; вѣдь, ручеекъ начинается въ родничкѣ, а кончается въ рѣчкѣ. Родничекъ же есть то мѣсто у подножія горы, или на днѣ глубокаго оврага, гдѣ родится вода. Какъ родится?!—Да развѣ вода родится? спросите вы. Конечно, иначе бы родникъ и не назвали *родникомъ?* здѣсь вода выходитъ на свѣтъ Божій такъ-же, какъ цыпленокъ изъ яйца. Многіе годы, десятки, сотни, тысячи лѣтъ водяныя капли таятся и странствуютъ въ нѣдрахъ земли, блуждаютъ тамъ, сливаются въ струйки, въ подземныя рѣки и озера и, наконецъ, прорвутся гдѣ-нибудь у склона горы на земную поверхность. Одна за другой вырываются струйки наружу, какъ будто каждой хочется взглянуть на солнышко. Струйки эти прорываютъ въ землѣ маленькіе канальцы и трубочки, сердятся, торопятся, бьютъ ключемъ, швыряютъ песчинки и камешки; и вотъ, наконецъ, образуютъ родничокъ — свѣтлый, кипучій, холодный. Все живое бѣжитъ, летитъ, ползетъ къ нему, чтобы напиться живой воды. А родникъ самодовольно клокочетъ, бурлитъ, все больше и больше выбрасываетъ наружу песку и камешковъ, все шире и шире дѣлаются канальцы, по которымъ бѣгутъ его струйки. Наконецъ, ямка родника переполняется; бойкая струйка побѣжала черезъ край, за ней другая, десятая, сотая — и не сочтешь, словно стадо овецъ.

Народился *водяной мальчикъ*—побѣжалъ ручей. Какъ малый ребенокъ, нетвердыми шагами пробирается онъ по дну долины: тутъ стукнется о камень, надуется, метнется въ сторону; тамъ наткнется на земляную глыбу, опять шлепнется на бокъ и своротитъ въ сторону. Бѣгутъ первыя струйки, прокладываютъ дорогу другимъ; этимъ уже легче, а третьимъ еще легче—дорога проложена. Потекъ ручей, течетъ годы, десятки, сотни лѣтъ, промоетъ себѣ въ землѣ уютное ложе. Все легкое, всякій мусоръ, перегной растеній, черноземъ — все унесутъ его струйки. Унесутъ онѣ и глину, унесутъ мелкій и крупный песокъ; устелетъ родникъ свое ложе самоцвѣтными камешками да хрящикомъ и заживетъ въ чистенькой комнаткѣ, съ каменнымъ поломъ. Не любитъ онъ никакой грязи; къ тому-же и прихотникъ великій: всякій камешекъ обточитъ, закруглитъ, и бѣгутъ его струйки по ковру мозаичному; не налюбуются ими и звѣрь и птица; всѣ они бѣгутъ и летятъ къ ручью, чтобы утолить свою жажду. Не даромъ я сравнивалъ ручей съ ребенкомъ: это самая чистая, рѣзвая и капризная вода природы. Въ дѣтствѣ я проводилъ бывало цѣлые часы на берегу ручья. Меня занимало, какъ весело бѣгутъ водяныя струйки. Надѣлаешь изъ коры осокоря крошечныхъ лодочекъ, съ мачтами и парусами, пустишь этотъ флотъ изъ гавани и бѣжишь вслѣдъ за нимъ, чтобы подать помощь тому или другому судну въ минуты опасности, а такихъ минутъ и не перечтешь: то выкинетъ фрегатъ на бе-

регъ, то налетитъ корабль на подводный камень, перевернется вверхъ дномъ и крутится въ водяныхъ струяхъ.

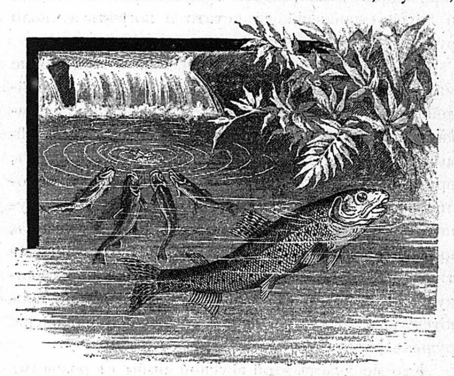
Но не однѣ эти проказы тянули меня къ ручью. Каждый ручеекъ создаетъ вокругъ себя особый мірокъ: лѣтомъ ручьевая вода холодна, какъ ледъ, а зимой отъ нея идетъ паръ. Никакой морозъ не въ силахъ сладить съ этимъ капризнымъ шалуномъ; замерзнутъ рѣки и озера, а на ручьѣ ни кусочка льда; наступитъ лѣто, а отъ него вѣетъ прохладой. Въ этомъ-то и талисманъ ручья; къ нему тянетъ все живое, что не любитъ сильнаго жара, ни сильнаго холода. Заростутъ берега ручья ольхой, черемухой, ивами, черной смородиной; расползутся ихъ дѣтки широкой полосой уремы; разростется эта урема и сдѣлается густой чащей; обовьются хмѣлемъ ольховыя и черемуховыя деревья—вотъ и притонъ для всего живого. И кого только тутъ нѣтъ: селятся во множествѣ жучки, бабочки и другія насѣкомыя въ густой чащѣ листьевъ; у корней деревьевъ вьютъ свои гнѣзда разныя мелкія пѣвчія птички. Стонъ стоитъ отъ ихъ пѣсенъ въ зеленой чащѣ уремы, а внизу, межъ кореньевъ, шныряютъ бойкія землеройки, неуклюжія полевки, снуютъ по ночамъ ласки и горностаи, забредетъ порой проголодавшаяся лисичка. Кума знаетъ, что тутъ гнѣздятся сѣрыя утицы, коростели, болотныя курочки—отчего-жь не поживиться яичницей, а не то и утятинкой. Наступитъ осень, осыплются листья съ деревьевъ уремы, улетятъ на югъ веселые пѣвцы,

скроются пестрыя бабочки и жучки, но урема не опустѣетъ, новые гости появятся въ ней: набѣгутъ зайчики поглодать ивовой корочки; налетятъ синички, поползни и обыщутъ кору деревьевъ, чтобы полакомиться яичками бабочекъ, гусеницами жучковъ; явятся стада чижей, снигирей и другой зерноядной птахи, чтобы покушать сѣмянъ ольхи и другихъ растеній да кстати и погрѣться около ручья.

Въ свѣтлыхъ струяхъ ручья тоже отыщется не мало обитателей. Бывало возьмешь рѣшето и пойдешь на ручей рыбачить. Въ колдобинкахъ, въ ямкахъ, гдѣ не такъ быстро течетъ вода, ходятъ цѣлыми стадами гольцы; наловишь ихъ рѣшетомъ, притащишь домой, свалишь на сковороду, посолишь, обольешь сметаной, и выйдетъ такое кушанье, что хоть сейчасъ-бы поѣлъ. Кромѣ гольцевъ, въ ручьяхъ живутъ и другія рыбы. Нерѣдко встрѣтишь ручьевую миногу, присосавшуюся къ камешку; а подъ берегомъ, нависшимъ надъ водой, кроются красивыя гальянчики и лучшее украшеніе ручья—форель.

Кто не знаетъ этой вкусной рыбы съ розовымъ мясомъ! Засунешь палку подъ берегъ ручья, какъ вдругъ метнется оттуда эта ручьевая красавица, покрытая черными и красными пятнами. Диву даешься, какъ это такая большая рыба можетъ жить въ ручьѣ, гдѣ, какъ говорится, и воробью по колѣно, а между тѣмъ, это ея главное жилище. Форель, которую у насъ называютъ *пеструхой* или *пе-*

струшкой, водится только въ ручьяхъ, да еще въ горныхъ озерахъ. Въ большой, глубокой рѣкѣ не ищите эту рыбу: она любитъ чистую, свѣтлую воду; гдѣ малѣйшая муть—тамъ ей не житье. Она любитъ ручьи, берега которыхъ обросли густой уремой; она любитъ ихъ потому, что въ этой уремѣ множество насѣкомыхъ. Всякая бабочка, жучокъ,

стрекоза, упавшая въ ручей—дѣлается тотчасъ-же добычей форели; всякая личинка, которую несетъ ручьевая вода, неминуемо попадетъ въ ея ротъ. Оттого-то удочка, которою ловятъ форель, непремѣнно украшается искусственными бабочками. До какой степени форель любитъ ѣсть насѣкомыхъ, видно изъ того, что стоитъ только вырубить урему

и форели въ ручьѣ переведутся. Такъ перевелись форели во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ недогадливые люди сами лишили себя этой вкусной рыбы. Кстати я разскажу вамъ одинъ случай исчезновенія форели, случай, который повелъ къ открытію, чрезвычайно важному въ жизни всего человѣчества.

Это было слишкомъ 50 лѣтъ тому назадъ. Въ Вогезскихъ горахъ, на сѣверѣ Франціи, въ La Bresse, небольшой деревнѣ, принадлежащей къ Ремиремонскому округу, жилъ небогатый крестьянинъ. Его жена, какъ большая часть крестьянокъ этой безплодной мѣстности, занималась куроводствомъ и откармливала на продажу каплуновъ и пулярдокъ *), а самъ Реми (такъ звали крестьянина) былъ дровосѣкъ и между дѣломъ промышлялъ ловлей форелей. У нихъ было два сына: старшій, Жозефъ, исполнялъ должность няньки при меньшомъ братѣ и, въ то-же время, помогалъ отцу. Однажды онъ понесъ отцу завтракъ въ лѣсъ; маленькій братишка ни за что не хотѣлъ отстать отъ своей няньки. Дорогой имъ пришлось перебираться черезъ ручей; Жозефъ посадилъ братишку къ себѣ на спину и хотѣлъ уже совершить переправу, но подойдя къ ручью, онъ невольно остановился передъ невиданнымъ зрѣлищемъ: форели цѣлой толпой сновали въ водѣ, толкались, ворочались, а изъ одной, самой крупной, вдругъ потекла икра; вслѣдъ затѣмъ, прочія рыбы стали выпускать въ воду ка-

*) La Bresse славится и теперь превосходными пулярдами.

кую-то бѣлую жидкость. Прошло нѣсколько минутъ; рыбы, одна за другой, исчезли въ разныя стороны. Пораженный этимъ, Жозефъ долго еще стоялъ передъ ручьемъ, наконецъ перешелъ черезъ него и быстрыми шагами направился къ отцу, чтобы разсказать ему о видѣнномъ.

— Да что-жъ тутъ особеннаго, милый мой мальчикъ? Каждый годъ, въ эту пору, форели мечутъ икру, отвѣчалъ отецъ.

— Зачѣмъ-же, папа, онѣ ее мечутъ?

— Вотъ чудакъ! Да вѣдь изъ икры выводится молоденькая рыбешка: слѣпятся три икринки вмѣстѣ, вотъ и выйдетъ изъ нихъ рыбка. Дѣло понятное: если-бы рыбы не метали икры, мы-бы давно ихъ всѣхъ выловили.

Жозефа такъ и тянуло къ ручью. Накормивъ отца, онъ отправился домой, подъ предлогомъ отвести братишку, и, конечно, очутился на томъ мѣстѣ ручья, гдѣ видѣлъ форелей. Но не найдя ни рыбъ, ни икры, онъ сообразилъ, что икру унесло водой дальше и сталъ обыскивать ручей. Наконецъ, въ ямкѣ, подъ однимъ крупнымъ камнемъ, онъ нашелъ нѣсколько десятковъ икринокъ, ловко выхватилъ ихъ изъ воды, положилъ въ чашку, наполнилъ ее водой и отправился во свояси. Дома съ великимъ трудомъ ему удалось выпросить у матери стеклянный стаканъ, куда онъ и помѣстилъ свою находку.

Съ тѣхъ поръ Жозефъ точно переродился. Цѣлые дни напролетъ проводилъ онъ передъ своимъ завѣтнымъ стаканомъ; все, что прежде занимало его, теперь было забыто; въ школѣ онъ сидѣлъ разсѣянно; за какое дѣло ни возьмется—все изъ рукъ валится.

— Что это съ нашимъ мальчикомъ? говорилъ старикъ Реми:—я его не узнаю.

Матери была извѣстна тайна Жозефа, но она молчала, а Жозефъ, какъ только улучитъ свободную минутку, тотчасъ бѣжитъ къ любимому стакану. Въ этомъ стаканѣ, дѣйствительно, творились чудеса: однѣ икринки побѣлѣли; на поверхности ихъ появились какія-то ниточки, такъ что онѣ обросли точно шерстью. Въ другихъ икринкахъ происходило нѣчто иное. Каждый день Жозефъ открывалъ что-нибудь новое. Наконецъ, онъ понялъ, что въ каждой икринкѣ, растетъ рыбка. Онъ даже ясно различалъ глаза ея; потомъ она постепенно росла и лежала въ икринкѣ, согнувшись полукольцомъ. Прошло еще нѣсколько времени; о, радость! Жозефъ замѣтилъ, что рыбка шевелится. Съ замираніемъ сердца ждалъ онъ той минуты, когда она выйдетъ наружу. Но увы! эти ожиданія не сбылись. Разъ, когда мальчикъ ушелъ на работу, кто-то выплеснулъ изъ стакана воду. Надо было видѣть горе несчастнаго. Цѣлыхъ два дня онъ проплакалъ и чуть не заболѣлъ.

Прошло не мало лѣтъ. Жозефъ за эти годы пріобрѣлъ громкую славу искуснѣйшаго ловца форели; но, къ сожалѣнію, онъ сталъ замѣчать, что про-

мыселъ его постепенно падаетъ и не могъ понять причины такого упадка. Ему и въ голову не приходило, что этой причиной былъ его отецъ, отчасти онъ самъ, а также и другіе дровосѣки окрестныхъ селеній. Онъ не зналъ, что истребленіе лѣсовъ, въ особенности по берегамъ ручьевъ и около родниковъ, ведетъ за собой неминуемое уменьшеніе форели. Результатъ истребленія лѣса скоро сказался. Въ 1842 г., въ Вогезскихъ горахъ, была необычайная засуха: многіе родники изсякли, ручьи перестали течь. Не только форели, но и другія рыбешки перевелись совсѣмъ. Въ слѣдующемъ году родники и ручьи снова открылись, благодаря дождямъ, но о фореляхъ не было и помину; промыселъ же дровосѣка, вслѣдствіе истребленія лѣсовъ, сдѣлался совсѣмъ невыгоденъ. Тогда Жозефу припомнилось описанное выше наблюденіе надъ метаніемъ икры форелями, и его осѣнила счастливая мысль *попробовать искусственно развести рыбу.*

Какъ только наступила осень, онъ отпросился у отца порыбачить въ сосѣднемъ департаментѣ, гдѣ, какъ онъ слышалъ, форели водятся еще въ изобиліи. Придя на мѣсто, рыбакъ арендовалъ участокъ ручья и принялся за дѣло. Но не продажа рыбы была у него на умѣ. Наловивъ форелей, онъ начиналъ мять и тискать ихъ надъ ведромъ съ водой. Сначала дѣло шло неудачно, потому что икра еще не поспѣла. Наконецъ, въ ноябрѣ, счастье улыбнулось Реми. Онъ замѣтилъ большую, толстую форель, которая плыла вверхъ по ручью въ сопровожденіи десятка другихъ, менѣе крупныхъ. Жозефъ мигомъ забѣжалъ впередъ, разставилъ сѣтку и загналъ въ нее все стадо. Трудно вообразить себѣ его радость. Въ то время, какъ онъ вынималъ форелей изъ сѣти, изъ толстухи текла икра, а изъ прочихъ бѣлая жидкость, которую называютъ молоками. Какъ можно скорѣе онъ выбросилъ свою добычу въ ведро съ водой. Форели бились какъ бѣшенныя. Жозефъ вынулъ икряную форель и сталъ давить ея брюшко до тѣхъ поръ, пока изъ него не вытекла вся икра. Такимъ же порядкомъ онъ выдавилъ въ ведро изъ другихъ рыбъ бѣлую жидкость. Покончивъ съ этимъ, Жозефъ забралъ свои сѣтки и отправился во-свояси. Придя домой и выслушавъ упрекъ отца за то, что принесъ сонную рыбу, Жозефъ отдѣлилъ маленькую порцію икры въ стаканъ, а съ остальной побѣжалъ къ своему родному ручью Мозелетъ, который протекалъ около деревни La Bresse и впадалъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нея въ Мозель. Тамъ онъ отыскалъ мѣсто, гдѣ впервые увидѣлъ метаніе икры форелями, и осторожно вылилъ въ ручей изъ ведра собранную имъ икру. Быстрыя струйки подхватили икринки и въ нѣсколько минутъ разнесли ихъ врозь. Долго сидѣлъ Жозефъ надъ ручьемъ и о чемъ-то думалъ; наконецъ, всталъ и промолвилъ: «Ну, что-то будетъ?»

Съ этихъ поръ Жозефъ сдѣлался опять точно помѣшанный. Для него ничего не существовало,

кромѣ икры форелей. Съ ранняго утра онъ уходилъ на берега Мозелета и возвращался лишь къ вечеру. Старикъ Реми сердился, бранилъ сына дармоѣдомъ, раза два побилъ его, но ничто не помогало. Жозефъ молча выносилъ побои, молча выслушивалъ брань, какъ нѣчто должное, заслуженное имъ. Мать плакала, но не выдавала тайны сына. Наконецъ, самъ старикъ дошелъ до сознанія, что упрекать Жозефа въ дармоѣдствѣ нельзя, потому что малый почти ничего не ѣлъ. Въ деревнѣ по этому поводу пошли странные толки. Стали говорить, будто молодой Реми видѣлъ на Мозелетѣ русалку дивной красоты, которая очаровала его, такъ что несчастный помѣшался,—цѣлые дни ходитъ по берегамъ ручья, ворочаетъ камешки и ищетъ свою красавицу. Услыхавъ эту басню, старикъ Реми, суевѣрный, какъ всѣ вообще простые, неграмотные люди, пришелъ въ ужасъ. Онъ побѣжалъ къ доктору, разсказалъ свое горе и просилъ освидѣтельствовать сына; но Жозефъ такъ ясно и твердо отвѣчалъ на всѣ вопросы, что доктору оставалось только успокоить старика. Добрый докторъ и самъ не понялъ странной болѣзни Жозефа, который видимо худѣлъ и чахъ, а всетаки ходилъ каждый день на свой завѣтный ручей. Такъ прошелъ почти годъ. Но вотъ, однажды, раннимъ утромъ, Жозефъ сидѣлъ на берегу Мозелета, сидѣлъ какъ мраморная статуя, неподвижный, молчаливый, съ глазами, устремленными на струйки ручья. Вдругъ эти глаза загорѣлись необычнымъ огнемъ, блѣдное лицо вспыхнуло, оживилось, все

тѣло вздрогнуло. Реми увидалъ то, чего ждалъ цѣлый годъ. Маленькая, вершка въ $2^1/_2$, форелька тихо пробиралась противъ теченія ручья, быстро подхватила мушку и съѣла ее.

— Это моя, навѣрно моя! крикнулъ Жозефъ!— вѣдь, въ Мозелетѣ нѣтъ форелей. О, конечно, это моя!

Трудно себѣ представить душевное состояніе Реми въ эту минуту. Онъ былъ подавленъ счастьемъ. Форель уплыла, а Реми все сидѣлъ, въ ожиданіи другихъ такихъ-же рыбокъ. Пошелъ дождь, подулъ вѣтеръ, онъ ничего не чувствовалъ. Наступившая темнота заставила его, наконецъ, очнуться и онъ пошелъ домой. Надорванное долгимъ душевнымъ напряженіемъ здоровье молодого рыбака не выдержало. Въ тотъ-же вечеръ онъ опасно заболѣлъ.

Добрый нравъ Жозефа, его постоянная готовность на всякую помощь другому привлекали къ нему всѣхъ хорошихъ людей. У него было много друзей и мало завистниковъ; да и завидовать-то было нечему; но изъ всѣхъ друзей самымъ близкимъ былъ трактирщикъ ближняго городка Эпиналя Антуанъ Жеэнъ (Géhin).

Узнавъ о болѣзни Жозефа, Антуанъ упросилъ городского доктора съѣздить къ больному; каждый день онъ самъ или черезъ кого-нибудь доставлялъ своему другу лѣкарства. Прошло недѣли двѣ, Жозефу сдѣлалось лучше. Какъ-то разъ, когда онъ

сталъ совсѣмъ поправляться, Антуанъ рѣшился спросить его насчетъ русалки, о которой въ деревнѣ ходили упорные слухи.

— Жозефъ, скажи мнѣ какъ другу, отчего ты заболѣлъ? Неужели это правда, что тебѣ понравилась русалка, какъ болтаютъ у насъ въ деревнѣ? Можетъ-ли это быть?

— А какъ ты думаешь, дружище Антуанъ: есть-ли на свѣтѣ русалки?

Антуанъ даже покраснѣлъ.

— Конечно, нѣтъ; но вѣдь, могла-же привидѣться тебѣ тѣнь русалки...

Реми засмѣялся.

— Слушай, Антуанъ, я разскажу тебѣ про мою русалку, но съ условіемъ—не выдавать моей тайны. И Жозефъ объяснилъ ему, какъ онъ добился размноженія форелей въ Мозелетѣ.

— Цѣлый годъ, сказалъ онъ въ заключеніе,—я ждалъ моей русалочки, а когда, наконецъ, увидалъ ее, то заболѣлъ отъ радости. Ты, какъ другъ, поддерживай въ народѣ эту басню, но помни уговоръ: будемъ держать настоящій секретъ про себя до тѣхъ поръ, пока наши форельки не выростутъ и пока я снова не буду носить ихъ тебѣ на продажу.

«Съ этой минуты, говоритъ въ своемъ отчетѣ знаменитый ученый Мильнъ Эдвардсъ, имена Жозефа Реми и Антуана Жеэна въ исторіи искусственнаго разведенія рыбъ стали неразлучны. Много неудачъ въ развитіи этого полезнаго дѣла пришлось испытать имъ обоимъ, по милости своего скромнаго положенія, но они все-таки достигли своей цѣли». Жеэнъ сообщилъ объ открытіи Реми Вогезскому экономическому обществу, которое съ живымъ сочувствіемъ отнеслось къ этому дѣлу и напечатало объ открытіи Реми въ своемъ отчетѣ. Микаръ, главный смотритель лѣсовъ департамента, далъ разрѣшеніе Реми рыбачить и дѣлать опыты во всѣхъ казенныхъ лѣсахъ его округа. Это было въ 1844 г. Прошло добрыхъ шесть лѣтъ прежде, чѣмъ открытіе Реми получило извѣстность.

Обѣдненіе рѣкъ Франціи и другихъ странъ рыбами давно уже обращало на себя вниманіе. Мысль разводить рыбы искусственно приходила въ голову многимъ, гораздо ранѣе Реми; такъ, напр., первые опыты искусственнаго разведенія форелей были сдѣланы въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія майоромъ Якоби. Подобные опыты повторялись и въ нынѣшнемъ столѣтіи Карломъ Фохтомъ, Бокціусомъ и другими. Въ 1848 г., извѣстный натуралистъ Катрфажъ представилъ французской Академіи записку графа Гольдштейна о возможности искуственнаго размноженія рыбъ. Когда мемуаръ Академіи, гдѣ была напечатана эта записка, былъ полученъ въ Эпиналѣ, секретарь Вогезскаго экономическаго общества, г. Гаксо, сообщилъ Академіи, что мысль г. Гольдштейна уже осуществили на дѣлѣ рыбакъ Реми и его другъ Жеэнъ.

Академія немедленно отправила знаменитаго зоо-

лога Мильнъ Эдвардса въ Вогезы, чтобы убѣдиться въ справедливости сообщенія г. Гаксо. Отчетъ Мильнъ Эдвардса подтвердилъ извѣстіе объ открытіи Реми и произвелъ глубокое впечатлѣніе на весь образованный міръ. Искусственное разведеніе рыбъ сразу вошло въ моду. Реми и Жеэнъ получили награды и были приглашены французскимъ правительствомъ населить рыбами разныя рѣки Франціи.

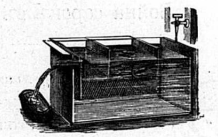
Рыбоводные пруды въ Гюйнингенѣ.

Около Гюйнингена, недалеко отъ Страсбурга, былъ устроенъ первый рыбоводный заводъ. Вскорѣ подобные заводы начали устраиваться въ другихъ государствахъ Европы и въ Сѣверной Америкѣ. У насъ первый такой заводъ былъ открытъ помѣщикомъ Враскимъ, въ с. Никольскомъ, Новгородской губерніи.

Искусственнымъ разведеніемъ рыбъ занялись многіе ученые и сельскіе хозяева. Не мало рѣкъ заселено теперь такими рыбами, какихъ прежде въ

нихъ никогда не было. Рыбоводы достигли того, что теперь икру можно пересылать, просто, по почтѣ, за тысячи верстъ, напримѣръ, изъ Европы въ Америку и наоборотъ. Способы вывода рыбокъ изъ икры упрощены до того, что этимъ можетъ заниматься всякій мальчикъ. Самые приборы, употребляемые для этого, настолько дешевы, что доступны каждому.

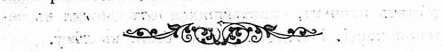

Выдавливаніе икры. Калифорнскій рыбоводный снарядъ.

Когда мнѣ случается переходить ручеекъ, я невольно вспоминаю Жозефа Реми, этого величайшаго изъ рыбаковъ, оказавшаго огромную услугу человѣчеству, какъ-какъ съ теченіемъ времени искуственное рыбоводство будетъ имѣть громадное значеніе.

Мало ли у насъ ручьевъ и рѣчекъ, гдѣ вовсе нѣтъ рыболовства, потому что нѣтъ рыбы; теперь-же, благодаря открытію Реми, населить эти пустые ручьи и рѣчки рыбами такъ-же легко и просто, какъ разводить цыплятъ.

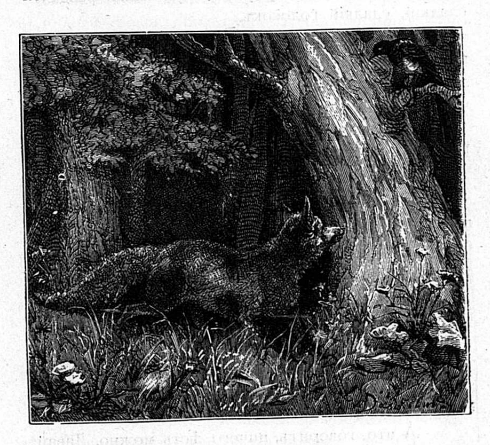

Война сорокъ съ лисицами.

Это было давно, давно. Мелкій ненастный дождикъ шелъ уже третій день. Намокли зеленые листочки деревьевъ, намокли и травинки, и ихъ вершинки съ цвѣточками повисли внизъ. Намокла кора деревьевъ. Промокла земля. Все было мокро. И звѣркамъ, и птичкамъ, и бабочкамъ, и жукамъ—всѣмъ было нехорошо. Всѣ они прятались куда попало, стараясь обсушить свои перышки, крылышки, пушистый мѣхъ. Всѣ они хмурились: жутко имъ было, потому что дождикъ заставилъ ихъ голодать. Жуки, бабочки, кузнечики не рѣшались выбраться за пищей, боясь замочить свои крылышки, ножки. Голодали птички, потому что негдѣ было достать бабочекъ и жучковъ.

Голодали всѣ хищники, потому что не могли достать птичекъ, спрятавшихся отъ дождя въ зеленой чащѣ. Голодъ и уныніе были въ лѣсу.

На скатѣ горки, среди зеленаго лѣса, издали виднѣлась желтая песчаная полянка. Съ сосѣдняго дерева слетѣла красивая птица, встряхнулась и бойко зашагала по песку.

Вы знаете ее. Это сорока-бѣлобока, это сорока-воровка. Это умница и красавица нашихъ лѣсовъ. Умные, живые глазки сороки бойко осматривали песокъ. Бѣдняга, она другой день не ѣла. Дождикъ не давалъ ей охотиться ни въ полѣ, ни на рѣкѣ, ни около деревни. И вотъ она прилетѣла попытать счастья на пескѣ. Перевернула одинъ каме-

шекъ—нѣтъ ничего. Подошла къ другому—хвать, подъ нимъ сидятъ три жучка. Цапъ, цапъ—и заморила червячка.

— Что это ты, кумушка, кушаешь? раздался сладкій, сладкій голосокъ.

Обернулась сорока и видитъ — изъ-за куста выглядываетъ мокрая мордочка лисы. Смотритъ лисынька, облизывается, а зубки ея такъ и стучатъ.

— Здравствуй, кумушка, отвѣчаетъ сорока.— Ищу вотъ тутъ жучковъ на пропитаніе.

— Да развѣ они вкусны, сороченька?

— Вкусны—не вкусны, лисынька, да голодъ не тетка; видишь какая погода. И жучку радъ будешь.

— Ужъ будто и можно ѣсть жучковъ?

Сорока бойко запрыгала къ сосѣднему камешку, заглянула подъ него и подняла.

— А вотъ попробуй, кума.

Лиса живехонько подбѣжала къ ней. «Хропъ, хропъ»—и скушала всѣхъ жучковъ, которые были подъ камнемъ.

— А что, говоритъ, ничего, ѣсть можно. Давай, говоритъ, сороченька, искать жучковъ.

И принялись двѣ подруженьки ворочать всѣ камешки, которые лежали на пескѣ. Тѣ, что полегче, сорока сама перевертывала, а тѣ, что потяжелѣе, помогала перевертывать ей лиса. Такъ обошли онѣ всю полянку. Обыскали всѣ камешки, отряхнулись и усѣлись подружески.

— Ну, спасибо тебѣ, сороченька, выручила. Совсѣмъ я помирать собралась отъ голода. А знаешь ли что, говоритъ потомъ хитрая кумушка; —давай вмѣстѣ охотиться. У тебя есть крылышки и добрый глазокъ. Взлетишь ты на вершинку — и все тебѣ видно. А у меня зато есть чуткій носокъ да острый зубокъ. Только-бы мнѣ почуять запахъ зайчика или тетеречки—тихонько ползкомъ подкрадусь къ нимъ, цапъ зубами—и мои. Да только вотъ бѣда; у зайчика ушки длинны. Крадешься, крадешься, чуть зашуршишь — онъ и услышитъ. Прыгъ, прыгъ—и нѣтъ его. Такъ вотъ мы и будемъ съ тобой охотиться такъ: ты летай по деревьямъ и посматривай:—завидишь тетеречку, куропаточку, перепелочку или зайчика, присядь къ нимъ и начни прикрикивать, да громче, громче; а я тѣмъ временемъ подкрадусь да и сцапаю, а потомъ и раздѣлимъ пополамъ.

— Что же, говоритъ сорока, — по рукамъ. Правду сказать, ты на землѣ мастерица, да и зубовъ у меня нѣтъ твоихъ.

— Тю! тю! тю!—раздалось на сосѣднемъ деревѣ. Посмотримъ, кто кого надуетъ, насмѣшливо закричалъ дроздъ. —Обѣ хороши. Увидимъ, которая лучше.

На утро, чуть только разгорѣлась румяная зорька, новые друзья отправились на охоту. Перепархиваетъ сорока съ дерева на дерево, взглянетъ туда, сюда и порхнетъ дальше. А слѣдомъ за нею, подъ деревьями, пробирается межъ кусти-

ковъ Лиса Патрикѣевна, зорко слѣдя за своей подружкой.

На зеленой полянкѣ, между синими, желтыми, голубыми цвѣточками краснѣли сочныя ягодки земляники. «Кокъ! кокъ! кокъ!..» раздалось и въ кустахъ показалась глухарка.

Затѣмъ раздалось: тіу! тіу!» и цѣлая толпа глухарятокъ бѣгомъ высыпала на полянку. «Кукъ! кукъ! кукъ!» кричала глухарка и дѣтки ея живо принялись кушать ягодки. Сама глухарка не ѣла: она зорко смотрѣла кругомъ и чутко слушала ухомъ, нѣтъ ли гдѣ затаившагося врага?

Показалась въ деревцѣ сорока. Глухарка сердито посмотрѣла на нее.

«Кокъ! кокъ!..» Глухарятки притаились. Сорока, не будь глупа, перелетѣла полянку, спустилась между деревьями на землю и тихонько стала красться въ травѣ. Бѣдная глухарка обманулась: не видя сороки, она подала сигналъ дѣткамъ и тѣ опять начали кушать сладкія ягодки. Вдругъ на кустикъ, который росъ среди полянки, изъ травы взлетѣла сорока и ну стрекотать. Глухарка всполошилась, глухарята припали къ землѣ, а сорока сидитъ, стрекочетъ и хвостикомъ помахиваетъ.

Тѣмъ временемъ, лиса съ другой стороны все высмотрѣла и тихо, тихо подкралась къ выводку. Прыгнула—и цапъ глухаренка! Прикусила его и прыгъ къ другому. Глухарка отчаянно закричала. Глухарята взлетѣли и у кумушки остались въ зубахъ только перышки.

Сорока не дремала. Подхвативъ глухаренка, задавленнаго лисой, она усѣлась съ нимъ на дерево и принялась кушать.

Подбѣжала лиса.

— Мою-то долю? говоритъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, кумушка, дай раздѣлить, отвѣчаетъ сорока, а сама такъ и ѣстъ. Съѣла кишечки, потрошечки, ощипала все мясо. Остались однѣ косточки.

— Ну, вотъ, кумушка, бери твою долю, говоритъ сорока, и бросила лисѣ остатки.

Пожевала лиса глухариныя косточки, облизнулась и думаетъ про себя:

— Такъ-то ты, сорока-воровка, компанію держишь? Погоди-жь, я тебя проучу.

— Сыта-ли? кричитъ сверху сорока.

— Сыта, миленькая, отвѣчаетъ лисица.—Теперь пойдемъ промышлять на обѣдъ.

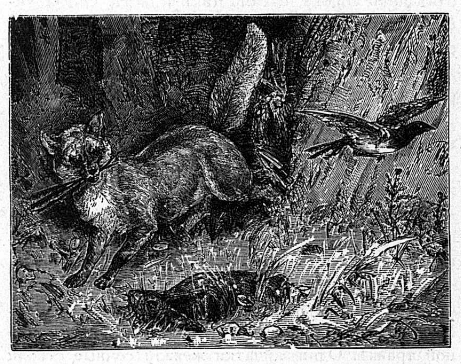
Тронулись онѣ въ путь. Долго-ли, коротко-ли бродили по лѣсу, наконецъ, добрались до опушки. Цѣлая семья зайчиковъ весело прыгала по зеленой травкѣ. Одни зайчатки жевали сочные стебли растеній, другіе чистились, а двое затѣяли игру и веселыми прыжками гонялись другъ за другомъ. Сорока опять подкралась, сѣла на кустъ и ну махать хвостикомъ. Всѣ зайчики насторожили ушки и начали смотрѣть на диковинную птицу. А лиса подползла сзади—цапъ! и схватила одного. Другіе разбѣжались.

Сорока тутъ какъ тутъ.

— Давай, говоритъ, кумушка, дѣлить.

Лисицѣ страшно хотѣлось ѣсть, но она рѣшилась наказать сороку.

— Раздѣлимъ, говоритъ, милая:—только знаешь-ли, я ужасно устала. Даже ѣсть не хочется отъ усталости. Я немножко отдохну, а ты покарауль

зайчика; а то мало-ли тутъ воровъ. И волкъ ходитъ, и воронъ летаетъ. А какъ я проснусь, мы подѣлимъ съ тобой да и покушаемъ.

— Хорошо, кумушка, отвѣчаетъ сорока, а сама думаетъ:—вотъ товарка попалась мнѣ! Усни, милая, хорошенько, а я, тѣмъ временемъ, покушаю.

Смотритъ—лиса ужь захрапѣла. Сорока-прыгъ прыгъ, и начала выклевывать у зайчика глазъ—самое первое сорочье лакомство. Но лиса не спала и зорко слѣдила за товаркой. Какъ только сорока занялась зайцемъ, лиса мигомъ схватила ее за хвостъ. Испуганная воровка закричала отчаяннымъ голосомъ, рванулась изо всѣхъ силъ и улетѣла, но хвостъ остался въ зубахъ лисы.

— Ха, ха, ха! раздалось въ листьяхъ березы.—Вотъ она, дружба воровъ! закричалъ дроздъ.—Я былъ увѣренъ, что они подерутся.—И всѣ птицы, сколько ихъ ни было тутъ, собрались смотрѣть на куцую сороку. Хохотъ и насмѣшки раздавались кругомъ.

— Гдѣ твой хваленый хвостъ? кричалъ дятелъ.

— Ей обрѣзали его въ Москвѣ, замѣтила синичка.—Тамъ вышла мода ходить безъ хвостовъ.

— Ну вотъ и не правда!—кричала пѣночка.—У ней хвостъ былъ приклеенъ и отъ дождя размокъ.

Сорока спряталась и, наконецъ, закричала: «гевалтъ!» Слетѣлись другія сороки. Собрался цѣлый шабашъ и стали бранить бѣдную родственницу; но, наконецъ, рѣшили отомстить лисицѣ.

Съ тѣхъ поръ лисицамъ отъ сорокъ, просто, житья нѣтъ.

Спрячется, напримѣръ, лиса подъ кустомъ, чтобъ схватить неосторожнаго зайчика, когда тотъ пойдетъ мимо: чуть замѣтитъ ее сорока—и начнетъ надъ ней стрекотать; забьетъ такую тревогу, что все полетитъ и побѣжитъ прочь.

Начнетъ красться кумушка въ высокой травѣ къ тетеревиному выводку; еще одинъ шагъ и вотъ схватитъ его. Но не тутъ-то было: откуда ни возьмется сорока—цопъ лису за хвостъ, застрекочетъ и полетитъ прочь, а тетеревовъ ужь и нѣтъ на полянѣ.

Припадетъ лисынька на берегу пруда.

Цѣлое стадо утятъ весело полощется въ осокѣ, все ближе и ближе плыветъ къ берегу, собираясь отдохнуть, плыветъ прямо къ тому мѣсту, гдѣ залегла кумушка.

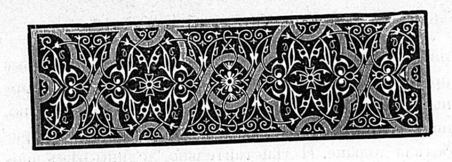
У нея глазки закрылись отъ удовольствія.

Ей ужь кажется, что утиныя косточки хрустятъ у нея на зубахъ. Вдругъ, откуда ни возьмись, сорока: застрекочетъ и бросится на лису. Мигомъ утята нырнули въ воду; съ тревожнымъ, сердитымъ кряканьемъ плыветъ старая утка. Нечего дѣлать: голодная кумушка исчезаетъ въ кустахъ.

Такъ сороки всюду преслѣдуютъ лисицъ, мѣшая имъ охотиться.

Мало того, онѣ выдаютъ ихъ присутствіе охотникамъ, причемъ кумушка нерѣдко платится своей шкуркой. Дѣло дошло до того, что лисицы почти перестали охотиться днемъ и выходятъ на промыселъ только ночью, когда сороки спятъ.

Черноземная равнина — житница русской земли.

ойдемъ внизъ по оврагу. Онъ выведетъ насъ въ долину рѣчки. Пойдемъ внизъ по ея теченію. Рѣчка вывела въ долину большой рѣки. Поплывемъ мы по рѣкѣ—она принесетъ насъ въ море. Изучивъ оврагъ, намъ легко понять, какъ образовалась эта сложная система ручьевъ, рѣчекъ и рѣкъ, по которымъ вода съ поверхности почвы, изъ озеръ и болотъ, изъ нѣдръ земли течетъ безостановочно, по равнинамъ, въ окрестныя моря.

Присматриваясь внимательно къ тѣмъ струйкамъ дождевой воды, которыя мы прудили на улицѣ, припомнивъ исторію оврага—мы поймемъ, что ши-

рокія, глубокія долины великихъ и малыхъ рѣкъ произошли изъ тѣхъ же овраговъ, что это обширные и наиболѣе старые овраги, что, слѣдовательно, надъ этими оврагами, т.-е. *долинами* рѣкъ, вода работала дольше. И дѣйствительно, долины рѣкъ черноземной области, въ сравненіи съ рѣками другихъ равнинъ, отличаются особымъ характеромъ. Онѣ широки и глубоки. Правый берегъ долины большихъ и среднихъ рѣкъ возвышенъ и крутъ, спускается прямо къ рѣкѣ; лѣвый берегъ, напротивъ, отлогъ и удаленъ отъ рѣки, иногда на нѣсколько верстъ; между нимъ и рѣкой лежитъ ровная низменность, называемая *заливной равниной*. Заливная равнина называется такъ потому, что каждую весну въ половодье рѣка заливаетъ ее. Безчисленныя озерки покрываютъ эту равнину. И всѣ они, обыкновенно, имѣютъ удлиненную форму, протягиваясь по направленію теченія. Иныя изъ нихъ, своимъ нижнимъ концомъ, даже соединяются съ рѣкой—и въ такомъ случаѣ называются (на Волгѣ) *затонами*. Глухія же, не соединяющіяся съ рѣкой, озерки зовутся *старицами*. Вотъ почему, протекая по заливной равнинѣ, рѣки съ теченіемъ времени засариваютъ свои русла мѣстами и прокладываютъ новыя; засоренныя же русла отдѣляются отъ рѣки и образуютъ затоны, а затѣмъ и старицы.

Между затонами, старицами и рѣкой почти въ каждой рѣчной долинѣ есть высокія гряды, поднимающіяся на нѣсколько саженъ надъ заливной равниной. Онѣ тянутся непремѣнно вдоль рѣки, иногда

на нѣсколько саженъ, иногда на полверсты, на версту. Во время половодья вода не затопляетъ ихъ, и онѣ остаются островами на широкомъ разливѣ. На Волгѣ такія гряды зовутъ *гривами*. Онѣ всегда поростаютъ лѣсомъ и кустами, тогда какъ заливная равнина покрыта роскошной травяной растительностью, и кромѣ *таловъ* и ивъ на ней не ростетъ деревьевъ. Эти травяныя равнины народъ зоветъ *поймой, поемными* или *заливными* лугами, оттого, что каждую весну ихъ заливаетъ рѣка. Всходы древесныхъ растеній (кромѣ ивъ) во время водополья вымокаютъ и гибнутъ, за то луговыя травы, послѣ спада водъ, выростаютъ съ изумительной быстротой и достигаютъ очень большого роста. Здѣсь невозможно хлѣбопашество, особенно на большихъ рѣкахъ, гдѣ разливы бываютъ поздно (въ апрѣлѣ и маѣ). Поэтому рѣчная равнина менѣе всего поддается измѣняющему вліянію человѣка. Онъ можетъ вырубить лѣсъ на гривахъ, но на влажной почвѣ быстро выростутъ новые древесные побѣги и снова грива одѣлась косматой, зеленой шапкой кустовъ; онъ скоситъ траву, но стада его, до глубокой осени, не въ состояніи поѣсть молодую атаву, которая такъ и лѣзетъ изъ влажнаго, тучнаго наноса. Урожаи хлѣбовъ были бы баснословные на поемныхъ лугахъ, еслибъ человѣкъ могъ оградить поля отъ полой воды; а этого-то онъ и не въ силахъ сдѣлать. Вырубитъ человѣкъ въ окрестной странѣ лѣса, превратитъ порубы и степи въ одно сплошное поле—все измѣнится: и раститель-

ный, и животный міръ. Исчезнетъ множество растеній и животныхъ, нѣкогда обитавшихъ тутъ, а природа рѣчной долины, благодаря разливамъ, удержитъ свой старый, вѣковѣчный пейзажъ, свой богатый міръ растеній и животныхъ, которому не страшна разрушительная дѣятельность человѣка. Богатство жизни въ рѣчной долинѣ замѣчательное. Но... объ этомъ дальше. Будемъ послѣдовательны, иначе многое не узнаемъ, многое пропустимъ безъ вниманія.

Пока мы все говорили только о рельефѣ равнины. Подъ словомъ равнина разумѣется ровная площадь земной поверхности, гдѣ не вздымаются высокія утесистыя горы. Русская черноземная равнина именно такова. Но ее бороздятъ овраги и глубокія долины рѣкъ. Когда мы выберемся изъ долины рѣки, изъ оврага наверхъ, на ровную площадь, то и здѣсь не найдемъ хотя бы нѣсколькихъ десятковъ десятинъ, которыя имѣли бы видъ совершенно ровной, горизонтальной площадки; и здѣсь, непремѣнно, есть впадинки и окружающія ихъ возвышенія. Въ этихъ впадинахъ часто попадаются круглыя или округленныя болотца. Такія впадинки и болотца попадаются по всей черноземной равнинѣ, но на югѣ ихъ меньше, въ сѣверной полосѣ больше. Эти впадинки или котловины нельзя оставить безъ вниманія. Выше мы сказали, что черноземная равнина бѣдна озерами. Большихъ озеръ, какъ Ладога, Онега и т. п., на ней и вовсе нѣтъ. Мелкихъ озеръ сравнительно съ сѣверной равниной мало. Это,

вмѣстѣ съ оврагами, немаловажный признакъ старости черноземной равнины.

Было время, когда всѣ эти впадины и котловины были озерами, да еще солеными озерами, но вѣтеръ-суховѣй, въ союзѣ съ солнечнымъ лучемъ, повысушилъ ихъ. Снѣговые и дождевые потоки постоянно пополняли убыль воды въ озерахъ, но расходъ ея, испареніемъ, былъ больше, и въ теченіе ряда вѣковъ озера усыхали, мелѣли, превращались въ кочковыя болота, а затѣмъ и слѣдъ ихъ исчезалъ. Только весна на нѣсколько недѣль ежегодно возстановляетъ картину далекаго былого, затопляя болотца и превращая ихъ въ озерки. Между подобными озерами были, однако, иныя очень глубокія, въ которыхъ вода не нагрѣвается такъ сильно, какъ въ мелкихъ, которыя защищены холмами, лѣсами отъ изсушающаго вліянія вѣтра. Такія озера поэтому долговѣчнѣе, но и они исчезли во множествѣ, и ихъ осталось уже очень мало. Эти озера, кромѣ высыханія, уничтожаются еще инымъ способомъ. Въ водѣ озеръ живетъ не мало водяныхъ растеній: водорослей и явнобрачныхъ. При благопріятныхъ условіяхъ, эти растенія разростаются и образуютъ въ водѣ густыя заросли. Отжившія растенія умираютъ, разлагаются и образуютъ илъ, отлагающійся на днѣ. Слой ила постепенно растетъ и озеро мелѣетъ. Благодаря бурому, темному цвѣту ила, вода озера нагрѣвается сильнѣе, а потому сильнѣе идетъ и испареніе съ поверхности. Такъ что, подъ вліяніемъ этихъ условій, каждое глубокое озеро по-

степенно превращается въ мелкое и наконецъ высыхаетъ. Но есть еще процессъ, которымъ глубокое озеро уничтожается быстрѣе. Многія водяныя растенія, умирая, всплываютъ на поверхность, на нихъ развиваются новыя растенія, образуется пловучій зеленый островокъ, состоящій изъ живыхъ и мертвыхъ растеній. Вѣтеръ прибьетъ островокъ къ берегу, другія растенія укрѣпятъ его тутъ; и постепенно такіе островки, прислонясь къ берегамъ, образуютъ около нихъ зеленое кольцо изъ такъ называемаго пловучаго торфа. Онъ не тонетъ въ водѣ, но такъ рыхлъ, что не держитъ даже маленькаго звѣрка. Постепенно этотъ пловучій торфъ растетъ въ толщину и ширину, захватывая все болѣе поверхность озера; онъ дѣлается плотнѣе и на поверхности его появляется другая флора: на трупахъ водорослей и водяныхъ растеній поседяются мхи; а на нихъ, въ свою очередь, впослѣдствіи поселяются сухопутныя растенія и даже деревья. Такъ образуется то, что называютъ трясиной. Она колышется подъ ногами и небезопасна для ходьбы. Мѣстами на трясинѣ попадаются такъ-называемыя *окошки*. Ихъ не замѣтишь сразу, потому что поверхность ихъ замаскирована зеленымъ ковромъ растеній. Но горе неосторожному, если онъ ступитъ на предательскую зелень — сразу уйдешь въ черную, вонючую, жидкую грязь, уйдешь, пожалуй, совсѣмъ съ головой, и аминь, если не спасетъ случай. Выбраться изъ этой бездонной грязи нельзя, потому что кругомъ окошка нѣтъ ничего

твердаго, за что-бы схватиться руками. Одно спасенье, если есть шестъ, который можно положить поперекъ окошка, концами на пловучій торфъ, и по немъ кое-какъ выбраться изъ грязи или кто-нибудь успѣетъ вытащить. Время идетъ, пловучій торфъ окончательно покрываетъ все озеро сплошь, отъ перегниванія цѣлаго ряда растительныхъ поколѣній онъ утолщается, опускается на дно отъ собственной тяжести, вода снова вырывается окошками наружу, и снова выступаетъ чистая водная поверхность озера, но на долго-ли? Опять постепенно образуется пловучій торфъ; снова захватываетъ онъ водную поверхность; и въ концѣ концовъ глубокое озеро превращается въ торфяникъ, похожій снаружи, т.-е. съ поверхности, на любое болото. Но и болота не вѣчны. Растенія, населяющія ихъ, образующія кочки, умирая, оставляютъ перегной, налегающій на чистый водный торфъ. Слои перегноя ростутъ, плотнѣютъ и болотистая поверхность обсыхаетъ въ конецъ, не отличаясь ничѣмъ уже отъ поверхности окрестныхъ склоновъ твердой суши. Такъ исчезло множество озеръ на черноземной равнинѣ, оставивъ на ней торфяники, имѣющіе глубокій историческій интересъ. При разработкѣ торфа находятъ множество костей животныхъ и человѣка, его орудія, стволы деревьевъ и т. п.,— нѣкогда утонувшихъ въ окошкахъ трясины; а по всѣмъ этимъ остаткамъ можно составить понятіе о бывшихъ обитателяхъ страны.

Займемся теперь почвой—знаменитымъ черноземомъ. Болѣе ста лѣтъ назадъ эта почва поразила своей оригинальностью и плодородіемъ извѣстнаго ученаго путешественника Палласа. Въ Германіи и вообще въ западной Европѣ чернозема нѣтъ, поэтому впечатлѣніе, произведенное имъ на Палласа, было громадно. Не зная, что такое черноземъ, Палласъ высказалъ предположеніе, что это перегнившіе остатки водорослей моря, нѣкогда покрывавшіе русскую равнину. Но это предположеніе оказалось ошибочнымъ уже потому, что съ водорослями остались-бы послѣ моря раковины жившихъ въ немъ моллюсковъ, а раковинъ морскихъ въ черноземѣ нигдѣ не найдено.

Потомъ предполагали, что въ ледниковый періодъ, вслѣдствіе сильной влажности воздуха, всю русскую равнину покрывалъ сплошной торфяникъ, превратившійся потомъ въ слой чернозема. Но и эта гипотеза оказалась ложной.

Теперь мы знаемъ отчетливо, какъ образовался черноземъ. Это ничто иное, какъ перегнившіе остатки наземныхъ, сухопутныхъ растеній, — травянистыхъ и древесныхъ—накопившіеся въ теченіе многихъ тысячъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ, когда равнина вышла изъ-подъ уровня моря и сдѣлалась сушей. Отчего нѣтъ чернозема въ другихъ странахъ Европы?—очень просто: равнины всего сѣвера ея недавно еще были покрыты моремъ, горы—громадными ледниками, и для образованія чернозема не было еще достаточно времени. Тѣмъ интереснѣе

наша старушка—черноземная почва,—сдѣлавшаяся сушей въ отдаленныя времена, по крайней мѣрѣ, въ срединѣ третичнаго періода. Много смѣнилось въ ней растеній и животныхъ, какъ увидимъ потомъ; десятки народовъ и племенъ попеременно овладѣвали ею, истребляя или порабощая своихъ предшественниковъ, и въ свою очередь гибли отъ нашествій новыхъ завоевателей. Исторія захватываетъ событія, совершившіяся на этой равнинѣ, только въ теченіе послѣдней тысячи лѣтъ, а она пережила десятки такихъ тысячелѣтій. И въ этотъ короткій срокъ одного тысячелѣтія сколько перемѣнъ произошло въ населеніи равнинъ. Хазары, печенѣги, половцы, татары, русскіе — бились, воевали на ней другъ съ другомъ. А гдѣ теперь эти хазары, печенѣги, половцы?! Ихъ и слѣдъ простылъ, они исчезли, не оставивъ ничего послѣ себя, даже языкъ ихъ остался неизвѣстнымъ, и только о бытѣ и нравахъ ихъ кое-что можно сказать изъ сказаній нашихъ лѣтописцевъ.

На югѣ равнинъ, въ степяхъ, множество кургановъ-могилъ, на которыхъ стоятъ или лежатъ статуи, грубо вытесанныя изъ камня, такъ называемыя *каменныя бабы*; но до сихъ поръ никто еще не разгадалъ, какой народъ дѣлалъ и ставилъ эти статуи.

Но вернемся къ чернозему; посмотримъ, какъ онъ образуется, какъ лежитъ и т. д.

Первый признакъ *чернозема* есть его цвѣтъ. Когда черноземъ смоченъ дождемъ, онъ дѣйствитель-

но совсѣмъ черенъ, какъ сажа или уголь, въ засуху цвѣтъ его дѣлается сѣроватымъ, какъ аспидная доска. Другая особенность чернозема та, что отъ дождя онъ быстро разбухаетъ, пропитывается влагой, какъ губка, дѣлается мягкимъ, рыхлымъ и липкимъ, въ засуху-же твердѣетъ, поверхность его растрескивается и онъ дѣлается разсыпчатымъ. Изъ чернозема нельзя слѣпить что-нибудь какъ изъ глины; какъ высохнетъ, все потрескается, осыпется. Не слѣдуетъ думать, что черноземъ одѣваетъ равнину сплошнымъ пластомъ одинаковой толщины. Есть обширныя площади песковъ, на которыхъ ростутъ сосновые боры, а чернозема нѣтъ вовсе. Есть мѣловые холмы и равнины, гдѣ черноземный пластъ въ 1—2 вершка толщины, гдѣ хлѣбъ и травы родятся очень плохо. Но есть также глинистыя площади, гдѣ слой чернозема достигаетъ толщины двухъ аршинъ. Свойства чернозема, его составъ и даже цвѣтъ очень различны. Черноземъ есть перегной растеній. Черноземъ образуютъ, истлѣвая послѣ смерти, всѣ растенія любой страны; но участь растительныхъ остатковъ зависитъ отъ многихъ условій — почвы, климата, рельефа страны, обилія и дѣйствія дождевой воды, вѣтровъ и т. д.

На твердой почвѣ растенію трудно укорениться; его корни не могутъ разростись свободно и должны пользоваться трещинками, чтобы проникнуть въ глубь и добыть тѣ растворы солей, которые служатъ пищей растенію. На рыхлой почвѣ,

той-же породы, растеніе развивается роскошнѣе, потому что его корнямъ вольготно вѣтвиться во всѣ стороны, а слѣдовательно, легче и пищу добыть. Умрутъ эти два брата—стебель и корень. Первый—бѣднякъ ничего почти не оставитъ послѣ себя; другой дастъ землѣ богатое наслѣдство. Дождевая вода, на твердой почвѣ, смываетъ остатки стебля и сбѣжитъ съ ними въ оврагъ; та-же дождевая вода разрушитъ остатки корня, всосется въ рыхлую почву и унесетъ ихъ туда съ собой. На ровной поверхности перегной растеній сохраняется лучше; не скатахъ его легче смываютъ дождевые потоки.

Гдѣ дожди падаютъ часто, но понемногу, тамъ истлѣвающія растенія оставляютъ больше органическаго вещества, и оно лучше просасывается въ почву; гдѣ, напротивъ, продолжительныя засухи прерываются *ливнями*, тамъ истлѣваніе растеній полнѣе, а остатокъ отъ нихъ меньше, да и тѣ въ значительной части уносятся потоками въ овраги и рѣчныя долины.

Вѣтеръ играетъ большую роль въ сохраненіи остатковъ. Если почва гола, слабо защищена отъ его дѣйствія растеніями, разгулявшійся на просторѣ вѣтеръ взметаетъ облака пыли и несетъ ее на многія версты, засоряя воды. Достаточно одной сильной, сухой бури, чтобы уничтожить тонкій слой перегноя, накопившійся на поверхности почвы въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Всѣ эти условія главнымъ образомъ мѣшаютъ образованію перегноя на

поверхности земли, перегноя стволовъ, вѣтвей и листьевъ растеній. Корни-же, конечно, оставляютъ больше перегноя. Возьмите кусокъ дерна, онъ пронизанъ корешками растеній. Эти корешки умрутъ, оставивъ послѣ себя ничтожное количество органическаго перегноя, но онъ весь есть чистая прибыль для почвы. Послѣ корешковъ останутся еще ходы въ почвѣ, по нимъ въ нее втекаетъ дождевая вода, настоянная солями и органическимъ перегноемъ. Одно поколѣніе растеній смѣняется другимъ, это третьимъ и т. д.; корни каждаго растенія буравятъ въ почвѣ свои ходы, оставляютъ свой перегной, способствуютъ въ свою очередь всачиванью въ нее дождевой воды, настоенной перегноемъ стеблей и листьевъ. Вотъ и полная картина образованія чернозема. Легко понять теперь, что черноземъ образуется вездѣ, гдѣ есть растенія; но всюду образованіе черноземнаго слоя идетъ крайне медленно, вѣками, тысячелѣтіями. А потому присутствіе его на русскихъ равнинахъ, подобно оврагамъ и исчезнувшимъ озерамъ, доказываетъ несомнѣнно, что эти равнины давно, давно стали сушей. Посмотримъ теперь на растительность этихъ равнинъ, дающую матеріалъ для наростанія черноземнаго слоя.

Между растеніями, какъ и между животными, есть виды особые, которые живутъ недолго, какихъ-нибудь нѣсколько недѣль, есть и такіе, которые живутъ десятки, сотни, даже тысячи лѣтъ. Есть растенія *нелюдимы*, живутъ въ одиночку, между другими, несродными имъ; есть и такія, которыя живутъ обществами, колоніями, тѣсно и близко другъ отъ друга. Вотъ эти-то колоніальныя, общественныя растенія и опредѣляютъ, въ любой мѣстности, растительный характеръ послѣдней,—то, что называютъ растительнымъ пейзажемъ или *флорой*.

Большія или малыя пространства сухихъ равнинъ, покрытыя травянистой растительностью, русскій человѣкъ зоветъ *степью, полемъ чистымъ* или *дикимъ полемъ*. Напротивъ, пространство, покрытое *древесными, многолѣтними растеніями*, стволы которыхъ высятся на нѣсколько сажень—зовутъ *лѣсомъ*. Пространства, вспаханныя и засѣянныя хлѣбными растеніями, зовутся *хлѣбнымъ полемъ*, въ отличіе отъ степи, или дикаго поля. Кромѣ степи, лѣса и хлѣбнаго поля, отличаютъ еще *лугъ*. Лугами зовутъ пространства, покрытыя, подобно степи, травянистыми растеніями; но различіе между степью и лугомъ то, что послѣдній лежитъ обыкновенно въ долинахъ съ влажной, сырой почвой. Типичный лугъ—это *пойма*, или травянистая равнина рѣки, ежегодно потопляемая полой водой. Вслѣдствіе весеннихъ разливовъ, покрывающихъ пойму ежегодно, въ теченіе нѣсколькихъ дней и до нѣсколькихъ недѣль, лѣса на ней не растутъ вовсе, изъ кустарниковъ встрѣчаются только ивы и тальники, зато какъ только сбудетъ вода съ поймы, она покроется быстро, въ нѣсколько дней, густой, роскошной, травянистой растительностью; обиліе влаги въ почвѣ и въ воздухѣ поддерживаетъ жизнь травъ до глу-

бокой осени, до морозовъ, и поэтому пойма рѣзко отличается отъ степи, гдѣ растенія, вслѣдствіе засухи, скоро отживаютъ, блекнутъ и умираютъ, не доживъ до осени.

Кромѣ того, не надо забывать, что есть еще *болота*, расположенныя во всѣхъ ложбинахъ и котловинахъ, гдѣ въ почвѣ скопилась вода. Болотъ множество среди поемныхъ луговъ; болота есть въ степяхъ и лѣсахъ, на мѣстахъ бывшихъ озеръ. И такъ лѣсъ, степь, лугъ, болото и хлѣбное поле— вотъ главные пейзажи, отличающіеся флорой другъ отъ друга, которые мы найдемъ всюду, и на равнинахъ, и на горахъ. Распредѣленіе этихъ пейзажей, взаимное сочетаніе ихъ, характеръ растительности, придающей каждому изъ нихъ извѣстную физіономію,—все это разнообразно до безконечности; а это разнообразіе имѣетъ глубокое, первостепенное значеніе въ разселеніи животныхъ и человѣка. Всякое малѣйшее измѣненіе характера пейзажа производитъ важный переворотъ въ мірѣ животныхъ, въ фаунѣ мѣстности. Скосите лугъ, сожните хлѣбъ на полѣ, осушите болото, вырубите лѣсъ, и мигомъ животный міръ мѣстности измѣнится; множество животныхъ, которыхъ мы привыкли встрѣчать каждый день, вдругъ почти исчезнутъ, сбѣгутъ, за то явятся другія, которыхъ раньше не было. Бытъ человѣка въ степи и бытъ его въ лѣсу глубоко различенъ; распахана степь, вырубленъ лѣсъ, и этотъ бытъ, сложившійся столѣтіями, быстро измѣнится. Для удовлетворенія старыхъ привычекъ нужны новые пріемы, иной матеріалъ. Оттого-то лѣсъ, и степь или, вообще говоря, характеръ мѣстнаго пейзажа кладетъ рѣзкую печать на привычки, нравы, на жизнь человѣка и животныхъ. Въ этомъ-то именно и заключается связь человѣка, звѣря, даже растенія съ его родиной.

Вотъ почему, для знакомства съ родной землей, намъ важно знать каждый ея пейзажъ съ его видоизмѣненіями. А чтобъ не блуждать въ этомъ разнообразіи, уговоримся предварительно. *Степь, дикое поле* есть древнѣйшій пейзажъ русской равнины. Не думайте, что степь вездѣ одинакова. Различаютъ степи по почвѣ и по растительности. Такъ, есть степи *глинистыя, песчаныя, черноземныя;* есть степи ровныя, какъ столъ, есть волнистыя, холмистыя. Есть—*травянистыя*, гдѣ растительность такъ густа, что почвы не видно. Есть степи *полынныя*, есть—*ковыльныя*.

Въ черноземной области есть только черноземная ковыльная степь, кое-гдѣ прерванная полосками песковъ и полынныхъ степей. Въ прежнія времена ковыльная степь занимала всю южную полосу, или половину черноземной равнины; теперь ея мѣсто заняли тамъ хлѣбныя поля.

Лугъ тоже представляетъ нѣсколько типовъ. Самый характерный лугъ—это *пойма* или *пожня* на рѣчныхъ равнинахъ, заливаемыхъ полой водой. На днѣ широкихъ овраговъ или балокъ есть тоже луга или лужайки, по которымъ разбѣгаются вешнія воды и дождевые потоки, въ почвѣ которыхъ по-

стоянно поддерживается влага струйками родниковъ, просачивающихся изъ пластовъ земли. Въ лужайки превращаются высохшія полевыя и степныя болотца. Луговинами называются лѣсныя поляны, гдѣ травянистая растительность одолѣла, благодаря покосамъ и пасущемуся скоту, всходы древесныхъ породъ.

Болота представляютъ еще болѣе разнообразія. Есть *болота водянистыя*, гдѣ вода тонкимъ слоемъ покрываетъ почву, гдѣ водоросли и мхи преобладаютъ надъ осоками и другими травянистыми цвѣтковыми растеніями; есть болота *кочковыя*, гдѣ тоже стоитъ вода, но осоки образовали кочки, которыя, разростаясь, постепенно сливаются между собой и наконецъ образуютъ *сухое болото*, переходящее за тѣмъ въ лужайку. Есть болота рѣчныхъ долинъ, болѣе постоянныя, болѣе живучія; есть болота на сухихъ равнинахъ среди лѣсовъ и степей, занявшія мѣсто озеръ и быстро мѣняющія свою физіономію. Но ни степь, ни рѣчная долина съ ея озерами, лугами и болотами не представляютъ такого безконечнаго разнообразія пейзажа, какъ лѣсъ. Составленный изъ разныхъ видовъ древесныхъ растеній, различнаго возраста, лѣсъ измѣнчивъ до крайности. Но и тутъ человѣкъ подмѣтилъ и назвалъ главные типы.

Лѣсъ, состоящій изъ однихъ только хвойныхъ деревьевъ, называютъ *боромъ* или *краснолѣсьемъ*, въ отличіе отъ *чернолѣсья* или лѣса, состоящаго изъ лиственныхъ деревьевъ. Боръ, по преобладанію той

или другой породы, называется *словымъ* или *сосновымъ*. Если въ немъ, между хвойными, растутъ осина, береза и другія лиственныя деревья,—то боръ зовется *смѣшаннымъ*.

Лиственный лѣсъ, *чернолѣсье*, имѣетъ много подраздѣленій. Старый лѣсъ, гдѣ преобладаютъ наиболѣе долголѣтніе дубъ и липа, зовутъ изстари *дубравой*. Лѣса небольшіе, состоящіе изъ березы или осины, зовутъ *рощами*—березовая роща, осиновая роща. Слово роща произошло, вѣроятно, отъ расчищать, такъ какъ въ рощахъ обыкновенно мало молодыхъ деревцевъ и онѣ отличаются чистотой. Во всякомъ случаѣ, русская роща соотвѣтствуетъ англійскому *парку*.

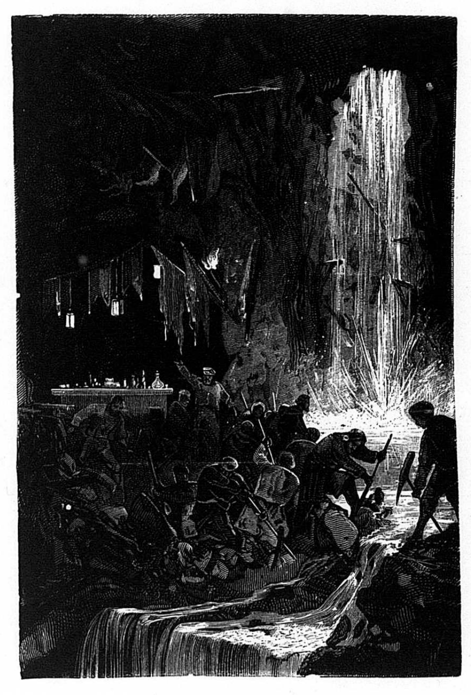
Отдѣльные, небольшіе лѣсочки среди полей и степей зовутъ *отъемниками, колками* или *островами*. Молодой лѣсъ зовутъ *мелколѣсьемъ* или *кустами*. Лѣсочки, растущіе въ долинахъ рѣкъ, называются *урема*, *уйма*, *коблы*, *гай*, *талы* и т. д. Таковы растительные пейзажи на черноземной равнинѣ.

Въ былое время степь на югѣ, дремучіе лѣса на сѣверѣ одѣвали сплошь эту равнину зеленымъ покровомъ. Лѣсъ и степь въ этотъ отдаленный періодъ дѣвственной природы равнины вели между собой упорную борьбу за обладаніе почвой. Болѣе устойчивый и долговѣчный лѣсъ мало-по-малу, въ теченіе длиннаго ряда столѣтій, одолѣлъ-бы степь и раскинулся-бы сплошной, дремучей дубравой на всемъ пространствѣ равнины до береговъ Азовскаго и Чернаго морей. Но у степи нашелся союзникъ,

который грубо остановилъ движеніе лѣса въ степь и опустошилъ его огнемъ и топоромъ. Благодаря ему, т. е. русскому человѣку, на мѣстѣ дремучихъ боровъ и дубравъ мы находимъ теперь жалкіе острова, кусты и пашни. Но степь не выиграла отъ этого. Соха и плугъ взбороздили ея дѣвственную почву, истребили ея природныя растенія, разогнали ея обитателей. И теперь на мѣстѣ степей, какъ и на мѣстѣ лѣсовъ, тянутся на сотни верстъ сплошныя, безконечныя, однообразныя поля. Одиночные клочки лѣсовъ и степей, разсѣянные среди полей, служатъ единственными памятниками былого приволья, былой красоты равнины *).

*) Статья эта осталась не оконченной. Она написана болѣе серьезнымъ, сухимъ тономъ, хотя и помѣщена въ дѣтскомъ журналѣ („Игрушечка“, 1883 г.).

Карпушкинъ родникъ.

Карпушкинъ родникъ.

I.

Тихо и ровно текла жизнь въ маленькой деревушкѣ Гремячкѣ. Сѣяли, пахали, жали, праздники справляли гремячинцы; и жилось имъ не плохо, такъ что завидовали сосѣди. А жилось имъ такъ не потому, что угодьями они были богаты. Нѣтъ. Угодья теперь у нихъ остались заурядныя и противъ того, что въ старину было, даже совсѣмъ плохо стало. Держались гремячинцы только тѣмъ, что во всей деревушкѣ было лишь двадцать

домовъ и ни одинъ кабатчикъ не рѣшался свить здѣсь своего гнѣзда. Земля у гремячинцевъ была отличная, дородная; для скотинки мѣста привольныя. Все, казалось, шло хорошо. Но отъ лихой бѣды, видно, не скроешься. Пришла она незваная, нежданая и въ Гремячку.

Дѣло было весною, на самый Семикъ. Пошли дѣвки вѣнки завивать. А куда идти: вокругъ всей деревни только и лѣсу, что нѣсколько ольхъ и черемушки у родника. Туда и направились дѣвки и парни, дѣвчата и ребята справлять праздникъ Диду и Ладѣ.

Весело, съ пѣснями, хохотомъ, шутками подвигалась толпа къ роднику, какъ вдругъ пронзительный крикъ сразу разсѣялъ веселье. Всѣ бѣгомъ бросилися къ роднику. На камнѣ, торчавшемъ изъ клокочущей воды родника, весь мокрый, дрожащій, висѣлъ Карпушка. Рученки отчаянно ухватились за уступъ камня; одна ножонка была расцарапана въ кровь, другая—судорожно подергивалась, и, не смотря на всѣ усилія мальчика, не могла на что-нибудь опереться: такъ и осталась въ студеной водѣ. Все тѣло мальчика было въ такомъ положеніи, что разожмись его рученки, онъ-бы нырнулъ въ глубокій, клокочущій родникъ.

Ахнули дѣвки, парни-же рты поразинули, увидавъ бѣднаго Карпушку. Прошло первое впечатлѣніе и толпа заговорила. Цѣлый потокъ брани прежде всего вылился на несчастнаго мальчика; но раздались голоса, какъ-бы спасти его. Родникъ

былъ широкъ и глубокъ, благодаря рѣдкой заботливости о немъ гремячинцевъ, а главное, вода была холодна, какъ ледъ. Вслѣдствіе этого, толки о спасеніи Карпушки затянулись-бы безъ конца.

— Э! чаво тутъ лаетесь, дурни! Не пропадать изъ-за васъ парнишкѣ,—огрызнулся пастушенокъ Никитка и, какъ былъ, бросился на родникъ, окунулся съ головой, вынырнулъ, подплылъ къ камню, ухватился за него и, помѣстивъ Карпушку на спину, поплылъ назадъ.

Тутъ уже парни наперерывъ показали свое усердіе и поволокли на берегъ Никитку съ его ношей. Но отцѣпить эту ношу оказалось нелегко. Рученки Карпушки, какъ впились въ воротъ Никиткиной рубахи, такъ и замерли. Голова свѣсилась на грудь. Личико помертвѣло.

— Ахти, никакъ померъ!—раздалось въ толпѣ.

— Ври больше!—буркнулъ Никитка, у котораго зубы выколачивали зорю, словно барабанъ.

— Раздѣнь его скорѣе, сними, модница, фартукъ, кутай, грѣй его, командовалъ онъ:—огня скорѣй!

Живо запылалъ костеръ: Карпушку оттащали въ деревню, къ матери; а Никитка пустился въ такой отчаянный плясъ вокругъ костра, что увлекъ всю компанію. И Семикъ вышелъ на славу.

Невесело было въ тотъ вечеръ въ кельѣ солдатки Катерины. Несчастный Карпушка метался въ безпамятствѣ; худенькое тѣльце его было горячо; безсвязно лепеталъ язычокъ. Бѣдняга былъ между жизнью и смертью.

Поговорили и на деревнѣ не мало объ этомъ. Какъ водится, побранили Катерину, за то, что плохо смотритъ за мальчишкой; ругнули и Карпушку, а кто и пожалѣлъ его.

Ликовала отъ всей души въ тотъ день только одна Сидориха.—Подѣломъ ему, пострѣлу. Вишь, и вода его не принимаетъ; только родникъ опоганилъ, окаянный!

У Сидорихи съ Карпушкой были свои счеты. Не было въ Гремячкѣ такихъ злыхъ враговъ, какъ старая Сидориха и крошка Карпушка. Сидорихѣ было уже за восемьдесятъ. Отъ старости она совсѣмъ изъ ума выжила и, отъ нечего дѣлать, занялась несуразнымъ промысломъ.

Какъ только придетъ страда, уйдутъ всѣ жать, въ деревушкѣ останутся старые да малые. Сидориха тутъ-то и принимается за дѣло. Она обшаритъ всѣ повѣти, всѣ подклѣти, гдѣ несутся куры, оберетъ яйца, притащитъ домой, разведетъ въ печуркѣ огонь, сдѣлаетъ яишенку, и — сыта раба Божья на цѣлый день.

Придутъ бабы съ поля. Примутся за хозяйство. Диво да и только—не несутся куры. Сойдутся на родникѣ—только и толку объ этомъ. И сороку, и хорька клеплютъ; и на ребятъ покоръ взводятъ. Слушалъ, слушалъ разъ Карпушка эти рѣчи, да и говоритъ:

— Мы, тетка Матрёна, яичекъ не трогаемъ. Ихъ бабушка Сидориха лопаетъ.

— Какъ Сидориха?—и пошло дознаніе. Порѣшили бабы услѣдить Сидориху. Ну, и услѣдили, а услѣдивши, угостили старую на огородѣ крапивой.

Съ тѣхъ поръ куры въ Гремячкѣ стали нестись исправно. Но Сидориха поклялась себѣ извести Карпушку, тѣмъ болѣе, что съ той поры отъ ребятъ ей проходу не было.

— Бабушка, бабушка, не хочешь-ли сорочьяго яичка? Куриное-то жжется.

Искривится лицо старой и начнетъ она ругаться какъ попало. Ребятамъ только и надо. «А, ты еще ругаешься, ты ругаешься!» Мигомъ цѣлая толпа окружаетъ Сидориху. Кто дернетъ за подолъ, двое-трое ухватятся за клюку, подставятъ ей палку, повалятъ, шлыкъ долой, и пошла потѣха... пока кто-нибудь не разгонитъ озорниковъ.

II.

На утро случилось чудо чудесное. Пошли бабы за водой, а воды какъ не бывало; только лужицы остались въ колдобинкахъ ручья, протекавшаго чрезъ всю деревню. Пошли къ роднику, откуда текъ ручей, гдѣ вчера чуть не утонулъ Карпушка—хвать! и тамъ воробью не напиться.

Молва вездѣ бѣжитъ быстро. Пока бабы стояли у родника, изъ Гремячки бѣжало къ нимъ все ея населеніе, отъ мала до стара. Приплелась туда-же и Сидориха.

Стоитъ народъ, дивуется. Какъ это, вчера еще чуть Карпушка не утопъ, а теперь камень одинъ? Воды какъ не бывало; словно выпилъ ее Карпушка.

— Да и впрямь выпилъ этотъ иродъ,—заговорила Сидориха:—вы думаете спроста вода пропала? Нѣтъ. Опоганилъ онъ ее, окаянный антихристъ. Послѣдніе дни знать пришли. Антихристъ народился. Пропадать намъ всѣмъ, видно. Говорю вамъ, выгоните изъ деревни Карпушку. Не то всѣ помремъ безъ воды. Странница при мнѣ сказывала: *горе, горе дому сему, ибо лукавый тутъ.* Вотъ и сбылось. Вотъ онъ лукавый-то, Карпушка и есть.

— Что брешешь пустое, старая карга,—вступился староста.—Слыханно-ли дѣло, младенца лукавымъ обзывать? На все Божья воля. Повиненъ-ли Карпушка, что въ родникъ попалъ? Давай, братцы, лучше почистимъ родникъ. Вишь, давно мы его не чистили. Можетъ, засорился.

Всѣ съ радостью ухватились за мысль старосты. Мигомъ принесли заступы, лопаты и работа закипѣла. Но роютъ часъ, другой, третій... цѣлые вороха каменника кругомъ навалили. Мокрый камень, а воды нѣтъ какъ нѣтъ.

Ждали, ждали бабы воды, но и тѣ потеряли терпѣніе, пошли на прудъ, что пониже деревни. Пришли туда, а на встрѣчу мельникъ Трифонъ.

— Что случилось? Аль воду всю выпили? У меня мельница стала.

Разсказали ему бабы про чудо. Мельникъ опрометью бросился бѣжать въ деревню. Такъ прошолъ день, другой; прошла недѣля—а воды нѣтъ въ родникѣ. Наступили жары. Вода въ прудѣ зацвѣла, испортилась. Съ каждымъ днемъ и прудъ сталъ пересыхать. Въ деревнѣ появились болѣзни, а Сидориха все свое толкуетъ: «выгоните Карпушку, не то всѣ сгинемъ». Все больше и больше являлось у нея сторонниковъ, по мѣрѣ того, какъ росла сухая бѣда.

Болѣзни усиливались. На скотину пришолъ моръ. Пригонятъ стадо на водопой къ пруду—смотришь, та или другая корова раздуется и духъ вонъ.

Не выдержали гремячинцы и порѣшили на сходѣ, всѣмъ міромъ—удалить Карпушку. Сидориха торжествовала.

III.

По пыльной дорогѣ, подъ палящими лучами солнца, тихо двигалась телѣга, а на ней, заливаясь слезами, сидѣла Катерина. Возлѣ нея, на полушубкѣ, спалъ Карпушка, только что оправлявшійся отъ тяжкой болѣзни. Катерина сама не знала, куда ее везутъ. Телѣга, наконецъ, въѣхала въ околицу деревеньки и поровнялась съ барскимъ домикомъ, утонувшимъ въ зелени сада. Выскочили двѣ дворняшки и подняли лай.

— Дядюшка Трифонъ,—очнулась Катерина,—да куда же ты меня везешь? Нѣтъ, постой, родимый, пусти—схожу къ барынѣ, поклонюсь ей въ ноги.

А барыня давно знала Катерину, которая не разъ ходила къ ней на работу.

— Да что они съ ума сошли,—сказала барыня, выслушавъ Катерину,—или на нихъ управы нѣтъ?

Ну, погоди, я имъ покажу, вотъ только становой пріѣдетъ. Ахъ, безбожники, ахъ, негодяи! Ты вотъ что, ты живи у меня, Катеринушка; дѣло тебѣ найдется; родника у меня Карпушка не выпьетъ. Сашенькѣ моему скучно, пускай играетъ съ нимъ.

И потекла для Карпушки не жизнь, а масляница. Сдружились они съ барченкомъ Сашей такъ, что одинъ безъ другого никуда.

Вмѣстѣ играли день деньской, вмѣстѣ и засыпали—Саша въ кроваткѣ, а Карпушка, просто, на войлочкѣ, въ уголку дѣтской. Время шло. Пріятели росли. Саша сталъ учиться, а Карпушка сидитъ и слушаетъ, да такъ внимательно, что гувернантка не выдержала и его стала учить вмѣстѣ съ Сашей. Пришла, наконецъ, пора везти Сашу въ гимназію. Велико было горе обоихъ, но на всѣ просьбы Саши мать наотрѣзъ отказалась взять въ городъ Карпушку. Съ горькими слезами проводилъ Карпушка своего Сашеньку. Прошла масляница, наступила страда для горемычнаго мальчика

IV.

Не впрокъ прошло гремячинцамъ изгнаніе сироты. Вода въ родникѣ не показывалась. Пришелъ черный день и Сидорихѣ; срывали на ней свое горе и вину старый и малый. Выискали гремячинцы знахаря, привезли въ деревню. «Пусти только воду, что хочешь дадимъ».

Двѣнадцать ночей ходилъ знахарь вокругъ родника. То тамъ, то тутъ по долинѣ горшки ставилъ. Нѣтъ проку, да и только. Пойдутъ утромъ—горшки сухи. Даже горе его взяло. Наконецъ-то, судьба сжалилась надъ нимъ; пониже деревни, какъ разъ въ головѣ бывшаго пруда, одинъ горшокъ оказался потнымъ. Пришелъ знахарь въ деревню, собралъ народъ.

— Молись Богу, православные, говоритъ, смиловался надъ вами Господь. Бери заступы, лопаты, ведра. Пойдемъ колодецъ рыть.

— А какже родникъ? говорятъ ему.

— Объ родникѣ, отвѣчаетъ, и забудь. Нѣтъ его и не бывать во вѣки. Прогнѣвили вы Господа!

Колодецъ вырыли. Водой запаслись. Знахаря проводили съ честью. Но лучше не стало гремячинцамъ. Вода въ колодцѣ была жесткая, нездоровая. Скотина съ нее совсѣмъ извелась. Дѣтишки тоже мёрли, какъ мухи. Гремячка запустѣла. Половину домовъ заколотили. Кто куда разбрелись изъ роднаго гнѣзда гремячинцы.

V.

Прошло лѣтъ двадцать. Желѣзныя дороги сѣтью покрыли русскую равнину. Далеко на югѣ, гдѣ красивый Донецъ прихотливо извивается по широкой степи, гдѣ недавно еще паслись только безчисленныя стада мериносовъ, да чумаки тянулись обозами на малороссихъ волахъ,—какъ грибы послѣ дождя, выросли не то городки, не то заводы. Въ самой степи закипѣла кипучая дѣятельность. Тысячи рудокоповъ день и ночь работали глубоко въ землѣ,

подъ тѣми городками, вытаскивая на поверхность степи одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ кладовъ земли Русской — антрацитъ, лучшій сортъ каменнаго угля.

Дѣло было въ Петровки. Въ одномъ изъ такихъ антрацитовыхъ городковъ всѣ готовились къ празднику. За нѣсколько дней до того углубили главную шахту и напали на богатый пластъ антрацита. Управляющій копями, на радостяхъ, рѣшилъ устроить угощеніе рудокопамъ въ новой галлереѣ. И вотъ изъ большихъ глыбъ антрацита, въ обширной галлереѣ, устроены столы. Рудокопы спѣшатъ наперерывъ приготовить все для пира. Управляющій, какъ генералъ въ сраженьи, отдаетъ направо и налѣво приказанія, слѣдитъ за приготовленіями, бранится, словомъ, командуетъ. Вотъ онъ замѣчаетъ, что одинъ рудокопъ добрый часъ уже стоитъ въ дальнемъ углу шахты, гдѣ пробитъ слой антрацита до дна, и только смотритъ въ яму да слушаетъ.

— А ты, что, лѣнтяй, тутъ дѣлаешь? крикнулъ управляющій:—пошелъ къ своему дѣлу!

Рудокопъ нехотя повиновался.

Наконецъ, приготовленія кончились.

По сигналу управляющаго, въ шахту стали спускать гостей, съѣхавшихся съ окрестныхъ копей.

У главнаго стола собрались гости, за остальными виднѣлись группы рудокоповъ. Настала торжественная минута. Управляющій, зачерпнувъ чаркой водку, приготовился провозгласить тостъ.

Вдругъ въ шахтѣ раздался страшный трескъ;

при входѣ въ галлерею рухнула груда камней, а за нею ворвался бурный потокъ воды.

Всѣ оцѣпенѣли отъ ужаса. Водяной потокъ съ шумомъ вкатился въ галлерею; вода струйками побѣжала по полу. Страшный вопль огласилъ своды, и снова воцарилась тишина. Сознаніе неминуемой смерти охватило всѣхъ и каждаго. Минута была ужасная. Болѣе полутораста человѣкъ, словно окаменѣлые, стояли, при тускломъ свѣтѣ фонарей, въ ожиданіи конца. Всѣ человѣческія чувства, казалось, покинули ихъ—это были живые мертвецы.

— Ко мнѣ, сюда, раздался въ дальнемъ глухомъ концѣ галлереи звучный голосъ:—сюда, кому жизнь мила! Бери струментъ, скорѣе сюда! и глухой ударъ лома раздался въ той сторонѣ.

Безотчетно кинулась толпа рудокоповъ на этотъ неожиданный могучій призывъ къ жизни.

— Складывай плотину. Живѣй! А вы пробивайте здѣсь, раздался тотъ-же голосъ.—Да, ну-же, поворачивайся! Вотъ такъ. Скорѣе, ребятушки. Пробей вотъ тутъ. Пошире, пошире!

Послѣ каждаго удара лома, камни съ грохотомъ падали въ глубину. А вода все прибывала. Вотъ, вотъ еще и она забралась-бы на столы съ закуской.

— Стой! довольно! рушь плотину! берегись, унесетъ къ чертямъ.

Еще секунда... вода хлынула въ пробитое отверстіе... раздался первый ударъ потока о дно пропасти.

— И глубока-же, промолвилъ рудокопъ. Ну, ребятушки, молись милосердному Богу. Видно, не хочетъ Онъ еще нашей погибели.

Спустя нѣсколько минутъ, вода въ галлереѣ стала убывать.

— Ай-да Гудокъ! Уважилъ, братъ. Не видать-бы безъ тебя свѣту вольнаго, раздалось въ толпѣ.

Это было сигналомъ. Десятки рукъ направились къ рудокопу, охватили, подхватили его; десятки бородъ, одна за другой, скользили по его лицу, и жадно припадали изсохшія губы спасенныхъ къ его губамъ. Самъ управляющій, протискавшись, наконецъ, сквозь толпу, обнялъ и расцѣловалъ того самаго рудокопа, котораго недавно обругалъ лѣнтяемъ.

— Какъ это ты нашелъ? Куда-же вода? безсвязно спрашивалъ старикъ.

— Стойте, ваше благородіе, еще не все кончено. Какъ-то мы выйдемъ отсюда!

Дѣйствительно, выходъ изъ галлереи былъ запертъ. Съ шумомъ лился водопадъ въ узкой трубѣ шахты, ведущей въ галлерею. Пробиться чрезъ его струи наверхъ нечего было и думать. Первое обаяніе надежды исчезло. Главный инженеръ копей, на вопросъ управляющаго какъ быть, растерянно отвѣтилъ: «подождемъ немного, можетъ быть потокъ изсякнетъ».

— Чего ждать, ваше благородіе; рукъ здѣсь не занимать, вода бѣжитъ не со степи, а съ верхней галдареи; взять да пробить косой ходъ выше

ее; и работы-то всего сажени съ три, промолвилъ Гудокъ.

— Да, да, пробить, пробить, одно средство, спохватился инженеръ: — дѣйствительно, пробить вотъ здѣсь. Эй, вы, начинай съ Богомъ.

— Нѣтъ, здѣсь вотъ способнѣе будетъ.

— Ну, и Гудокъ! говорили рудокопы.—На дню два раза выручилъ.

Работа закипѣла. Старшій инженеръ съ каждымъ ударомъ кирки все больше и больше входилъ въ свою роль. Онъ суетился, кричалъ, ругался. Рудокопы пересмѣивались; шутки ихъ были отвѣтомъ на ругань начальства, и дѣло шло, какъ по маслу.

VI.

Наверху, надъ шахтой, происходила другая сцена.

Жены и дѣти рабочихъ и служащихъ, опоздавшіе гости, случайные люди—все это столпилось въ ужасѣ около входа въ шахту; вся эта толпа говорила, вопила, плакала. Да и какъ не плакать?! Тамъ, въ глубинѣ шахты, для многихъ десятковъ изъ этой толпы погибало все дорогое — отцы, мужья, кормильцы.

Въ третій разъ уже вытянули подъемную машину изъ шахты, и мокрые отъ головы до пятокъ люди, бывшіе въ ней, заявили, что спуститься въ нижнюю галлерею нѣтъ возможности.

Въ это время прискакалъ инженеръ съ сосѣд-

ней копи. Распросивъ въ чемъ дѣло, онъ велѣлъ подать лампу и спустился въ шахту. Достигнувъ верхней галлереи, онъ убѣдился, что потокъ бѣжитъ изъ нея. Кое-какъ, при помощи крюковъ и шестовъ, инженеръ пробрался въ галлерею. Недалеко отъ входа, въ одной изъ боковыхъ стѣнъ, изъ широкой трещины, съ страшной силой, лилась могучей струей вода. Осмотрѣвъ до мельчайшихъ подробностей родникъ, инженеръ пошелъ дальше по галлереѣ и, дойдя до конца ея, убѣдился, что вся бѣда—это *родникъ*, прорвавшійся отъ неряшливой разработки пласта антрацита.

— Надо остановить воду, говорилъ онъ самъ съ собой; но спасешь-ли ихъ? Вѣроятно вода давно уже залила несчастныхъ. Ну... авось.

— Эй, ребята! крикнулъ инженеръ, поднявшись на верхъ: давай мѣшки, насыпай въ нихъ глины, живѣй!

— Что, какъ? пристали къ нему.

— Послѣ, послѣ, господа. Теперь мѣшковъ скорѣе, мѣшковъ и глины. И, захвативъ нѣсколько рудокоповъ съ мѣшками, инженеръ спустился внизъ, въ верхнюю галлерею. Уложили около головы рудника рядъ мѣшковъ полукругомъ: на первый—другой, третій: рудокопы вступили въ настоящую борьбу съ водой. Она сталкивала мѣшки, сшибала рабочихъ и снова разливалась по галлереѣ.

— Скорѣе мѣшковъ! кричалъ инженеръ. Люди употребляли отчаянныя усилія.

— Высыпай глину за запруду!—Вода клокотала тамъ.—Еще, еще глины! Влѣзь туда! Топчи ногами! Глины, глины больше. Топчи ее, молодцы! подопри мѣшки! Эй, братики, еще немножко! Вотъ, вотъ, еще мѣшечекъ и дѣлу конецъ!—И правда люди восторжествовали: какъ ни клокоталъ родникъ, а въ концѣ концовъ, глина замкнула ему пасть. Потокъ былъ запертъ.

— Не вѣрь ему, ребятушки, тащи еще глины, обкладывай плотину камнями. Вода шутить не любитъ. Вотъ такъ. Насыпь еще здѣсь. Подопри тутъ, командовалъ инженеръ.—Господи, кабы наши труды не даромъ пропали! А, ну, какъ живы!

— Спусти машину! раздался голосъ изъ входной шахты.

— Живы, живы! крикнулъ инженеръ.—Дружнѣе, друзья, закрѣпляй хорошенько.—Дѣйствительно, за шумомъ работы въ верхней галлереѣ и не слыхали, какъ противъ ея входа рухнула земля и въ отверстіи показались двѣ-три головы рудокоповъ, пробивавшихъ ходъ изъ нижней галлереи.

— Живы-ли, братики?

— Богъ помиловалъ, Гудокъ выручилъ, было отвѣтомъ.

Подъемная машина работала, какъ никогда еще, доставляя на верхъ спасшихся рудокоповъ.

А тамъ, наверху, на широкомъ дворѣ антрацитоваго городка, вокругъ входа въ шахту, стояла густая толпа. Съ живымъ участіемъ эта шумная, двигавшаяся толпа слѣдила за работой подъемной

машины и осаждала вылѣзавшихъ изъ нея рудокоповъ одними и тѣми же вопросами о томъ, какъ все тамъ было.

— Гудокъ, Гудокъ! гудѣло въ отвѣтъ:—еслибъ не Гудокъ, не будь Гудка...

— Ну, чего тутъ Гудокъ, возразилъ старикъ-рудокопъ съ сосѣдней копи:—Гудокъ Гудкомъ, а все-же нашъ Александръ Ивановичъ воду заглушилъ.

— Какой тамъ Александръ Ивановичъ, и въ глаза его не видали. Говорятъ тебѣ, старая ворона,—Гудокъ воду спустилъ.—Слово за словомъ, мигомъ образовались двѣ партіи. Одна увѣряла, что Гудокъ спустилъ воду; другая—что Александръ Иванычъ остановилъ воду. Споръ разгорался не на шутку и, вѣроятно, кончился-бы дракой. Но, къ счастью, въ это время послѣдняя партія рудокоповъ выходила изъ машины.

— Гудокъ, Гудокъ! пронеслось въ толпѣ, и вся она тѣсно сомкнулась кольцомъ у входа въ шахту.

Всякій хотѣлъ взглянуть на Гудка; каждому хотѣлось встать къ нему ближе, дотронуться до него. Гудка душили объятіями; его толкали изъ стороны въ сторону; онъ задыхался, оглохъ, пересталъ понимать.

— Ослобоните, братцы, дайте вздохнуть! молилъ онъ.—Но толпа была неумолима: она жала, давила его; бѣдный Гудокъ давно уже потерялъ землю подъ ногами.

— Будьте милостивы, православные, конецъ мой приходитъ! отчаянно закричалъ онъ.

Наконецъ-то толпа отхлынула и Гудокъ очутился на свободѣ, измученный, усталый, запыхавшійся.

— И что вы накинулись! сердито заговорилъ онъ.—Слыханое-ли дѣло, въ такое время игры затѣвать. Скажи-ка лучше: кто знаетъ, отчего вода на верху пересякла? Не сдобровать бы намъ, еслибъ она не остановилась.

— Александръ Иванычъ запрудилъ, вмѣшался старикъ.—Что, не говорилъ я вамъ, озирался онъ кругомъ, не говорилъ я вамъ, что Александръ Иванычъ всему дѣлу голова?

— Какой Александръ Иванычъ? спрашивалъ Гудокъ:—какъ запрудилъ?

— Какой, какой! окрысился старикъ,—вотъ глянь какой. Не вашему нѣмцу чета.

Гудокъ оглянулся и... окаменѣлъ.

Къ нимъ приближался управляющій, подъ руку съ молодымъ инженеромъ. Толпа разступилась передъ ними.

— Вотъ и Гудокъ, спаситель нашъ, началъ было управляющій, онъ одинъ...

— Карпушка! голубчикъ ты мой!

— Сашенька... ваше благородіе... баринъ мой!.. путался Гудокъ.

И въ ту же минуту, рудокопъ и инженеръ обнялись крѣпко, крѣпко, словно братья родные.

Толпа только ахнула, пораженная этимъ; управляющій широко раскрылъ глаза и онѣмѣлъ отъ удивленія.

— Что-же это такое? Развѣ вы знали Гудка? спросилъ, наконецъ, онъ.

— Карпушку-то моего? Какъ-же не знать!—И Александръ Иванычъ разсказалъ все: какъ выгнали Карпушку изъ Гремячки за высохшій родникъ; какъ они сдружились и пировали въ хуторкѣ его матери.

— Ну вотъ, съ тѣхъ поръ лѣтъ двадцать уже не видались мы. Думалъ я, что и во вѣкъ не увижу стараго пріятеля. А вонъ гдѣ встрѣтились, закончилъ инженеръ.

— На все Божья воля, молвилъ старикъ рудокопъ.

— Вѣстимо! вѣстимо! раздалось въ толпѣ.

— Только не знали мы, братцы, замѣтилъ одинъ изъ рудокоповъ,—что у Гудка утроба, словно море бездонное. Вишь, родники выпиваетъ!—и толпа хохотала, забывъ минувшую бѣду; у всѣхъ стало весело на душѣ.

— Однако, братцы, пора и честь знать, заговорилъ управляющій,—пора и спасибо сказать нашимъ спасителямъ. Не приведи ихъ судьба—не смѣяться-бы намъ теперь. Спасибо вамъ, Александръ Иванычъ, спасибо тебѣ, Карпуша Гудокъ. Всѣ мы не забудемъ нынѣшняго дня, пока живы. Сегодня-же напишу компаніи, чѣмъ она обязана вамъ. А теперь, Карпуша, отъ меня лично и отъ дѣтей моихъ прими этотъ подарокъ,—управляющій подалъ ему пять сторублевокъ.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, не надо мнѣ, говорилъ сконфуженный Карпушка:—я вѣдь не для этого.

— Возьми, возьми, замѣтилъ инженеръ, смѣясь:—или забылъ, что въ Гремячкѣ родникъ выпилъ? Вотъ на эти деньги и пусти его снова, на утѣху гремячинцамъ.

— Какое слово-то ты сказалъ, Сашенька! Да развѣ это можно? Тамъ и то, сколько бились, и ничего вѣдь не добились.

— Объ этомъ вы послѣ поговорите, вступился управляющій,—а теперь какъ хочешь, возьми, Карпуша, не обижай моихъ дѣтокъ. Еслибъ не ты, плохо-бы имъ было.—И старикъ обнялъ Гудка.

Въ это время, изъ толпы отдѣлилось нѣсколько человѣкъ и несмѣло приблизилось къ управляющему.

— Федоръ Петровичъ, началъ одинъ: мы того... мы, то-есть, тоже оченно благодаримъ Карпа Тимофѣевича, потому пропадать-бы намъ. Ты, Карпъ Тимофѣичъ, не обезсудь, обчество хочетъ, чтобы... то-есть кажинный годъ, въ этотъ самый день, что заработаемъ, все тебѣ. Потому ты намъ... во-какъ уважилъ, пуще отца родного!—и рудокопъ поклонился Карпушкѣ въ ноги, а за нимъ и всѣ.

— Ахъ, чтобъ васъ! зарычалъ Карпушка:—вишь какого купца нашли. Жидъ, что-ли я вамъ дался, чтобъ съ васъ шкуру драть? Ну, нѣтъ ужь, этому не бывать. Нѣтъ, я душу черту не продавалъ. Аспиды вы эдакіе!.. Что надумали. Самъ съ ваше заработаю.

Рудокопы даже опѣшили.

— Стой, Карпушка, чего ругаешься! Слушайте, братцы, вступился инженеръ. За то, что онъ ру-

гается, нѣтъ ему ничего. А все же день этотъ памятенъ вамъ будетъ. Что случилось сегодня, при нашей работѣ, бываетъ не разъ. Не всегда такъ счастливо отдѣлаешься отъ бѣды. Много бы и нынче у васъ вдовъ и сиротъ осталось голодать, еслибъ не Карпушка. А коли порѣшили вы работать въ этотъ день на Карпушку, то будь по-вашему; деньги же эти складывайте въ кассу; кладите, какъ сказали, изъ году въ годъ. Случится съ кѣмъ изъ рудокоповъ бѣда, тогда этими деньгами и можно помочь несчастнымъ. Поняли? А Карпушкѣ на что ваши гроши—самъ заработаетъ.

— Это правильно, это такъ, оживленно отозвались рудокопы.—А все-же спасибо и тебѣ, Александръ Иванычъ. Будемъ вѣкъ и тебя, и Карпа Тимофѣича поминать.

VII.

Лѣто приближалось къ концу. Яблоки, груши—желтыя, румяныя, просто унизали деревья того самаго садика, гдѣ нѣкогда Карпушка съ Сашенькой беззаботно провождали свое веселое дѣтство. Здѣсь ничего почти не измѣнилось, только домикъ какъ-будто сгорбился, постарѣлъ и еще больше слонили его разросшіяся деревья.

На крылечкѣ, подъ тѣнью липы, сидѣла худенькая старушка и раскладывала на столикѣ карты.

— Не время ли самоварчикъ подать, сударыня? проговорила появившаяся на порогѣ другая старуха.

— А что же, Катеринушка, пожалуй, отвѣтила старушка-барыня.—Погляди-ка, прибавила она: третій разъ все гости нечаянные выходятъ. Кому бы это быть? Развѣ Варвара Петровна? Да гдѣ ей собраться? А? Какъ думаешь?

— Може, и Варвара Петровна. А гости будутъ, матушка, безпремѣнно. Я сонъ такой видѣла, быдто...—Катерина не договорила: Орелка, Амурка, Бишка—словомъ, все сабачье населеніе хуторка бросилось за ворота и залилось отчаяннымъ лаемъ. Послышался звонъ колокольчика.

— Ну, вотъ и гости, матушка-барыня.

— Да, да, только кто же это? Ты, на всякій случай, дай мнѣ шаль и чепчикъ.

— Слушаю, матушка, сейчасъ.—Но не успѣла Катерина обрядить свою барыню: видно, очень торопился ямщикъ. На полномъ ходу влетѣла почтовая тройка на дворъ и встала, какъ вкопанная, передъ крыльцомъ. Обѣ старухи такъ и ахнули отъ испуга и неожиданности. Съ телѣги слѣзали Сашенька и Карпушка.

Дня черезъ два, на пѣгой лошадкѣ, оба пріятеля въѣхали въ околицу Гремячки. Грустная картина представилась имъ: на мѣстахъ бывшихъ дворовъ были пустыри, поросшіе крапивой; нѣсколько полуразвалившихся избъ стояли безъ оконъ, дверей и заборовъ. Во всей деревушкѣ оказалось пять жилыхъ домишекъ, да и на тѣ жалко было смотрѣть. Это была не та сытая, зажиточная Гремячка, которой, двадцать пять лѣтъ назадъ, завидовали сосѣди.

На завалинкѣ одной избушки сидѣлъ сѣдой, сгорбленный старикъ.

— Здравствуй, дѣдушка Трифонъ! крикнулъ Карпушка.

— Здравствуй, молодецъ. Кто такой будешь?

— Не призналъ, дѣдко. А помнишь, какъ выгнали солдатку Катерину съ Карпушкой,—ты отвезъ ихъ изъ деревни. Ну, этотъ самый Карпушка я и есть.

— Ну, не призналъ, гдѣ признать. Добро жаловать, Карпѣюшко. Гдѣ побывалъ, родимый?

— Объ этомъ, дѣдушка, послѣ. Теперь же покажи намъ, гдѣ былъ родникъ, перебилъ его инженеръ.

И принялись они съ Карпушкой за работу. Инженеръ осмотрѣлъ засорившійся родникъ, снялъ подробный планъ мѣстности, изучилъ выходы пластовъ въ окрестныхъ оврагахъ, а воротясь домой чуть не всю ночь занимался вычисленіями, которыхъ Карпушка рѣшительно не могъ понять.

На другой день работа продолжалась и, наконецъ, ужъ подъ вечеръ, Сашенька велѣлъ Трифону собрать сходку. Собрались гремячинцы отъ малаго до стараго.

— Здѣсь былъ у васъ родникъ?

— Тутъ, тутъ, батюшка.

— И много воды было?

— Мало-ли воды! Рѣчка текла; пониже деревни у дяди Трифона мельница молола.

— А попрежде, старики сказывали, *пеструха* *) водилась.

— Неужели же и въ самомъ дѣлѣ Карпушка родникъ выпилъ?

— Кто его знаетъ? Только въ ту же ночь пропала вода, какъ онъ въ родникъ попалъ.

— Ну, такъ вотъ что скажу вамъ, братцы. Ни Карпушка, ни вы не причинны въ пропажѣ воды. Да и вода ваша не пропала. А что выгнали вы Карпушку, въ томъ виноваты передъ нимъ. Согласны ли вы, чтобы загладить эту вину, отдать Карпушкѣ вотъ это мѣсто?—и инженеръ показалъ лощинку вокругъ бывшаго родника.

— Да намъ что, батюшка, бери онъ любое мѣсто. Всѣ разбѣжались отсюда, не то, что къ намъ идти. Одно слово—безводье лихое.

— Значитъ—отдаете?

— Отдаемъ, отдаемъ.

— На вѣчныя времена?

— Да мнѣ на что же, Сашенька? спросилъ въ недоумѣніи Карпушка.

— Послѣ узнаешь. А теперь ставьте колья тутъ, тутъ, тутъ. Ну, вотъ, значитъ это Карпушкинъ участокъ.

— Нѣшто̀, нѣшто̀, его будетъ.

— Здѣсь Карпушка выстроитъ мельницу, и ты, Трифонъ, будешь хозяйничать на ней.

— Какъ-же, батюшка, для вѣтрянки-то тутъ не способно въ оврагѣ.

---

*) Пеструхой называютъ *форель*.

— Ладно, увидишь, сказалъ инженеръ.—А вамъ, братцы, Карпушка дастъ за то столько воды, сколько и дѣды, и прадѣды ваши не видали. Пока прощайте.

Покачали гремячинцы головами, когда проводили инженера, и порѣшили, что баринъ-то того, то-есть не въ своемъ умѣ. А скалозубы Трифона на смѣхъ подняли: «смели, говорятъ, дѣдушка, мучки, да смотри,—не подмочи только».

VIII.

Прошла недѣля, прошла другая—нѣтъ ни инженера, ни Карпушки, ни воды. Послышатъ—и съ хутора-то они давно уѣхали.

Только вдругъ, однажды утромъ, смотрятъ гремячинцы—къ нимъ обозы идутъ. На однихъ возахъ бревна, доски, жерновы; на другихъ—камень тесанный, а тамъ еще машины какія-то невиданныя. На переднемъ возу сидитъ Карпушка, а за обозами цѣлая артель рабочихъ. Вся Гремячка вышла навстрѣчу.

— Здравствуйте, земляки, поклонился гремячинцамъ Карпушка.—Пособите съ возовъ сложить.

— Неужели взаправду намъ воду пустишь, Карпуша? промолвилъ Трифонъ.

— Какъ Богъ дастъ, дѣдушка. Вонъ у Сашеньки спроси.

А Сашенька тутъ, какъ тутъ, на своей пѣгашкѣ. И не одинъ: слѣдомъ за нимъ ѣдетъ батюшка съ причетникомъ.

Тѣмъ временемъ съ возовъ сложили. Развернули машины. Карпушка хлопоталъ безъ устали и, наконецъ, пришелъ доложить инженеру, что все готово.

— Ну, батюшка, пойдемъ помолимся; пора и начинать.

Саженяхъ въ пятидесяти отъ бывшаго родника и сажень на девять выше его, на склонѣ холма, Карпушка приготовилъ столикъ для молебствія.

Священникъ отслужилъ молебенъ. Затѣмъ, заложили буровую скважину, вставили буръ и работы начались. Толпа стояла кругомъ, молчаливая, удивленная.

— Такъ и побѣжитъ здѣсь вода, Александръ Ивановичъ? вкрадчиво спросилъ батюшка.

— Не только побѣжитъ, фонтаномъ будетъ бить.

— Конечно, все по наукѣ, промолвилъ со вздохомъ священникъ, распрощался и уѣхалъ, чтобы разсказать сосѣднимъ помѣщикамъ и пріятелямъ о затѣѣ сумасшедшаго инженера.

Вслѣдъ затѣмъ заложили и мельницу. Трифонъ, удивленный не меньше другихъ, обхаживалъ кругомъ жернововъ, щупалъ чугунныя шестерни; техникъ, строившій мельницу, объяснялъ старику подробно каждый механизмъ.

Карпушка командовалъ своимъ дѣломъ. Ему поручено было устроить ложе для будущей рѣчки.

Самъ Сашенька сидѣлъ неотлучно у буровой скважины; записывалъ, по временамъ, что-то въ книгу, смотрѣлъ свои планы и проэкціи. Еслибъ знающій человѣкъ взглянулъ на эти планы, то сказалъ-бы, что Сашенька вложилъ всю свою душу, всѣ свои знанія въ дѣло друга. На основаніи своихъ

изслѣдованій, онъ былъ убѣжденъ, что найдетъ воду въ изобиліи; но этого ему было мало. Сашенька задался мыслью пустить воду такъ, чтобъ она вся шла на дѣло и изъ полумертвой деревушки сдѣлать образцовое поселеніе. Пользуясь крайне счастливыми топографическими условіями мѣстности, онъ составилъ слѣдующій планъ:

Вода артезіанскаго колодца должна падать въ обширный каменный резервуаръ, изъ котораго она потечетъ двумя отводными трубами. Одна изъ трубъ понесетъ воду на мельницу, въ которой, кромѣ мукомольнаго и обдирочнаго поставовъ, будетъ еще приводъ молотильной и вѣяльной машины. Вода изъ-подъ мельничныхъ колесъ, системой канавъ, должна разливаться по плоскому дну долины, гдѣ нѣкогда извивалось ложе ручья; такимъ образомъ, эта загрязненная навозомъ площадь въ нѣсколько десятинъ обратится въ богатѣйшій огородъ.

Вторая отводная труба понесетъ воду по склону, гдѣ расположена Гремячка, позади избъ, и будетъ снабжать какъ жилища, такъ и будущіе садики гремячинцевъ. Вся вода вообще, отработавъ въ предѣлахъ деревни, направлялась каналомъ къ тому мѣсту, гдѣ былъ старый прудъ Трифона. Пониже этого пруда на планѣ значилось какое-то зданіе въ родѣ фабрики или завода, вокругъ него новый поселокъ, съ огородами, садами, орошаемыми изъ Трифонова пруда.

Словомъ, планъ Сашеньки представлялъ что-то фантастическое, и можно было подумать, что инженеръ, дѣйствительно, не въ своемъ умѣ, какъ то разсказывалъ о немъ всѣмъ священникъ.

На осуществленіе этого плана нужно было бы много денегъ, гораздо, гораздо больше, чѣмъ было у Карпушки и Сашеньки вмѣстѣ. Никто лучше самого Сашеньки, конечно, не зналъ этого. И еслибъ заглянуть въ его тетради, то увидали бы, что тамъ есть самые точные разсчеты всѣхъ работъ и ихъ стоимости.

Но Сашенька не унывалъ, и смѣло принялся за работу; не унывалъ и Карпушка, посвященный въ тайну инженера.

Вѣсть о сумасбродномъ предпріятіи облетѣла весь уѣздъ. Въ Гремячку каждый день являлись толпы любопытныхъ: приходили крестьяне изъ окрестныхъ селъ, пріѣзжали кавалькады сосѣднихъ барышень и помѣщиковъ; становой, исправникъ и другое начальство тоже навѣстили Гремячку и отписали кому слѣдуетъ о дѣйствіяхъ подозрительнаго инженера. Самые фантастическіе разсказы разошлись по цѣлой губерніи.

IX.

Работы, между тѣмъ, шли своимъ чередомъ. Мельница была готова. Карпушка вывелъ почти всѣ главныя канавы и училъ крестьянъ, какъ надо выровнять и устроить огороды, чтобы пользоваться водой. Наконецъ, и буровая труба, по разсчету Сашеньки, должна была достигнуть водяного слоя. Буреніе пріостановили, занялись устройствомъ бассейна и укладкой трубъ.

— Карпуша, послѣ завтра открывать трубу и шабашить дѣло.

Въ назначенный день, густая толпа народа стояла стѣной вокругъ бассейна. Около бура работа кипѣла. Вмѣсто сухой земли и камней, въ буровой трубѣ показалась грязь.

— Довольно, стой, скомандовалъ Сашенька; отойди прочь всѣ!—и, повернувъ рукоятку клапана, онъ отбѣжалъ прочь самъ.

Съ глухимъ шумомъ изъ трубы вылетѣлъ, на высоту 3—4 сажень, фонтанъ грязи и обдалъ всѣхъ окружавшихъ. Въ страшномъ испугѣ всѣ бросились прочь.

Черезъ нѣсколько секундъ, столбъ воды упалъ до двухъ аршинъ и на этой высотѣ фонтанъ остановился. Грязная вода замѣнилась чистой, прозрачной, которая наполнила въ минуту бассейнъ и потекла по отводнымъ трубамъ.

Сашенька зачерпнулъ воды ковшомъ, попробовалъ ее, снялъ шапку, поклонился народу.

— Съ новой водой, съ новой жизнью, братцы-гремячинцы! и поцѣловалъ Карпушку.—Пей, братцы, на здоровье. Теперь видите, выпилъ ли воду Карпушка.

Всѣ наперерывъ бросились пробовать воду: она была превосходна.

Сашенька съ Карпушкой, въ сопровожденіи гостей, пошли на мельницу, гдѣ все было уже подготовлено.

— Ну, мельникъ, обратился инженеръ къ Трифону, открывай каузъ *).

*) Каузомъ называютъ трубу, ведущую воду на мельничное колесо.

Старикъ перекрестился и исполнилъ приказаніе. Колеса двинулись плавно, тихо и завертѣлись полнымъ ходомъ. Но, ни стуку, ни шуму, столь обычнаго на обыкновенныхъ мельницахъ. Трифонъ даже ахнулъ.

— Ну, и штука! Во снѣ не чаялъ видѣть. И не стучитъ даже!

Инженеръ пристально слѣдилъ и изучалъ водяную струю.

— Карпуша, — говорилъ онъ, — воды-то больше, чѣмъ я ожидалъ. Запри каузъ. Вели надѣть ремень. Все ли готово въ молотилкѣ? Пускай оба механизма за-разъ.—И молотилка, вмѣстѣ съ мельницей, начали работать, исправнѣйшимъ образомъ.

— Поздравляю, поздравляю,—говорилъ предводитель, слывшій за великаго агронома.—Признаюсь, такого устройства и подобной работы не видалъ. Но, скажите, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, что побудило васъ затратить столько денегъ, столько работы ума—такой блестящей работы—для того, чтобы снабдить водой какія-то четыре-пять семей мужиковъ въ такой глуши, гдѣ ни фабричнаго дѣла, ничего, словомъ, нѣтъ? Воля ваша, для меня, для всѣхъ насъ это непонятно. Согласитесь, что эти чудные механизмы, этотъ восхитительный фонтанъ, наконецъ, эта система орошенія — это все даже не своевременно, преждевременно.

— Погодите, Петръ Петровичъ, все окажется потомъ своевременнымъ, практичнымъ и цѣлесообразнымъ. Согласитесь и вы, наконецъ, что я не совсѣмъ еще спятилъ, какъ то увѣряетъ вся ваша

губернія. Имѣйте терпѣніе и пойдемъ смотрѣть Карпушкины каналы.

Вода изъ-подъ мельничнаго колеса разлилась ровно по системѣ каналовъ и дошла уже почти до Трифонова пруда.

Пустили воду на образцовый огородъ, устроенный Карпушкой. Она живо затопила грядки.

— Тутъ-то добро!—вступились бабы.—Затѣйникъ-же ты, Карпуша. Гляди-ко, и поливать не надо.

Осмотрѣвъ все въ подробностяхъ, вернулись къ фонтану.

— Не убываетъ-ли вода?—спросилъ инженеръ.

— Нѣтъ, Сашенька, фонтанъ поднялся на три вершка. Вторую трубу отперли.

— Готово-ли все, Карпуша?

— Готово, Сашенька.

— Ну, господа, теперь на радостяхъ закусимъ, чѣмъ Богъ послалъ.

Въ баракѣ былъ приготовленъ завтракъ для гостей, а кругомъ Карпушка устроилъ угощенье для рабочихъ и гремячинцевъ.

За завтракомъ предводитель снова присталъ къ инженеру съ вопросами, зачѣмъ и для чего онъ все это устроилъ для четырехъ семей?

— Чудной вы, Петръ Петровичъ, четыре семьи превратятся въ четыреста, а то и больше. Слушайте же теперь, разскажу вамъ все по порядку.

— Болѣе двадцати лѣтъ назадъ, вонъ тамъ, внизу, у мельницы, маленькій мальчикъ любовался тѣмъ, какъ вода клокочетъ на днѣ родника, разноцвѣтные камешки такъ весело скакали, подпрыгивали на днѣ. Ребенку вздумалось достать ихъ и онъ едва не поплатился за это жизнію. Вдругъ, въ ту-же ночь, родникъ изсякаетъ. Суевѣріе приписываетъ это чарамъ ребенка и его выгоняютъ изъ деревни. Нужно ли говорить вамъ, что это былъ Карпушка? Судьба привела его ко мнѣ. Мы сжились и сдружились крѣпче родныхъ братьевъ. Происшествіе съ родникомъ глубоко врѣзалось въ памяти моего пріятеля, а затѣмъ впечатлѣнія его привились и мнѣ. Мы напрасно ломали дѣтскія головы надъ этой загадкой. Вопросъ за вопросомъ вставалъ передъ нами: откуда берется вода въ родникѣ, куда сбѣгаетъ вода рѣками, куда вода уходитъ въ прудахъ, которые мы прудили послѣ дождя? Прошли наши дѣтскіе годы. Вопросы остались не рѣшенными, а насъ самихъ судьба разлучила на два десятка лѣтъ. Я учился теоріи; Карпуша извѣдывалъ практику жизни. И вотъ снова сталкиваетъ насъ судьба, сталкиваетъ на одной общей работѣ, но такъ, что мы даже не знаемъ этого. Во время новодненія въ антрацитовой копи, Карпуша спускаетъ воду, спасая этимъ болѣе полутораста человѣкъ; я, не зная, что онъ тамъ, помогаю ему, останавливая подземный потокъ. Намъ съ Карпушей тотчасъ пришелъ на память изсякшій родникъ — причина нашей первой встрѣчи. Тогда порѣшили мы ѣхать домой и попытаться открыть родникъ. Вотъ видите, открыли. Изслѣдованія, сдѣланныя для этой цѣли, показали мнѣ, что вода здѣсь содержится въ песчаномъ пластѣ, подъ нимъ и надъ нимъ лежатъ слои глины. Вода, стекая

по пласту въ бассейнъ родника, постепенно вымывала песокъ и камешки (тѣ самые, которые увлекли Карпушу) и сносила ихъ въ бассейнъ. На мѣстѣ песчанаго пласта образовалась пустота. Тогда верхній слой глины отъ собственной тяжести осѣлъ и заперъ водяной потокъ. Поэтому я сталъ искать воду выше этой пробки. Можно было, конечно, пустить воду съ незначительными расходами, и вы справедливо удивляетесь, зачѣмъ мы затратили такъ много. Но васъ удивитъ еще больше, если я скажу, что не далѣе, какъ черезъ три-четыре года, мы сторицей получимъ нашу затрату; черезъ нѣсколько лѣтъ, вмѣсто этихъ избушекъ, будетъ городокъ, конечно, не изъ четырехъ семей. Тысячи людей будутъ приходить сюда на работу. *Карпушкинъ родникъ* будетъ питать десятки тысячъ народа. Вотъ взгляните на мой договоръ съ крестьянами. По этому договору мы съ Карпушей даромъ пустили имъ воду и сдѣлали всѣ сооруженія. Мельница принадлежитъ гремячинскому обществу, но доходъ съ нея пойдетъ исключительно на школу, которая будетъ вотъ здѣсь. Взамѣнъ того, мы съ Карпушей пользуемся исключительнымъ правомъ искать въ землѣ гремячинскаго общества, въ теченіи 90 лѣтъ, всѣ руды и минералы и разработывать ихъ въ свою пользу. А что мы найдемъ, или нашли, то увидите послѣ.

X.

Лѣтъ пятнадцать спустя, дѣйствительно, Гремячка была неузнаваема. Вмѣсто развалившихся избенокъ стояли каменные дома, тонувшіе въ зелени

садовъ и огородовъ. *Карпушкинъ родникъ* очутился въ саду, за которымъ возвышался каменный домъ технической школы. Румяныя, толстыя мордочки школьниковъ вовсе не были похожи на худенькія личики ребятъ, бывшихъ при открытіи родника. Около Трифонова пруда раскинулся заводъ, гдѣ выплавляли десятки тысячъ пудовъ превосходной мѣди.

Сбылись пророческія слова Сашеньки, но самого его уже не было. Три года назадъ, тысячи заводскихъ работниковъ съ непритворными слезами проводили въ могилу неутомимаго труженика!

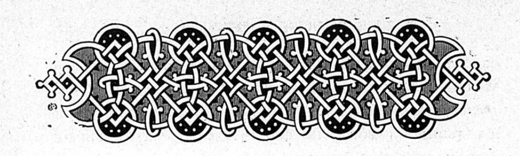
Въ свѣтлой комнаткѣ, бывшемъ кабинетѣ инженера, студентъ училъ мальчика.

Дверь отворилась: вошелъ не старый, но какъ лунь сѣдой владѣлецъ завода, Карпъ Тимофѣевичъ Гудокъ.

Прислушавшись къ отвѣту мальчика, онъ погладилъ его по головѣ.

— Учись, сынокъ, учись! Помни нашего Сашеньку. Все, что видишь кругомъ, все это сдѣлано имъ, его знаніемъ и любовью къ людямъ. Это былъ родникъ живой воды, которую пьютъ теперь, которою живутъ десятки тысячъ рабочаго народа. Учись, дружокъ,—въ одномъ лишь знаньи сила человѣка.

Отъ Халаата до Аму-Дарьи.

(Выдержки изъ дневника, веденнаго въ Хивинскомъ походѣ 1873 года).

Нѣсколько дней, проведенныхъ на Халаата, оставили едва-ли не самое скверное воспоминаніе въ нашемъ отрядѣ за все время хивинскаго похода.

Какъ ни были тяжелы переходы по сыпучимъ пескамъ Кызылъ-кумъ и Джаманъ-кумъ *), какъ ни дурна была горько-соленая вода степныхъ *кудуковъ* **), которой мы утоляли свою жажду въ теченіи почти двухъмѣсячнаго похода, все это было ничто въ сравненіи съ испытаннымъ нами на Халаата.

Представьте себѣ неглубокую котловину, расположенную среди необозримой песчаной равнины, почти лишенной растительности, а въ срединѣ этой

*) Кызылъ-кумъ по-киргизски значитъ *красный песокъ*. Джаманъ-кумъ—*дурной песокъ*.

**) Кудукъ по киргизски—колодезь, копань.

котловины небольшой округленный холмъ, внутри каменистый, снаружи прикрытый толстымъ слоемъ песка. Съ одной стороны холма, у подножія крутого склона, небольшая пещера въ сажень глубины, со дна которой выбѣгаетъ наружу ключъ чистой прѣсной воды. Толстый, старый кустъ *гребенщика* да ива пріютились надъ входомъ въ пещеру и осѣнили ручей, влага котораго бережетъ ихъ убогую одинокую жизнь отъ мертвящаго зноя пустыни. Водоросли покрыли камешки ручья и зелень этихъ немногихъ живыхъ растеній представляетъ глубокій контрастъ съ сѣрожелтымъ колоритомъ безжизненной, убогой страны.

Пробѣжавъ нѣсколько десятковъ сажень, ручей, не смотря на силу струи, исчезаетъ въ пескѣ. Какъ будто и его пугаетъ страшная степь и, не надѣясь одолѣть ее, онъ снова прячетъ свою живительную влагу въ нѣдра земли.

На противуположномъ склонѣ холма незатѣйливые, но оригинальные глиняные памятники прикрывали прахъ нѣсколькихъ правовѣрныхъ, застигнутыхъ врасплохъ смертью на пути въ ужасной пустынѣ. Между этими памятниками была и могила святого, по имени котораго названо урочище Халаата. Казалось-бы Халаата, обильная живой текучей прѣсной водой,—сулила необходимый отдыхъ усталымъ путникамъ. На дѣлѣ вышло иначе, и не рады мы были даже прѣсной водѣ. Апрѣль былъ на исходѣ, жары съ каждымъ днемъ усиливались. Послѣ прохладной ночи, съ восходомъ солнца температура быстро возрастала, а къ полудню песчано-

глинистая почва раскалялась до того, что босой ногой нечего было и думать ступить на нее. Даже привычные степные кони и тѣ отказывались ѣсть ячмень, и стояли, какъ сонные, истомленные удушливымъ, палящимъ жаромъ. Только верблюды, эти уродливые организмы пустыни, повидимому не чувствовали страшнаго жара; какъ тѣни бродили они на нѣсколько верстъ вокругъ лагеря, отыскивая убогія высушенныя зноемъ растенія степи, изъ которыхъ самыми лакомыми эти корабли пустыни находятъ *комачку* или *верблюжью траву*. Но не этотъ жаръ и необычайная сухость воздуха были причиной нашихъ мученій на Халаата. Часовъ въ 10 утра поднимался сильный вѣтеръ, который дулъ затѣмъ все остальное время дня и значительную часть ночи. Этотъ вѣтеръ, сухой и жгучій, самъ по себѣ невыносимый, поднималъ со степи цѣлыя тучи раскаленнаго песку, такія густыя, что среди дня, при безоблачномъ небѣ, солнце казалось въ туманѣ и за три, за четыре версты ничего не было видно кругомъ. Раскаленный песокъ сѣкъ немилосердно лицо и руки, набивался въ глаза, въ уши, всюду, куда можно, и вызывалъ зудъ въ кожѣ и безъ того уже сильно воспаленной сухимъ горячимъ вѣтромъ.

Почти не было возможности выйти изъ кибитки; да и тамъ сидѣть оказывалось не лучше.

Какъ-бы плотно ни укрыта была кошмами кибитка, песокъ проникалъ въ малѣйшія щелочки и садился слоемъ на все, что тамъ было. Песокъ былъ всюду: и въ водѣ, которую приходилось пить, и въ пищѣ, и на столахъ, и на насъ самихъ. Уши и глаза сильно страдали отъ него. Нельзя было открыть рта, чтобы потомъ песокъ не скрипѣлъ на зубахъ. Словомъ, жизнь въ этомъ песчаномъ урaганѣ была сущей каторгой для насъ. Мы не умѣли себѣ объяснить, отчего эти песчаные ураганы не встрѣчались нигдѣ въ другихъ мѣстахъ пройденной нами степи и составляли несчастную особенность Халаата. Какъ ни тяжело было намъ физически терпѣть эту песчаную баню, не менѣе того насъ мучила нравственно полнѣйшая неизвѣстность будущаго пути. До Халаата дорога степями была извѣстна частью по движеніямъ нашихъ обходныхъ отрядовъ въ прежніе годы, частью нашимъ проводникамъ киргизамъ и посланнымъ отъ бухарскаго эмира; о пути же отъ Халаата до Аму-Дарьи не зналъ ровно ничего достовѣрнаго ни одинъ человѣкъ. Сколько верстъ до этой желанной рѣки? Есть-ли вода на пути?—вотъ вопросы, мучительно тревожившіе всѣхъ и каждаго въ отрядѣ въ эти тяжелые дни,—вопросы, на которые не было отвѣта. Одни говорили, что до Аму-Дарьи всего восемь, десять верстъ, по другимъ слухамъ было тутъ около ста верстъ, наконецъ третьи опредѣляли это разстояніе въ сто шестьдесятъ верстъ. Говорили, что на пути есть колодцы Адамъ-Кирылганъ; по другимъ слухамъ, они будто занесены пескомъ и въ нихъ нѣтъ ни капли воды. Кому было вѣрить? Да и самое названіе колодцевъ (о которыхъ упоминаетъ Вамбери въ своемъ путешествіи) Адамъ-Кирылганъ, въ переводѣ *погибель человѣка*, не предвѣщало добраго.

Верблюды отряда были сильно изнурены продолжительнымъ и тяжелымъ путемъ, безкормицей и недостаткомъ пойла,—на каждомъ переходѣ падали они десятками и число ихъ уменьшалось съ каждымъ днемъ. Положеніе наше было такое, что будь переходъ до Аму-Дарьи съ сто шестьдесятъ верстъ и безъ воды,—отряду не дойти-бы до рѣки. Онъ или цѣликомъ легъ-бы весь отъ истощенія и жажды, или, если-бы и дошелъ, то не безъ громадныхъ потерь, обезсиленный, безъ провіанта и боевыхъ средствъ, съ рискомъ погибнуть уже на рѣкѣ отъ голода, такъ какъ до жилыхъ мѣстъ осталось по ней пройти еще добрыхъ двѣ сотни верстъ. Такова была возможная перспектива будущаго. Къ счастью, немногіе ясно сознавали это ужасное положеніе и возможность близкаго мучительнаго разсчета съ жизнью. Да и они еще не унывали, утѣшая себя надеждой на близость рѣки и существованіе колодцевъ съ водой. Дѣятельность кипѣла въ отрядѣ. Вокругъ холма рыли ровъ и насыпали около него валъ, съ цѣлью придать Халаата видъ крѣпости и устроить тутъ складочный пунктъ для части провіанта, который цѣликомъ не было возможности поднять въ дальнѣйшій путь. Верблюды, освобожденные отъ этого провіанта, предназначались для того, чтобъ забрать съ собой побольше воды на дорогу. Наконецъ, крѣпость около холма Халаата, жалкая и смѣшная для европейца, но неприступная для азіата,—была кончена и освящена подъ громкимъ именемъ укрѣпленія св. Георгія. 28-го апрѣля, утромъ, отданъ былъ приказъ готовиться въ походъ, и въ 5 час. вечера того-же дня

выступилъ авангардъ отряда изъ нѣсколькихъ ротъ, трехъ или четырехъ сотенъ казаковъ при четырехъ орудіяхъ. Мы распростились съ товарищами, проводили ихъ и сами пошли готовиться къ выступленію изъ Халаата на слѣдующій день. Мы съ такой радостью собирались покинуть навсегда это проклятое мѣсто, что насъ не смущала даже мысль и будущемъ возможномъ и ужасномъ.

Вѣтеръ какъ будто смиловался на прощаньи и затихъ къ вечеру. Тяжелымъ раскаленнымъ шаромъ закатывалось солнце и обливало краснымъ зловѣщимъ свѣтомъ пустыню. Утомленные возней съ вещами и укладкой, мы напились чаю, поужинали, чѣмъ кто могъ, и перекидываясь то шутками, то предположеніями и соображеніями о томъ, что ждетъ насъ впереди—наконецъ заснули на своихъ незатѣйливыхъ песчаныхъ постеляхъ.

Рано утромъ, 29-го апрѣля, насъ разбудили извѣстіемъ, привезеннымъ казаками изъ авангарда. Извѣстіе это гласило, что авангардъ, пройдя верстъ шестнадцать, въ сумерки встрѣтился съ хивинцами. Дѣло произошло такъ. Колонновожатые, подполковники И. и Т., съ четырьмя казаками и пятью или шестью киргизами-вожаками, двигались по трое впереди отряда и, не предвидя возможности встрѣчи съ непріятелемъ, незамѣтно отдѣлились впередъ версты на полторы. Вдругъ въ сумерки, неожиданно, изъ-за песчаныхъ бугровъ выскочила шайка хивинскихъ всадниковъ, человѣкъ въ полтораста, и съ криками: «уръ, уръ» *), въ одну минуту окружила

*) По-тюркски значитъ, „бей! бей!"

ихъ со всѣхъ сторонъ. Наши не потерялись, быстро спѣшились, по командѣ Н. А. И., и началась перестрѣлка. Хивинцы нѣсколько разъ бросались въ атаку, но, встрѣчаемые пулями казачьихъ винтовокъ и револьверовъ, каждый разъ отступали назадъ, и начали въ свою очередь палить въ нашихъ изъ своихъ «мултуковъ» *). Лошади вырвались изъ рукъ киргизовъ, испуганныя громомъ выстрѣловъ, и нѣкоторыя убѣжали въ степь. Возясь съ лошадьми, одинъ изъ киргизовъ, нашъ лучшій проводникъ, отдѣлился отъ кучки и тотчасъ-же былъ зарубленъ хивинскими клычами **), прежде чѣмъ успѣли его спасти. Какъ ни храбро держались наши, но положеніе семи, восьми человѣкъ среди массы нападающихъ съ каждой минутой становилось отчаяннѣе. Оба офицера, два казака и одинъ киргизъ были уже ранены хивинскими пулями; остальныхъ каждую минуту ожидала та-же участь. Къ счастью, въ двигавшемся отрядѣ замѣтили огоньки выстрѣловъ, и еще не понявъ въ чемъ дѣло, одинъ казачій хорунжій съ восемью казаками понесся впередъ полнымъ карьеромъ. Подскакавъ ближе и убѣдясь въ томъ, что это дѣйствительно нападеніе, казаки прихлеснули коней и съ крикомъ: ура! врѣзались въ толпу хивинскихъ всадниковъ; тѣ, озадаченные внезапностью нападенія казаковъ и не разсмотрѣвъ ихъ ничтожнаго числа, разступились въ стороны, чѣмъ дали казакамъ возможность соединиться съ осажденными. Началась

*) Мултукъ по-тюркски—ружье.
**) Клычъ—кривая азіатская сабля.

усиленная перестрѣлка. Хивинцы сдѣлали еще попытку напасть, но были снова отбиты, и замѣтивъ, что уже отъ отряда бѣгутъ къ мѣсту боя стрѣлки, пустились на утекъ. За ранеными изъ Халаата немедленно была послана кибитка. Вѣсть о стычкѣ облетѣла стрѣлой весь лагерь. Казаковъ замучили распросами. Все ожило, зашевелилось. Да и какъ было не оживиться всѣмъ? Почти два мѣсяца шли по степи, не встрѣчая души человѣческой. О хивинскихъ полчищахъ не было ни слуху, ни духу. И вотъ, наконецъ, являются они на сцену. Починъ полю есть, сказалъ-бы охотникъ. Кампанія началась, слышался военный терминъ въ лагерѣ, и радость сіяла на всѣхъ лицахъ, отъ генерала до солдата. Не жажда крови, боя, смерти виднѣлась въ этой радости, нѣтъ, скорѣе жажда жизни, потому что, если хивинскія войска были такъ близко отъ насъ, то слѣдовательно или въ степи есть вода, или-же близко сама Аму-Дарья. Кто испыталъ хоть разъ жажду, тотъ пойметъ, что значили для насъ эти предположенія. Они сразу разрушили опасеніе ужасовъ нашей гибели въ безлюдной степи, подъ палящими лучами южнаго солнца. Часовъ въ 11 утра привезли раненыхъ: Н. А. И., двоихъ казаковъ и киргиза. Н. А. И. былъ раненъ легко въ ногу и руку. Одинъ казакъ тоже. Но другой казакъ и киргизъ получили очень опасныя раны, отъ которыхъ потомъ первый и умеръ. Нечего и говорить, какое участіе возбудили раненые и какъ сильно ихъ утомили докучливыми распросами о битвѣ. Такъ прошелъ весь день и выступ-

леніе отряда по случаю всего этого было отложено до слѣдующаго дня. Тихая холодная ночь наступила на Халаата, наша послѣдняя ночь въ этомъ притонѣ вѣтра. Весь лагерь заснулъ богатырскимъ сномъ.

Въ 3 часа утра, еще за-темно, 30 апрѣля, заиграли подъемъ. Началась суетня и толкотня по лагерю; все вьючили, привязывали. Отвратительный ревъ нѣсколькихъ тысячъ верблюдовъ огласилъ окрестность. Словомъ, совершилась сцена подъема степного отряда съ ночлега,—сцена знакомая и пріѣвшаяся намъ, но тѣмъ не менѣе крайне оригинальная и пожалуй красивая. Часу въ пятомъ вьючка кончилась, роты и казачьи сотни заняли свои мѣста, верблюжій транспортъ вытянулся, поданъ сигналъ къ походу и только-что разсвѣло—отрядъ тронулся въ путь.

Торная дорога въ нѣсколько параллельныхъ верблюжьихъ тропъ прихотливо изогнутой лентой пролегала по степи между песчаными барханами *), награможденными вѣтромъ въ видѣ невысокихъ валовъ, словно волны въ бурю на морѣ. Какъ гигантская змѣя двигался отрядъ по изгибамъ дороги. Блескъ штыковъ и орудій смѣнялся пестрыми вьюками верблюжьяго каравана, а за ними снова блестѣли штыки, бѣлѣлись рубашки солдатиковъ и пестрѣли вдали казачьи сотни. Красивую картину издали представлялъ отрядъ, растянувшійся по тропѣ верстъ на пять. Между тѣмъ солнце уже

*) Барханъ—песчаный холмъ.

поднялось и начало жечь немилосердно. Жаръ наступалъ быстро, песокъ накалялся. Въ воздухѣ стояла тишина мертвая; на небѣ ни облачка. Часовъ въ 9 достигли мы мѣста побоища. Двѣ убитыя хивинскія лошади валялись у дороги. Уши и хвосты ихъ были обрѣзаны хивинцами. Говорятъ, что эти вещественные знаки представляются правительству для того, чтобы получитъ вознагражденіе изъ казны ханской за убитую въ бою лошадь. Пройдя еще нѣсколько верстъ, часовъ въ 10, было получено приказаніе остановиться на привалъ. Мы расположились у дороги, разсѣдлали лошадей и прилегли въ ожиданіи транспорта. Часа черезъ полтора подошли наши верблюды; наскоро разбили кое-какъ полотно палатки и наши повара принялись за стряпню. Запылали саксаульные *) костры, распуская черный густой дымъ по воздуху, закипѣли чайники и, черезъ четверть часа, отпаривъ высохшія гортани чаемъ на вкусной халаатстой водѣ, подкрѣпившись стряпней изъ разныхъ консервовъ, нельзя сказать чтобы очень вкусныхъ,—мы растянулись на пескѣ и крѣпко вздремнули, несмотря на жгучіе лучи солнца. Часа въ три отрядъ двинулся въ дальнѣйшій путь. До вечера намъ предстояло пройти еще болѣе двадцати верстъ до Адамъ-Карылгана. По извѣстіямъ, полученнымъ еще вчера изъ авангарда, оказалось, что отъ Халаата до Адамъ-Кирылгана сорокъ три версты; авангардъ нашелъ на послѣднемъ неглубокіе ко-

*) Сапедревикъ.

лодцы съ водой и саперы принялись рыть новые. Чѣмъ дальше подвигались мы отъ Халаата, тѣмъ песчанѣе и песчанѣе становилась степь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и растительность становилась богаче. Всюду на песчаныхъ барханахъ виднѣлись кусты *саксаула*, съ длинными, свѣжими темно-зелеными листьями, тонкими нитями, словно иглы нашихъ хвойныхъ деревъ висѣвшими на корявыхъ вѣткахъ; въ перемежку съ саксауломъ росли закругленные кусты *кизилъ-агачъ* *), усѣянные мелкими красивыми розовыми и желтыми цвѣточками. Словно плакучія ивы виднѣлись мѣстами деревца *куянъ-сююка* **) съ узкими свѣтло-зелеными листочками и цѣлыми кистями красивыхъ мелкихъ лиловыхъ цвѣтовъ. *Ичкашеры* и другія степныя ящерицы безпрестанно сновали по песку, пестря его поверхность красивыми узорами слѣдовъ. Тамъ и сямъ подъ корнями кустовъ виднѣлись норы сусликовъ, хомяковъ, тушканчиковъ и другихъ грызуновъ, которыми такъ богаты степные пески. Жуки катали шарики верблюжьяго и лошадинаго навоза, клали въ нихъ свое яичко и зарывали въ песокъ, гдѣ броженіе навозной массы, развивая теплоту, вызывало въ яичкѣ жизнь и развитіе зародыша личинки жука.

Отрядъ, изнуренный длиннымъ переходомъ по сыпучимъ пескамъ, растянулся на нѣсколько верстъ

*) *Кизилъ-агачъ*—значитъ красивое дерево; этимъ именемъ зовутъ киргизы одну группу степныхъ кустарниковъ, неимѣющихъ ничего общаго съ настоящимъ краснымъ деревомъ.

**) *Куянъ-сююкъ*—значитъ заячья пасть. Такъ зовутъ киргизы одно красивое деревцо, изъ семейства губоцвѣтныхъ, за его ломкость.

и медленно подвигался по степи. Стало уже сильно вечерѣть. Налѣво, вдали, среди бархановъ показался невысокій гребень холмовъ, за которыми, какъ говорили, и есть колодцы Адамъ-Кирылганъ. А пески становились все сыпучѣе, песчаные холмы круче и выше. Растительность снова порѣдѣла. Быстро наступали короткія южныя сумерки, а мы все еще шли и шли. Наконецъ, въ совершенной темнотѣ, добралась голова колонны до колодцевъ, гдѣ виднѣлись костры нашего авангарда. Нечего говорить, что у добрыхъ сотоварищей мы, усталые отъ труднаго перехода и изсушенные жаромъ, нашли готовымъ лучшее степное угощеніе — стаканъ чая на прѣсной и вкусной водѣ изъ колодцевъ Адамъ-Кирылганъ. Только на разсвѣтѣ пришелъ на мѣсто верблюжій транспортъ, мы разбили свои юрты и полегли, измученные до-нельзя послѣ цѣлыхъ сутокъ бодрствованія и тяжелаго труда. Проснувшись уже подъ вечеръ 1-го мая, я пошелъ осматривать окрестности лагеря. Пройдя почти тысячу верстъ по степямъ отъ Казалы, я не видалъ однако-же ни въ Кызылъ-кумахъ, ни въ Джаманъ-кумахъ ничего подобнаго той картинѣ, которая открывалась передъ моими глазами теперь. Съ вершины высокаго песчанаго бугра во всѣ стороны виднѣлась сплошная площадь желтовато-бѣлаго сыпучаго песку, совершенно лишеннаго всякихъ слѣдовъ растительности, навороченнаго высокими крутыми буграми въ перемежку съ глубокими котловинами. Высокія волны песчанаго моря рядами уходили въ даль, насколько хваталъ глазъ. Я взгля-

нулъ въ бинокль и онъ мнѣ не помогъ открыть берега этого мертваго, сухаго моря — Адамъ-Кирылганъ. Да! Кличка по шерсти дана. Никакая жизнь невозможна здѣсь, думалъ я. Гибель всему живому, не одному человѣку, сулятъ эти голые сыпучіе пески, переносимые вѣтрами. А между тѣмъ и въ этой пустынѣ, на этомъ мертвомъ морѣ живого подвижнаго песка,—потомъ нашлись признаки жизни. Узкія ленты слѣдовъ тянулись по барханамъ—это бѣгали красивые черные жуки съ бѣлыми полосами на надкрыліяхъ. Припомнились мнѣ халаатинскіе песчаныя бури; здѣсь, на Адамъ-Кирылганѣ, на поверхности подвижнаго песка, эти бури по истинѣ должны быть ужасны. Разсказы африканскихъ путешественниковъ о караванахъ, засыпанныхъ пескомъ въ пустыняхъ Сахары, не казались мнѣ теперь, на Адамъ-Кирылганѣ, черезъ-чуръ преувеличенными. Къ счастью нашему, погода стояла тихая и ясная.

Солнце, закатываясь, обливало степь золотисто-желтымъ свѣтомъ, что обѣщало хорошую погоду. Быстро прошли сумерки и ночь тихая, холодная смѣнила жаркій степной день. Мы разбрелись по кибиткамъ, поужинали и залегли спать. Переходъ отъ Халаата былъ одинъ изъ самыхъ трудныхъ и для людей, и для вьючныхъ животныхъ. Верблюды по дорогѣ падали сотнями. Поэтому на завтра назначена была дневка на Адамъ-Кирылганѣ.

Вотъ почему меня сильно изумилъ бой барабановъ и звуки рожковъ, раздавшіеся въ лагерѣ передъ разсвѣтомъ. Странно, что незнакомый сигналъ

подъема,—нѣтъ. Барабанъ билъ какъ-то тревожно, рѣзко, а рожки наигрывали какой-то веселый, задирающій мотивъ.

— Да, это тревога! проговорилъ проснувшійся товарищъ по кибиткѣ.

И вслѣдъ за его словами дѣйствительно раздались почти разомъ два выстрѣла. Одѣвшись кое-какъ, мы выскочили изъ кибитки и побѣжали въ сторону выстрѣловъ. По окраинѣ лагеря шло тревожное движеніе. Стрѣлки и линейныя роты строились вокругъ въ каре. Въ цѣпи шла перестрѣлка. А дальше, въ полутьмѣ разсвѣта, шаговъ за тысячу отъ насъ, по барханамъ двигались взадъ и впередъ какія-то неясныя фигуры, изрѣдка блестѣлъ тамъ огонекъ, а затѣмъ доносился къ намъ звукъ глухого выстрѣла. Рѣзкій гортанный крикъ по временамъ проносился надъ барханами. Наши стрѣлки время отъ времени посылали туда пули изъ своихъ берданокъ. Ночь была страшно холодная, и зубы стучали у меня какъ въ лихорадкѣ. Все свѣтлѣе и свѣтлѣе становилось вокругъ. Фигуры, сновавшія вдали по барханамъ, стали отчетливѣе обрисовываться на горизонтѣ. Вотъ удалой джигитъ *) на бѣломъ, какъ снѣгъ, конѣ, въ высокой черной шапкѣ птицей носится съ бархана на барханъ. Онъ что-то кричитъ своимъ, очевидно, это начальникъ, ободряющій своихъ нерѣшительныхъ воиновъ и заклинающій ихъ именемъ пророка броситься на невѣрныхъ *кафировъ урусовъ*. Перестрѣлка оживилась съ разсвѣтомъ, но раз-

*) Наѣздникъ.

стояніе до хивинцевъ было не подъ силу даже бердановскому штуцеру. Холодъ прогналъ меня, и придя въ кибитку, съ цѣлью надѣть полушубокъ, я упалъ на постель и въ минуту уснулъ, какъ убитый. Перестрѣлка, какъ я узналъ послѣ, кончилась скоро, и хивинцы, видя неудачу своего нападенія, скрылись.— 2-е мая прошло безъ особыхъ приключеній. Мы отдыхали и собирались съ силами, чтобъ выступить завтра... Куда? этого никто не зналъ. По поводу этого *куда* невольно находило раздумье. Надежда на близость Аму-Дарьи, принесенная намъ на Халаата извѣстіемъ о первой стычкѣ съ хивинцами, послѣ труднаго перехода къ Адамъ-Кирылгану, уступила мѣсто невеселому сомнѣнію. Надежда найти воду на этихъ колодцахъ оправдалась. Но дальше, по всѣмъ извѣстіямъ, вплоть до Аму-Дарьи, не было ни капли воды. Между тѣмъ наши перевозочныя силы уменьшались съ каждымъ часомъ. На переходѣ отъ Халаата до Адамъ-Кирылгана отрядъ потерялъ около тысячи четырехсотъ верблюдовъ, осталось ихъ на лицо не больше трехъ съ половиной тысячъ, по большей части изнуренныхъ голодомъ и и дорогой, съ сбитыми, окровавленными спинами. А если до рѣки сто или больше верстъ? Тогда... увидитъ-ли кто-нибудь изъ этихъ пяти тысячъ человѣкъ желанную Аму-Дарью? Здравый смыслъ отрицалъ возможность такого факта, и передъ нами вставала роковая диллема: быть или не быть?

Въ два часа ночи 3-го мая проиграли сигналъ вьючиться. Бывало вьючка занимала часъ, много два; теперь-же дѣло шло такъ медленно, что отрядъ тронулся едва-едва около семи часовъ. Солнце жгло уже сильно; можно было предвидѣть одинъ изъ тѣхъ тихихъ дней, когда жаръ и пыль становятся рѣшительно невыносимыми. Пройдя версты три, четыре, мы выбрались изъ голыхъ Адамъ-Кирылганскихъ песковъ. Барханы стали и отложе; снова появились кустарники *саксаула*, *гребенщика*, *кизылъ-агачей* и *куянъ-сююка*. Песокъ, цементированный перегноемъ растительности, былъ плотнѣе и нога не вязла уже такъ глубоко. Дорога извивалась между барханами, врѣзываясь глубокимъ русломъ въ рыхлой песчаной поверхности степи. Я ѣхалъ впереди, въ нѣсколькихъ шагахъ за колонно-вожатымъ, съ цѣлью повысмотрѣть степныхъ звѣрковъ и другихъ животныхъ, пока движеніе массы отряда не разогнало ихъ по норкамъ. Солнце жгло немилосердно. Безпрестанно приходилось прикладываться къ флягѣ съ водой, что висѣла на лукѣ сѣдла; при чемъ и въ голову какъ-то не приходило: а ну какъ это послѣдняя капля, за которую скоро можетъ быть придется заплатить дорого, дорого,— цѣною жизни. Былъ уже одиннадцатый часъ утра— скоро слѣдовательно и привалъ. Отъ караванной дороги, по которой мы двигались, вправо отдѣлилась узкая, едва замѣтная верблюжья тропка. Одинъ изъ киргизовъ, поровнявшись со мной, остановился и, указывая на тропу, забормоталъ по своему. «Алты-Кудукъ якынъ, биръ тамъ субаръ, конъ су» *). Убѣжденный, что нѣтъ воды нигдѣ кру-

*) „Шесть колодцевъ близко, верстъ восемь, вода есть, много воды".

гомъ, я не повѣрилъ сыну степей и не обратилъ вниманія на его заявленіе, что сдѣлали и другіе, къ которымъ онъ обратился съ тѣмъ-же. Между тѣмъ извѣстіе было вполнѣ вѣрно, и эти колодцы, какъ увидимъ ниже, спасли намъ жизнь. Пройдя еще верстъ пять, мы услыхали приказаніе остановиться на привалъ. Я привязалъ лошадь и сѣлъ подъ кустъ въ ожиданіи своихъ товарищей. Вскорѣ подъѣхали они, сообща подыскали мы удобное мѣстечко для привала нашей компаніи, разсѣдлали лошадей и разсѣлись на пескѣ, поджидая верблюжій обозъ съ съѣстными запасами и дорогой влагой. Долгонько-таки пришлось намъ ждать. Не раньше какъ въ часъ показалась голова верблюжьей колонны; въ третьемъ часу подошли наконецъ и наши верблюды, которые, надо замѣтить, были далеко не изъ послѣднихъ. Мы успѣли разбить палатку, вскипятить воду и напиться чаю, успѣли приготовить обѣдъ и поѣли, а верблюжій обозъ все еще тянулся мимо насъ по дорогѣ. Усталые верблюды еле двигались, безпрестанно ложились и орали благимъ матомъ, когда киргизы и солдатики истощали всѣ средства, чтобы поднять несчастныхъ животныхъ и заставить ихъ двигаться дальше. Только часовъ въ семь вечера прошли мимо насъ послѣдніе верблюды транспорта и аріергардныя роты, утомленныя до-нельзя, расположились не вдалекѣ на привалъ. Очевидно, дальнѣйшее движеніе въ этотъ день было уже невозможно. Между тѣмъ запасы воды, взятые съ Адамъ-Кирылгана, сильно умень-

шились. Многіе *турсуки* *) повытекли, въ боченкахъ вода порядочно поусохла; на питье израсходовано ея, какъ оказалось, больше, чѣмъ предполагали. Такъ что наличнаго запаса хватило-бы не болѣе какъ на сутки, вмѣсто разсчитаннаго на четверо сутокъ. Положеніе дѣлъ было критическое. Сухая бѣда наступала со всѣми ея ужасами. Тогда, наконецъ, обратили вниманіе на настойчивыя заявленія киргиза Туздубая (о которомъ я говорилъ выше), что недалеко должны быть колодцы *Алты-Кудукъ*. Съ джигитами и казаками отправленъ одинъ офицеръ отыскивать эти колодцы. Уѣхавъ въ сумерки, развѣдочная партія долго блуждала по степи, наконецъ уже поздно ночью колодцы были найдены, и около часа ночи съ вѣстью объ этомъ развѣдчики возвратились въ лагерь. Немедленно поданъ былъ сигналъ къ выючкѣ и выступленію отряда на эти колодцы. Но, увы, вьючить многое было не на что, такая масса верблюдовъ погибла на переходѣ съ Адамъ-Кирылгана. Пришлось закопать въ песокъ даже нѣкоторую часть боевыхъ снарядовъ. Большая часть офицеровъ начали жечь свои вещи, не имѣя возможности везти ихъ съ собой, оставляя лишь самое необходимое. Иные жгли даже платье, бѣлье, сапоги, оставаясь съ тѣмъ, что надѣто на себѣ. Запылали палатки, кровати, книги и другія вещи; зловѣщая иллюминація освѣтила выступающій отрядъ; пронзительный ревъ и стонъ верблюдовъ, крики погонщиковъ киргизовъ и солдатиковъ,

*) Мѣшки изъ телячьей или бараньей шкуры, въ которыхъ на югѣ носятъ воду.

въ которыхъ слышалась невольная злость и отчаяніе, дополняли грустную и тяжелую картину. До колодцевъ было всего восемь верстъ по песчаной холмистой дорогѣ. Чтобы пройти эти восемь верстъ, отряду потребовалось девять или десять часовъ времени. Артиллерійскія лошади едва тащили легкія полевыя орудія, колеса которыхъ глубоко вязли въ пескѣ. При подъемахъ на бугры приходилось безпрестанно прибѣгать къ помощи людей. Верблюды ложились и падали на каждомъ шагу, оглашая воздухъ ужаснымъ отчаяннымъ ревомъ, раздражавшимъ и безъ того возбужденные нервы. Наконецъ, перебравшись черезъ крутые бугры, спустились мы въ довольно глубокую глинистую котловину, гдѣ были колодцы. Вопреки названію *Алты-Кудукъ* (шесть колодцевъ), ихъ было меньше, а вода нашлась только въ трехъ—и то дрянная, затхлая и горьковато-соленая. Глубина колодцевъ была отъ двѣнадцати до шестнадцати сажень. Мы рады были и тому, что есть хоть какая-нибудь вода. Но къ вечеру не замедлило явиться и разочарованіе: оказалось, что воды мало, и не только нечего было думать запастись ею на дальнѣйшій путь, ея не хватало даже на удовлетвореніе жажды людей отряда. Лошадямъ и верблюдамъ окончательно нельзя было дать ни капли. У колодцевъ шла суматоха и давка. Бѣдные солдатики, изнывая отъ жажды, со всѣхъ сторонъ протягивали къ выкачивавшимъ воду свои манерки и фляги, прося Христа ради хоть капельку воды, смочить сухую глотку. Одинъ киргизъ верблюдовожатый безъ чувствъ повалился на землю у

колодца, обезсилѣвъ отъ жажды, и едва-едва удалось его отпоить и привести въ чувство. Дѣло принимало скверный и опасный оборотъ. Тогда рѣшили немедленно отправить всю кавалерію, всѣхъ офицерскихъ лошадей, часть артиллерійскихъ, всѣхъ верблюдовъ отряда подъ прикрытіемъ двухъ ротъ пѣхоты, обратно на Адамъ-Кирылганъ, съ цѣлью напоить тамъ животныхъ, дать имъ отдохнуть и собраться съ силами. А потомъ, взявъ запасы воды съ Адамъ-Кирылгана, привести ихъ снова на Алты-Кудукъ, и уже тогда отряду двинуться немедленно на Аму-Дарью. Благодаря этому разумному распоряженію, исполненному утромъ 4-го мая, недостатокъ въ водѣ на Алты-Кудукѣ миновался и сухая бѣда на этотъ разъ устранена. Мѣстность, гдѣ мы стояли теперь, представляла тотъ-же однообразный видъ песчаныхъ баргановъ, тянувшихся рядами, какъ волны, въ необозримую даль. Рѣдкіе кустарники покрывали эти пески. День прошелъ такъ-же однообразно, какъ и предыдущія наши стоянки. За черту лагеря нельзя было выходить, и я бродилъ лишь по ближайшимъ барханамъ, гдѣ нашелъ много большихъ чернобурыхъ фалангъ (*бію* по-киргизски), нѣсколько рѣдкихъ ящерицъ, насѣкомыхъ—и только. Чтобъ разогнать скуку и тяжелое нервное состояніе, вызванное въ людяхъ всѣмъ испытаннымъ нами, вечеромъ велѣно было играть оркестру музыки 3-го стрѣлковаго баталіона. Странное впечатлѣніе производили на нервы аріи и пьесы изъ разныхъ оперъ. Какъ-то тяжело, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отрадно, въ одно и то-же время, было

слушать чудные музыкальные звуки, раздававшіеся среди мертвой песчаной степи, выжженой и безмолвной, облитой желтымъ свѣтомъ заходящаго солнца. У колодцевъ раздавалась другая музыка: отдохнувшіе солдатики, забывая всю тяжесть похода, всѣ лишенія его и прошлую усталось, забывъ, что и впереди завтра, послѣ завтра ждетъ то-же, а можетъ быть и хуже,—хоромъ пѣли наши пѣсни. Такъ однообразно прошло и 5-е мая.—6-го утромъ послали нѣсколько офицеровъ съ казаками осмотрѣть дорогу впередъ на нѣсколько верстъ. Кромѣ того, одинъ киргизъ вызвался съѣздить въ одиночку и осмотрѣть путь до самой рѣки. Развѣдочная партія наткнулась на небольшую конную шайку хивинцевъ. Казаки и офицеры бросились на нихъ, одного хивинца зарубили; но живьемъ захватить, *добыть языкъ*, какъ говорится, не удалосв.—7-го мая изъ отряда, отправленнаго на Адамъ-Кирылганъ, получено донесеніе, что шестаго утромъ, на зарѣ, хивинцы сдѣлали нападеніе на отрядъ, расположенный на колодцахъ, но были отражены нашей пѣхотой съ большой потерей; при этомъ изъ ихъ шайки перебѣжалъ къ намъ одинъ персіянинъ рабъ. Отъ него узнали, что начальникъ шайки былъ *Садыкъ* (извѣстный агитаторъ и наѣздникъ, игравшій видную роль во время послѣдняго киргизскаго бунта, а потомъ убѣжавшій въ Хиву) и еще какой-то хивинскій *тюря* (господинъ или сановникъ). Въ шайкѣ было около 300 киргизовъ и хивинцевъ и столько-же туркменъ. Этотъ-же персіянинъ сообщилъ первыя достовѣрныя свѣдѣнія о разстояніи

до Аму-Дарьи, которое, по его словамъ, было около 60 верстъ отъ Адамъ-Кирылгана.

Въ тотъ-же день вечеромъ воротился и нашъ киргизъ съ Аму-Дарьи, привезшій вѣтку свѣжаго камыша въ удостовѣреніе того, что онъ былъ на рѣкѣ. Эта вѣтка была намъ такъ-же дорога, какъ Ною масличная вѣтвь, принесенная голубемъ, только не суша намъ нужна была, а вода, вода и вода;—камышъ въ данномъ случаѣ былъ символомъ ея. Нечего говорить, что молодецъ киргизъ былъ щедро награжденъ. По его словамъ, до Аму-Дарьи отъ Алты-Кудука было отъ тридцати до сорока верстъ. На самой рѣкѣ, отдѣленной отъ степи невысокимъ кряжомъ холмовъ Учь-Чучакъ, онъ не былъ, потому что тамъ на этихъ выемкахъ расположилось хивинское войско въ значительныхъ силахъ; но онъ проникъ лѣвѣе къ озеру Сардаба-Нуло, составляющему заливъ Аму-Дарьи, гдѣ напился самъ, напоилъ лошадь и сорвалъ вѣтку камыша. Всѣ какъ будто ожили, повеселѣли. Исчезла всякая мысль о возможности гибели въ степи. На Адамъ-Кирылганъ послано было приказаніе набратъ воды и приходить съ верблюдами на Алты-Кудукъ. Кавалерія оставлена тамъ и должна была въ одинъ переходъ пройти все пространство до Аму-Дарьи, разсчитавъ свое движеніе такъ, чтобы подоспѣть къ отряду, когда онъ станетъ приближаться къ рѣкѣ.

Когда пришли верблюды, оказалось, что и еще надо бросить нѣкоторую часть тяжестей на Алты-Кудукѣ. Поэтому, здѣсь оставлена была часть боевыхъ снарядовъ, артиллеріи и провіанта подъ при-

крытіемъ двухъ или трехъ ротъ стрѣлковъ. Остальные двинулись въ путь въ 4 часа вечера, 9-го мая. Мѣстность сохраняла все тотъ-же слишкомъ знакомый намъ характеръ бугристыхъ песковъ. Въ этотъ день мы прошли всего верстъ десять, на протяженіи которыхъ легло подъ вьюками до 150 верблюдовъ, и остановились на ночлегъ. Брошенные вьюки велѣно было сжигать, что-бы въ нихъ ни было. По дорогѣ валялись разныя вещи, мѣшки съ ячменемъ и сухарями. Чтобы дать людямъ отдыхъ, тревогу велѣло было бить въ крайности, въ случаѣ дѣйствительнаго и горячаго нападенія. Ночью небольшая шайка подобралась было къ лагерю, но три-четыре выстрѣла, сдѣланные въ цѣпи, прогнали ее и ночь прошла покойно.

Рано утромъ отрядъ двинулся въ дальнѣйшій путь, на которомъ пришлось побросать немало тяжестей. Часовъ въ десять остановились на привалъ, и отдохнувъ часовъ до двухъ, отрядъ пошелъ дальше. Отойдя версты три-четыре отъ привала, замѣтили на горизонтѣ кучку всадниковъ. По мѣрѣ того, какъ мы шли впередъ, эта кучка росла въ числѣ и появились кое-гдѣ по сторонамъ другія группы конныхъ хивинцевъ. Наконецъ, поднявшись и перейдя нѣсколько высокихъ бархановъ, мы замѣтили вдали на гаризонтѣ верстахъ въ восьми три высокихъ холма,—это и были желанные холмы *Учь-Чучакъ*, расположенные на берегу Аму-Дарьи. Общая радость распространилась въ усталомъ отрядѣ. Между тѣмъ толпы хивинскихъ всадниковъ заняли весь горизонтъ передъ нами, держась,

однако, внѣ выстрѣла, версты на двѣ отъ нашего авангарда, и постоянно отступая передъ нимъ. Часовъ въ шесть приказано было остановиться на ночлегъ. Помимо того, что и мы-то себя чувствовали лучше, избавившись отъ опасности погибнуть въ степи отъ жажды, вечеръ былъ изъ ряда вонъ хорошъ. Въ воздухѣ чувствовалась влага, которой такъ долго недоставало нашимъ легкимъ, степь была гуще покрыта растительностью, придававшей мѣстности зеленоватый колоритъ, отъ котораго давно отвыкъ нашъ глазъ; вечеръ былъ тихій, ясный, не было того ощущенія сухого зноя, который отягощалъ и разслаблялъ организмъ. Хивинскіе всадники толпами и кучками сновали впереди по барханамъ. Самые храбрые джигиты подскакивали къ намъ на версту, кричали что-то, и выстрѣливъ, быстро ускакивали назадъ. Наши стрѣлки выдвинулись на полверсты впередъ и залегли за кустами и подъ барханами, кучками по три и по пяти человѣкъ, съ цѣлью поддѣть ловкимъ выстрѣломъ хивинскаго смѣльчака, неосторожно рискнувшаго приблизиться къ лагерю. Это выходило нѣчто въ родѣ охоты. Но всѣ попытки стрѣлковъ, повидимому, были напрасны, и хивинцы, замѣтивъ ихъ, стали осторожнѣе. Передъ закатомъ солнца грянула зоревая пушка, въ первый разъ въ теченіе всего похода.

Громъ ея выстрѣла, какъ оказалось послѣ, произвелъ сильное впечатлѣніе на хивинскую храбрость. Рожки заиграли зорю; раздалось пѣніе вечерней молитвы. Въ это время въ сторонѣ хивинскихъ

полчищъ раздался тоже глухой выстрѣлъ, какъ кажется пушечный, но очень слабый. Солнце сѣло, стало смеркаться и хивинцы потѣшили насъ прелестной иллюминаціей. По всей линіи горизонта верстъ на пять въ длину зажгли они рядъ костровъ, видимо желая напугать насъ своею многочисленностью. Выстрѣлы въ цѣпи продолжали раздаваться тамъ и сямъ. Изрѣдка надъ нашими головами жужжали на полетѣ безвредныя уже хивинскія пули. Намъ было не до нихъ; мы весело ужинали и допивали послѣдніе запасы воды въ видѣ горячаго, солоноватаго чая. Ночь и общая усталость скоро угомонили лагерь. Подъ-утро кучка хивинцевъ наткнулась на нашъ секретъ и стрѣлки ссадили одного всадника. Убитый оказался *юзъ-баши* (сотникъ). На немъ былъ темно-красный бумажный халатъ, черная конусообразная баранья шапка, кривая хивинская сабля и двухствольное плохое тульское ружье. Въ карманѣ у него нашли подзорную трубку.

Рано утромъ, 11 мая, поднялись мы съ ночлега и въ боевомъ порядкѣ, скучивъ верблюжій транспортъ въ серединѣ, двинулись къ Аму-Дарьѣ. Въ авангардной цѣпи и на правомъ флангѣ стрѣлки открыли пальбу по хивинскимъ всадникамъ, скакавшимъ въ безпорядкѣ впереди и сбоку отряда по барханамъ. Нѣсколько разъ храбрые рыцари собирались въ густыя толпы, кричали: «уръ, уръ», какъ будто собирались сдѣлать нападеніе, но сухой отрывистый звукъ выстрѣловъ *берданокъ* и визгъ ихъ пуль скоро охлаждали воинственный пылъ нашихъ противниковъ. Видя неудачу въ авангардѣ, они объѣхали отрядъ справа и хотѣли напасть на аріергардъ, воображая, что дѣло пойдетъ тамъ удачнѣе. Но въ аріергардѣ ихъ встрѣтили линейцы и, кромѣ того, угостили еще картечными гранатами изъ горныхъ орудій. Это окончательно смутило хивинцевъ, и они поспѣшно направились на утекъ, къ Аму-Дарьѣ.

Наконецъ, насталъ желанный мигъ, мы выбрались изъ бархановъ; впереди лежала ровная глинистая впадина шириной версты въ три, налѣво въ ней синѣло, въ зеленой рамкѣ камышей, озеро Сардаба-Куль; прямо передъ нами, невдалекѣ отъ озера, стояло полуразвалившееся каменное зданіе—*рабатъ* или караванъ-сарай, построенный давно, по приказанію одного благочестиваго бухарскаго эмира Абдулла-Хана, для богомольцевъ, путниковъ и каравановъ.

За лощиной поднимался ровный, отлогій склонъ холмовъ Учь-Чучака. Аму-Дарьи не было видно за нимъ. По всему склону разсыпано было хивинское воинство. Тутъ была и пѣхота, которая до того не показывалась намъ еще на глаза, да и теперь она, очевидно, не имѣла претензіи вступить въ бой, а скорехонько убиралась вверхъ по склону и исчезла въ безпорядкѣ за переваломъ. Около рабата, по лощинѣ, сновали толпы всадниковъ. Многіе изъ нихъ подскакивали къ озеру, поили лошадей и быстро уносились къ рабату. Авангардъ отряда остановился съ цѣлью дать подтянуться транспорту и арьергарду. Стрѣлки, выдвинувшись цѣпью впередъ, открыли огонь изъ берданокъ. Всадники, заслышавъ непріятный визгъ пуль, убрались отъ

рабата и остановились густой кучей на склонѣ Учь-Чучака. Наши выдвинули два орудія впередъ, зарядили картечными гранатами и пустили ихъ одну за другой въ толпу. Дѣйствіе гранатъ было эффектно въ высшей степени. Первая граната лопнула у самой толпы. Всадники бросились во всѣ стороны, потомъ нѣкоторые вернулись, что-то подняли, и вся толпа вскачь двинулась вверхъ по склону. Вторая граната, лопнувшая сзади ихъ, только прибавила имъ прыти. Не прошло какихъ-нибудь 10 минутъ и уже ни одного живого существа не было на горизонтѣ. Отрядъ двинулся прямо къ озеру. Трудно было рѣшить, кто съ большимъ удовольствіемъ пилъ—люди, лошади или верблюды. На предыдущемъ ночлегѣ догнала насъ кавалерія (казачьи сотни), сдѣлавъ безъ отдыха больше 60 верстъ по пескамъ; въ то время какъ мы отпивались на озерѣ, эти сотни, не успѣвъ даже напоить лошадей, были посланы преслѣдовать бѣгущихъ хивинцевъ, и на рысяхъ сдѣлали еще верстъ двадцать.

Напоивъ лошадей, мы поѣхали вслѣдъ за кавалеріей вверхъ по склону Учь-Чучака. Когда взобрались на гребень, передъ нами открылась чудная картина великой рѣки пустыни — Аму-Дарьи. Ширина ея была отъ 300 до 400 саженъ, теченіе довольно быстро, а вода мутна и желто-бураго цвѣта. Богатая зеленая растительность обрамляла ея берега и вмѣстѣ съ широкой лентой воды представляла рѣзкій контрастъ съ окружавшей пустыней, желтой, сожженой солнцемъ, съ рѣдкими кустиками бѣдной степной растительности. Проѣхавъ версты три, мы

спустились по противоположному склону холмовъ на *шугай* (заливной лугъ), лежавшій на правомъ берегу рѣки. Здѣсь, у самой рѣки, расположенъ былъ обширный лагерь, который только что оставили хивинскія войска. Повидимому, они не на одинъ день останавливались здѣсь и давно уже ждали насъ. Весь *шугай* былъ покрытъ шалашами, сплетенными изъ вѣтвей рѣчныхъ кустарниковъ, прикрытыми камышевыми циновками (*чіи*, по мѣстному названію). Около шалашей разбросаны были остатки одежды, туфли, валялись головки лука, зерна *джугары* (сорго, которымъ кормятъ лошадей) и риса. Около одного шалаша нашли мы головку и крылья фазана. Посидѣвъ въ лагерѣ, мы двинулись дальше къ тому мѣсту, гдѣ казаки настигли переправлявшихся на лѣвый берегъ хивинцевъ. Тѣ уже успѣли ускользнуть и лодки ихъ ушли внизъ по рѣкѣ. Только одинъ *каюкъ* (лодка), съ людьми и скотомъ, застрялъ по срединѣ рѣки на мели. Выстрѣлы, сдѣланные по немъ, не попали въ цѣль, такъ какъ разстояніе было болѣе 1000 шаговъ. Тогда вызвали охотниковъ добраться вплавь до *каюка*. Подувшій передъ тѣмъ вѣтеръ поднялъ сильную волну на рѣкѣ и предпріятіе было тѣмъ опаснѣе, что плыть приходилось противъ вѣтра и волнъ. Однакоже изъ уральцевъ казаковъ выискалось 14 охотниковъ, къ которымъ присоединился прапорщикъ Каменецкій (послѣ зарубленный въ бою съ туркменами-іомудами 15 іюля). Удальцы поднялись берегомъ вверхъ по рѣкѣ версты на двѣ: разсѣдлали лошадей, раздѣлись сами и бросились вплавь, держась правой ру-

кой за шеи лошадей. У четверыхъ усталыя лошади не въ силахъ были плыть и они вернулись, остальные бодро плыли впередъ, то окунаясь съ лошадью въ воду совсѣмъ, то снова показываясь надъ волнами. Наконецъ чей-то сѣрый конь, все время плывшій впереди, вынесъ съ собой казака на отмель. За нимъ по одиночкѣ выбрались туда остальные, и, отдохнувъ, пошли по отмели къ *каюку*. Замѣтивъ ихъ, хивинцы бросились вонъ изъ каюка и вплавь пустились на утекъ, на противоположный берегъ. Двое вытащили изъ *каюка* корову и ухватившись, одинъ за рога, другой за хвостъ, стали переправляться, при помощи этого живого поплавка, вслѣдъ за товарищами. Уральцы стащили *каюкъ* съ мели и пригнали его къ нашему берегу. Это была первая военная добыча нашего отряда. Въ *каюкѣ* оказалось нѣсколько халатовъ, въ которые еще на рѣкѣ одѣлись озябшіе казаки, двухствольное ружье, раненая лошадь, корова и съ десятокъ овецъ. Въ награду за свой подвигъ, казаки получили сто руб. Послѣ того, мы воротились въ бывшій хивинскій лагерь и расположились тамъ на ночлегъ и дневку. Послѣ двухъ мѣсячныхъ странствованій по сухимъ раскаленнымъ песчанымъ степямъ, мы добрались, наконецъ, до Аму-Дарьи. Кончились самые трудные дни Туркестанскаго отряда, грозившіе не разъ намъ всѣмъ тяжелой, мучительной смертью отъ жажды. Прошла наша сухая бѣда—и теперь, на берегахъ Аму-Дарьи, не страшило насъ будущее.

КОНЕЦЪ.

Оглавленіе.
